

Прощай, Лоэнгрин!

Алекс Фаррот — главный свидетель по делу о крупнейшем наркотрафике в Европе. Главный обвиняемый — Вигго Отерней скрывается, а его адвокаты и могущественные покровители затягивают судебное разбирательство. Являясь участником программы защиты свидетелей, Алекс меняет имена, работу, чтобы не стать жертвой неуловимого убийцы, которого никто и никогда не видел в лицо. Его зовут Финис. Последним пристанищем для Алекса становится невероятный по красоте замок в Германии. Скитания и страх изматывают. Новые знакомые это возможные друзья или киллер, которым может оказаться абсолютно любой человек?

1 глава

Это был странный день, но учитывая тот факт, что последние два года моей жизни, вообще, не укладываются в рамки нормы, я, сцепив зубы, отрешившись от паники и страха.

Меня зовут Лора Диони. Точнее, это мое будущее имя, к которому только предстоит привыкнуть, а прежнее имя — Сельма Уидон.

В данный момент я намертво вцепилась руками в грязную лестницу городской канализации на окраине Лондона и слышу, как внизу плещутся нечистоты, а из многочисленных труб вливаются новые порции человеческого дерьма, рвоты, помоев и химикатов. Как никак, кафе, где я работаю посудомойщицей совсем рядом. Не зря, я спешила именно сюда, помня, что люк в проулке за нашей забегаловкой легко поднять, потому что он пластиковый. Но тут возникнет закономерный вопрос: от кого, миленькой, рыжеволосой официантке с несколькими килограммами лишнего веса, прятаться в столь отвратительном месте? Неужели нельзя вскочить на первый проезжающим мимо автобус и умчаться в рейсовую даль?

Не мой случай.

И все из-за того, что условия программы защиты свидетелей, непосредственным участником, которой я являюсь, диктуют весьма жесткие условия выживания.

Да, да... Не жизни, а выживания.

В следующий раз надо попросить, чтобы мне выдали имя вроде Подозрительности, или Мнительности, коими воплощениями я являюсь. Разумеется, не в открытую, а на каком-нибудь хинди или арабском, но и тут прокол. Просить некого!

Единственный человек, который меня курирует в рамках этой программы, связывается со мной посредством билетов на самолет, автобус или поезд, которые я получаю через посыльного. Обычно, к этим билетам прилагаются новые документы и обозначается место, где я буду работать. Столь очаровательный способ путешествий, по началу меня даже привлекал, но...

«Ох, и вонь!»

В тридцать два года хочется какой-то уверенности и стабильности. Нормальной жизни. Я люблю красивую одежду, обувь и вечный женский ритуал макияжа. Ранимая, хрупкая и хочу ласки и заботы. Тогда почему ни разу не заткнула нос, вдыхая отравляющие и тошнотворные миазмы лондонской канализации, ни разу не закрыла глаза, от дурноты, подкатывающей к горлу?

Одно другому не мешает!

То, что я сейчас нахожусь в столь отвратительном месте, есть результат осознанного

выбора.

Теперь, опасность ощущалась нутром, потому что инстинкты были отточены, а интуиция никогда не подводила. Сегодня ночью, я закончила работу, как обычно далеко за полночь. Забегаловка, которую держали турки английского происхождения, была одной из сотни таких же непримечательных и обладала своим набором завсегдатаев. Здесь редко можно было застать публику с европейской внешностью, а потому двое мужчин, довольно рослых и накаченных не могли не насторожить меня, тем более, что выпили они всего ничего, а вели себя так, будто закладывали за воротник вторые сутки подряд.

Один из них, бросал на меня взгляды весь вечер, стоило только выглянуть в окошко, чтобы забрать новую порцию грязной посуды, а я могу отличить совпадения от интереса иного рода. Подавать вида, в таких случаях нельзя, но мое сердце бешено заколотилось, а движения приходилось сдерживать, потому что мышцы, под действием адреналина, буквально, дергались от напряжения.

А все потому, что пару лет назад прогремело громкое дело с контрабандой наркотиков, которую по чистой случайности повезло обнаружить Алекс Фаррот.

Фаррот — успешный владелец небольшого бизнеса. Торговля мрамором и ценными породами дерева, которые доставлялись из Бразилии, Аргентины и Перу. Сотрудничество с крупнейшей компании Туманного Альбиона, которую возглавлял Виго Отерней владела почти третью строительных объектов Британии, приносило немалую прибыль. И вполне можно было закрыть рот и благополучно считать фунты стерлингов, которые открывали, практически, все двери, но нет!

Имя Алекс Фаррот скрывалось следствием и редко где проскальзывало. Для копов оно было заменено на Нежилец, когда Отерней благополучно скрылся в одной из стран, где не было экстрадиции и для Виго, самое ненавистное ему имя было заменено на Мразь.

Для меня оно было более чем родным, но по понятным причинам и я начинала почти ненавидеть это имя.

Я не неудачница! Несмотря на то, что я росла в неполной семье — папа сделал ручкой, еще до моего рождения — мама вырастила меня, как принцессу. У нее была неплохая работа, мы жили в своем доме в Майами и не бедствовали. Да, какой там! В школе я всегда тусовалась со «звездами», и сама была весьма популярна. Все закончилось титулом королевы бала на выпускном, на который я заявила в роскошном платье.

Мама позволяла пользоваться мне косметикой и более того, учила правильно ею пользоваться, втюхивая мне в мозги нехитрую мысль, что я не должна бегать от отношений с противоположным полом, но в то же время знать себе цену.

Несмотря на сомнительные моральные принципы папочки, Мама всегда отзывалась о нем с любовью и теплом, а потому я выросла без мужененавистничества и вполне могла удачно выскочить замуж, но престижный колледж, в который я поступила, только благодаря свои мозгам, всколыхнул во мне тщеславие. На этой волне я изучила экономические науки и решила попробовать наладить собственное дело.

Принцесса метила в королевы!

Но королевы не прячутся в канализации, не изучают боевые искусства и не оттачивают приемы самообороны, не «простаивают» без нормального секса почти год и не заедают осознание всех этих фактов пирожными в десять часов вечера.

И все же, я не неудачница!

В противно случае, уже давно почил с миром, без мало мальски скромного некролога,

ведь меня по факту не существует. Если я и умру, то под чужим именем.

Виго Отерней обладал чудовищной властью, сунув пальцы по все пироги и заручившись поддержкой власть придержащих. Судебное слушание его адвокаты затягивали с такой легкостью, что показания от главного свидетеля — Алекс Фаррот, могли и вовсе кануть в лету.

Этого человека искали частные детективы, головорезы, даже продажные полицейские.

Мне пришлось отрастить уши на затылке, забыть про нормальный сон, заменив его на чуткий, отказаться от друзей и семье, даже от возможности принять ванну, потому что в проклятой Европе все были помешаны на экономии ресурсов.

Экономия здесь, доходит до абсурда и парень с девушкой сходятся только при условии, что расходы на проживание и питание будут разделены пополам. Никого геройства, самопожертвования... Мужчины раньше были сильнее, только потому что им было кого защищать. Женщинам в свое время надоел их деспотизм и ханжество, пришлось учиться жить самостоятельно, добиваться всего своими руками или другими частями тела... Хотя здесь, давно идет равенство — толерантность сделала свое дело.

Это все я тоже узнала от матери. Она дала мне совет учить языки, прежде всего тех стран, куда я бы хотела переехать жить. Так что, «принцесса» пахала, как лошадь, попутно ожидая принца на белом коне. Гордость загнулась, мечты притихли и ушли в подполье.

Боже! Запах аммиака становится невыносимее с каждой минутой.

Я решительно спускаюсь вниз и проверяю глубину гигантской сточной трубы.

По колено!

Зажмуриваюсь и стараюсь не думать о том, что с завидной регулярностью колотится мне в ноги: мягкое, маленькое и благо, что не шевелится. Вполне хватает того, что текучая жижа была жутко холодной.

Карта канализационных городских систем, тоже своего рода иностранный язык и участок коммуникаций в районе, где находится мое место работы, я изучила досконально.

По колене в дерьме, для меня не метафора.

Сверху доносится вой сирен. Копы? Или скорая?

Без разницы, нужно валить отсюда. На квартиру в районе Хэгни я уже не сунусь. Из пожитков там останется только смена белья, старые джинсы, свитер, зубная щетка, расческа и кусок мыла.

В голове продолжает пульсировать мысль, что те двое, что пришли в кафе, никак не могли оказаться самым опасным человеком для меня.

Среди людей, вовлеченных в программу защиты свидетелей давно ходил миф о киллере, которого за неимением более точного имени, пусть даже вымышленного, звали Финис. Никто толком не знал, был ли это мужчина, или женщина. Только одно известно наверняка — это был одиночка.

«Финис» с латыни переводилось, как — конец, финиш. Трудно спорить! Точно, последний кого увидишь, хотя, я сомневаюсь, что такой профессионал, позволить раскрыть свою личность, даже будущему покойнику.

Мой куратор, которого я видела со спины в темном помещении, дал мне четкие инструкции безопасности обмена информацией с ним. И здесь условность — Зеро. Но я, как большой киноман, упорно называла его Зорро.

Он сказал, что никому доверять нельзя и если когда-нибудь я получу очередной билет, с прикрепленным к нему листком бумаги, на котором будет самая короткая записка, в виде

двух букв А Ф — мне следует бежать без оглядки, потому что помощи больше не будет.

Настанет, свобода в каком-то смысле.

На этот раз обошлось.

Эта мысль выбивает из меня нервную ухмылку.

До чего же я свыклась со своим положением, что принимаю за счастье продолжение этого кошмара. Перемены всех страшат, я не исключение.

Рассуждения хоть как-то отвлекают меня от жуткой вони и ледяной воды.

Шестнадцатый люк, петляния по лабиринту канализации и наконец-то свежий воздух. Я очутилась на поверхности, жадно дыша. Сильно хотелось кашлять, но даже в темном, пустынном проулке, это непозволительная роскошь. Я протянула руку и нащупала кирпичную стену справа, двигаясь едва ли не на ощупь, чувствую, как через десяток шагов, пальцы зацепились за широкий выступ.

Внизу, была ниша, в которой я и спрятала сумку с чистой одеждой. Пропитанные сточными водами штаны, тут же отправились в мусорный бак. Потрепанный черный спортивный костюм на утеплителе, быстро согрел на осеннем морозном воздухе. Спасательная темная лыжная шапка скрыла волосы. Я проверила билеты, еще раз прочитала свое имя — Лора, чтобы скорее выработать к нему реакцию и решительно шагнула к свету уличного фонаря.

Предстоял путь в Дувр — город на юге Англии. Я сменила одежду, но на коже намертво засохла вонючая жижа. Я ловила на себе недовольные взгляды пассажиров парома, которым не посчастливилось находиться рядом. Лишнее внимание ни к чему, а потому согнувшись в невероятной позе над раковиной в крохотном туалете, я пыхтела сцепив зубы, намыливая ноги. Смыть пришлось холодной водой. Опять!

В Дувре мне предстоит сесть на паром до Кале, но не Франция была моим пунктом назначения. За билет, скрипя сердцем пришлось выложить почти пятьдесят евро. Скромные «командировочные» сразу сократились на четверть.

Я поморщилась!

Никогда не любила французский и большие траты.

Лора Диони по легенде направлялась в крохотный немецкий городок. Деревушку, если угодно — Швангау, чтобы приступить к работе уборщицей в местном музее.

Название ничего мне не говорило. Работа не пугала. Опасность явно осталась позади, и внутри растекалась усталость, вперемешку с досадой.

Если меня «убирали» из Лондона, значит показания против Отернея давать не придется в ближайшем будущем.

В автобусе меня окончательно сморило, но только после того, как я внимательно осмотрела немногочисленных пассажиров, в основном спящих, пока шла на заднее сиденье.

Я прожила еще один день. Неплохо для принцессы!

Франция встретила меня проливным дождем, так что я подсчитала свои скудные сбережения и решила не экономить на такси до аэропорта. В Мюнхене меня должен будет встретить человек с новой работы, по крайней мере так значилось в инструкции, а значит небольшой комфорт мне не повредит.

Хорошо, что аппетит отбило намертво на ближайшие два дня.

Германия это благословенный край педантичности, пива и сказочных замков. Пирожные здесь днем с огнем не сыщешь, так что диета будет ослаблена.

Не питая особых надежд относительно личной жизни, я была охвачена исключительно

женской патологической тягой к стройной фигуре, которой и похвастаться было не перед кем. Оправданием служила необходимость быть готовой к физическим нагрузкам, например, как сегодня.

Легкие мысли должны были перебить мое скверное настроение. Помимо гастрономических открытий, мне предстоял очередной период ассимиляции, и среди прочего пугала необходимость беспрерывно быть на чеку и подозревать всех и каждого.

Не самая приятная обстановка для заведения дружеских связей.

За неимением медикаментозного метода борьбы с полу депрессивным состоянием, я успокоила себя тем, что всегда гналась за вольной жизнью и путешествиями, потому что рутина меня пугала, чуть ли не до рвоты.

Моя «работа» дарила свободу, которую я только сейчас начинала ценить.

В аэропорте, глубокой ночью гомон и суета не смолкали ни на секунду. Чтобы найти более менее укромный уголок, я потратила почти все время, что было до вылета.

В половине шестого утра, я чувствовала себя полноценным зомби и способность подозревать притупилась. Кромешная тьма ночного мюнхенского неба была очень похожа на ту, которая накрывает с головой, когда смыкаешь глаза.

Экстренная эвакуация означала только одно, что Финис был где-то рядом. Я убеждалась не раз, что после таких переполюсов стоит проследить за местными новостями и точно проскользнет сюжет о гибели человека: вполне обычного и не приметного. И полиция будет метаться между тем, чтобы определить смерть, как естественную или причиненную по злему умыслу.

Практически всегда, вердикт выносился в пользу первого варианта. Зорро много раз напоминал о том, что убийца любит обставлять свое дело, как несчастный случай.

Расклад, как не крути, мрачный. Но я точно знаю, что настанет день, когда я получу послание, в котором не будет билета, а только одна записка с пожеланием мне удачи. Условный сигнал тому, что теперь я свободна и выхожу из программы, потому что ничего хорошего мне не светит и обвиняемый выходит из воды сухим, безнаказанным.

Вот тогда, мне и пригодятся мои сбережения, которые копятся на банковском счете. Доступ в нему я могу получить из любой точки мира. Это мой парашют, чтобы свалить из личного ада.

Тяжелый вздох я проглотила и перечитала записку с инструкцией еще раз. Меня должна была встретить некая Хильда Гроссмахт.

Я медленно шла в потоке пассажиров, вливающих в зал аэропорта. Смешение языков постепенно перерастало в монотонный и мягкий немецкий, обманчивая плавность которого легко трансформировалась в лающий, если доходило до ссор и ругани. На адаптацию уйдет не одна неделя, но мозг явно опережал непосредственное осознание действительности, и я не заметила, как смысл долетающих до меня фраз легко воспринимался.

За постом паспортного контроля на меня накатила волна апатии. На стенах, помимо информационных табло, были развешаны баннеры, на которых красовались многочисленные достопримечательности Баварии. Среди прочих красовался и знаменитый Нойншванштайн — замок Белого лебедя. Вряд ли в мире найдется человек, который не слышал об этом чуде. Даже компания «Дисней» взяла его, как образец для своей знаменитой заставки.

Завороженно разглядывая красочную картинку, я наконец-то заметила свое отражение, которое тенью уместилось на стекле, чуть левее замка. Правда, принцесса немного не дотягивала до стандарта, будучи в черной вязанной шапке, с увесистой сумкой на плече. С

ейчас, я полностью соответствовала фотографии, которая красовалась на новых документах — тусклая блондинка.

Ну, хотя бы вернулась к своему натуральному цвету волос. Парики к этому моменту я уже люто ненавидела.

Организм явно был истощен, а в носу творилось полнейшее безобразие, грозящее в скором времени разразиться насморком, но взгляд, все же, зацепился за табличку с фамилией Диони, которую держала блондинка.

Наверное, я очевидно выразительно на нее смотрела какое-то время, потому что скучающий взгляд прошелся по мне оценивающе. Так умеют смотреть только женщины: оценивающе и немного тревожно, словно оценивают потенциальную соперницу. Саркастическая улыбка расцвела на породистом лице. Значит, оценка по десятибальной шкале опасности не дотянула и до тройки.

— Лора Диони? — звонкий в столь ранний час голос заставил меня вздрогнуть и выдавить «гутен морген».

— Не иначе! — ляпнула блондинка и опустила табличку. — Хильда Гросмахт. Идем, получим твой багаж!

Приобретенные мною навыки, фильтром которым служили подозрительность и недоверие, наверняка, уже были окутаны простудным вирусом и копошились в голове в нарастающем омуте соплей. Несколько секунд пришлось растерянно хлопать глазами, подбирая слова.

— Это он и есть, — я качнула плечом, на что Хильда приоткрыла рот от удивления и покачала головой.

— Ой, ну и хорошо, что нормального человека не прислали. Они у нас не задерживаются. Видок у тебя, Лора, тот еще! Ты, как спезназовец после задания — бронезилет сняла, ствол сдала под расписку от прочей хрени избавилась, а глянув на свой прикид, махнула рукой, мол, дома переоденусь, а дом твой подорвали с остальными шмотками и вот, ты теперь здесь!

Столь милый рассказ можно было уместить в одно слово — эвакуация, что не далеко от истины и теперь настал мой черед оценивающе смотреть на фройлин или фрау Гроссмахт. Проницательность или пустая болтовня? И как я смогу ее вырубить, если дело примет дурной оборот?

— Пошли, кружка глинтвейна тебе не помешает. Хотя, чуда в шесть утра не обещаю. Повезет, если живыми доберемся. Сегодня такой туман...

Маска нелюдимости и молчание, рано или поздно отбивают у окружающих желание общаться со мной, поэтому я пропускала мимо ушей болтовню новой знакомой, которая не смолкала ни на секунду.

Мы вышли на свежий воздух и Хильда быстро зашагала к автостоянке, поторапливая меня. Серебристый пикап Фольксваген выглядел почти новым и этого трудягу выдавал только потрепанный вид салона.

— Устроить тебя в предоставленных компанией работодателя апартаментах, сегодня не получится. Бюрократические проволочки, а потому сможешь пока разместиться на пару дней непосредственно на работе, — Хильда кинула на меня хитрющий взгляд, желая насладиться моим изумлением, но я все силы отдавала тому, чтобы не сомкнуть глаза.

— Что, прямо в музей?

— В музей?! — она громко хохотнула и резко выкрутила руль. — Хотя, да, это как

посмотреть. Да! Ох, ну, у мамули теперь будет новое прозвище — экспонат! Умереть не встать!

Блондинка веселилась от души и я поняла, что такая непосредственность указывает на натуру открытую. Хильда никак не отреагировала на то, как резко я вскинула руку, чтобы якобы поправить ремень безопасности.

Пикап вырулил на шоссе и я уставилась в окно, без малейшего желания рассматривать ночной Мюнхен.

— А чего ты из Лондона свалила? Странный выбор в пользу нашей глуши. Хотя, у меня принцип — не осуждать людей. В жизни бывают разные обстоятельства.

Дальнейшая мешанина вопросов, на которые Хильда тут же сама давала ответ, продлилась почти до самого Швангау, но внутри укреплялось стойкое ощущение, что меня не обидно, и в какой-то мере по-дружески, назвали проституткой.

Дорога за городом была окутана густым туманом и теплый воздух в машине меня сморил, когда Хильда Гроссмахт перечисляла своих родственников в четвертом колене по материнской линии.

— Угораздило же... Давно такой засады не было. Тут и жопу лося просмотришь! — мрачно бубнила под нос девушка, напряженно следя за дорогой.

Кажется, мне удалось поспать под ее монотонную речь, но как ни странно легче не стало. Я бросила взгляд на спидометр. Сорок километров в час.

— Верписс дихь! — вырвалось у меня автоматически. Это был грубый аналог английского «пипец».

Вздернув брови, Хильда медленно повернула голову в мою сторону и оскалилась в одобрительной улыбке. Ее широкие зубы с заметной щербинкой на верхней челюсти, прямо посередине, сверкнули в полутьме.

— А мы с тобой подружимся! Я думала ты не сечешь, и половины того, что я говорю, а ты профи в немецком.

— Немного практики не помешает, чтобы восстановить разговорный, — поскромничала я.

— Где успела выучить?

— Все так же по работе, — я пожала плечами и напустила самый непринужденный вид, — приезжала на подработку на Октоберфест пару лет назад.

— Сильные руки?

Вопрос мог бы показаться странным, но Хильда явно не понаслышке знала основные условия отбора официанток на знаменитый фестиваль. Кандидаты проходили настоящее испытание — держали полные кружки пива на вытянутых руках пятнадцать минут. Те у кого начиналась дрожь в мышцах не смели надеяться на положительный ответ работодателя.

— Присутствует, — ляпнула я, снова отворачиваясь к окну.

— А так и не скажешь! Ну, маман точно обрадуется.

Я выразительно посмотрела на свою спутницу, на что она рассмеялась.

— Спокойно, Лори. Это только на первый взгляд звучит зловеще.

— Лора, а не Лори, поправила я Хильду.

— Это ты своим глазам скажи! — блондинка теперь хохотала чуть ли не в голос. — Ну, знаешь, эти пучеглазые лемурчики?

Веселье неплохо отвлекало меня от мрачной стены густого тумана и я окончательно перестала следить за дорогой. Заметив, что я не поддерживаю беседы, Хильда резко смолкла

и посерьезнела.

— Не буду нагонять страха, но работенка у тебя будет не из легких. Но все скрашивает один факт. Интересно?

— Какой?

— Месяц назад к нам в городок нагрянула бригада строителей. Музей на реставрации. Восстанавливают весь третий этаж. Швангау теперь не узнать. Мы немки не особо признаем косметику, хотя, куда же без модниц. А теперь все напомаженные и разодетые на улицах. Только самые стойкие и принципиальные не сдаются. Замужние, в основном. Наши строители, как из рыцарских романов — если не мордашка, то фигура. Просто отпад! А главный инженер, так, вообще супермодель. Вот ты спросишь чего я в такую рань согласилась за тобой переться? Без обид, подруга, но это не ради тебя. По понедельникам наш Рэгги мотается в Мюнхен по своим делам. Своей машины у него нет, поэтому берет мамин пикапчик. Целый месяц вот так! Точно по бабам шарится. Это мое мнение. Удивительное дело, ведь его окучивает наша первая красавица фрау Мунд. Вдова в разводе, вертит носом от местных парней, а тут, как с цепи сорвалась. По Рэгги, конечно, не вся деревня сохнет, уж больно специфичная внешность, но он такой душка. Вот я и пользуюсь случаем, чтобы пообщаться с ним тэт-а-тэт. Понимаешь?

— Еще бы! — я выдавила улыбку не особо радуясь тому, что в месте куда я еду много незнакомцев. В маленьких городишках легко вычислить недоброжелателей, в основном они не местные, а сплетни для меня самый ценный источник информации.

Неожиданно, в тумане промелькнула каменная арка и нечто напоминающее ворота. Через несколько метров машина остановилась, как вкопанная и Хильда заглушила мотор.

— Приехали!

Без лишних вопросов я нехотя окунулась в холодный воздух раннего утра. Под ногами я почувствовала мощную брусчаткой дорогу. Никаких фонарей, ни одного окна где-бы горел свет. Только едва различимое небо, которое начинало светлеть. Мне хватило пары минут, чтобы продрогнуть до костей, а потому я подошла к багажнику и достала свою сумку. Хильда хорошо ориентировалась на местности и быстро зашагала куда-то в сторону, я бросила вслед за ней, боясь упустить из вида.

— Иди за мной. Не отставать и не шуметь. Разбудишь маму и твое веселье начнется прежде чем ты успеешь отдохнуть. Твой первый официальный рабочий день завтра. Сегодня будет инструктаж и знакомство с городом.

Фильм ужасов «Мама» смотрели многие, а именно он пришел мне на ум, когда я слушала наставления Хильды. В этом ей очень помогали тяжелые каменные стены, которые окружали нас с обеих сторон в узком коридоре, пока не показалась лестница. Чтобы я не рассекла себе голову, Хильда зажгла переносной светильник в аккурат перед винтовой лестницей с неизменными каменными ступенями.

— Так, здесь у нас туалет, вот в этой нише дверь, — девушка поднесла ближе фонарь, чтобы я смогла рассмотреть. — К сожалению, всего один.

От беспрестанных витков конструкции я почувствовала, как закружилась голова, но девушка вела меня все выше и выше. По подсчетам, примерно, на третий этаж.

Еще один крохотный коридор и мы остановились перед мастерски стилизованной дверью. Массивная и тяжелая, она запиралась на длинный ключ, который Хильда мне и вручила.

— Для обогрева есть камин. Система отопления не особо справляется. Но если туман

спадет утром, видом из окна будешь довольна. И да....

Она чуть ли не вплотную наклонилась ко мне и хитро заиграла белесыми бровями.

— И от маман подальше. Все спокойней будет.

— Кому?

После секундного замешательства, блондинка внезапно расцвела в улыбке, приняв мои слова за шутку.

— Обоим! Ну, спокойной ночи! Или утра.... Поставь будильник на десять. Есть часы?

— Да.

— Отлично! Все я тоже пойду прикорну.

Судя по всему, Хильда прекрасно ориентировалась в полной темноте, так как светильник переключался мне в руки. Замок поддался с первого раза и через секунду я оказалась в небольшой комнате. На первый взгляд, помещение было около десяти квадратных метров. В углу, рядом с единственным окном примостился камин. Справа почти всю стену занимала узкая кровать, маленький шкаф, больше похожий на пенал, комод с зеркалом и уютное, мягкое кресло. Каменный пол скрашивал потрепанный ковер, а роль украшений героически выполняли цветастое покрывало и крохотная картина в стиле ренессанс с голыми пышными телесами двух молодых девушек на реке.

Несмотря на скудную обстановку, в комнате царил неуловимый дух уюта, но больше всего меня поразила тишина.

Вполне могло быть, что это так шутит туман, до невероятности густой и плотный, хотя я делала скидку на то, что слишком быстро покинула шумный, суетливый Лондон.

Хильда не кривила душой, когда говорила, что с отоплением в доме проблемы. Я поежилась и нехотя переоделась. Принимать душ в такой холодине совершенно не хотелось, но и пачкать кровать своими наспех вымытыми на вокзальном туалете ногами, тоже не хотелось. А потому, спать я завалилась поверх покрывала, в которое укуталась как в кокон.

Каждый день, перед сном, мысленно я возвращаюсь к своим родным. Какое счастье знать, что они в безопасности и нет никакой необходимости проходить те испытания, что выпали на мою долю, как следствие выбора, о котором я успела пожалеть.

Спасительный сон окутывал мое тело и сознание. Вязкое, сладкое ощущение воплотилось в невольной судороге, когда вдруг я вспомнила за будильник. Хорошо, что сумка лежала в аккурат рядом с кроватью. Запустив руку, я пошарила в ней и нащупала небольшую колонку, которая была единственным гаджетом, с которым с не желала расставаться. Сон покорно и терпеливо дождался, когда я вернусь к нему любимому и заботливо обнял мое измотанное тело.

Неприятное мокрое ощущение под левой щекой и назойливый звук, который должен был меня разбудить, сделали свое неблагодарное дело — я открыла глаза. Но тут же с силой зажмурилась, потому что вся комната была залита солнечным светом.

От этого голову прострелило от боли и только сейчас я поняла, что у меня наглухо заложен нос. Ночевка в плохо прогретой комнате усугубило положение и простуда захватила мой организм. Неизвестно откуда взялась тошнота. Это отвратительное чувство заставило меня резко встать. Я четко понимала, что мне нечем рвать, но все равно заметалась в панике по комнатке в поисках емкости, над которой можно было облегчить рвотные позывы. За неимением такой роскоши, я быстро распахнула окно и живот светло спазмом с такой силой, что я закашлялась, сплевывая только слюну.

В этот момент, я вдруг осознала, что буквально нависаю над пропастью, и голова снова

закружилась. В страхе я отпрянула назад, позабыв о своем плачевном состоянии и теперь уже аккуратно выглянула в окно.

Взгляд плавно прошелся по мягким хвойным верхушкам высоких сосен, которые казались игрушечными, настолько далеко внизу они находились. Они покрывали глубокое ущелье, резко переходя на высокую гору, которая перекрывала остальной вид.

Ослепительно белая отвесная стена строения, в котором я провела ночь невозможно было назвать обычным отелем или домом. Она была гигантская!

Будто во сне я вышла из комнаты и на ватных ногах спустилась по винтовой лестнице. Уже внизу я слышала шум, будто неподалеку шел масштабный ремонт или стройка и через мгновение, оказалась на просторном дворе — многоуровневом и замкнутом с четырех сторон. Но не это поражало больше всего. До боли знакомые высокие башни, стремящиеся в синеву неба и изящный фасад красивого замка, заставили меня онеметь.

Мимо деловито ходили мужчины в касках, они то с любопытством, то с усмешкой поглядывали на меня, вертящую головой во все стороны с открытым ртом...

Трудно было поверить собственным глазам, но это был он.... Нойншванштайн!

2 глава

Приемная главы Управления выглядела крайне заурядно, но мнимая простота только усиливала мандраж подчиненных, который все, как один знали, что по пустякам сюда не вызывают. Дон Родл догадывался, о чем пойдет разговор. Он знал, что встреча с начальником лишь вопрос времени, с того момента, как в Британии поднялась буча с делом Отернея.

Послышался неприятный дребезжащий звук, и дверь автоматически отворилась. Родл с тяжелым вздохом поднялся с жесткого стула и одернул мятый пиджак и прошел внутрь.

Его встретил мрачный и недовольный взгляд главы бюро.

— Присаживайтесь, — начальник уставился в монитор компьютера, что-то напряженно читая. — Агент Родл, завтра Вам надлежит отбыть в Лондон в составе группы из четырех человек. Непосредственной задачей для Вас, как куратора программы защиты свидетелей, будет передача досье на киллера, который нам известен, как Финис. Им крайне сильно в последнее время интересуются наши коллеги из МИ-6.

— Простите, сэр... Министерство юстиции в курсе? Ведь, это противоречит всем инструкциям..., - мягко возразил Родл, стараясь не подавать вида, что сказанное прозвучало, как гром среди ясного неба.

— Британцы предложили нам крайне выгодный обмен, обсуждать который, с Вами, я не могу. И..., - начальник выдержал многозначительную паузу, — это приказ, агент Родл. А на счет инструкций не беспокойтесь. Вы сами видели досье. Почти десять лет и дюжина спец операций не продвинули нас в поисках, что подтверждает мою уверенность, что Кросс напоследок сыграл с нами злую шутку.

— Извините, сэр, но если это не так? В досье есть ценная контактная информация.

Непроницаемое лицо начальника на мгновение дрогнуло.

— Тогда деятельность ФБР, можно сравнить в перевозном цирком, в котором полно бездарностей и идиотов. Ни одной зацепки, ни одной улики и только безосновательное предположения! Указанный адрес электронной почты не отследить. И количество смертей не соответствует количеству входящих сообщений. Все версии притянуты за уши! Явно чувствуется старая школа! И Винсент Кросс любил нагонять тумана, пока был главой

программы защиты свидетелей, чтобы особо болтливые научились держать язык за зубами. У нас две дюжины смертей в виде несчастных случаев, не поддающихся систематизации, так что наши британские друзья в скором времени, будут пребывать в крайне растерянном состоянии.

Отель Грант Хайятт в районе парка Ментенг в Джакарте, считался одним из самых лучших на острове Ява. Центр города выгодно отличался от окраины, но местный колорит пер из всех щелей и не с лучшей стороны. На ближайшей дорожной развязке вот уже полгода тянулся ремонт и затрудненное движение, днем и ночью питало гигантскую пробку из разномастных автомобилей и вездесущих велорикш. Какофония гудков, выкриков и дребезжащего отбойного молотка дополнялась серым облаком выхлопных газов.

На лице Вигго Отерней читалось недовольство и раздражение, когда он шел в окружении четырех телохранителей и сурдопереводчика — до смерти перепуганного мужчины средних лет в очках с запотевшими стеклами по имени Сативан Оино. Несколько попыток протереть стекла, проваливались, и окуляры тут же снова мутнели, виной тому вполне мог быть перепад температур. Проклятая жара и влажность, в своем тандеме могли доконать любого, а спасительная работа кондиционеров, которые сопровождали гостей пятизвездочных отелей, начиная от входа в главный холл, не давала опомниться и тело бунтовало.

Эту встречу Отерней ждал почти с нетерпением, которого не мог себе позволить, что выдавало бы в нем подобие слабости. Чтобы организовать рандеву с киллером, пришлось подключить все свои связи. Невольно станешь верить во все невероятные слухи, которые окутывали имя Финис...

Черт подери! Отерней на ходу оскалился, потому что убийственная мысль снова и снова маячила в голове. Он даже не знал, с кем встретится!

Досье на наемного убийцу было составлено американской разведкой, и эта злополучная папка хранилась в секретном подземном хранилище ФБР. Только для того, чтобы взглянуть на нее ушла колоссальная сумма денег. И что в итоге?

Это была вторая причина недовольства господина Отерней.

Ни одного фото, ни имени, ни описания. Ничего! Каждая строчка на пяти листах печатного текста была замазана черным маркером. Лишь адрес электронной почты, по которому можно было связаться с Финис.

Ответ последовал почти через месяц. В послании были краткие указания снять номер в Грант Хайятт, наличие человека, который знает язык жестов и снисходительная приписка относительно количества охраны. Четверо, ни больше.

Тонко чувствуя свое состояние, Отерней принадлежал к тем людям, которые были помешаны на собственном здоровье. Начитанный, образованный мужчина увлекался восточной и альтернативной медициной, доведя процедуры до подобия ритуала. Одной из самых любимых была гирудотерапия.

Предвидя нешуточный стресс от грядущей встречи, Вигго заранее договорился с доктором, которого искали по всей Индонезии и Тайланду, о дополнительном сеансе сегодня вечером. В крови уже были превышены продукты распада, которые возникают от нервного напряжения, или попросту говоря стрессе, и осознание этого только подливало

масла в огонь.

Подойдя к двери номера, мужчины остановились. Первыми вошли двое охранников, и через мгновение Вигго услышал, как они засуетились и закричали, отдавая короткие приказы поднять руки вверх. Потом, шум стих и один из них выглянул.

— Господин Отерней, Ваш гость уже здесь.

«Любопытно!» — промелькнуло в голове Вигго, улыбаясь помимо воли.

Знаменитый Финис, разумеется, не мог появиться через парадный вход. Живое воображение Отернея металось в догадках среди множества вариантов того, как должен выглядеть убийца, но окончательной картины так и не сложилось.

Просторный холл, заполненный мягким желтоватым светом, был уставлен дорогой мебелью и предметами роскоши. Черный мраморный пол напоминал зеркало. От того и создавался жутковатый эффект, что прямо из холодной каменной сердцевины появился человек, полностью облаченный в черное.

Широкие штаны со множеством карманов, высокие ботинки на толстой подошве, со шнуровкой, бронежилет, черная шапка- маска, закрывающая лицо и летные очки. Лямки, перекрещивающиеся на груди «гостя» давали понять, что за спиной у него парашют.

— Какой приятный сюрприз, — голос Отернея звучал угрожающе, но быстро оценив обстановку, он позволили себе расслабиться, и дал знак своим телохранителям обыскать человека в черном.

Мистер Сативан остался стоять чуть поодаль от своего нанимателя. Его руки чуть ли не автоматически перевели сказанные слова в жесты.

Финис медленно ответил жестом, что прекрасно слышит — не может только говорить.

— Прекрасно, — Вигго откинулся в широком кресле, пока не закончился досмотр. — Признаться, я все думал, как ты сможешь меня удивить, Финис. И если честно, я испытываю некоторое разочарование от столь сумбурного начала. К тому же, вся эта история с языком жестов, как-то дешевит твои услуги. Вот, когда ты встречаешься жертвой, то невольно становишься перед выбором сказать ему пару слов на прощание, передать весточку, так сказать и держать оружие в руках. Да, тебя пойди и не поймет никто. Или на бумаге послание пишешь?

Слова Вигго могли показаться обидными, но он говорил без тени улыбки. Просто констатировал факт, а любопытство было понятным и логичным.

Телохранители подошли ближе к своему хозяину, утвердительно кивнув. Человек в черном медленно опустил руки вдоль тела и слегка наклонил голову.

— Моим людям сейчас ничего не стоит сорвать с тебя маску, а потом просто застрелить. Ты и до балкона добежать не успеешь, а если умудришься, то боюсь, и там удача тебя покинет.

Руки киллера медленно и грациозно зашевелились, а голос Сативана звучал в странном дубляже.

— «Во-первых, я никогда не разговариваю с жертвой. Ни в каком виде. Мне платят не за это. Во-вторых, большая часть заказов исполняется под видом несчастного случая, что вполне устраивает клиентов, у которых не особо богатый выбор в устранении препятствий, или, скажем, сроки поджимают. А в-третьих, я предупреждал о количестве сопровождающих. Мистер Отерней, Вы неверно толкуете положение. Напоминание об этом находится за Вашей спиной. Ох, уж эта мода на точечное освещение!»

Поразительно, но даже не видя лица этого человека, Вигго отчетливо понимал, что в

данный момент над ним смеются. Резко обернувшись, он увидел, как у дальней стены, в нише, где на потолочных балках была подвешена каменная скульптура «гроздьё» висели два человека. Их шеи затянула прочная веревка, и в качестве идентификации их личностей тело перекрещивали тяжелые снайперские винтовки.

— «Не люблю лишние хлопоты, господин Отерней! И, увы, я должен поддерживать свою репутацию», — снова раздался голос Сативана, но уже дрожащий и испуганный.

Глухой звук прозвучал дважды и ровно столько же телохранителей тут же откинули назад свои головы, а их мозги широкими брызгами изуродовали дорожную оббивку стен.

В тот момент, когда все отвлеклись на повешенных, Финис незаметным движением выудил из подушки ближайшего к ним кресла пистолет с глушителем. Оставшиеся головорезы, схватились за свое оружие и взяли Финис на прицел.

— Полагаю, что будь моя смерть в Ваших интересах, я давно присоединился к этим идиотам.

Короткий плавный кивок, последовал в качестве ответа.

Махнув рукой, Отерней дал понять, чтобы охрана убрала оружие. Нетрудно было догадаться о мотивах Финиса. Отерней знал таких людей, которые лишнего шага не сделают, если им не заплатят.

— Слухи правдивы и это мне нравится! — облегченно вздохнул Вигго, затем поднялся с кресла, чтобы прогуляться к панорамному окну и полюбоваться видом ночного города. Он не чувствовал ни капли страха и испытывал за себя чувство схожее с гордостью, но куда более мягкое и снисходительное.

— Я ненавижу Джакарту, мистер Финис. Это настоящая клоака человеческих пороков и болезней. Нет нравов, принципов, только жадность, нужда и жестокость, которые превращают людей в скот. Хотя, о жестокости, я многое узнал еще в детстве и именно она стала лучшим мотиватором и трамплином к моему теперешнему состоянию. Увы, этих людей, — голубые, почти прозрачные глаза Отернея холодно скользили по копошащимся внизу машинам и людям, — тяготы жизни только изуродовали. Полуинстинктивная жизнь, почему же не считать их животными? Ни малейшего усилия над собой, пренебрежение разумом, который может расцвести даже среди свалки помоев. У меня нет семьи именно потому, что я знаю, что бы сделали с моей женой и детьми по законам того бизнеса, в котором я проложил себе дорогу сам. Знаю, потому что своими руками вырывал женщинам ногти один за одним, пока их мужья наблюдали за этим процессом, а детей кидал в яму с голодными собаками. Я слышал их вопли. Не знаю, чьи были громче: детские или взрослые. А я не отворачивался, смотрел и впитывал этот ужас, понимая, что такова цена моего выбора. Им тоже предоставлялся выбор, но прогнившая система ценностей, заполонившая головы, бывает сильнее логики или они надеются, что кто-то станет на их защиту. Какое счастье, что мое детство не оставило на мне печать жалости. А какие прекрасные учителя у меня были! Так что, моя душа продана за дорого и потому при жизни, совесть меня не мучает. Вот такой бонус! А что будет за ее гранью, уже не важно. Важен только сегодняшний день и я намерен окружить себя всеми возможными удовольствиями и комфортом, что пока, увы, невозможно. Представляете, я потерял сон! И все из-за одной твари, которая обесценивает все мои жертвы.

Вигго медленно обходил человека в черном, пытаясь угадать мужчина это или женщина, но так и не решился вынести мнение.

— Алекс Фаррот, — имя было произнесено, будто в рот Отернея попало мерзкое

насекомое.

После этого последовал щелчок пальцами и один их телохранителей передал Финису фотографию.

— По моим данным, объект, является участником американской программы защиты свидетелей. Сейчас перевезен в Южную Баварию в Швангау. Внешность может быть изменена. Надеюсь это не проблема?

Человек в черном медленно покачал головой, внимательно рассматривая фото.

— Отлично! А теперь поговорим за расценки. Внимательно слушаю.

Подняв правую руку, Финис сделал несколько движений пальцами, что очевидно означало цифры.

— Четыре миллиона за взрослого и шесть за ребенка.

— Надеюсь, Вы понимаете, что мне нужны их головы? Буквально.

На этих словах мистер Оино зажмурился. Мужчина выглядел ужасно, будто сейчас упадет в обморок.

Финис снова утвердительно кивнул.

— «Еще пожелания?»

— Да. Ребенка сжечь заживо и снять на видео, затем выложить это в сеть с громким заголовком, чтоб до Фаррот дошло послание. Можете инсценировать несчастный случай. Возгорание в машине или что-то в этом духе... И не переживайте, я и сожженую голову приму. Данные по ДНК на обоих, у нас есть и только после подтверждения Вам будет перечислена вторая половина гонорара. Через месяц, Вы займетесь этой мразью. Пусть помучается после просмотра. Все ясно? Две головы. В любом виде.

Финис молча сунул фото в один из карманов, после чего развернулся и подошел к балконной двери.

Вигго не успел опомниться, как этот человек, не замедлив шага ни на секунду, легко вскочил на перила и прыгнул вниз. Глянув в окно, через секунду можно было наблюдать, как раскрылся парашют, и Финис скрылся за ближайшим небоскребом.

— Жучок удалось прикрепить? — спросил Вигго у охранника, с довольной улыбкой.

— Да, босс. Парни уже отслеживают его.

— Отлично! Я хочу знать, как он проник сюда с двумя трупами. Полный отчет к тому времени, как закончится мой сеанс, и приберите здесь.

— Будет сделано! — отчеканил один из охранников с каменным выражением лица, принявшись «упаковывать» своих коллег в простыню.

Странное чувство, будто нечто важное было упущено из виду, не покидало Отернея. Он еще раз окинул номер взглядом и увидел, что переводчик, боясь пошевелиться, буквально слился с дверью.

— Оино, Вы свободны... Пока. Провожать не нужно?

Нервно задергав головой, мужчина принялся торопливо кланяться, сложив перед собой руки, и через мгновение его след простыл.

Вигго еще раз глянул в окно, и уголок его рта дернулся. Затем, он решительным шагом направился к лифтам, предвкушая момент, когда его тела коснутся жадные "зубы" извивающихся гадов, которые очистят его нутро от испорченной крови. По иронии судьбы эти скользкие твари как раз таки были лишены зубов в общеизвестном смысле, но три хитиновые пластины, расположенные у них во рту с легкостью выполняли их главную функцию.

Синдром донора диктовал свои правила и обновление жидкости, которой почти каждая национальность придавала священное значение, приносило невероятное удовольствие.

На поверку, Финис оказался обыкновенным человеком, ни особого телосложения, ни роста. Театральность, с которой он появился в номере не говорило в его пользу. Зачем было тащить сюда тела? Попытка сбить с толка? Или проверял не тонка ли кишка у заказчика? Убрать его не будет проблемой. У этих наемников была одна схожая черта — самоуверенность. Он обязательно явится на деньгами, окрыленным тем, с какой легкостью удалось убрать двоих телохранителей сегодня, не догадываясь о том, что таланты были продемонстрированы слишком опрометчиво.

Неприятные мысли сменились резко, словно в голове сменился кинокадр. Вигго теперь образно созерцал кровавые потеки на стене, которые врезались в память. Как ни странно, это зрелище подействовало успокаивающе. Впрочем, как и та, к кому он направлялся сейчас.

В Джакарте, Вигго обнаружил для себя еще один плюс в процедуре гирудотерапии. Им была светловолосая женщина невероятной внешности, которую портила лишь одна татуировка на левом виске, переходящая на щеку, до нижней границы челюсти. Рисунок был предупреждением, что эта нимфа принадлежит шефу местной полиции, почти как рабыня, и всякому кто к ней прикоснется грозит жестокая расправа.

Столь неутешительные подробности только подогревали интерес Отернея к девушке, которую никак нельзя было отнести к азиаткам. Лишь миндалевидные глаза, которые были нарочито подведены на восточный манер, могли навести на мысль, что в ней соединены европейские и азиатские гены.

Вигго спустился на десять этажей ниже и зашел в другой номер, в котором поселился временно. Переодевшись в шелковый широкий халат, он отдал распоряжения своему помощнику, чтобы тот проследил за «уборкой» наверху и попросил не беспокоить до конца «сеанса».

В «спа» его встретил доктор и проводил к кушетке, но перед этим показал новую партию чистейших пиявок, которых он лично разводил в стерильных условиях. Легкий аромат благовоний и звук капающих капель в искусственном водопаде призваны были расслабить клиента, но с этой задачей намного лучше справлялась Наин.

Ее стройный силуэт замер в дверном проеме, как демонстрация покорности. Глаза были опущены вниз, а на идеальных губах играла мягкая улыбка. Доктор плавно наклонил голову и женщина подошла ближе, завораживая своими плавными движениями. Вигго знал, что если наблюдать за ней постоянно, то можно впасть в подобие транса. Даже молчание Наин было прекрасным, но даже если она открывала рот для беседы, ни одно слово не оскорбляло слух, а мысли были на удивление выверенными и точными.

Странно, что ей разрешалось «работать», хотя, Отерней ничуть не удивился бы тому, что эта красotka с легкостью может манипулировать решениями любого мужчины.

Без лишних слов, она скрылась за спиной Вигго, и не касаясь пальцами его кожи, помогла снять халат. Доктор отвлекся, чтобы подкатить к кушетке крохотный столик, на котором стояли полтора десятка мелких склянок, в каждой из которых было по одной пиявке.

Помимо очевидных внешних достоинств Наин, она обладала редким по красоте голосом. Девушка прекрасно владела английским и по прихоти гостя могла исполнить, как традиционную индонезийскую песню, так и некоторые шедевры, которые имели мировую известность.

Тягучий, сильный голос с легкими вибрациями, мог отыскать отклик, даже в душе такого человека, как Вигго, и он по достоинству оценил широкий дружеский жест начальника полиции, когда тот предложил ему в знак доброй воли, услуги своей любимицы.

Журчание воды и массаж расслабили тело. Вигго мотнул головой, давая Наин понять, что можно приступить к процедуре. Внезапно перехватив руку девушки, он испугнул ее, и с плеча красотки слетел атласный край стилизованного кимоно, открывая слева отвратительный кровоподтек, чуть ниже ключицы.

Хищная улыбка тут же заиграла на губах Отернея.

«Значит, девочка не так уж послушна!»

Нанесенный удар, был явно болезненным и свежим. В подобных вещах, Вигго разбирался прекрасно с самого детства. Учебником тому послужило тело его собственной матери.

— Я не хотел тебя напугать, только поблагодарить, — на тонком запястье был запечатлен легкий поцелуй, и Отерней лег на живот, но сперва, скинул халат, оставшись полностью обнаженным.

Наин замерла на секунду, но быстро взяла себя в руки. Легкое перетекание воздуха, исходившее от ее движений, наострили все чувства Отернея, и он закрыл глаза. С мягким щелчком была открыта первая крохотная баночка, и через мгновение на спине уже изворачивалось маленькое склизкое тело пиявки. Ее микроскопические лезвия с мягким нажатием вонзились в кожу, после чего мерзкое создание замерло.

Отерней даже не вздрагивал и пребывал в умиротворении, пока Наин продолжала ставить пиявок. Ей невдомек было, какие мысли и воспоминания одолевают этого мужчину. И хорошо!

Окровавленная стена, с остатками мозгов в номере, всколыхнули картины, которые преследовали Отернея всю жизнь.

В малейших подробностях он вспоминал, как подсматривал в дверную щель, за матерью, тело которой содрогалось на полу. Она не издавала ни звука, что притупляло страх мальчишки, в то время как по белой кафельной плитке растекалась лужа крови. Это продолжалось недолго, пока мама не застыла на несколько секунд, будто не в силах оторвать свое мокрое от слез лицо от холодного пола. Спустя пару минут, она не глядя потянулась рукой к низу живота и отдернула пропитанную кровью юбку.

Вигго прекрасно помнил, как зажмурился в тот момент. Между ее ног лежал крохотный человечек, почти с ладонь размером. Станный на вид, невероятно жуткий. О фильмах ужасов маленький Вигго еще не слышал, к тому же, его предупредили, что мама в скором времени должна будет «очиститься». Отчим хотел другого ребенка. Не девочку...

Звать на помощь, было строго настрого запрещено, да и не возможно, в принципе. Перед тем, как уйти утром на работу, «папа» оставил на кухне лекарства и запер свою семью в квартире. Хотя нет, до этого он увел жену в спальню, и тогда, Вигго отчетливо услышал два глухих удара, потом последовали тяжелые мужские шаги. Отчим вышел из комнаты с каменным выражением лица, оставив за собой запах одеколona, обулся в прихожей, вышел за дверь. Ключ в замке провернулся трижды.

Попытка ублажить второго мужа — садиста, чтобы вырваться из каждодневного кошмара, полностью провалилась. Как потом догадался Вигго, мать беременела дважды и первые роды были прерваны у врача. Его семья переживала финансовые трудности и от второго ребенка нежеланного пола было решено избавиться в «домашних» условиях.

Мать всегда ходила с задранным видом, часто плакала, но никогда не жаловалась. Поводов для радости, практически не было. Хорошим днем считался, когда отчим задерживался допоздна на работе.

От того, маленький Вигго не мог позволить себе детской беспечности, и понятие радости приравнивалось к покою. Его не баловали, а отчим за малейший проступок наказывал. Простоять четыре часа на коленях в углу, было самым безобидным вариантом.

Что внутри человека много крови мальчик узнал раньше, чем научился читать, а ее запах и вид стали привычными. Отчим любил повторять, что женщина только так и может очиститься. От рождения они все грязные создания, созданные только в угоду мужчинам.

Переосмыслив свое детство в более зрелом возрасте, Вигго многого добился, благодаря своему выдающемуся интеллекту и упорству. Но каждая достигнутая цель не приносила удовлетворения. Радость до сих пор была для него не доступна, а женщины — счастливые и беззаботные, пусть самые красивые и ухоженные, вызывали в нем злость и раздражение. Куда приятнее было общаться с молчаливыми и сдержанными, которые вздрагивали от малейшего его движения.

Правда, еще один пункт не давал Отернею покоя. Близость с представительницами прекрасного пола могла быть возможна только при одном условии. Женщина должна была быть стерилизованной и абсолютно здоровой. Это создавало некоторые проблемы, но деньги, быстро их решали.

Невозможно было допустить, чтобы хоть одна забеременела, потому что вид окровавленного страшного человечка на полу, стоял перед глазами, как напоминание о жестокости мира. Приводить сюда детей Вигго не мог по соображениям своей искореженной морали.

Не смотря на умиротворяющую обстановку и вбитое в подсознание убеждение, что присосавшиеся жадные гады обновляют тело, мужчина чувствовал нетерпение. Когда Наин стала осторожно снимать насытившихся пиявок, послышался стук в дверь и едва уловимым жестом Отерней дал понять, чтобы открыли.

В комнату вошел Мауро — правая рука Вигго. Вид у него был хмурый, а значит, хороших новостей не предвиделось. Помимо отрицательной энергии Понтинг занес с собой пропитанный сигаретным дымом воздух, и это было уже ни в какие ворота.

Отерней поморщился.

— Наин, радость моя, еще немного легкого массажа, — попросил он девушку, упиваясь своей деликатностью, граничащей с милосердием.

— С удовольствием, — нежным шепотом пронесся ответ девушки. Она бережно обработала тело клиента, убирая остатки крови, в то время как доктор собирал толстых пиявок, чтобы сжечь их.

— Я тебя слушаю! — повелительный тон был явно адресован Мауро.

— Отследить удалось только до близстоящего небоскреба на соседней улице. Он приземлился на крыше второго этажа, расположенного там ресторана и сбросил одежду. Будто знал, что там маячок. Мы все собрали и отдали на экспертизу нашим лучшим специалистам. Они проведут исследование, поищут биологический материал, отпечатки пальцев и прошерстят базу данных для поиска совпадений. По поводу тел снайперов. Данные с камер видеонаблюдения не содержат ничего подозрительного, кроме фургона химчистки, который отъехал от Кемпински. Похоже, что тела были упакованы в герметичные мешки и спущены технической шахте для сбора грязного белья.

— Это все понятно, но что ты сам думаешь по этому поводу? Это может быть женщина?

— Сомневаюсь. Десять лет успешно скрываться от лучших спецслужб и охотников за головами... За столь короткий промежуток времени перенести двух крупных мужчин.

— Да, без таких кадров не обойтись, но легкость, с которой Финис проник в мое потенциальное жилье, наводит меня на мысль, что я могу стать его очередной мишенью и даже ты, Мауро, не сможешь его остановить.

— У нас будет достаточно времени подготовиться, к тому моменту, как Финис привезет Вам голову, — Мауро нарочно не упоминал фамилию Фаррот при посторонних. — Теперь мы знаем, на что способен этот человек, и поверьте, в результате Вы не разочаруетесь, господин Отерней.

— Прекрасно! Тогда, переведи аванс. Пусть человек развлекается.

Краем глаза Вигго наблюдал за тем, как Понтинг недоверчиво смотрит на Наин. Девушка ни на секунду не запнулась в движении, ее руки методично разминали каждую мышцу, а значит, девочка привыкла к подобным разговорам, учитывая то, кому она принадлежала.

Стоило перекинуться с шефом полиции о размере моральной компенсации за эту «игрушку».

3 глава

Яркое солнце слепило глаза, что было совершенно некстати, так как я не могла позволить себе даже просто моргнуть. Высокие шпили и башни, стремящиеся ввысь, непривычно было рассматривать с такого внезапного ракурса.

Замок... Самый прекрасный и величественный, окутанный флером романтизма и старинными легендами.

Недаром Хильда так потешалась надо мной ранним утром. В памяти всплыла ее усмешка, когда я упомянула про «музей».

Наверняка, тут какая-то ошибка!

Я буду жить здесь?!

Но разве это возможно?

Как ни как, памятник архитектуры!

В стороне противно завыл перфоратор и я поморщилась.

В Нойншванштайне полным ходом шла реставрация и если хорошо присмотреться, можно было увидеть тонкую паутинку строительных лесов, облепивших замок с северной стороны, которая выходила на глубокое ущелье.

Все равно, временно или на каких там условиях! Сейчас, я согласна была языком вылизывать полы этого невероятного места. Казалось, что чувство реальности окончательно оставило мое пошатывающееся тело.

Стоя посреди широкого внутреннего двора, я не чувствовала, как кости пробирает озноб от морозного воздуха, не замечала суетящихся вокруг людей, которые не походили на обыкновенных туристов, но слышала назойливое дребезжание... Перфоратора?!

Внезапно, какофонию дополнил совершенно неожиданное урчание мощного мотора байка. Не особо заботясь о том, что моя челюсть грозила побить все рекорды по отвисанию, я даже не попыталась ее прикрыть. В конце концов, было крайне удобно дышать, так как нос заложило намертво.

Я плохо разбираюсь в подобной технике, но с первого взгляда поняла, что мотоцикл

дико дорогой. И если уж, я очутилась в самом настоящем замке, то, как же обойтись без принца?

Правда, на модифицированном коне, но это я уже придиралась.

Мощный мотор был заглушен и отработанным движением выдвинута подножка, на которую, чуть покачнувшись, оперлась двухколесная махина, сияющая хромированными боками. Хорошо сложенный мужчина в теплой парке, снял шлем и закрепил его на руле, после чего перекинул ногу и слез с «железного коня».

Я стояла, замерев посреди суматохи — одинокая фигура, в которой не сразу можно было рассмотреть женщину, тем самым привлекая внимание.

Мужчина стоял за солнцем, и я весьма непосредственно приставила ладонь ко лбу, на подобии козырька, чтобы лучше его рассмотреть.

К «байкеру» уже подошли двое рабочих в строительных касках, напяленных поверх теплых вязаных шапок. Они развернули какой-то чертеж и принялись активно жестикулировать.

«Начальник этой коды с перфораторами!» — догадалась я, когда байкер так же облачился в каску, изредка поглядывая в мою сторону с легкой усмешкой.

Внешность мужчины была под стать обстановке — правильные черты лица, заостренный подбородок и хорошо вылепленные скулы, прямой нос и красивые глаза. Не прораб, а мечта!

— Фройлин, Диони? — сухой скрипучий голос, прозвучал резко, будто был отдан приказ.

Обернувшись, я встретилась взглядом с женщиной, которая считалась таковой номинально. Прямая спина, крепкая, подтянутая фигура и строгое лицо — бледное, застывшее, как у гранитной статуи. Светлые глаза пристально вглядывались в мое лицо, призывая отказаться от любых проявлений панибратства и фривольности, но последовательность не была моим коньком, как и следование лишним правилам. Этого добра и без того хватало в моей жизни.

— Да, это я.

— Меня зовут Элеонор Гроссмахт.

За спиной «женщины — солдата», я увидела Хильду. Она стояла в дверном проеме, откуда я недавно выползла, и с довольным видом наблюдала происходившим.

Я поежилась, громко чихнула и смачно шмыгнула носом.

— Приятно познакомиться. Вы мой непосредственный начальник, как я понимаю?

— Совершенно верно. Довольны осмотром местности?

— Ошарашена! Я и не подозревала, что под музеем могут подразумевать...., - обведя широко рукой двор, я не скрывала своего изумления и это явно начинало раздражать фрау.

Так и подмывало, оглянуться на «байкера», но, как ни странно, Элеонор была не менее любопытным экземпляром.

— Иллюзия сказки развеется намного раньше, чем Вы предполагаете.

— Простите? — я готова была поклясться, что в монотонном приглушенном голосе послышалась ирония.

В какой-то момент я подловила себя на том, что стою с идеально ровной спиной и всерьез продумываю каждое слово. От моего внимания так же не укрылось, что Элеонор заметила наше с ней сходство в стиле одежды, только с той разницей, что моя не была, как следует утеплена. Черный цвет с ног до головы, одинаковый немаленький рост и грубые

ботинки на толстой подошве сотворили из нас, практически, близнецов.

— Кажется, Вам не здоровится? — в вопросе не проскользнуло и тени беспокойства, лишь констатация неприглядного факта.

— Небольшая простуда. Я бы хотела спросить, есть ли где-то неподалеку аптека?

Хильда в дверном проеме хмыкнула и смачно откусила большой кусок от яблока.

— В радиусе двух километров нет. Ближайший населенный пункт — в деревне Швангау. Как я понимаю, Вам нужно ознакомиться с местностью. Настоятельно рекомендую посетить гостиницу, в которой Вам предоставлен номер, чтобы иметь представление об условиях проживания. Идемте!

Сорвавшись с места, женщина быстро зашагала через весь двор, к воротам. Хотя, трудно было описать капитальную двухэтажную постройку с многочисленными помещениями, только этим словом. Это была одновременно стена, наблюдательный пост, судя по тому, что наверху шныряли рабочие, внутри, вполне могли быть комнаты или что там обычно планируют проектировщики замков.

Я сцепила на груди руки, чтобы сохранить остатки тепла, и побежала за своей начальницей.

Через мгновение ослепительный солнечный свет сменился на полумрак, и голова закружилась от резкого перепада. Внутри было ничуть не теплее и пахло сыростью. Беленые каменные стены, были уставлены многочисленными полками и металлическими шкафами. Элеонор без заминки направилась к одному из них, выудила из кармана связку ключей и отперла дверцы.

В ее руках зашелестел полиэтилен.

— Компания нанимателя, а именно местный муниципалитет обеспечивает Вас...

— Оммуницией?! — потрясенно перебила я, разглядывая пухлый сверток с теплой курткой камуфляжной расцветки и точно такими же штанами.

— Формой. В комплексе отсутствует отопление, кроме восточного технического крыла, где расположена столовая и кухня. Они предназначены для пользования ограниченного круга людей — зрителя, его семьи, охраны и местного лесничего.

— А кто зритель?

— Я!

— Вы живете здесь со своей семьей? Хильда тоже...

— Только с супругом. Я познакомлю Вас только вечером, он подрабатывает поваром в одном из отелей, — дверца шкафа с шумом захлопнулась, но фрау Гроссмахт не направилась к выходу, уверенно лавируя между коробками, которые формировали подобие лабиринта. Безошибочно раскрыв одну из них, меня одарили парой роскошных брезентовых перчаток, от одного вида которых моя кожа стала шершавой.

— Помимо уборки в мастерской реставратора, Вы наводите порядок в двух жилых комнатах и следите за чистотой внутреннего двора. Почти ежедневный поток туристов сказывается, и мусор часто пролетает мимо урн. Кроме того, здесь имеется один туалет для персонала, который также нуждается в уборке. Один раз в неделю привозят дрова для каминов. Их следует разносить в первую очередь в кухню, жилые комнаты и мастерскую, — Элеонор снова вышла во двор и направилась к длинному западному корпусу, к которому прилегала широкая каменная лестница, ведущая в основное здание Нойншванштайна. — а оставшиеся складывать вот в эту подсобку.

Фрау Гроссмахт скрылась в проеме двери, я последовала за ней и очутилась в длинном

коридоре. Снова звякнули ключи, и пройдя несколько метров, женщина остановилась около узкой железной двери, отперла ее и пригласила меня жестом взглянуть, указывая на полупустую поленницу.

— Бруски небольшие, сухие, а потому особых проблем с тяжестью у Вас не будет. Если глаза меня не подводят...

Фрау захлопнула дверь, но вдруг замерла, когда услышала звук разрываемого пакета.

Я плюнула на этикет и такт, достала свою новую куртку и с блаженным видом напялила ее. Обновка была мне слегка великовата, но долгожданное тепло растянуло мои губы в довольной улыбке, не в пример изумленному лицу Элеонор.

— Идемте, я покажу Вам мастерскую.

Еще два десятка шагов и из едва освещенного коридора я попала в просторное помещение, уставленное верстаками, полками с инструментами и широким, закопченным камином. Здесь творился полный хаос, но очевидно, что работавший здесь мастер требовал идеальной чистоты. На полу я не заметила ни соринки.

— Рэгворд сам распорядится на счет времени уборки, и настоятельно рекомендую не переключивать с места на место его инструмент.

Я чуть не упала, когда услышала в железном, монотонном голосе нежные нотки.

— Те же рекомендации относятся к каждому предмету искусства в основной части замка, где представлены многочисленные экспонаты в неизменном виде. Помимо картин, мебели, оружия, гобеленов и посуды, запрещается прикасаться к скульптурам и даже деревянной отделке стен во всех залах и комнатах. Не смотря на должность уборщика, на вас накладываемся огромная ответственность, фройлин Диони. Не советую относиться к своим обязанностям легкомысленно. Весь комплекс снабжен обширной системой видеонаблюдения. Вы все уяснили?

— Насколько я понимаю, мой предшественник наломал здесь дров, — поленница так и стояла у меня перед глазами, а потому я не удержалась от шутки.

— Именно так! Неудачная попытка завести интрижку. Я не потерплю, чтобы замок превращали в декорации для мыльной оперы! Личную жизнь прошу перенести за два километра от сюда.

— Меня это не интересует, фрау Гроссмахт. К тому, же я собираюсь остаться жить именно здесь.

— Не в гостинице?! — впервые за время нашей беседы, лицевые мышцы Элеонор претерпели заметную метаморфозу, а бесцветные глаза посмотрели на меня с самой настоящей злостью. — Позвольте напомнить, из удобств, в замке, только биотуалет. Не отапливаемый. Один на всех.

— А где все моются?

— Практически у всех, есть жилье в Швангау или близлежащем Фюссене. Не думаете же Вы, что мы здесь постоянно с супругом живем? Это исключение на время реставрационных работ.

— А когда они заканчиваются?

— Приблизительно в марте следующего года. Уборкой надлежит заниматься до или после открытия замка для посещения. Это уже на Ваше усмотрение. Остальное время считается свободным.

Негодование фрау росло на глазах. Мне не нужно было особо гадать о том, каким способом можно было «обезвредить» этого огнедышащего дракона, который всем сердцем

не хотел делить свое роскошное место обитания с кем бы то ни было.

Элеонор Гроссмахт можно было доконать шутками и хорошим настроением. Я знала такой тип людей, которые не чувствовали себя в своей тарелке, пока окружающие поголовно не были ввергнуты в уныние и депрессию.

— Решено! Останусь здесь. С гигиеной я как-нибудь разберусь! Не каждый день выпадает возможность поселиться в настоящем замке!

Мы снова очутились в длинном коридоре. Прекрасно понимая, какие неудобства могут меня подстергать в качестве последствий принятого решения, я упорно не хотела отступить. В этом месте, можно прекрасно укрыться, тем более, что единственным новичком здесь была я. А это был главный критерий для того, чтобы начать подозревать любого человека в том, что он может быть убийцей.

Навряд ли, Финис заранее заявится куда бы то ни было, чтобы поджидать меня, потому что место дислокации выбирается спонтанно.

В деревне, каждый день прибывают сотни туристов, среди которых профессионалу затеряться ничего не стоит. А здесь в пик посещения, я буду отсиживаться в уединении. Да, было десятка три строителей и нужно будет к ним внимательнее присмотреться, что куда проще, чем следить за сотней новых лиц.

Тревожные мысли разыгрались в голове не на шутку. Помимо воли, выстраивался план действий: разведать местность, чтобы найти лучшие пути отступления, выучить наизусть расписание каждого вида местного транспорта. Замок окружал густой лес, а значит, надо было разведать путь сквозь него и подумать о средстве передвижения, если появится необходимость уносить ноги. Ситуацию осложнял тот факт, что в замке был один единственный вход и выход.

Блаженное тепло окутало мое ослабшее тело, и желание подыскивать способы «обезвреживания» фрау Гроссмахт, притупилось. Бесцветное лицо Элеонор обдало меня холодом. Здесь, явно не жаловали посторонних. Она развернулась на пятках и снова вышла во двор.

До этого момента я никак не могла понять, что меня в ней настораживает помимо очевидной нелюдимости. Но вот, на несколько секунд злосчастный перфоратор смолк и ни один звук не нарушил возникшей тишины. Фрау Гроссмахт двигалась абсолютно бесшумно, несмотря на тяжелую поступь и чеканку шагов, ее не сопровождал ни один запах: духов, мыла, дезодоранта, стирального порошка от одежды или копоты от упомянутых многочисленных каминов, разбросанных по замку.

Долгое время я вырабатывала в себе привычку замечать то, что люди несут на себе помимо очевидных привычек, множество довольно шумных и бессознательных. Но запахи говорили о них куда более красноречивее и служили неплохим предостережением.

В Лондоне, работая в кафе у турков, я могла отличить хозяина заведения Гасура от его старшего сына Нерба, с закрытыми глазами. От первого едва заметно исходил кисловатый запах квасцов, которыми пользовался мужчина, потому что ни одно средство не могло избавить его от едкого запаха пота и чистоплотный человек боролся за сохранность обоняния окружающих всеми доступными ему способами. А Нерб был заядлым курильщиком и его волосы, казалось, были навсегда пропитаны сигаретным дымом.

От Хильды Гроссмахт за километр несло изысканными духами, которые девушка, очевидно, не сэкономила. И когда, ранним утром, в крошечной темноте она вела меня в комнату, я слышала, как непроизвольно пристукивают ее зубы, что было явным признаком

легкой неврастении.

Я не бредила, мой нос отложило на морозном воздухе, как я догадывалась, до первого же теплого закуртка, куда я непременно забьюсь, когда меня отпустят с «инструктажа». Элеонор Гроссмахт была невидимкой в плане звуков и запахов.

— В таком случае, работодатель предоставит Вам бесплатные завтраки и дополнительные денежные средства на продукты питания. Возможности изменить решение у Вас не будет. В местных гостиницах катастрофически редко бывают свободные номера эконом-класса, по объективным причинам.

Едва поспевая за фрау, я вытирала слезы, которые катились по лицу от яркого солнца и пронизывающего ветра, сушившего мне глаза. Представляю, как убого это выглядело со стороны. Тем не менее, я снова обвела взглядом чудесную панораму высоких белокаменных башен, растягивая рот в улыбке. Не терпелось оглядеть его целиком и полюбоваться на чудесную панораму долины, которая лежала у его стен, как на ладони.

Я буду жить в старинном замке! Внезапно, рядом взревела циркулярная пила, и рой искр вырвался на свободу, когда двое рабочих, в защитных прозрачных масках начали распиливать длинный швеллер.

Камуфляжная куртка унисекс превратила меня, практически в невидимку. Пока мы шли через весь двор к кухне, ни один из десятка работяг на меня даже не взглянул, и я вздохнула от облегчения. Красавец — байкер куда-то запропастился.

— Разумеется, сегодняшней завтрак Вы пропустили! — ровный голос прозвучал сухо, без тени сочувствия, но с хорошо различимым злорадством.

— А во сколько он был?

— В семь тридцать утра.

— Ну, не беда! Схожу в деревню, там и подкреплюсь, за одну затарюсь в магазине! — мой наигранный оптимизм был не убиваем.

— Мне не нужны голодные обмороки, — оборвалась женщина мою легкомысленную браваду. — Хильда, не сочти за труд, сообрази завтрак, для уборщицы. Аванс для Вас перечислят завтра, я выдам деньги под расписку.

На слове «уборщица» меня одарили самым пристальным взглядом, будто проверяли на слабо чувство гордости. Но я давно посадила этого пса на крепкую цепь и ответила самой идиотской улыбкой. Пустой желудок протяжно завыл.

— Без проблем! У меня есть кое-какие сбережения. Сегодня продержусь! — быстро проговорила я и снова чихнула.

— О Боже! Ты совсем расклеилась! Пойдем! Папа оставил гренки, сейчас чайку заварим и подлечим тебя сподручными средствами, — Хильда не скрывала, что мой вид ее крайне веселил. — Ты на мужика похожа в этом наряде! Капец!

— Я, вообще-то, в аптеку собиралась сходить.

Просторная кухня в лучших средневековых традициях поражала четырехметровым потолком и гигантским воздуховодом, под которым были расположены каменные печи.

— Какая аптека?! Поверь мне, подруга, лучшее средство от насморка, это хорошенько пропотеть.

Современный широкий серебристый холодильник, совершенно не вписывался, если не уродовал внутреннее убранство. Хильда распахнула дверцы и выставила на стол кусок сливочного масла в пергаментной бумаге, тонко нарезанную колбасу и бутылку пива.

— Это что? — я покосилась с сомнением на последнее, но девушка отмахнулась.

— Армагеддон!

— Как конечный результат, не сомневаюсь. Фрау Элеонор не особо обрадуется, если от меня будет разить перегаром в первый же день.

Но моя новая знакомая только хмыкнула в ответ, достала из шкафа жестяной ковшик, откупорила бутылку, вылила ее содержимое в емкость и поставила на плиту.

Приятный слуху треск поленьев усилился, когда девушка открыла железную створку печи и подкинула пару увесистых брусьев в топку.

Через пару мгновений в ковш была добавлена щедрая порция черного перца и пучок засушенных трав. Когда от чудо-напитка стал подниматься пар, Хильда достала огромную бульонницу и наполнила ее «лекарством» до краев.

Я заняла место за длинным деревянным столом, через минуту став счастливой обладательницей вполне приличного завтрака и сомнительного антипростудного средства. Тарелка с колбасой и гренками с маслом радовала особо.

— Тут главное чем-нибудь жирным закусывать. Выпить надо все, потом пойдешь в свою комнату, укроешься одеялом и отлежишься, пока не придешь в себя.

Не задавая лишних вопросов, я взяла кружку в руки, от чего конечности тут же согрелись. Питье быстро остывало.

Первый глоток заставил меня покраснеть до малинового цвета, во рту все вспыхнуло огнем, а лоб прошибло потом, но вовсе не из-за острого перца. Пиво оказалось жутко крепким.

— Да, детка. Шестьдесят пять градусов! Нам тут и самогон не особо нужен! Боже, храни шотландцев! — Хильда потешалась надо мной во всю, а я окончательно утвердилась в мысли, что эта женщина не дружна с собственной головой. — Пей, пей! Швангау на сегодня отменяется! Завтра я устрою тебе экскурсию.

В полушоковом состоянии я метала с тарелки колбасу и гренки, практически, не ощущая их вкуса. Всю бульонницу я осилить не смогла, потому что и от половины порции меня развезло, как школьницу на выпускном.

Бормоча отборные ругательства, моя новоиспеченная подруга, перекинула мою руку себе через плечо и поволокла на третий этаж по злополучной лестнице. Последней мыслью, которая промелькнула в моем мозгу было, то, что сейчас меня можно было спокойно скинуть в пропасть или придушить, окажись моя благодетельница безжалостным убийцей. Но вместо этого, девушка уложила меня в постель прямо в куртке, сняла ботинки, поморщив нос от убойного аромата, в подарок от лондонской канализации и весь ансамбль укутала стеганым одеялом.

— Первым делом, отведу тебя в термы! Нельзя тебя одну отпускать к этому сброду. Какой бы умалишенной ты не казалась, но интуиция работает на ура! Остаешься жить здесь? Отличный выбор! Тебя стопроцентно назовут чокнутой, хотя, это уже местная традиция, в отношении нашего семейства. Не ворчи.... Потом расскажу. Долгая история. А вот, в первый же день портить впечатление от нашего дивного местечка — поганая идея! Еще успеешь! Это вопрос времени. Об нас с мамой местные зубы сломали, а тут свежее мясо, правда, с душком! Диони, от тебя несет, хоть в окно выпрыгивай! Ты уж извини, но, подруга..... Такое впечатление, что ты была по колено в дерьме! Всех ухажеров мне отобьешь такой вонью. А мамуля, про удобства сообщила? С водой тут напряг! Ну, если не окажешься стервой, пущу тебя к себе выкупаться. Ага, точно! Надо будет у тебя на трезвую спросить, чем ты болеешь. Все-таки Лондон...! Это что и все твои пожитки? Капец! На твоё счастье, что у меня

магазин. Подкину тебе шмоток со скидкой. Что совсем уже отключило? Слабенькая ты... Да, наш Рэгворд мужик крепкий и пиво у него под стать. Не забыть бы, восполнить пропажу, он и по шее может дать, если под горячую руку подвернешься. Ладно. К вечеру будешь, как новенькая! Да, провались пропадом, твой варежки, сколько раз можно выпадать?! Ну, спи, спи...

Сквозь непрекращающийся словесный поток, я почувствовала, как Хильда, запикивает мне что-то за пазуху. Мои грандиозные планы внезапно рухнули. Потолок кружился волчком, стоило хоть немного разомкнуть веки, а язык перестал слушаться окончательно. Тело окутало невыносимым жаром и через несколько минут, я провалилась в забытие. Где были мама и Сьюзи.

4 глава

Не помню, когда в последний раз я спала так крепко. Из забытия меня вернула, как ни странно, абсолютная тишина.

В городе такого не бывает. Просто, чудо какое-то!

Впрочем, я почти сразу вспомнила, где нахожусь и это вызвало улыбку. В комнате было холодно и едва уловимо пахло гарью, от прогоревших в камине поленьев. Толстое одеяло и торчащие из-за пазухи перчатки перекрывали большую часть обзора, и пошевелившись, я поняла, что одежда, прилегающая к телу пропитана потом.

Я забарахталась, как черепаха, перевернутая на панцирь, чтобы дотянуться до молнии куртки и расстегнуть ее, но тут же брезгливо поморщилась, когда эта манипуляция увенчалась успехом.

К запаху канализации, добавился еще более резкий — от пота. От того, я не сразу поняла, что в голове прояснилось, а нос свободно дышал. Резко сев на кровати, я мысленно поблагодарила Хильду, за то, что помимо прочего, она сняла с меня грязные ботинки.

Прекрасное чувство, которое посещает любого человека, который хорошенько выспался, переполняло мое тело, несмотря на то, что на часах едва перевалило за шесть утра. А потому, с чистой совестью и невероятной благодарностью новой знакомой, я поднялась с постели, сделала глубокий вдох и опустила на пол, оперевшись на руки.

Нелюбимый набор упражнений — отжимания на руках, планка, приседания и растяжка, вот уже, как десять лет, были моими верными спутниками, которые помогали худо-бедно держать форму. Замедленный метаболизм был моим бичом, а пристрастие к сладкому — проклятием.

По поводу последнего, я не могла не оценить вселенскую иронию, будто личная воплотившаяся сказка, ворвавшаяся в мою невеселую жизнь, наконец-то расставляла все по своим местам.

Я невероятно злилась на себя из-за бездарно потраченного накануне дня, а потому упражнения шли куда более резво, чем могло быть со столь неясной головой. Будь неладен этот «армагеддон»! Одышка появилась куда позже, чем я предполагала, лоб взмок и злополучный спортивный костюм, грозил оказаться на свалке, будучи буквально пропитанным едким запахом немытого тела.

Я поднялась с пола и выглянула в окно. Небо едва посветлело, а потому можно было выбраться на разведку. Вчера, краем глаза, я заметила на кухне довольно большой пластиковый таз. Может быть, удастся подогреть воды и навести чистоту, а потом, выстирать грязную одежду.

Как обычно, перед тем как прогуляться по малознакомой территории, я мысленно воспроизвела маршрут следования, чтобы не заплутать — цепкая память выручала меня не раз. Замерев на секунду перед дверью, я потянула ручку. Стиснув зубы, поняла, что та не была заперта.

Заходи, убивай!

Проклятье!

В темноте я кое-как спустилась вниз, где прислушалась к звукам — тишина. Лишь изредка подвывал ветер, напевая унылый мотив сквозняка. Еще несколько шагов по коридору вниз и я очутилась на кухне.

В столь ранний час особо не рассчитываешь с кем бы то ни было столкнуться, но надежды не оправдались. Толстые стены замка слишком хорошо скрадывали чью-либо бурную деятельность.

Там был всего один человек. Мужчина.

Мой мозг лихорадочно принялся сканировать возможно потенциального убийцу, который...

С упоением жарил оладьи на широкой чугунной сковороде.

Невысокий рост, редяющие седые волосы на голове, очки в толстой темной оправе, теплый свитер и темные брюки.

Рядом с незнакомцем на столе стояла подставка с роскошным набором ножей. Будто почувствовав, что он больше не один, мужчина обернулся и я разглядела в приглушенном свете щербатое лицо, выдающийся во всех смыслах нос и добрые глаза.

— Аааа... Лора! Я прав? Нам не удалось вчера познакомиться. Хильда, как раз тебя укладывала...ммм..., в постель, когда я приехал с работы. Как самочувствие? Меня зовут Брон. Бронель Гроссмахт.

Конечно!

Повар-муж-отец, о котором упоминали накануне.

— Завтрак будет готов минут через десять. Присаживайтесь!

Он отвернулся, чтобы поддеть подоспевшие пухлые оладьи и сложить их аппетитной стопочкой на тарелке.

— Простите, гер Гроссмахт, но я хотела умыться. Если честно, от меня несет, так что любой аппетит отобьет! — я криво улыбнулась, продолжая помимо воли размышлять о слабых сторонах этого человека.

Он немного сутулился и явно был слаб зрением, а значит, здесь открывается широкий спектр способов, начиная с подножки, и заканчивая резким выпадом ребра ладони, чтобы раскрошить линзы и окончательно лишить соперника зрения. Потом, быстрое движение к ножам, или длинному полотенцу, которое висело на плече Бронеля, и можно спокойно добивать, повалив его на пол. Жертва не издаст и звука.

— Как раз кипятик подоспел. Я как знал, — добродушный голос вырвал меня из водоворота кровавых мыслей.

Шаркающие шаги пересекли кухню, послышался мягкий звук возни в подсобке и в широкий таз мне отмерили горячей воды.

— Лучше не разбавляйте холодной. Пока донесете до комнаты, уже остынет как надо! Тут главное не медлить. Супруга раньше семи не появится, я бы хотел показать Вам кое-что. Ранних пташек здесь не столь много. Пожалуй, только я. Каждое утро я поднимаюсь на верх длинной колоннады с маленьким термосом и пью кофе, наблюдая за первыми лучами

рассветного солнца. Зрелище потрясающее. Жена и дочь смеются надо мной, а я все не могу наглядеться за двадцать лет на один пейзаж. Составите мне компанию?

Въевшаяся в подкорку подозрительность выла на разные голоса, твердя, что Бронель Гроссмахт не был представлен мне лично. Этот мужчина вполне мог выдавать себя за супруга Элеонор. Даже на горячую воду в тазу я косилась с сомнением. Может она отравлена. Но в этот момент, потенциальный киллер зачерпнул кипятка из той же кастрюли и добавил себе в кружку, из которой что-то периодически потягивал.

— Я ценю уединение, но порой настагает желание разделить моменты прекрасного с кем-то. Супругу на встречу рассвета не затянешь, Рэгги уехал, Хильда лишена чувства прекрасного напрочь... Извините за настырность, Лора.

С виноватой улыбкой, Брон отвернулся, чтобы выложить очередную порцию подоспевших оладий.

— Так, я варю на Вас кофе?

Мой безумный образ жизни воздавался наконец сторицей. Чутье затаилось, прикидывая шансы, а вода в тазу, как видно, быстро остывала.

— С удовольствием, — я сдалась, понимая, что желание полюбоваться местными пейзажами затмевает инстинкт самосохранения. В конце концов, «дать по очкам» Бронелю я всегда успею.

Обернувшись с гигиеническими процедурами за каких-то четверть часа, я подхватила свою новую куртку, и наслаждаясь ощущением, которое дарила чистота каждого уголка тела, с неприлично довольным видом, вернулась на кухню.

Облаченный в теплый стеганый жилет, Брон с серьезным видом всучил мне две термкружки и кивнул на дверь.

— Надо пересечь двор. Благо, что уже занялись предрассветные сумерки.

Он деловито достал внушительную связку ключей, на ходу перебирая ими, и нещадно дребезжа, чем разрушал мои волшебные переживания. Вид величественных башен, снова манил взгляд. Я шла, не глядя себе под ноги, ориентируясь только на звук тихих немного шаркающих шагов гера Гроссмахта.

— Ах, да... Это реакция на ближайшие двадцать лет, — Бронель заметил, что я заломив голову не скрываю детского восторга от чудесного замка. — Я сам до сих пор не могу налюбоваться.

Я промолчала в ответ и только растерянно улыбнулась. Нежное незабудково-серое небо с нежным горошком мелких тающих звезд напоминали ранним утром мягчайший велюр, до которого, казалось, вполне можно прикоснуться, если добраться до самого высокого шпиля Нойншванштайна.

Мы дошли до длинного арочного коридора, где за дверью, в самом конце располагалась винтовая лестница.

— Хотя, пора бы уже... Звание старого сентиментального дурака приросло ко мне намертво.

Бронель резво поднялся на широкий проход на стене, ожидая пока я в полутьме догоню его. Пара дней без моей обычной физической нагрузки все же сказывалась. Почтение к моему спутнику возросло после того, как я поняла, что его дыхание намного спокойнее моего — сбитого и частого. Наконец-то добравшись до небольшого пролета, я подавила желание облокотиться о стену, лелея битву давней паранойи и спортивного интереса, от которых бы блаженно закрыл глаза в предвкушении, какой-нибудь именитый психотерапевт.

Ведь меня явно вели на одну из самых высоких башен замка, с которой, при наличии определенной сноровки, человека можно было скинуть без особого труда. А я не особо уважала высоту.

Но внутренний конфликт был умощен тем, что я окончательно и бесповоротно согрелась, а кроме того выражение лица гера Гроссмахта заинтриговало окончательно, когда я увидела его профиль.

Мужчина застыл, глядя поверх каменных башенных выступов и я уловила в его взгляде то, что люди таят в себе на протяжении многих лет. След давней, трагичной тайны, которая старой занозой сидела в сердце. И только здесь мысли можно было отпустить, дать им волю нагуляться, чтобы хозяин взял небольшую передышку, ибо эти послушные, старые псы преданно вернутся и потребуют обратно изжеванную кость сожалений.

— Я ни разу не видел море, а хотелось бы. Но мешает некое внутреннее убеждение, что я ненароком могу разлюбить вот это. Боюсь, что эту красоту может что-то превзойти, пусть даже многие называют великолепие этого замка нелепым.

— Разве это возможно? — чуть дыша, выдавила я.

— Все возможно в мире, где боготворят Симпсонов и рэп.

Тема мирового идиотизма давно бередила мой рассудок и смелое заявление я восприняла чуть ли не как вызов — молчать после таких слов было бы преступлением. Как ни как, нашелся единомышленник! Но глубокий вдох сыграл со мной злую шутку, я наконец-то подавилась ледяным воздухом, когда взглянула на раскинувшуюся перед глазами долину. С внутренней стороны правого предплечья зачесался крохотный кусочек кожи, на котором красовалась моя единственная татуировка — дядюшка Пекос из «Тома и Джерри». Тату было набито спонтанно в девятнадцать, и я долгое время срывала его от мамы, но когда она узнала, то долго смеялась и в итоге, даже похвалила за выбор. Песней «Крэмбооооооон» в свое время я ее достала порядком.

Да, что же такое?! Воспоминания липли назойливо, причем самые душераздирающие. Еще пара мгновений моей личной истории в мыслях и Бронель будет слушать хлюпанье носа, вместо упоительной тишины.

Пейзаж затаился, прикрытый легкой дымкой морозного воздуха, радуя прекрасной палитрой приглушенных оттенков. Деревня Швангау выглядывала россыпью терракотовых крыш, застрявшей на тонкой паутине переплетенных дорог. Сизый бархат густого хвойного леса шептал старинные легенды, которые напрочь не слушали большинство людей за щелчками фотоаппаратов. Это чудо было доступно только ранним пташкам, которые знали, как прекрасна тишина.

Бронель шумно отсерпнул кофе как раз в тот момент, когда на мои глаза уже наворачивались слезы. Не знаю, сколько я стояла, вот так, разинув рот.

— Лора, поберегите здоровье, Ваша вчерашняя простуда может вернуться, — гер Гроссмахт опасливо поглядывал на меня с долей одобрения. Как ни как, мы простояли в полном молчании минут двадцать.

— Как хорошо, что Вы не скрываете своего удивления. Не люблю людей, которые цепляясь за желание показаться всеведущими и скучающими, игнорируют простую и одновременно гениальную красоту этого места.

«Может ли в список ценностей убийцы входить наслаждение подобным зрелищем?»

Внезапная мысль заставила меня содрогнуться от тоски, взгляд потяжелел и я нехотя опустила глаза. Когда, а я настаиваю именно на этом слове, все закончится обязательно

обращусь к специалистам, чтобы меня отучили слышать в каждом звуке тихую поступь смерти.

— Какая красота! — перебила я свои невеселые мысли.

— Подождите, скоро снег выпадет..., - Бронель поджал губы, будто сдерживал свои эмоции из последних сил. Затем он с видом знатока пару секунд внимательно осматривал край неба, сливающегося с горизонтом. — Снегопад накроет долину в ближайшие дни.

— Метеоканал смотрите?

— Колени скрипят, как деревяшки, — этот невероятный тип рассмеялся и закашлялся одновременно. — Да, чудесная пора и одновременно отвратительная.

Бронель тихо и сочувственно цыкнул сам себе.

— Вечно какая-нибудь беда приходит с непогодой в зиму.

Я нахмурилась и вполне бы оцетинилась, если бы у меня была шерсть по всему телу, услышав в словах мужчины не то угрозу, не то предупреждение. Паника на задворках сознания истерично тряслась, дурным голосом вопя: «Ага, я же говорила!»

Опасливо посмотрев вниз, я тут же почувствовала, как кружится голова. Отвесная стена была слишком идеальной дорогой в пропасть.

— А что, здесь много несчастных случаев? — тон моего голоса сейчас был едва ли не холоднее ледяного воздуха.

— Конечно! Туристический маршрут в основном пеший, а толпу не пугают сугробы. Ничего не скажешь, дороги у нас расчищают довольно быстро, но никто не отменял старые добрые ушибы и переломы от тривиальной неосторожности. Люди в наших местах меньше всего смотрят себе под ноги, — Бронель произнес это чуть не с гордостью и я поняла, что человек просто делится со мной наблюдениями, пытаюсь по доброте душевной предупредить о возможных опасностях.

— А когда снег сходит?

— В начале апреля, по-разному бывает.

— «Со снегом уйду и я...» — промелькнула внезапная мысль. Не стоило удивляться тому совпадению, что фиктивный договор Лоры Диони истекал именно в апреле следующего года.

— Неужели каждый день Вы встречаете здесь рассвет в одиночестве?

— Не совсем, — Брон качнул головой и с удовольствием открутил крышку своего термоса. — Хильда была моим спутником довольно продолжительное время, пока окончательно не отдалась своей своенравной натуре и желанию поспать. К тому же у нашего семейства есть немало причин, по которым сводятся оскомины, глядя на Швангау. В первую очередь из-за его отдельных обитателей.

— Ложка дегтя? — задумчиво промямлила я поражаясь тому, что в столь райском месте кипят мелкие, гадкие страстишки.

— Куда же без нее?

Я машинально откупорила свой термос и осторожно сделала глоток кофе. Нос защекотал горячий ароматный пар. Необходимость поддерживать разговор в данный момент меня удручала.

— А сколько отсюда до Швангау?

— Почти четыре километра. Планируете сегодня посетить?

— Да, нужно кое-какие мелочи прикупить. Там же есть магазин?

— Есть? и я с радостью могу порекомендовать тот, который держит Хильда. Поверьте

это вовсе не из корысти. Вы неизбежно столкнетесь с местными сплетнями о моей дочери и жене. Вас будут отговаривать заводить с ними дружбу или сочувствовать, если Вы проявите такт и пропустите мимо ушей подобные призывы. Но Хильда ощутимо снизила цены, что только на руку туристам, а потому ее дело процветает.

— А Вы не входите в перечень объектов для сплетен?

Брон насупил брови и встрепенулся, его выдающийся нос окончательно покраснелся от холода, от чего неудачно выделялся на фоне харизматичного лица.

— Подкаблучник — мое второе имя и я ничего не имею против. Спорить с глупцами бесполезно! К тому же я единственный на всю округу, кому известен старинный рецепт охотничьей колбасы из оленины, над которой люди порой просто рыдают. Да, да! Не смейтесь, я своими глазами видел! Я с легкостью могу манипулировать людьми через желудок, так что делайте выводы сами, насколько они разумны.

— Охотно верю. Стыдно признаться, но горка оладий, которые вы готовили до сих пор стоит у меня перед глазами!

Простодушный смех тихо пробежался по пустынной вершине башни.

— Ах, старческий маразм и желание опередить события, — Бронель всплеснул руками и широко улыбнулся. — Лора, прошу, пусть сказанное останется между нами. Хильда, если узнает, поднимет меня на смех, а Элеонор — запросто сживет со свету. Просто не судите их строго...

Мы, молча, допили содержимое наших термосов. За эти несколько мгновений тишины, меня посетила внезапная мысль. Оказывается, я знала человека, которого подобная красота могла оставить вполне равнодушным — Керо. Один из самых странных людей, с которым меня когда-либо сталкивала жизнь.

Нашему знакомству вскоре должно было исполниться три года, но мой резко изменившийся образ жизни стал препятствием развитию каких-либо отношений, сомнений в которых не возникало ни на мгновение.

Этот мужчина боготворил человека, как уникальную единицу мироздания, был невероятно образован и молчалив. Навестив город, в котором я жила с группой докторов, приехавших на форум «Врачи без границ», он проявил инициативу и познакомился со мной, после чего спустя пару минут погрузился в столь глубокие раздумья, что я поздравила себя с еще одним знакомым-шизиком.

Вот только его глаза следили за каждым моим движением и эмоцией. Пронзительный взгляд едва ли не разьедал кожу, был лишен похоти и любопытства — только адски сильное желание не упускать меня из вида.

Кероан, а именно так звучало полное имя моего необычного друга — был координатором в международной благотворительной организации, которая спонсировала множество программ поддержки стран третьего мира. Легкий акцент с головой выдавал в нем коренного англичанина. Честно признаться, внешность его была столь же противоречива, но высокий рост и стройное тело, могли сбить с толка кого угодно, в купе с белокурыми волосами, зачесанными назад.

Ему бы прозябать в винном погребе, или за игрой в сквош, но и ширма кажущейся мягкости была разбита, после того, как мы на спор переплыли с ним довольно бурную речушку в Хорватии неподалеку от Влака. Я выкладывалась из последних сил после того, как большая часть водного потока была позади, а он, будто из вежливости держался впереди, всего в паре метров, без усилий рассекая воду мощными движениями рук. Это случилось в

нашу четвертую встречу. Кери часто мотался между Веной и Ливией. Разумеется, я понимала, что крюк в Хорватию он делал не просто так.

Правильные черты лица, голубые глаза, правильная неторопливая речь и вежливость, от которой сводило оскоминой наводили мысль о том, что Кери был голубых кровей, если таковые еще остались в этом безумном мире. Аристократ на благородном поприще помощи обездоленным и угнетенным. И за все время, он не сделал ни одной попутки сблизиться. Только звонил и усталым голосом, как бы между прочим говорил мне, что будет проездом в Люка-Дубрава.

Из бесконечных разговорах с Кери, я узнала, что живописные виды, красивейших уголков мира, вызывали в нем куда меньше трепета, чем человеческий талант, во всем его великолепии, но и тут было исключение — живопись, хотя, парень неплохо в ней разбирался. Он восхищался тем, что человек мог сотворить здесь и сейчас. Красиво исполненная песня, искусный, сложный танец, увлекательная беседа или даже спор, в котором этот невероятный тип мог выйти победителем столь внезапно, что я быстро раскусила подвох с его невероятно острым и цепким интеллектом, что оставила попытки подстрекать его шутки ради, на столь не лестное, в моем отношении, дело.

Чувствовать прекрасное для него было своего рода наркотиком, и кажется, эта жажда только росла, от чего в облике молодого мужчины доминировал надлом и неудовлетворенность под толстым слоем непроницаемости. Неразговорчивость Кери и его странная потребность поддерживать со мной знакомство наводили сперва на мысль, что здесь присутствует злой умысел, но у него было столько возможностей прикончить меня без шума и пыли, что я окончательно отбросила подобный вариант, а потому оставалась причина номер два — парень просто влюбился.

Но и в этом случае, все доводы развились о гранитные массивы фактов: ни одной попытки меня соблазнить, ни одного проявления пламенных чувств, ни одного комплимента, только пронзительный, умный взгляд, от которого ползли мурашки по коже. Берусь утверждать это наверняка, потому что на кону проигранного в заплыве через реку Неретва пари, стоял поцелуй. Кери выдал свои условия без секунды размышлений, и в итоге, смаковал момент, когда я запыхавшаяся, валялась на камнях в нескольких сантиметрах от его тела и с интересом ждала, когда он потребует свою награду.

Когда его длинные гибкие пальцы, прикоснулись к изгибу моей руки чуть ниже локтя, а подавила желание податься вперед. Шум несущейся воды в реке, едва ли перебивал шум крови в моей голове, отдающийся в ушах. Могла поклясться, что я покраснела. В тот момент, наше молчание показалось мне невыносимым. Признаться, что Кери волновал меня, было смерти подобно — по сути я до сих пор ничего о нем не знала.

А пальцы медленно прошлись по внутренней стороне моей руки, спускаясь к запястью, раскрывая ладонь, после чего Кери склонил голову и легонько прикоснулся губами к ладони, закрыв глаза от удовольствия. Я не могла отвести от него взгляда, любясь тем, как с его светлых волос каплями стекала вода, скользя по загорелой коже, послушно следуя за каждым изгибом мышц, столь явно выделявшихся под кожей из-за нештучной нагрузки.

Без сомнения Кери следил за собой и далеко не стандартной программой, которую предлагают в любом спортзале. Его физическая форма вторила всему облику, который был призван ввести в заблуждение всех и каждого. За молчанием скрывался невероятный ум, за странным изяществом — завидная сила и выносливость.

Вопросы множились в моей голове, но только не в тот момент, когда губы Кери

забирали свою награду. Когда он поднял голову, его почти прозрачные голубые глаза, казалось, сейчас вспыхнут едва заметным пламенем, но через мгновение на губах мелькнула легкая улыбка, и он как ни в чем не бывало раскинулся на камнях, подставляя тело жарким лучам солнца.

Редко попадая под обаяние противоположного пола, я все чаще ловила себя на мысли, что мне его не хватает. Но о каком продолжении могла идти речь?

Кероан жил в Лондоне и меня несколько раз подмывало встретиться с ним, но условия моего существования были слишком категоричны, просто напросто я могла подставить несчастного парня. Он звонил мне, когда ситуация с Отернеем закрутилась на полую катушку, а я не могла ответить. Несколько десятков пропущенных вызовов и кусок пластика, который теперь почти постоянно находился в выключенном состоянии смолк.

Кстати, нужно будет купить новую сим-карту!

Слова Бронеля, что со дня на день грядет снежная буря, постепенно выдавили воспоминания о зное юга, соленом раскаленном морском воздухе и море, которое могло принять в свои объятия хоть днем, хоть ночью.

— До вечера Ваши услуги наверняка не понадобятся, — задумчиво протянул Брон, обратившись в темноту высокой башни. — Хотите подвезу в город, покажу дорогу? Магазин Хильды рано открывается...

Мужчина будто подслушал мои мысли и я нехотя оторвалась от любования красотами природы.

— С удовольствием! — мой голос негромким эхом догнал гера Гроссмахта.

Я умяла неприлично много оладий, едва не подавившись слюной. Я видом заботливого дядюшки, Бронель подкладывал мне новые порции. Идиллию прервала фрау Гроссмахт, недовольный вид которой подвел черту под моим завтраком и хорошим настроением.

— Как вижу, Вы уже прекрасно себя чувствуете? — прозвучал бесцветный голос, в то время как глаза женщины прищурились, окидывая взглядом притихшего мужа. — Прекрасно! А то вчера у меня глаза слезились от вони. Я понимаю все эти европейские вольности, но пренебрегать гигиеной это уже слишком.

Деликатно кашлянув, Бронель засуетился, складывая грязную посуду в мойку.

Глядя, на мое ошарашенное лицо, Элеонор позволила себе едва заметную улыбку. Догадаться о том, что это была проверка на вшивость, я худо-бедно успела, но ярость от подобной формулировки уже застилала мне глаза.

Что поделать?

При всей своей лояльности я не могла контролировать это пагубное чувство, которое набрасывалось на меня, дай только повод, и требовало невероятных усилий воли, чтобы просто не наброситься на обидчика с кулаками.

Долгие годы самоконтроля и промывки мозгов от мамы, в данный момент могли рухнуть. Только благодаря Бронелю и вкусному завтраку, на желание убивать можно было цыкнуть и проигнорировать.

— Конечно, конечно, я прямо сейчас еду в деревню, чтобы застись мылом и дезодорантом! Спасибо, что отпускаете. Гер Бронель, как раз любезно предложил подбросить до Швангау. Я обернусь меньше чем за пару часов.

Белесое лицо женщины некрасиво вытянулось от удивления, а потому мы с Бронелем поняли, что лучшего момента больше не представится и ретировались к выходу. Этот святой человек успел еще с видимым удовольствием поцеловать жену в щеку и пожелать хорошего

дня.

Машина главы семейства Гроссмахт была припаркована на стоянке за пределами замка. Полусонный охранник лениво кивнул сквозь утреннюю дремоту, в своей крошечной кабинке. Выдавший виды минивен вскоре порадовал теплом, которое вторило его хозяину. На потертых сидениях я не заметила ни малейшего пятнышка, салон автомобиля сверкал, а мотор, когда завелся, порадовал приглушенным, размеренным гулом.

Комментировать слова жены Брон явно не спешил. Мужчина сочувственно и виновато прятал глаза. Его подавленное состояние выдавало лишь, то что за последние пару минут он протер свои очки несколько раз. Я тоже молчала и отвернулась, уставившись в окно, чтобы продолжить любоваться местностью, изредка потирая заочеченные пальцы на руках.

Спустившись с горы, которую венчал Нойншванштайн, дорога выровнялась и окончательно перестала кружить голову. Густой хвойный лес местами сменяли ровные живописные поляны с кустарником, будто вся местность в округе была одним большим ухоженным парком.

— Извините, Лора! Но обратно Вам придется добираться своим ходом. Я работаю до позднего вечера в ресторане. Здесь ходит повозка с лошастью, а из Фюссена курсирует автобус — семьдесят восьмой. Но если первый стоит немалых денег, то второй, обычно, забит под завязку туристами.

— Никаких проблем. Я люблю пешие прогулки! Бронель, мне нужен Ваш совет!

Мужчина просиял от того, что может оказаться полезен и настолько внезапно засиял от радости, что я окончательно убедилась, что у бедолаги серьезные проблемы с общением и самооценкой.

— В Швангау есть приличная пекарня или кондитерская?

— О, это Вы по адресу! Как таковых имеется целых три заведения, но ни одно не может конкурировать с «Кирше Тренен». Цены немного кусаются, но оно того стоит. Непременно попробуйте шварцвальдский торт. Питаете слабость к сладкому?

— Для меня это лучший антидепрессант.

— Понимаю и одобряю. Вы найдете ее если свернете сразу в улочку за почтампом. Пройти мимо будет трудно. Хозяин заведения едва ли может протиснуться в парадную дверь — Петер Оффершмид. Ах, ну сами поймете! Зрелище довольно банальное — полный кондитер, но харизма Петера сводит на нет любые намеки на заурядность.

План быть нелюдистой и с легкой придурью рассыпался на глазах. Уже почти была навязана дружба с Хильдой, почти вызваны шаткие сожаления по поводу заскорузлости местного населения с их патологической тягой к сплетням и вбит клин в желание сцепиться в горло беспардонной «принцессе» — Элеонор, которую охранял милейший из драконов., с очками на щербатом носу.

Притормозив у обочины неприметной аккуратной улочки, Бронель с гордостью ткнул пальцем в магазин своей дочери и пожелал мне хорошего дня.

Первые этажи традиционных домов, отделанных серым камнем и массивными древесными балками, все как один были заняты магазинчиками, лавками и кафе. Единственное, что бросалось в глаза, так это разрозненность построек, которые не лепились друг другу, как например, в Чехии или Англии. Здесь, явно знали, как придать товару спрос, искусственно создавая видимость дефицита.

Не смотря на то, что утро едва подбиралось к восьми часам, магазин Хильды мог похвастаться табличкой «Открыто».

Ощущение идиллии покинуло меня, едва минивен Бронеля скрылся из вида. Контраст между нормальной жизнью и тем, во что превратилась моя, усилился настолько, что во рту я ощутила горечь. Все мышцы лица потянуло вниз, потому что пришлось напомнить себе, что мне нужно уточнить, что творилось в Лондоне, в частности, в семье мистера Гасура.

Внутри было светло и чисто. Полки, забитые товаром, начиная от жевательной резинки и заканчивая термо-костюмами для зимней рыбалки, теснились в узких рядах. За кассой сидела тоненькая светловолосая девушка. Ее осанка поражала, не меньше, чем сдержанная и интеллигентная внешность.

Наверное, у меня на лбу было написано, что я не местная, а потому блондинка поприветствовала меня на английском. Откуда-то из дальнего угла магазина доносилось невнятное и немного возмущенное бормотание.

— Гутен морген, — не без удовольствия ответила я, замечая, как робкая улыбка украшает лицо кассирши.

Бормотание уже переросло в приглушенные ругательства.

— Маршрут они новый открывают идиоты безмозглые! А я всю жизнь должна на квадроцикле трястись?! Да, конечно, куда же без мэра? Старый импотент... Давайте уже, свое традиционное дерьмо на уши! Тянем на себе вам говносоюз! Конечно, укрепился, кто же скажет, что по старой жабе плачет несколько курсов карбамазепина. Пусть обратится ко мне, могу достать.

Монолог Хильды Гроссмахт прервал ее довольный смех и я адресовала вопросительный взгляд кассирше.

Девушка сокрушенно покачала головой и пожала плечами, мол, подобное в порядке вещей, но нетрудно было заметить, что она сгорает от стыда.

— Фройлин Гроссмахт, большая любительница поговорить с телевизором. Меня зовут Вивьен. Могу я Вам чем-нибудь помочь?

— Я Лора..., - громче чем следовало сказала я, в надежде, что Хильда меня услышит и перестанет позориться.

— Какие люди! Привет, подруга! А ты ранняя пташка. Ви, это новая уборщица в Нойншванштайне. Никак папуля привез? Супер! Ну, иди затаривайся, у меня все самое лучшее и необходимое. Ви, не приставай к клиентке, пусть девочка насладится шоппингом, я помогу если что.

В секундную паузу между громогласной бравадой новоиспеченной, придурковатой подруги, я расслышала монотонное повествование местного выпуска новостей, который шел по телевизору, расположенному в подсобке, которая явно была приспособленная под кабинет.

Дверь в магазин хлопнула и послышались тихие торопливые шаги. Через мгновение я увидела парня, который шел сильно ссутулившись. Опустив голову вниз, он смотрел себе под ноги. У него наверняка было неплохо развито боковое зрение, потому что когда он четко поравнялся с Хильдой, я услышала короткое пожелание доброго утра, после чего этот персонаж громко чихнул.

— Привет, болезный! — хмыкнула Хильда. — Аллергия не отступает?

— Нет, но я намерен опробовать старинный индийский рецепт. Смесь чеснока, меда и дегтя..., - растерянно и мрачно, ответил парень, и уже хотел было прошмыгнуть в «кабинет», как увидел меня, после чего виновато замер и переменялся в лице. Угрюмое выражение исчезло бесследно, выпуская на волю скромное любопытство, которым могут похвастаться

мужчины из категории тихонь.

Мой brutальный образ в купе с неотдираемой от головы черной лыжной шапкой, разумеется не произвел фурора, хотя я сомневаюсь, что этот экземпляр был способен выдавать восхищение. Разве, что в адрес Хильды.

— Иво, мой бухгалтер и консультирующий юрист. Очень квалифицированный, — нарочито громко отрапортовала Хильда, немного по-детски покачиваясь на пятках. — Да. Вивьен?

Кассирша окончательно смутилась. Я догадалась, что подобные сцены были для подчиненных фройлин Гроссмахт не в новинку и всегда разыгрывались по одному сценарию. Подозрение о психическом расстройстве, которое явно было на лицо у Хильды, укрепилось.

— Да, — раздался обреченный голос со стороны кассы.

— Лора, — я поторопилась протянуть руку, чтобы лицо Иво вернулось к нормальному оттенку.

В похвалу был явно вложен скрытый подтекст, который глубоко уходил корнями в предупреждение Бронеля на счет его семейства и местной публики.

— Хильда, мне нужна сим-карта местного оператора. Подскажешь, где можно приобрести?

Иво, благодарно мне кивнул и поправив ремень сумки, перекинутой через плечо, обратно ссутулился и юркнул в подсобку.

— Дело говоришь, подруга. Без связи никуда! У меня есть парочка номеров, идем выберешь.

Девушка подхватила корзинку и вышагивая впереди лавировала между полок, временами показывая на товар и сыпя советами. Так, что скудный список покупок, который я составила накануне, остался неудел, как самая бессмысленная вещь в мире.

Пришлось купить довольно мощный ручной фонарик — чтобы не разбить лоб ночью в замке, если приспичит в туалет, книгу Элены Ферранте «Те, кто уходят и те кто остаются» — чтобы пережить смену круга общения и не сойти с ума от безделья, дюжину булочек для хот-догов и столько же колбасок в комплект к ним, бутылку «Армагеддона», чтобы возместить ущерб мистеру Полссону, который должен был вернуться со дня на день, а еще горчицы, молока, сахара, печенья, зубную пасту и мыло.

Вивьен не подала вида, что мои покупки наиболее красочно предрекают мое ближайшее будущее. Набрав натурального барахла, я выложила большую часть своего скудного бюджета. Правда, это вышло как-то радостно, словно в далеком детстве мне наконец-таки улыбнулась удача и я выиграла в лотерею, после чего отправилась просаживать деньги, приложив к этому всю фантазию, на которую могут быть способны в магазине только дети.

Два громоздких пакета нешуточно тянули конечно вниз, в связи с чем интеллигентная мина полупрозрачной кассирши, наполнилась неприкрытой жалостью.

Внезапно повисшая тишина, выдавила даже Иво, чтобы посмотреть что стряслось. Хильда стояла уперев руки в бока, и сочувственно качала головой. Мне не в чем было ее винить — я получила огромную скидку и сейчас металась между своей неземной любовью к сладкому и необходимость отправляться в крестовый поход, обратно к замку.

Пешком...

— У тебя были еще планы на сегодня? — спросила Хильда, натягивая куртку.

— Да, хотела деревню посмотреть и в кондитерскую зайти.

— К Петеру?

— Да.

— Ладно, спасу тебя. Подкину обратно по самому невыгодному маршруту. То есть, через весь Швангау. Еще заблукнешь тут...

Надежда на то, что Хильда выпустит меня из зубов, если молча куплю рекомендованные товары, рушилась на глазах. И перспектива идти с тяжеленными пакетами, в гору, четыре километра привлекала намного больше, чем то, что в ближайшее время меня прокатит на квадроцикле с ветерком, вполне себе невменяемая особа.

Я ринулась к выходу, чтобы голова не лопнула от несмолкаемой болтовни Хильды. План, держаться нелюдимо и странной разваливался на глазах просто потому, что тех немногих людей, которых я успела здесь встретить, подобные качества не отпугивали.

Благо, что расстройство по последнему пункту быстро сменилось всепоглощающей жабой невероятных размеров, которая впопыхах улеглась на мое сердце, когда я увидела ценники на местные торты и пирожные.

Хотя, когда это «наркоманов» останавливали подобные мелочи? После внутреннего монолога, жаба, разумеется, никуда не исчезала, но умопомрачительный вид лакомств вполне себе заглушал зов разума, совести и терпимости к лишнему весу. Коронной фразой в случае подобных дилемм было сакраментальное «а что если сегодня мой последний день?», что в принципе, не было лишено смысла.

Придерживая глаза, чтобы те не выпали от удовольствия я с жадностью съела пару шоколадных трюфелей с начинкой из свежей смородины и маскарпоне, чем весьма польстила круглому мужчине невероятных размеров. Непосредственный владелец «Вишневых слез» посмотрел на меня понимающе, будто мы были давними знакомыми, после чего посоветовал взять с собой кусочек кокосового торта с хрустящей меренгой и малиной.

Внешне я мало походила на туристку, а потому после недолгих раздумий Петер задал мне только один вопрос.

— Вы к нам по работе?

Я утвердительно кивнула, будучи не в силах вести конструктивную беседу — трюфели обволакивали меня шоколадным облаком, и казалось, чувство эйфории я могла сейчас распахивать по карманам, так сказать, на черный день. Кондитер скромно улыбнулся и слегка покраснел, когда я кивнула. Мужчину, как-будто терзали сомнения, словно человека, который собирался поделиться страшной тайной.

Петер не особо изящно нырнул под прилавок, он пыхтел и сопел, пока не без труда вновь распрямил спину и протянул мне скидочную карту. Целых пять процентов!

Я бережно приняла подарок и подхватила коробочку с куском торта, когда с улицы постучали в окно, да так, что от грохота завибрировало пышное тело гера Оффершмидта.

И так как любование красотами Швангау, учитывая их размах, опостылеть должны мне были еще не скоро, лихая езда Хильды на ее квадроцикле по идеальным немецким дорогам, лишний раз убедила меня в том, насколько верной была мысль о последнем дне моей жизни.

Вскоре мы нагнали живописную повозку, с впряженной в нее поджарой лошадкой. Мужчина с легким ужасом в глазах, обернулся, когда заслышал шум мотора и его сбита фигура заколыхалась, будто в попытке предотвратить неизбежное, щеки затряслись, а рот выдал беззвучные ругательства. Вид у несчастного был почти безумный. Когда Хильда

поравнялась с ним на долю секунды, она нажала на клаксон и четырехколесный зверь выдал жуткий, вибрирующий и почти рычащий звук, от которого кобыла тут же шарахнулась в сторону.

— Привет, Вилли! Отбиваешь бабки у семьдесят восьмого?! А ну в сторону!

Белокурые волосы выбились из-под защитного шлема девушки и при удачном не сильно ярком освещении, она бы вполне могла напоминать всадника Апокалипсиса. Стоило ей хоть немного повернуть голову, я неизменно могла видеть диковатую ухмылку на лице Хильды. Вот уж кому было полностью наплевать на социальный имидж.

Этот пройдоха исправно доставляет свежие тушки туристов к замку, уж поверь мне, Вильгельм уже осоловел от сытой жизни и только мне удается его немного расшевелить. Видела, как он смешно затрясся? Прямо, как в Кинг-Конге, когда исследовательская группа наткнулась на дикое племя аборигенов и вперед вышла сумасшедшая старуха с голубыми глазами. Помнишь, как она тряслась и что-то бормотала?

— Торикоооооо! Торикоооооо! — тут же, нараспев выдала я, с удивлением понимая, что ситуация окончательно перешла в разряд гротескной, а Хильда вывернулась и посмотрела на меня не скрывая восхищения во взгляде.

— Я же сказала, подружимся! — почти прокричала девушка и вдавила до упора педаль газа, наверняка, проверяя, где предел моего терпения.

Ни каска, напяленная прямо поверх шапки, ни ремни безопасности, которые несколько раз возвращали мою задницу обратно к дермантину узкого сиденья, ничуть не умаляли животного страха, который меня одолел, пока из-за густых сосновых крон, не вынырнул Нойншванштайн.

Только чудом эта женщина не сбила нескольких зазевавшихся туристов, плетущихся на подъем.

Когда мотор сине-черного зверя на четырех колесах смолк, я слезла с трясущимися коленями, со взмокшим лбом, с трудом подавляя дрожь в руках, а Хильда только обернулась и лихо подмигнула мне.

— А ты крепкий орешек, Лора Диони! Обычно, все кто со мной ездят, перебирают весь набор ругательств, ну, или хватают воздух ртом, объясняя это безобразие каким-то адреналином! Кстати, если ты из этих... зависимых, могу пару роскошных склонов показать, таких, что закачаешься!

Настал знаменательный момент, когда желание казаться немного не в себе, могло сыграть мне на руку, а потому, я молча подхватила свое барахло, немного диким взглядом окатила Хильду и оставив ее слова без комментариев, ринулась к воротам замка.

Через секунду мощный мотор снова взревел и описав круг почета, фройлин Гроссмахт пронеслась мимо будки охранника, заставив того, сокрушенно покачать головой, и умчалась восвояси.

Прибывая в смешанных чувствах, я ни как не могла увязать в голове непередаваемую атмосферу величественного замка, который явно навевал мысли о чем-то неземном и сказочном, но в то же время, это место могло позволить себе подобную дерзость в лице Хильды Гроссмахт и ее странного средства передвижения.

От чего моя голова то задиралась вверх, чтобы проверить на месте ли еще головокружительной высоты башни и великолепные ворота, то опускалась вниз и я тупо рассматривала тривиальные пакеты со снедью и откровенным барахлом. Интуиция настаивала на том, что в скором времени подобные несовместимые вещи сложатся в

привычный узор рутины, благо, что до этого меня не будет съедать старая добрая паранойя. И то хлеб!

Грохот перфораторов и циркулярной пилы разносились по внутреннему двору замка. Байк вчерашнего «принца» Мартина был припаркован в точности на том же месте. Потешить глаза его чудным образом я бы не отказалась, но взор уже вырвал из суеты застывшую поджарую фигуру Элеонор, которая застыла в дверях кухни.

Недовольно поджатые губы, явно были адресованы кому-то конкретно — просто обычное выражение лица. Мало ли кому как удобно выглядеть. Для меня подобным атрибутом была шапка, натянутая на самые брови.

От того, моей персоне не досталось ни одного слова, когда проскочила мимо фрау Гроссмахт, чтобы разложить в холодильнике продукты.

В одном из пакетов я наткнулась на толстый черный маркер, который Хильда хитро глянув на меня, молча подкинула мне на кассе. И как гром среди ясного неба, из недалекого прошлого всплыли наставления Элеонор подписывать свои продукты в холодильнике. Я, молча, выгрузила покупки и быстро расписала их своим именем, попутно отбиваясь от грустной мысли — насколько же соскучилась за своим настоящим.

Особо тщательно я вывела — ЛОРА, на коробочке с тортом и бережно спрятала ее в дальний угол, как в тот момент прямо над ухом разнеслось:

— Если Вы намерены и дальше игнорировать условия проживания здесь, я потружусь направить уведомление в агентство о Вашей полной непригодности... Продукты надо подписать....

Скрипучий голос осекся, когда я отступила на шаг назад и сцепив зубы постаралась сдержаться.

Глаза Элеонор пробежались по полкам и недовольно сверкнули.

— Идемте, я покажу маршрут следования туристов по замку. По нему следует проходить минимум два раза в день, для проверки на предмет мусора и загрязнений.

Конечно, извинений за грубость жать не стоило, но пронизательности Хильды можно было позавидовать. Пусть она будет трижды ненормальной, но девушка обладала качеством, которое напрочь отсутствовало в ее матери — доброта.

— Обычно, экскурсия начинается со входа в башню нижнего двора.

Мы вернулись на нижний уровень к «красной стене», как я ее прозвала, где находилась нижняя терраса замкового комплекса. Несмотря на ранний час, там уже бродили туристы с фотоаппаратами, разыскивая удачный ракурс, чтобы сделать фото на память.

— Затем, следует длинный переход по коридору внутренней замковой стены. Идемте! Особое внимание уделяйте чистоте стен и пола. Многие так и норовят налепить здесь жевательную резинку.

Я восторженно выворачивала голову, попутно осматривая полы, в поисках мусора и запоминая маршрут. Пока мы не оказались в тронном зале, где мои уши отключились и все силы организм бросил на глаза. Казалось, не было сил удержать даже челюсть, которая то и дело норовила упасть на грудь.

Прекрасно сохранившаяся обстановка поражала своей роскошью — картины, гобелены, статуи, барельефы, мебель. Сложность и изящество потолка только можно было рассматривать и оценивать целую неделю. А какие невероятные люстры!

С потоком туристов можно было легко слиться и я наслаждалась рассказами гидов и роскошным убранством залов, открытых для посещения, подмечая все новые и новые детали,

которые можно было рассматривать часами.

В «правонарушителях» порядка и чистоты были замечены, в основном, дети и липкий каучук можно было найти в самых неожиданных местах, но по большей части это был пол.

На совесть работая мелким шпателем, я не испытывала какого-либо унижения, когда меня задевали зазевавшиеся туристы. Почти никто из них не извинялся, но не убиваемое воодушевление от окружающей красоты и притаившегося в холодильнике кусочка торта еще и не такое чудо могли со мной сотворить.

В четыре, поток людей иссяк и остались только рабочие, которые и сами облегченно вздыхали, что у них больше не будут мешаться под ногами фотографы-любители и детвора. Шум со стороны лесов и поток ругательств возвращался на прежний «утренний» уровень.

К вечеру я вспомнила насколько утомительно проводить целый день на ногах, но стоило только присесть, как материализовалась Элеонор и пальцем указала на поленницу, напоминая, что разнести дрова по жилым комнатам и на кухню, тоже входит в мои обязанности.

Тутгодились брезентовые перчатки. Грубая, жесткая ткань прекрасно защищала от заноз, но только не от холода. Благо, что двигаться приходилось много и конечности быстро согревались.

В скором времени, фрау Гроссмахт занялась ужином.

Небо стало бледнеть, а из-за горы поползла темная мгла. Зажглись фонари на верхнем дворе, подсвечивая белые высокие стены замка и открывая прекрасный контраст. На шпиле главного фасада красовалась статуя рыцаря.

Я уже знала, что это был герой местных легенд — Лоэнгрин.

Взглянув на него, я тяжело вздохнула. Оценить прекрасное можно было только в сравнении с убожеством, в обнимку с отвращением. Последним ритуалом в моем списке числилась уборка туалета. Эта цитадель облегчения была закрыта для туристов — служебное помещение так сказать, но и без этого «красок» хватало.

Как говорила моя мама — будто рота солдат ноги помыла. Разыгравшийся аппетит с невнятным лепетанием растворился в глубине моего живота.

Жизнь обладала поистине разнообразнейшим набором средств для того, чтобы лицо не треснуло от счастья.

Тем не менее, я вспоминала о прошедшем дне с идиотической улыбкой, после того, как проклиная все на свете выкупалась в неудобном тазике, около раскаленного камина. Крохотная комнатка нагрелась настолько, что я решила спать в футболке.

Не верилось, что за окном притаился глубокий обрыв, а через несколько стен расположены королевские комнаты с золоченой мебелью. Я жадно прислушивалась к звукам, но ничего не было кроме мягкого треска поленьев, тихого свиста сквозняка через невидимую щель в оконной раме и призрачного, почти незаметного, уханья совы в лесу.

В сон я провалилась почти мгновенно и блаженное состояние продлилось ровно до того момента, пока не перегорели дрова, а морозный воздух стал отвоевывать пространство в моем жилище.

Сигнал тревоги подали пальцы на ногах, когда даже шерстяные носки не могли согреть окоченевшие конечности. Я высунула руку из-под одеяла и тут же пожалела об этом. Кожу будто протерли ментолом, но выбора не было. Открыв глаза, я столкнулась с крошечной темнотой безлунной ночи и тут же вспомнила про фонарик, который предупредительно оставила на тумбочке.

Луч света лихорадочно вырывал из мрака скудную мебель в комнате, пока я в дикой пляске торопилась натянуть теплый спортивный костюм и шапку. Глянув на часы, я поняла, что совершенно потеряла остатки сонливости в два часа ночи.

Я уже знала чем займусь. Неприятное дело откладывать дальше не стоило. Телефон полностью зарядился, да и сигнал был неплохой.

Вездесущий логотип «фейсбука» на экране смартфона выглядел зловеще бесстрастно, когда я зашла на страницу некой Авы Флинт.

А.Ф. — Инициалы моего настоящего имени и фамилии просто так я оставить не могла. Именно через это очередное поддельное имя я общалась с Нербом Махмади, сыном мистера Гасура — владельца кафе в Лондоне, у которого я работала официанткой.

Парень практически не выходил из дома, родители окружили его заботой и вниманием, опекали здоровье единственного чада, после того, как узнали, что их мальчик, практически приговорен к смерти.

Гасур был вич-инфицирован и не знал об этом. Драгоценное время для медикаментозного лечения было упущено. Уже почти с полгода, как врачи диагностировали у несчастного СПИД. Вся выручка от семейного бизнеса уходила на дорогостоящие препараты, благо, что большая часть терапии покрывалась из государственного бюджета.

Об этом я узнала из досье, когда очередной ночью меняла условия жизни, ведомая невидимой рукой координатора программы защиты свидетелей.

Мистер Гасур ни словом не обмолвился о горе в своей семье и строго настроено запретил заходить в дом, но я нашла способ познакомиться с Нербом. Я считала, что сама балансирую на грани жизни и смерти, но, как оказалось, это понимание было по-детски наивным.

Социальные сети, как универсальный параллельный мир, где невозможно заразиться физически, но легко подхватить вирус смертельной идеологии, раскроить накопившуюся боль на части, выставив ее напоказ в определенных группах, чтобы почувствовать подобие утешения и пристраститься к этой квази-жизни мгновенно.

Нерб не унывал и вел блог, где подробно рассказывал о своем самочувствии, делился мыслями, находками в новых направлениях лечения, рассуждал на вопросы религии и довольно философски воспринимал свою печальную участь.

Я сидела с окаменевшим лицом, когда увидела, что Нерб не заходил на свою страницу почти неделю. Руки не дрожали, когда пальцы вбили в строку поисковика «гугл» последние лондонские некрологи. Фамилия Махмади скромно значилась в колонке с вчерашней датой.

Экран телефона погас. Словно в забытьи я очистила историю браузера и отключила аппарат, на ощупь разобрал его, вынула батарею и сим-карту. В кромешной темноте, больше не ощущался холод и уханье совы перестало раздражать.

Мистер Гасур, наверняка, так и не допытался, каким образом его сын подцепил эту заразу, но это, в подробностях знала Ава Флинт. Мальчишке просто предложили в одном из дорогущих клубов, где тусовалась золотая молодежь бесплатно словить кайф. Ему хотелось казаться крутым, взрослым, смелым в глазах красоток, которые как назло кружили рядом и подначивали. Откуда ему было знать, что шприц за один вечер проколол не одну вену?

Эйфория от наркотика, к счастью больше напугала Nerba, чем привязала. Последствия были хорошо известны, и подающий надежды студент Университета Сент-Эндрюс, сделал выбор в пользу нормальной жизни самостоятельно, без назидания старших, осознав, что совершил огромную ошибку. Правда, поздно...

Я брела по винтовой лестнице, ладонь скользила по холодным каменным стенам, чтобы

не потерять ориентир. Очутившись на первом этаже, я остановилась и прислушалась. Только свист сквозняков.

Глаза привыкли к темноте и на кухне я безошибочно направилась к холодильнику.

Проверенный способ борьбы с комом в горле так и стоял нетронутым в дальнем углу, упакованный в красивую коробочку. Неяркий свет на секунду ослепил меня и ощущение опасности накрыло с головой. Но отчего?

Аромат сливок, кокоса и малины не мог не манить, но среди сладкого и соблазнительного запаха, я почувствовала совершенно новый — землистый, а еще обычное мыло и почти выветрившийся дезодоранта.

Можно было биться об заклад, что на кухне кроме меня был кто-то еще. Мужчина.

Он подходил медленно и очень тихо. Стоило подпустить его ближе и я поняла, что роста в нем под два метра, потому что едва слышный вдох был слышен на голову выше меня.

Время вышло. Нападать нужно было первой. Мощный соперник явно переоценивал свои силы и был самоуверен, а потому круто повернувшись влево я выставила локоть под углом целясь противнику в голову. Этот удар я отрабатывала долго на курсах самообороны и дошла до того, что с легкостью ломала тренировочные доски. Сустав был набит до нужной степени, и боли, я практически, не чувствовала.

Локоть попал точно в челюсть, после чего я резко захлопнула холодильник, предварительно закрыв глаза, чтобы не ослепнуть от резкого перехода в темноту. Рухнув на пол, я и откатилась в сторону, чтобы тут же подняться на ноги и увидеть убийцу.

Невероятно высокий, он, казалось, опешил от такого яростного натиска. Высокий, широкий в плечах, явно сильный и к тому же невероятно разъяренный, мужчина с неожиданной скоростью и ловкостью бросился ко мне ловко обходя кухонную мебель, тем не менее один из стульев завалился и попался обидчику под ноги, но резким движением был отброшен в сторону, отчего послышался треск и шум, падающей утвари.

Подражая паркурщикам, я на бедре прокатилась по столу, перебросив ноги, но нападавший схватил меня за край толстовки и по инерции я полетела прямо на его кулак. Разность в силе была подавляющей и далеко не в мою сторону, а потому все что я могла сделать это резко выпустить ногу, чтобы упереться коленями о столешницу и получив точку опоры, отпрыгнуть хоть немного назад.

Этот финт спас меня от гарантированного нокаута, как вдруг на кухне зажегся свет и на секунду я ослепла, в тот же момент удар огромного кулака пришелся на правую скулу, и в глазах рассыпался каскад искр от пронзительной боли.

«Мне конец!» — промелькнула шальная мысль в голове и тягучий ступор заволок сознание. Тяжело дыша, убийца отпустил мою руку, и я удивленно повернулась, чтобы наконец-то рассмотреть его.

— Что здесь происходит? — возмущенный голос Элеонор Гроссмахт, топот ног дежурного охранника и гера Бронеля завершили немую сцену, в то время как я рассматривал дивный двухметровый образец воплощенного изумления.

«Не конец!» — услужливо подсказала интуиция, потому что настоящий киллер, и тем паче Финис, давно бы прикончил меня. Вместо этого, чуть раскосые карие глаза, под густыми бровями медленно прошлись по моему телу, красивые полные губы едва различимые среди густой длинной бороды иронично изогнулись.

Высокий мужчина, не обделенный физической силой, длинноволосый и с завидной осанкой, одетый в роскошный овчинный жилет, который дивно дополнял диковатый образ,

сплюнул на пол кровь и я услышала, как по камням с характерным звуком прокатился зуб.

— Что это за сумасшедшая? — злобно прошипел он басом.

Элеонор бросилась к великану, услужливо подставляя ему стул. Ее встревоженный взгляд окатил меня холодом, не смотря на то, что моя скула страшно разбухла и вид у меня был, такой, будто я минут десять катилась с ближайшего склона, на котором стоял замок.

— Рэгги? Это она с тобой сотворила? Неужели выбила зуб?

— Да.

Я готова была поклясться, что в голосе этого косматого мужика я услышала восхищение.

— Как, вообще, умудрилась?

— Фройлин Диони, Вы в своем уме?! Брон, вызывай полицию!

— Эли, девочке нужен врач. Бога ради, это недоразумение. Лора, что произошло?

Пока я невнятно бормотала разрозненный рассказ про ночной жор, пресловутый Рэгворд, немигающим взглядом смотрел на меня то подозрительно, то с интересом, скатившись в конце до такой мрачности, что я сочла за благо напустить на себя вид святой простоты, чтобы этот дядька меня не добил за свой потерянный зуб, попутно поражаясь тому, какие харизматичные реставраторы обитают в Баварии.

Скула болела невыносимо и я изо всех сил изображала полубессознательное состояние, хотя, кроме ощутимого дискомфорта меня ничего не беспокоило. Стрессовые ситуации, в последнее время случались слишком часто, чтобы я выработала к ним подобие иммунитета. Другое дело, что внешность мистера Полссона не позволяла отвести от него глаз.

«Реставратор?! Реставратор...»

— Это, что, еще и женщина? — Рэгворд почувствовал себя уязвленным. — Из охраны что ли?

И опять эта ехидная усмешка.

Я осознала, с каким оглушительным свистом летит камень в огород моего комплекса по поводу угловатой фигуры и обида накрыла за то, что этот идиот вздумал издеваться.

— Это наша новая уборщица, — мягко пояснил Брон, под тяжелым взглядом жены прикладывая к моей щеке завернутый в полотенце лед.

Демонстративно достав мобильник, фрау Гроссмахт принялась набирать номер, но внезапно, Рэгворд ее остановил.

— Не надо. Это чистой воды недоразумение. Вы же знаете, как я не люблю копов, Элеонор.

Еще бы немного и я подкатила глаза. Фрау Гроссмахт, явно «ела с руки» у Рэгги. Семейная черта, если вспомнить, с каким трепетом описывала Хильда персону этого мужлана.

За малохольными переживаниями, тем не менее, я четко осознавала, что далеко не все реставраторы обладают столь смертоносными навыками. Мистер Полссон, наверняка, занимался, как минимум боксом. Удар с левой у него был роскошный и впору было признать, что хоть его внешность и вселяла шок и трепет, но он никак не мог быть Финисом. А потому наступала моя самая нелюбимая часть спектакля.

Появление копов не входило и в мои планы. Я поднялась со стула и слегка покачнувшись, после чего изображая невероятное раскаяние подошла к Рэгворду и проямлила:

— Мне очень жаль, мистер Полссон. Я компенсирую физический ущерб. Правда, не сразу, а только частями.

— Перебьюсь, — Рэгги даже не смотрел на меня. Он недовольно водил челюстью,

проверяя, насколько ему неудобно после потери зуба, после чего набрал в рот воды и прополоскал его, шумно сплюнув в раковину.

Непосредственность этого мужчины точно была на верхних строчках списка его достоинств.

— Ты лучше скажи, где научилась такие финты выделывать.....локтями?

И хотя злость еще изрядно сквозила в словах, но до неприличия красивые глаза наполнились доброй усмешкой. Рэгги, вальяжно подошел к холодильнику и выудил бутылку пива, которую я, благо, что вовремя вернула назад.

— Курсы самообороны, — обреченно выдохнула я. — Я работала в турецком квартале в Лондоне... официанткой.

Вместо ответа, он вздернул роскошные брови и отсалютовал мне, после чего развернулся, пробурчав присутствующим «доброй ночи» и растворился в темноте дверного проема.

— Зуб... локтем выбила. Охереть!

Отборные немецкие ругательства разбавляли уханье совы и свист сквозняка.

5 глава

«Сази... Благозвучное, напевное название для городка. Попытка придать красоты, завалировать грязь и отчаяние, которое царит повсеместно в Индии.

Романтичные и сказочные представления об этой стране давно разбились о непоколебимый гранит фактов, и даже те путешественники, которые захлеб зачитываются рассказами бывалых туристов с отвратительными и ужасающими подробностями, привитые от болезней, которые провинциальные доктора с трудом вычитывали в современных медицинских справочниках, с кровью пропитанной всевозможными средствами от паразитов, даже они, поражались тому насколько вековые устои могут извратить сознание людей, добровольно принимающих полурабское положение.

Касты в Индии отменили. Но старания Ганди соблюдались только ради приличия. Если человек из неприкасаемых нечаянно заденет в толпе руку кшатрия или кого-нибудь из более низких по положению вайшьев, то это может обернуться побоями или убийством, и никто не будет подавать в суд, хотя имеют полное право.

Разделение по социальному положению занесено в личность и заперто за семью печатями индуизма. Права человека лишь манящая иллюзия избавления и добровольное принятие тяжелого положения, лучшим образом гарантирует, что в следующей жизни может быть даровано счастье и достаток.

Но и тут на лицо парадокс. Если бы все население было столь набожным и свято чтило собственные традиции, то при совершении непотребства совесть взывала бы к правонарушителю, в разуме всплывали бы страшные картины положение проклятых в следующей жизни. Однако, индусы относились к вере весьма поверхностно, мол, да, божественное существует и традиции, которые полегче мы соблюдать будем, но не фанатично. В подтверждение этого можно только добавить, что убийство коров в Индии карается тюремным заключением, а по стране насчитывается почти тридцать тысяч нелегальных скотобоен.

Вера скатилась до суеверия, вегетарианство, как традиция прикрывает нищету, ведь мясо, отдельные слои населения не могут себе позволить. А потому, туристы поражаются тому, какими страшными взглядами провожают их на улицах. Улицы это сплошное варево из

автомобильных гудков, криков попрошайек и зазывал, запаха экскрементов и разложения, специй и сладостей, приготовленных на черном прогорклом масле.

Ад на земле определенно имеет внушительный филиал, который базируется именно в Индии. Тогда, что могут назвать адом сами индусы?

Европейцы с дрожью в голосе и бледными лицами рассказывают о разлагающихся трупах плывущих по течению Ганга в Варанаси, а непосредственные граждане Индии рассказывают своим детям страшные истории о живых мертвецах, которые обитают неподалеку от Сази.

«Кали Джагах» или Черное место, куда привозят неизлечимо больных людей. Проказа, холера, запущенный сифилис, пациентов с инвазиями таких форм, что их буквально съедают изнутри черви.

Это не муниципальное, а скорее, частное учреждение, которое, как ни странно хорошо спонсируется благотворителями и меценатами. Официальная лечебница, где содержат больных проказой. Изредка сюда привозят людей, которые просто должны исчезнуть: конкуренты по бизнесу, нежеланные наследники, не желающие отходить в мир иной предки, надоевшие любовницы, которые многого требуют.

«Кали Джагах» обычные люди обходят десятой дорогой. Персонал официального лепрозория напрямую редко контактирует с пациентами и все организовано в довольно свободной форме. Больные могут общаться друг с другом, тех, кто начинает качать права и доказывать, что абсолютно здоров, мгновенно записывают в категорию умалишенных и прописывают сильные психотропные средства, заматывают в грубые смирительные рубашки, а самым буйным отрезают язык, после чего запирают в крошечные, душные палаты, которые расположены в подвальном уровне.

Влажность, невыносимая жара и полчища жадных до крови насекомых, быстро добивают бедолаг, а потому «Кали Джагах» никогда не бывает переполнен.

Эти страшные истории Виго узнал от своей матери, которая работала медсестрой в муниципальной больнице Харитабада, в то время, как отчим был уважаемым инженером. Он делал обследование местности, если та признавалась пригодной для строительства энергетических объектов. В свое время таковой признали Хамирпур для возведения гидроэлектростанции.

Виго прожил в этом провинциальном городишке, почти, два года и отчим всерьез полагал, что проекту дадут зеленый свет, а потому, когда к нему заявился сосед с предложением отдать в жены мальчику единственную дочь, Виджай Хазмар после долгих раздумий назначил огромное приданное в денежной форме, которую семья невесты должна была выплачивать последующие пять лет. Таким образом он мог избавиться от ненавистного ему пасынка, который на удивление был внешне похож на свою мать-англичанку. Смешение европейской и индийской крови дали невероятный результат: тиковые глаза, чуть рыжеватые темные волосы, светло-кофейная кожа и тонкие черты лица. Ребенок выделялся в толпе и привлекал завистливые взгляды.

Едва появятся лишние деньги, как этого звереныша можно будет отдать в частную школу и спокойно заняться появлением на свет собственного сына.

Двенадцатилетнему Виго, за ужином, было объявлено, что через шесть лет он женится, на что мальчик только выпрямил спину и покорно кивнул, под ошеломленным взглядом матери. У ребенка, даже, не возникло желания задавать вопросы о том, как зовут его невесту и откуда она родом. Слово отчима было законом.

Подобная манера заключать браки бытовала в Индии повсеместно — это традиция, как и условия жизни. Нельзя сомневаться в правильности выбора родителей, нельзя роптать на судьбу, нельзя испытывать жалость к тем, кто беднее тебя, так как это прямое доказательство прошлой нечестивой жизни и живой пример, что грядет в случае неповиновения. Можно подать милостыню, но никогда не пытаться исправить несправедливостей социума.

Однако, у Виго была обратная сторона медали, которая отдавала контрастом и проливали свет на то, какой еще может быть жизнь. Весь остальной мир разделен на бедных и богатых, но не обязательно смиренно следовать предписаниям условий касты. Своим умом и усилием воли можно добиться много в развитых странах, где ребенка не могут кинуть в огонь лишь потому, что его мать попросила милостыню и посмотрела прямо в глаза человеку из высшей касты.

Мама быстро разузнала, что ее будущая невестка — дочь фермера Рушави Фадалтхи. Семья небогатая, но уважаемая.

К неопишуемой радости Виго, он знал Рушави. Девочка была младше его на два года и они учились в одной школе. Миловидная, тихая и умная, она давно привлекла его внимание, заикнуться о чем отчиму не могло быть и речи. Между детьми завязалась теплая дружба, которая крепла из года в год.

Маленький Виго рассуждал, как настоящий мужчина. Он обещал Рушави увезти ее в прекрасную страну Англию, где можно будет освободиться от гнета навязанной им жестокой религии, чем немало пугал свою будущую супругу. Будто несбыточная мечта, о которой нельзя было говорить вслух, дети свято хранили драгоценную тайну и за несколько лет ни разу не выдали своих истинных чувств.

Но этой осторожности не хватило.

Компания, на которую работал Виджай Хазмар, заморозила строительство гидроэлектростанции из-за аномальной засухи, которая накрыла штат Харьяна. Некогда полноводная река превратилась в жалкий ручей. В связи с чем, весь персонал был отозван обратно в Харидабад. Ненястье отразилось и на семье Рушави. Земледелие пришло в упадок и выплачивать приданное было не из чего.

Виго быстро догадался, что отчим не станет смягчаться и разорвет договоренность о помолвке, а потому простой и отчаянный план был приведен в действие за пару дней до отъезда.

В одну из жарких ночей семнадцатилетний юноша впервые познал любовь. По его замыслу испорченную невесту больше ни за кого больше не сосватают и он обещал Рушави вернуться, едва удастся накопить денег и сбежать из дома.

Девушка безропотно приняла наивные доводы и даже обрадовалась прозорливости возлюбленного, когда к ним без предупреждения появился господин Хазмар. Такой надменный, гордый, он брезгливо смотрел на согнутые в унижительном, смиренном поклоне спины ее отца и матери, полностью игнорируя откровенные мольбы о том, что деньги в скором времени будут найдены.

В порыве отчаяния седовласый старик, который честно боролся за счастье восьмерых детей, прикоснулся к подошве ботинок неумолимого Виджая и тут же получил сокрушительный удар камнем по голове, от которого не смог оправиться.

Через месяц отец умер, двое старших братьев оплатили похороны. По факту убийства, в суд подавать, разумеется, никто не собирался, хотя семья имела полное право так поступить.

Они понимали, что отец знал, что его ожидает за проявленную дерзость.

Младшая Рушави осталась одна с пожилой матерью.

Точнее не одна...

Втроем.

Женщины с благодарными молитвами приняли новость о беременности и пока Рушави могла помочь с заработком, они перебрались жить в трущобы на окраине города, отгоняя от себя мысли о переходе в касту прачек — дхоби. Деньги там платили небольшие за тяжелую работу, но исправно.

Дочь твердила матери, что ее жених обязательно вернется за ней и город покидать никак нельзя. И хотя Виго дал понять, что ему нет дела до разницы в кастовом положении, Рушави с ужасом думала, о том, как он поступит, если ей придется примкнуть к неприкасаемым.

Журналисты, которые описывают Индию освещают многие аспекты жизни граждан этой колоритной страны. Беременные женщины здесь считаются благословенными, даже те, кто не замужем. Суеверия, вроде защиты от сглаза, обряды на то, чтобы родился непременно мальчик, красивая обстановка, чтобы женщина услаждала свой взор — о подобных радостях девушка не могла и мечтать.

Ритуал перехода в дхоби свершился, на двадцатый день, после того, как мать скончалась от сердечного приступа. Сомнительно белого цвета, потрепанное сари обняло худое тело молодой женщины, которая жила одной надеждой на приезд своего суженого. Рушави не так плакала о смерти матери или о своей участи, как о том, что у нее не было денег на дрова для погребального костра.

Несколько дней она побиралась по улицам, после чего собирала по помойкам обломки старой мебели, чтобы снести их к храму, где прикрытое саваном уже несколько дней лежало распухшее тело матери. Источая зловоние, оно было залеплено тысячами черных мух. И какое же это было облегчение, когда языки пламени отогнали мерзких насекомых, чтобы помочь душе матери обрести покой.

Больше не надо ловить на себе взгляд полный жалости и боли, потому что на самом деле судьба Рушави, была как на ладони. Взгляд матери выжигал остатки надежды из сердца девушки, а потому и без того слабые руки не могли поднимать набухшую от воды одежду.

Несколько ложек отварного риса и жидкая подлива из зелени были единственным удовольствием. От комнатки в трущобах пришлось отказаться и спать на тонкой подстилке, прямо около прачечной. Удивительно то, как внедренная практика поддержания религиозных ценностей самым практичным образом отражалась на жизни людей.

Ребенок из касты неприкасаемых мог спокойно плескаться в луже с помоями и пр этом не заболеть, не в пример детям из более высоких каст, которые, если забывали по наивности о правилах гигиены могли подцепить смертельный недуг. Отсюда брали свои корни все суеверия и традиция «не касаться» низших, как не казалась бы жестокой была подкреплена железными фактами в виде «проклятия», которое могло унести жизнь всей семья за неделю, просто потому что те не имели столь сильного иммунитета.

Рушави работала за два доллара в день. И кастовое неравенство дало о себе знать. Руки несчастно покрылись коростой, которая невыносимо зудела и сочилась сукровицей. Но не смотря на это, пока живот не мешал выполнять особо тяжелую работу, девушка отбивала замоченной белье о бетонный выступ.

К восьмому месяцу беременности, девушка больше не могла работать. Вестей от Виго

не было. Из сердца улетучилась последняя капля веры на счастье и впору было задуматься о том, где можно без последствий разрешиться от бремени. Состояние здоровья оставляло желать лучшего — короста, которая покрывала руки, теперь распространилась на все тело. Никакие мази и примочки не помогали, беглый осмотр у местного врача для бедных привел только к тому умозаключению, что это не лишай и заболевание носит аутоиммунный характер. Мудреное слово означало, что для Рушави с ее смехотворным доходом, лечения никакого не существовало.

Кто-то подсказал, что на востоке Индии в штате Джаркханд есть монашеский орден миссионеров милосердия «Сестры матери Терезы», который управлял приютом для незамужних беременных женщин. Куда Рушави отправилась, потратив на билет последние деньги. Там точно не посмотрят, что она из неприкасаемых и помогут ее ребенку.

Виго прекрасно помнил тот момент, когда узнал, что отец Рушави скончался. Безразличие к чужому горю было слишком большой роскошью в то время, когда мальчик долгие годы подавлял желание поддаться жалости к участи собственной матери, не говоря уже о своей. Даже из столь ужасающей ситуации он вынес для себя положительный момент — на вряд ли его возлюбленной будет трудно расстаться с семьей, чтобы сбежать с ним.

Мама в тайне от отчима помогла оформить загранпаспорт и рассказала куда можно обратиться в Лондоне за помощью. Она врала мужу, что на работе задерживают зарплату, откладывая деньги для сына. Скупость отца не позволяла долгое время вырваться из замкнутого кольца обстоятельств. Больше полугода Виго не мог связаться с Рушави, но свято верил, что она его ждет, как они и условились.»

Оттерней прервал свой рассказ, чтобы сделать глоток воды. Наин сидела напротив и слушала тихий голос этого мужчины, который вел себя с ней очень странно, не как остальные представители сильного пола.

Внезапная просьба поужинать вместе, немного настораживала и девушка предположила, чем может закончиться этот вечер, но ни одной попытки со стороны мистера Оттернея перейти границу приличий, за несколько часов, так и не последовало.

Очевидно, что ему нужно было выговориться. Очень личная и печальная история не должна была быть подвергнута иронии или сожалениям, здесь не стоило вставлять комментарии или задавать наводящие вопросы, когда рассказчик делал довольно продолжительные паузы и с застывшим взором отдавался болезненным воспоминаниям.

Почему этот богатый господин, который имел все, что душе угодно, так галантно обходился с простой и не обремененной целомудрием девушкой, Наин оставалось только гадать. Но смотреть на лицо Виго было все труднее, а теперь, когда трагичность судьбы Рушави не оставила сомнений, и вовсе, пришлось с трудом проглотить подступивший к горлу ком.

В роскошном номере, где жил мистер Оттерней около широкого панорамного окна был накрыт стол на азиатский манер. Стулья заменяли мягкие удобные подушки, чтобы в любой момент можно было удобно откинуться и дать отдохнуть спине, как и поступила Наин. Ее окутала жалость к несчастной индийской девушке, которая толком и жить не начала, как тяжелые испытания, подвели черту под детством.

Она и сама не понаслышке знала о тяготах женской участи, но каким потрясением было наблюдать за тем, что это понимание неподъемным камнем давило на сердце такого человека, как мистер Оттерней.

Его образ обрастал все новыми слухами, в основном, отвратительными по своей сути, и

Наин сомневалась, что ее нынешний «хозяин» долго будет сопротивляться, если Виго захочет ее заполучить.

Однако сейчас царила обстановка полного умиротворения и печальная полуулыбка до того преобразила суровые черты лица мужчины, что Наин помимо воли залюбовалась им.

— На этом история Рушави для меня обрывается. Я искал ее месяц. Буквально стучался в каждый дом, показывал ее фотографию и понимал, что мое сердце каменеет от ужаса, после того, как люди отрицательно качали головами. В монастыре «Сестер матери Терезы» о ней ничего не слышали, а административный аппарат в провинции настолько запущен, что искать записи о рождении ребенка было просто бесполезно. С тех пор прошло больше двадцати лет, а поиски я прекратил меньше, чем год назад. Но самое страшное не это, дорогая Наин. Самое страшное, это осознание того, что Рушави исчезла с моим ребенком и скорее всего погибла, полная надежды на то, что я ее отыщу: безропотная, покорная извращенной вере в божества, которые если и существуют, то взирают на происходящий ужас бесстрастно, ведь их труд выполнен, они даровали законы бытия, которым следуют миллионы, словно это занятая игра. Я прекрасно понимаю, почему она ушла из города. Там ее бросили бы на произвол судьбы и шансов выжить, практически, не было. Двадцать лет назад, имея те ресурсы, которые сейчас сосредоточены в моих руках, я наверняка, отыскал бы свою невесту. Но вот какая ирония, я достиг всего именно сейчас, однако, ничто не может меня сделать счастливым. Я знаю, что такое радость и блаженство... Те далекие дни я могу пересчитать по пальцам. Увы, мне есть с чем сравнивать и это убивает, выжигает изнутри и заставляет забрасывать это пепелище новыми пороками, притупляя страх того, что за все придется расплачиваться. Меня переполняет ярость при одной только мысли о том, как в Индии носятся с привязанностью к вере, хотя на деле это чистой воды снобизм. Отсталая страна управляется армией ленивых и глупых людей, которые ничего не хотят менять, но что хуже всего народ с ними полностью солидарен. Все привыкли к грязи и смраду. Куда больше трясутся над защитой от террористов, не замечая, что от дизентерии гибнет в десятки раз больше народа, но тут же, как оговоркой, руководствуются кармой!

— Потому, Вы не живете по индуизму, господин Оттерней? Мне показалось, что это так.

— Весьма проникательно, девочка моя. Умница! Я стопроцентный атеист, убежденный и готовый доказывать свою точку зрения, до пены на губах. Только неистово верующие люди, которые вывернули свои души наизнанку во время молитв, чтобы показать их своим божествам, могут превратиться в столь убежденных атеистов. Боюсь, что и кары за дела мои, просто, не существует. Я верю, что мир изменится только тогда, когда люди начнут использовать мозг по назначению.

Бледное лицо Виго создавало пугающую иллюзию, что эти слова произнес не человек, а темный дух, которому наскучил его мир и развлечения ради, он воплотился и играл со своей очередной жертвой.

Но вот, он моргнул и маска тоски была сброшена, после чего пыливый, изучающий взгляд снова впился в прекрасные черты лица девушки. Взгляд, лишенный пошлости медленно спускался вниз по гибкой шее, соблазнительной полной груди, шелковым складкам платья, стройным ногам и задержался на обнаженной лодыжке, где с внутренней стороны, кожа выделялась странным зарубцевавшимся узором.

Виго знал, что подобные метки появляются только после специальных надрезов, как например, у народностей Боди, Сури и Мурси, у которых скарификация или шрамирование,

считается неотъемлемой частью культуры.

У Наин шрам был выполнен в форме четырехконечной звезды и в отличие от представителей африканских племен, выделялся не бугорками, а был сплошным и весьма будоражил сознание Отернея, интригуя и заставляя задуматься о том, что эта женщина полна загадок.

— Теперь ты расскажи мне историю, Наин.

— Какую, господин?

— Не сводя глаз с лодыжки, Виго указал не нее подбородком.

— О шраме на коже в виде звезды. Это крайне непростой знак и ты не можешь об этом не знать. Видишь ли, Наин... Больше чем лицемеров, я не люблю глупцов, которые ради мимолетных восторгов окружающих, готовы сотворить со своим телом что угодно. Многие ритуальные рисунки утратили свой тайный смысл, их набивают в виде тату шутки ради, а тут, вдруг, знаки инициации воина-мужчины. А ведь редко кто подтверждал право носить подобное отличие, когда я ставил вопрос ребром, за что поплатились. Да, это мой странный способ нести справедливость в этот мир. Не беспокойся, пожалуйста, господин Тийле в курсе моих намерений. При этом он выглядел настолько загадочным и спокойным, что я не узнал обычно, недовольного и нервного шефа полиции.

— А что будет в конце моей истории? — голос девушки даже не дрогнул и Отерней, почувствовал, как его сердце сжалось в предвкушении.

— Выбор, разумеется! — его белые зубы сверкнули почти хищно. — Между злом и избавлением.

— Тогда Вы узнаете историю девушки, которая жила свободно настолько, что почти никто не мог запомнить ее лица. Она носила имя звезды с небосклона и обладала столь прекрасным голосом, что когда пела, все мужчины закрывали глаза, чтобы насладиться ее голосом, осознанно принося в жертву усладу для взора. Пусть ее имя будет звучать, как Альсефина.

Виго одобрительно кивнул и не сдержал довольного смеха.

— Альсефина не была влюблена и тем более не любила. Но она умела наслаждаться простыми радостями жизни, пока ее сердце не одолела жажда нести нечто большее, чем прекрасные песни. Она хотела оставить свой след в жизни, но не знала с чего начать. На помощь пришел родной отец девушки, который поделился с ней мудростью и предостерег, что мир может принять ее дар и потом отвергнуть, что повлечет за собой невероятную боль. А потому, первым делом ей стоило перебороть то, чего боится каждый человек — страх боли.

Девушка согласилась, зная, что отец прав и любит ее, а потому совет был дан с предостережением, что она должна окрепнуть физически и морально. Альсефина стала заниматься столь упорно, что это поразило ее родителя и за два года, девушка не прервалась ни на день в тренировках, каким бы изматывающими они не были. После чего настал черед более изощренных занятий. Это было добровольное голодание до полного изнеможения. Чтобы узнать предел своих возможностей. Это были дни без воды, для той же цели... Дни без сна, в крошечной темноте и при ярчайшем свете. Страшные пытки, которые могли быть прекращены по первому зову Альсефины, но она знала ради чего согласилась на истязания. Итогом, всего стала процедура инициации. Вы знаете, что сдирание кожи заживо считается одним из самых болезненных мероприятий?

— Да, слышал об этом. Больнее только, сжигание, — Виго кивнул с такой простотой,

будто Наин рассказывала ему детскую сказку на ночь.

— Это так... Нежную кожу с тела Альсефины сдирал ее родной отец в месте, где никто не мог услышать диких криков девушки. Короткий надрез острейшим лезвием и мучительно долгое стягивание тонкой окровавленной полоски. Мужчина умолял дочь отказаться от этой идеи, но она была непреклонна и вскоре, кровавая звезда украсила тело хрупкого создания, которое познало боль во всех физических формах. С этого момента Альсефина обрела истинную свободу и отправилась путешествовать по миру.

Прошло несколько лет. И вот, она добралась до Румынии. Однажды ночью, девушка набрела на группу цыган, которые предложили ей разделить ужин у костра.

Причудливо разодетые, темноволосые женщины выглядели беспечно радостными, и Альсефина согласилась, но следующим же утром проснулась со страшной головной болью, скованная цепью, лежа на холодной земляном полу в какой-то землянке.

Как оказалось, цыганский барон давно пожелал себе светловолосую наложницу и женщины его общины услужили своему господину. Как ни странно, мужчина не желал насильно брать девушку и сказал, что она обретет свободу только, когда позовет его сама, а до тех пор она не получит еды. Если не согласится в течении недели, ее начнут бить по ступням и тогда она станет калекой и точно никому не будет нужна, а потому не сможет покинуть табор и превратится в жалкую поберушку.

Все бы так и случилось, если бы однажды ночью Альсефина не выбила пальцы из двух суставов и не сломала сама себе одну из тонких костей на ладони, из тех, что не позволяла высунуть кисть из кандалов. Таким образом она на практике прошла еще один важный урок, о котором отец предостерегал лишь на словах. Никому не доверять.

— Очень ценный урок. И что теперь стало с Альсефиной? Какую пользу она принесла миру?

В этот момент дверь в номер распахнулась и вошли двое телохранителей внушительной комплекции. Они заперли дверь чуть не демонстративно, после чего замерли с непроницаемыми лицами, перекрывая выход.

Внимательно наблюдая за лицом Наин, Виго с разочарованием увидел, что девушка усердно подавляет страх и панику. Она нервно облизнула губы и опустила глаза, обдумывая ответ на его вопрос.

— Обрела свое странное счастье, после тщетных попыток исправить в людях их пороки. Нашла себя и снова стала петь красивые песни, есть вкусную еду и не задумываться о завтрашнем дне.

— Вот она, мудрость во плоти. Как занятно! Что ж, признаю, Наин, давно я не получал такого удовольствия от разговора, но все же я настаиваю на том, чтобы ты сделала свой выбор. Позволь только посоветовать воспользоваться избавлением. Уж очень любопытно.

— Ваше удовольствие, господин Оттерней, на первом месте для меня.

Молча протянув руки, Виго обхватил запястья девушки вертя их в разные стороны и всматриваясь в поисках шрамов, но, увы, ничего подобного не заметил. Легкая досада пожаловала тут как тут.

Но вот, один из телохранителей, положил сверток на стол и тут же отошел обратно.

Неторопливо разворачивая черную бархатную ткань, Виго достал заостренные щипцы, напоминающие кусачки и протянул их Наин.

— Не стоит делать это на руках. Впереди еще несколько сеансов гирудотерапии и массажа, а я не терплю уродства. Пусть будут безымянный палец на ноге. Ноготь!

Тон Виго поражал безразличием, будто он выбирал самый лакомый кусок в своей тарелке.

— Инстинкт самосохранения не стоит недооценивать. Эта неотъемлемая часть каждого из нас может изрядно подпортить мне развлечение сейчас и я почти не верю, во все что ты мне рассказала, девочка моя... Очень трудно самому себе причинить вред, который сопряжен с колоссальной физической болью.

Не сбавляя заданного ритма, Наин с легкой дрожью приняла щипцы и не запнувшись в движениях ни на секунду, только молча откинула длинную полу платья и выставила впереди себя обнаженную ступню, как это делают женщины, когда красят ногти лаком.

Будто замороженный, Виго не веря своим глазам смотрел, как без тени сомнений, но со страхом, Наин крепко обхватила верхушку ногтя кусачками, и с нечеловеческой силой рванула его против направления роста, отчего тонкая пластика с влажным хрустом лопнула и отделилась.

Вырванный ноготь так и остался зажат в стальных тисках, которые улеглись на столешницу в доказательство рассказанной истории и из прекрасных глаз Наин потекли слезы, но не от боли, а от разочарования, что навряд ли кто-нибудь еще услышит ее историю, которая так тяготит ее.

Улыбка была стерта с лица Отернея и он махнул рукой, чтобы позвали врача. Кусачки прикрыли тканью, а Наин досталась самая большая редкость, на которую был способен мужчина, сидящий напротив нее. Его восхищение.

Это чувство будет только усугубляться и со временем начнет мучить своего хозяина, ведь Наин теперь для него недостижима, как и положено настоящему чуду. Это обещание Виго дал сам себе, впервые за долгое время почувствовав то, что невозможно было купить ни за какие деньги — неподдельное человеческое удивление.

— Ты ведь не спишь с Тийле, — задумчиво произнес Виго, будто говорил сам с собой.

Он не смотрел на девушку, которая сцепив зубы терпела невыносимую боль, пока врач сосредоточенно обрабатывал поврежденный палец. Наин догадалась, что ей не стоит отвечать и покорно ждала главного умозаключения этого странного человека, который своим пугающим спокойствием мог довести до настоящей истерики.

— Ты его телохранитель, — заключил Отерней и глянул на девушку, которая коротко кивнула. — Тебя все устраивает?

— Что Вы имеете в виду, господин?

— Деньги, свобода, возможность уехать отсюда...

Господин Тийле отличается от многих индонезийских мужчин. Мои услуги для него не унижительны, это сродни развлечению, довольно эпатажного. Он долго прожил в Японии, где среди кланов якудзы не чужаются использовать женщин в качестве охраны.

— А ты согласишься работать на меня?

Девушка нахмурилась и ее по ее лицу пробежала тень сомнения.

— Странно, что Вы, вообще, спрашиваете мое мнение.

— Я не буду настаивать против твоей воли, — Виго мягко улыбнулся, смакуя собственное великодушие, которое так редко использовалось.

— Благодарю. Меня все устраивает.

Лаконичный ответ, лишенный всякого желания набить себе цену, поразил Виго и заставил его сердце дрогнуть. Ну, что за чудо?! Наин расслабилась, но не переставала смотреть в глаза. Девушка догадывалась, что подобная дерзость может ей выйти боком, но

Отерней изначально позволил ей говорить на чистоту, потому что слишком хорошо разбирался в людях. Молча добавив в ее чашку порцию прекрасного китайского зеленого чая, Виго согласно склонил голову.

Но на время моего пребывания здесь я рассчитываю на твою компанию. Массаж ты делаешь божественно. Я же говорил- грех портить такие руки!

Он рассмеялся, как ни в чем не бывало, будто не из-за его прихоти несколько минут назад была покалечена хрупкая женщина. Виго навел справки на счет Наин и выяснил, что она приходится дальней родственницей господину Тийле, что, как ни странно, держалось в секрете. С одной стороны это было понятно, потому что свести счета с нечистым на руку высокопоставленным полицейским, было много желающих и если до него добраться было трудно, то поквитаться с родственниками, вполне легко. Все семейство Тийле было вывезено в Тайланд, но Наин сама разыскала своего «дядюшку» после того, как ее желание повидать старый свет обернулось большими проблемами.

Ее завуалированный рассказ про Альсефину был чистой правдой. И псевдоним выбран неспроста. Именно такое название носила звезда из созвездия Паруса, а Наин было не именем, а фамилией, с ударением на первый слог. На самом деле девушку звали Бинтанг, что с индонезийского переводилось, как звезда. Европейская внешность была унаследована от матери, которую девочка никогда не видела.

Сразу после рождения ее привезли к отцу, который жил в Макассаре. Не традиционные методы закалки девушки, так же оказались чистой правдой. Таким образом, любящий родитель готовил дочь к непростой жизни в Индонезии, учитывая какой яркой внешностью она была наделена.

Наин вернулась в Джакарту и сама поросилась на «службу» к господину Тийле, продемонстрировав свои способности, и кажется, обрела все что хотела, учитывая какое умиротворение царило на прекрасном молодом лице.

Виго знал, что девушка сохранит в тайне каждое слово, что было произнесено этим вечером, потому что как ни кто другой была осведомлена о его истинном положении, а потому, разговор «по душам» произвел сильный терапевтический эффект и Отерней почувствовал, как груз невысказанного становится легче. История Рушави слишком долго покоилась в его сердце, будто вызывая воспаление этой тревожной мышцы.

Умиротворение накрыло мужчину с головой и он блаженно закрыл глаза, наслаждаясь тишиной. В этот самый момент, крохотная красная точка перестала мерцать на затылке Наин, которая и не подозревала, что находится под прицелом. Виго не доверял никому и всерьез полагал, что девушка может оказаться убийцей по прозвищу Финис.

6 глава

Прошел почти месяц. Суставы Бронеля не подвели. На второй неделе моего пребывания в Баварии, на регион обрушился мощный снегопад. Я вполне освоилась с обязанностями и выработала некое подобие режима.

Несмотря на непогоду, кулинария «Вишневые слезы» посещалась регулярно, и, в основном, пешком, чтобы утихомирить завывания совести по поводу лишнего веса. Один кусок торта «отрабатывался» на половину еще до того момента, как я его приобретала.

Если бы не длительные прогулки на морозном свежем воздухе, мне в затылок давно бы дышала добротная депрессия, которая зачастую возникала из-за однообразия в гастрономии, которое так внезапно меня настигло.

И вот, что я вам скажу — штампотт, это вселенское зло, если его приходится есть на завтрак, обед и ужин.

Штампотт, это мятый отварной картофель, в который добавляют или обжаренный бекон, или сыр с зеленью, или шпинат. Я не особо любила готовить и потому не заморачивалась с жаркой колбасок на завтрак, из-за чего частенько, довольствовалась остатками штампотта с ужина.

Две недели картофельной диеты, и на «выходе» в туалете я, все одно, видела его — штампотт.

Дело в том, что это было любимое или единственное блюдо, которое готовила фрау Гроссмахт, за исключением тех благословенных дней, когда у плиты корпел Бронель или я сама, но о последнем, пожалуй стоит умолчать, потому что моим коронным блюдом была жареная рыба, а цены на морепродукты в Германии были такими, что хоть вешайся на ближайшей сосне.

Утренние тренировки стали регулярными и я привела тело в порядок. Мышцы, натянутые, как струна, едва ли не вибрировали по всему телу, вызывая эйфорию, а потому, легкая улыбка почти не сползала с моего лица, и кажется, весьма раздражала отдельных обитателей Нойншванштайна.

Даже, когда привозили дрова и нужно было их быстро переложить на сухую поленницу, я натягивала брезентовые рукавицы, укутывалась по самые глаза в колючий шарф, который опять таки мне достался с огромной скидкой в магазине Хильды, и методично таскала сухие бруски, вспоминая, как проделывала то же самое в собственном доме, где у нас с родными был роскошный камин.

Вспоминая счастливые безмятежные дни, я окончательно теряла чувство реальности, отчего работа только спорилась и согревались руки, которые грубые перчатки холодили и царапали. Шарф скрывал немного неуместную улыбку, но глаза, выдавали мое настроение, что основательно настораживало мою начальницу.

Элеонор то и дело, гоняла с перекуров строителей, не чураясь делать выводы красавчику Мартину, придиралась ко мне за неубранную со стола кружку и прочие мелочи. От того и бросался контраст в отношении, когда эта женщина благоговейно стучалась в дверь мастерской Рэгворда, чтобы поинтересоваться не принести ли тому горячего кофе.

О! Это были два сапога пара!

Реставратор, крайне редко покидал свой оплот и всякий раз, как он это делал, я жалела, что нет возможности снять на телефон короткое видео. Если Рэгги пересекал двор, то он делал это, двигаясь спешно, широкими шагами. Бессменный овчинный жилет превращал его в эдакого викинга и не хватало только секиры в громадных ручищах, тогда образ был бы завершен. Ибо, мистер Полссон двигался с таким видом, будто шел кого-то убивать.

Слухи о ночном побоище на кухне разлетелись по деревне быстро, чему отчасти способствовала Хильда.

Девушка долго и пристально всматривалась в мое лицо, когда узнала, что я выбила зуб объекту ее платонической привязанности, после чего бесшабашно улыбнулась, выставляя напоказ свою харизматичную щербину между зубов.

Дочь Гроссмахтов ко всему прочему еще устраивала индивидуальные экскурсионные туры по Нойншванштайну, а потому навещалась в замок пару раз в неделю с группой туристов. Когда наступало свободное время, она писала сообщение, что ждет меня на верху башни.

Уединившись там, мы могли спокойно поболтать и перекусить. И хотя эта девушка всеми силами пыталась строить из себя строгую, принципиальную личность в плане транжирства, но она всегда приносила с собой угощение. Сейчас мы хрустели умопомрачительными яблочными чипсами с медом и ее пристальный изучающий взгляд так и порхал по мне.

— Маман, готова тебя прибить на месте! Не знаю почему, но она единственная кому удалось сдружиться с Рэгвордом. И кажется, это взаимно. Нет! Я ни коим образом не намекаю на амурный подтекст. Там даже флиртом не пахнет. Но знаешь как это бывает, когда человек нутром чувствует родственную душу? Нечто общее, что объединяет таких диаметрально противоположных созданий, как моя мамуля и наш Рэгги? Единственное, что гложет ее это старая история, которая случилась еще до моего рождения. Как итог — стали расползаться сплетни до самого Фюссена, все больше очерняя фамилию Гроссмахтов. Родители запретили мне вынюхивать подробности, потому что, по их словам, никто в деревне не скажет правды. И сами молчат... Видать очень болезненная тема, но подозреваю мама все же открыла свою страшную тайну Полссону, и он, в ответ поступил так же.

— С чего ты решила что у него есть страшная тайна? — хоть я не подавала вида, но подобные разговоры всегда вызывали во мне умиротворение. Слушая, про то, как несчастны бывают люди, я могла на время позабыть о своей печальной участи.

— Ты, вообще, его хорошенько рассмотрела? Видела выражение лица?

— Да, — я утвердительно кивнула. — Вылитый Дункан Маклауд перед смертным боем с Мистосом.

Хильда не сдержалась, и ее заразительный смех разнесся по пустынной башне.

— Туше, подруга. Кстати, поздравляю, твой противный английский акцент совершенно исчез. Как и твой фингал!

Если бы я в сотый раз не услышала про синяк под глазом, то мир рухнул бы на головы человечества в тот же миг.

— А ты сомневалась в примочках Иво! Этого несчастного с руками бы отхватили бы какие-нибудь шаманы в Амазонии. Мало того, что он в народной медицине разбирается, так еще заучивает латинские названия растений, — так своеобразно Хильда хвалила своего странноватого юриста, плохо скрывая гордость за верного друга. — На счет акцента, ты не подумай, это не персональная неприязнь, просто не люблю такой выговор как-будто к небу постоянно языком жвачку лепят.

Очередное занятное сравнение было не удивительным делом. Хильда слишком отличалась от всех людей, которых я знала. Подозрения на серьезные психические отклонения только укоренились.

— Но вся эта ситуация только на руку мне. Главной психопаткой Швангау теперь официально являешься ты. Ранее пальма первенства, разумеется, принадлежала мне.

Я не знала, что и думать, вполне вероятно, что Хильда шутила, но говорить что-то утвердительно в отношении этой женщины было трудно. Растерянность на моем лице снова позабавила фройлин Гроссмахт.

— Не по-настоящему, конечно! Я вполне адекватный человек. Была... адекватной, точнее. Низкий поклон бабке Вивьен. Кстати, ты завтра познакомишься с ней. Это Тереза Бьюрон! Родная сестра нашего мэра и куратор местного исторического сообщества. На плечи старушки возложили обязанность организовывать ежегодный рождественский концерт. Слышала за Чайковского? Ну, тот, что композитор?

— Слышала, — яблочные чипсы заканчивались и я с тоской посмотрела в опустевшую упаковку.

— Лебединое озеро, это же про наш замок. Представляешь? И диснеевский мульт «Принцесса лебедь», тоже про нас. Каждый год двадцать третьего декабря здесь собираются толстосумы, уж прости за снобизм, на концерт. Его проводят в тронном зале. Событие грандиозное и билет стоит бешеных денег, но свободных мест не бывает. Каждый год, одно и то же. Хоть бы удосужились поменять Одиллию и Лоэнгрину, но попомнишь мое слово — эта сладкая парочка встретит тут пенсию. Ой, Мартин едет!

Хильда подпрыгнула на месте и лихо перевалилась через парапет, отчего я судорожно схватила ее за рукав, пока «подруга» отчаянно махала рукой, привлекая внимание красавца прораба.

— Вот кто больше всего подходит на роль рыцаря.

— Настолько загадочный?

Обернувшись, чтобы посмотреть на меня с округлившимися глазами, Хильда фыркнула.

— Загадочный? Я точно знаю расцветку всех его плавок. У Мартина подписчиков в «Инстаграмм» больше, чем у Нойншванштайна. Скажешь еще! Каждая белка в этом лесу знает подноготную, не говоря об армии поклонниц. Он у нас звезда, но звезда с мозгами — разборчивый и умный. Не путается с кем попало.

— Я про то и говорю. Одиллия не знала настоящего имени Лоэнгрину и это было для нее своеобразным ящиком Пандоры. Благородный рыцарь любил ее и просил никогда не спрашивать о том, кто он на самом деле. И в тот день, когда принцесса узнала настоящее имя возлюбленного, он покинул ее навсегда. Прекрасный пример того, что не надо ворошить прошлое.

— Ну, ты загнула! Как по мне, то ты совсем отбитая, в хорошем смысле и твое место где угодно, но не на должности уборщицы.

Перебрав в голове подробности местной легенды, я порядком загрустила. Отчасти этому способствовали не особо лестные подробности о самолюбии Мартина, с которым я и сама впрочем столкнулась. Нет, он не чурался со мной здороваться и несколько раз мы даже разговаривали с ним. Парень показался мне вполне нормальным, без заносчивости и высокомерия, притягательный облик омрачал только тот факт, что Денглер, во время беседы, практически не смотрел на меня и что-то активно строчил в телефоне.

— А я думала, ты к Рэгги равнодушна, — я поспешила вернуть тему разговора в прежнее русло.

— Ах, Рэгворд... Вот уж где точно получишь сотрясение мозга, сломав изголовье кровати, если окажешься с ним в постели. У этого мужчины нет полумер и намека на двуличность. Смотришь в его хищные глаза и не наблюдаешь там ни одной приличной мысли.

Мечтательный и совершенно не серьезный вид Хильды окончательно запутал меня, но тут же последовал завершающий штрих, который расставил все по своим местам.

— Он один из тех мужчин, которого если уж и повезет заполучить, то ты даже не будешь знать, что делать с этим счастьем и тебя, всенепременно, одолеют старые комплексы, которые мы скрываем за скромной улыбкой, ну, или черной лыжной шапкой.

К моей неопишуемой радости, из-за витого поворота дороги выскочил грузовичок, который обычно, привозил дрова. Легкая подколка Хильды, насчет моего бессменного головного убора осталась безответной, поскольку данный образ был неотъемлемой частью

плана, в соответствии с которым местный контингент не должен был особо присматриваться ко мне.

По словам Зеро не запоминающаяся внешность, однажды, может спасти мне жизнь.

— Спасибо за чипсы! Мне пора бежать. Если завтра нагрянет мэр, то лучше расправиться с кучей дров как можно скорее.

— Бог мой! Не представляю к чему может мамуля придраться, если под рукой такое покорное и неприхотливое создание, как ты...

Так элегантно «бесхребетной» меня еще никто не называл и было видно, что Хильда смаковала каждое слово, но провокация опять не удалась и с виноватым видом, она окинула роскошный пейзаж долины и ненавязчиво добавила:

— Пойдем в субботу пару пива пропустим? Почти месяц, как ты тут безвылазно сидишь.

Наблюдательность фройлин Гроссмахт поражала и настораживала. Я осеклась и паника мгновенно подступила к горлу. Действительно! Для молодой женщины, мое поведение считалось более чем не типичным и давно стоило немного расслабиться. Тоскливые длинные вечера, на пару со свистом сквозняков, заставляли перебирать в голове мрачные мысли и накручивать себя.

— Хорошо! Созвонимся! — крикнула я, торопливо сбегаю по каменной витой лестнице и на ходу, надевая грубые перчатки.

Щурясь от яркого солнца, я не сразу заметила строгий взгляд Элеонор. Грузовичок как раз вывалил сухие дрова на расчищенный от снега участок двора и уже сдавал назад, но грозные нотки в голосе женщины я слышала, даже сквозь симфонию работающего мощного двигателя и бессменный вой перфораторов.

— Дружба с кем бы то ни было, не дает Вам право увиливать от работы. Дрова должны быть сложены прежде чем отсыреют!

Волна негодования уже поднималась в моей груди, но куда больше наслаждения я получала от того, как лицо фрау Гроссмахт вытягивалось от растерянности, если я не отвечала на очередной грубый вызов.

С бесшабашной улыбкой, я пересчитала в голове калории, которые получила от съеденных утром эклеров, и с завидным рвением принялась молча нагружать руки поленьями.

— Не надорвись! — послышались насмешки со стороны строителей, которые украдкой оказывали мне посильную помощь.

Пару раз Элеонор становилась свидетелем подобного безобразия и обращалась к Мартину, чтобы тот лучше следил за своим персоналом, но все претензии были исчерпаны, когда этот красавец сам начинал помогать мне.

Неудел оставался лишь Рэгворд. Он оставался абсолютно безучастным. Я принимала подобное поведение только на свой счет, ведь переступить порог его мастерской было невозможно даже под благовидным предлогом уборки. Моя не особо вышколенная совесть дергалась как от ударов тока, когда я вспоминала, как выбила бедолаге зуб, а потому хотелось хоть немного загладить вину перед ним. Но мистер Полссон лично таскал себе дрова в таком количестве, что можно было не наведываться в его скромную обитель на протяжении недели.

В какой-то момент я отвлеклась, лениво перебирая в мыслях разговор с Хильдой. Меня забавляло то, как она относится к Иво, который судя по всему, был без ума от своей ненормальной работодательницы. Парень выглядел бы куда более мужественным, если не

пристрастие к методам самолечения и даже латынь не добавляла ему загадочности.

Латынь...

“Salve fatum!” (“Приветствую, судьба!” — лат.)

Эти слова, которые я так много раз слышала вместо приветствия в свой адрес, произнесенные тихим, чарующим шепотом. Они звучали как признание в любви, полные невыразимой тоски и облегчения, будто человек, погибающий от жажды, наконец-то, добрался до воды. Казалось, что Керо подшучивает надо мной, но вид у него был всегда серьезный.

Тогда что за манера наводить загадочности, используя мертвый язык?!

Но чего уж там кривить душой, это работало «на ура». От манеры поведения Керо я, буквально, млела до такой степени, что приходилось себя одергивать.

Другое дело — Рэгворд Полссон. Настроение и намерения, у этого мужчины были как на ладони. Искренность в последней ипостаси, вот только не особо приглядная.

Хорошая нагрузка на мышцы и отвлеченные мысли, всегда были для меня лучшим лекарством от темной, вязкой реальности, в которой я прибывала постоянно. Кроме того, наблюдать за мелкими проблемками людей, вроде тех, что населяли Швангау, было забавно, как и то, что многих засасывала подобная рутина, после чего публика делилась на тех, кто хочет острых ощущения и перемен, и тех, для кого острые ощущения вполне себе укладывались в покупку нового набора инструмента для сада или кухонной утвари.

Как легко, в последнем случае, давалось счастье!

Побывав, в свое время, на той и другой стороне, отведав излишеств и лишений, я с уверенностью могла сказать, что простые радости жизни, могут вытащить со дна самой глубокой пропасти, в которую, от отчаяния попадает каждый человек, хотя бы раз.

Радоваться, что у тебя на завтрак есть кусочек торта или пирожное, красивому виду, и что в принципе, ты можешь прожить еще один день, не чувствуя дыхания неотвратимости на затылке. Все это отвлекало от огромного желания забиться в темный угол и лить слезы, пока сознание не оставит в покое.

В преддверии очередного приступа самоуничтожения, я пыталась вовлечь внимание в жизнь местного населения и проникнуться их интересами.

Швангау, укрытый толстым слоем снега, окончательно превратился в волшебную деревушку из старых детских сказок. Миловидные улочки вечером пестрели мягким светом крохотных лампочек гирлянд, которые тянулись от фасада к фасаду. С начала декабря, перед дверью каждого магазина была выставлена пухлая разряженная елка. А потому, мне хватало десяти минут бесцельной прогулки между домами, чтобы прогнать ком в горле.

Очаровательной суеты местной публике добавил грядущий рождественский концерт в Нойншванштайне. Ни больше, ни меньше событие года!

Куча дров уменьшалась на глазах, в то время как я, наконец-то, отвлеклась от невеселых мыслей. Но размышления о интересах местного населения погрузили в такую рассеянность, что бездумно я толкнула дверь мастерской и святая святых Рэгворда.

Очнулась я только стоя у широкого камина, который давно требовал основательной уборки. Реставратора по близости не было и я быстро сложила поленья поверх тех, что Рэгги сам себе натаскал, уже было собралась ретироваться восвояси, как мой взгляд упал на широкий стол, за которым мужчина, обычно просиживал, согнувшись в три погибели.

Широкая деревянная панель только только была расчерчена замысловатым узором, который красовался во всем своем великолепии на листе бумаги чуть выше, закрепленный

на специальной подставке для удобства. Он был срисован для восстановления тех комнат, в которых создатель замка — Людвиг II не успел завершить ремонт, но эскизы остались.

Чуть дальше, у стены уже стояли две готовые деревянные панели, отполированные и покрытые мастикой, они должны были составить единый ансамбль с той, над которой сейчас работал мастер.

Я рассматривала их, как замороженная, не в силах поверить, что человек способен сотворить нечто подобное с деревом. Будто оно было мягким, словно пластилин. Бездумно сняв перчатки, я растерла покрасневшие от холода руки, согревая их дыханием.

— Какого черта, ты здесь забыла? — сердитый низкий бас, заставил меня вздрогнуть и похолодеть от ужаса.

Получается, что я дважды пропустила тот момент, когда этот громила подкрадывается ко мне.

Волчьи глаза смотрели на меня исподлобья настороженно и злобно. Именно так!

Я не понимала отчего незнакомый человек может испытывать подобную неприязнь, если только исключить тот факт, что я лишила его зуба. Но тема физического урона не поднималась больше, даже, самой фрау Гроссмахт, которая за Рэгги могла глотку перекусить.

— Дрова принесла..., - только и смогла промямлить я, ощущая, что надежда на то, что грозный вид мистера Полссона только прикрытие и на самом деле он человек не злой, постепенно таяла.

— Я же сказал, чтобы ноги твоей здесь не было! Что ты тут все вынюхиваешь?

Он бесцеремонно прошел мимо, шепотом перебирая самые отборные ругательства. Мужчина сдернул шапку с головы от чего его волосы неаккуратно разметались по плечам, открытым теплым жилетом, но Рэгги тут же ловко подобрал их с хвост и скрутил жгутом.

Прицел его слов был ясен, но я не собиралась поддаваться на провокацию.

— Простите, я отвлеклась, а потом увидела Вашу работу и залюбовалась.

Дружелюбный ответ, казалось, только добавил масла в огонь и Полссон с силой сжал челюсти.

— И без того хватает твоей вечно довольной физиономии, когда ты шныряешь по замку. Кто бы мог подумать, что профессия уборщицы такая вездесущая. Мне здесь зрители не нужны. Это к Мартину. Что ты здесь трогала? — Рэгги удобно устроился на стуле, после чего нацепил очки на нос, придирчиво осматривая рабочее место, будто я что-то могла стащить

— Ничего..., - обида комом стала в горле, но голос не дрогнул. И на том спасибо. Мужик явно был на отдельной, от цивилизованного мира, волне. Но вот, я предательски шмыгнула носом, что вполне можно было списать на вечный бой с насморком при таком морозе.

— Правда, ничего!

Полссон обернулся и посмотрел на меня исподлобья.

— Дверь там! — бросил он и тут же отвернулся, чтобы вооружиться крохотным зубилом.

— Простите, мистер Полссон, но если дело не в инциденте на кухне, хотя, Вы уже много раз отвергли мое предложение оплатить стоматолога, тогда в чем? Откуда такая предвзятость? Куда проще было бы просто игнорировать присутствие друг друга и позволить мне выполнять свои обязанности.

Рэгги замер с инструментом в руках и странно выпрямился на стуле, будто готовился в

любой момент с него вскочить.

— Отчего это ко всем ты обращаешься "гер", "фрау", а я вдруг «мистер»?

— Что? — суть вопроса не сразу дошла до меня.

В мастерской повисла угрожающая тишина.

— Акцент, — я опасливо сделала шаг назад, но поняла, что угроза исчезла, когда Рэгги хмыкнул, и я готова была поклясться, что он улыбнулся. — Я не должна извиняться за хорошее настроение, к тому же есть люди, у которых действительно не по делу рот до ушей постоянно...

— Поверь мне, у Хильды на то, очень веские причины, — Полссон развернулся ко мне лицом и придирчиво осмотрел с ног до головы. — Так, что еще раз тебя увижу здесь, оторву уши, конечно, если к ним не приросла эта отвратительная шапка. Тебе еще раз показать где дверь?

Когда я вышла из мастерской, вымощенный камнем двор уже покрылся тонким слоем снега. Крупные хлопья медленно порхали в воздухе, настраивая на спокойный лад, но внутри меня бурлило адское варево из обиды и злости, вызывая дрожь во всем теле, а потому оставшиеся поленья я раскидала за каких-то пятнадцать минут, успев до темноты.

Построив еще с утра огромные планы на ужин, который должен был готовить Бронель, я забыла за свои намерения и бросилась в комнату, чтобы в волю нарыдаться.

Спасительный эгоцентризм дал трещину, которую невозможно было игнорировать.

Ради сохранения жизни главного свидетеля тратились огромные средства, но цель их уже давно не оправдывала. Более того, казалось, что благородные порывы, теперь выглядели смешно и по-детски, а пребывание в замке, последним подарком перед полным разочарованием в системе правосудия. После того, как моя жизнь потеряла всякие признаки нормальной, я наблюдала за ней, будто со стороны. Приходилось быть эгоисткой и позволять страху подгонять себя, во имя спасения, ради благого дела.

Но эти убеждения осыпались, как растрескавшаяся на солнце краска. Сколько раз я жалела о сделанном выборе.

В прошлом, во-первых, эпицентром окружающего мира, была только я. Все было понятно и прекрасно, знай свое дело, закрывай глаза на несправедливости разномастные и наслаждайся блаженным положением безответственных. Но, к сожалению, в этой прекрасной картине было и «во-вторых». И оно не обладало, до поры, никаким значимым весом. Предназначение! Или цель, если угодно... Нечто нематериальное и возвышенное, опять же производное вездесущего эго, которому как хлеб нужна подпитка от собственной полезности. Этот незаметный аспект, который здорово вышибает из зоны комфорта, можно долго игнорировать, но он как больное колено будет назревать и воспаляться. И в тот момент, когда к нему присоединиться зов совести, то по ночам приходится слушать настоящий дуэт, с завываниями плохо поставленных голосов. И вы окончательно теряете всякую радость.

Как итог, моя цель была недостижима. В успех дела Фаррот против Отернея верилось с каждым днем все меньше.

Было жалко себя, маму, Сьюзи, Нерба, и почему-то Бронеля. Каждая новая мысль только подмывала на новые приступы уничижения. Кусок пирога под название «жалость» достался и Нойншванштайну, у которого не было выбора и приходилось каждый день выслушивать критику от толпы туристов с очередными заявлениями вроде: «а вблизи ничего особенного...», «я думала он выше», «какая безвкусица» и прочее. Желание запечатлеть

здесь каждый шаг, бесконечные позирования, широкие улыбки, которые искусственно натягивались на лица. Себя... Только себя хотели видеть люди, в то время, как замок жался на заднем фоне и растаскивался тысячами фото. И все для чего? Чтобы ненужные картинки с завистью глянули пару раз друзья и родственники.

Замок был на ремонте, или реабилитации, как я про себя говорила. Это чудо света принимало помощь от людей, которые смотрели, но не видели его подлинной красоты, ведь глаза им застилала деньги. Хорошо, если большинство сновало по старинным залам с отсутствующим видом, но люди вроде Элеонор и Рэгворда Полссона, отравляли всякое очарование, которое из последних сил расточал Нойншванштайн.

Тихий стук в мою дверь, раздался в начале десятого, выдернув из сонного забытья, в которое я погрузилась, после того как изрядно промокла моя подушка.

Это был Бронель. Он принес мне ужин, который я никогда не пропускала. Я молча выслушивала его осторожные вопросы полные тервоги, но слова растворялись в тишине безответно. Полная апатия пришла на смену истерики и геру Гроссмахту пришлось удалиться восвояси.

Сон ушел. Я долго металась по кровати, потом плюнула на все и принялась за тренировку, потом утомилась и лежа на кровати, пересчитала все камни на трех стенах, а затем еще раз сорвалась на слезы. В конце концов, уснуть удалось только под утро.

Казалось, я только только сомкнула глаза, как раздался противный звон будильника. Гадкое ощущение, от того что нужно было снова встречаться с Элеонор и Рэгги за завтраком, вызвало чуть ли не тошноту. Но деваться было некуда...

За ночь кувшин с водой, который отважно стоял на страже моей гигиены, ничуть не согрелся от тепла камина. Как раз то, что нужно! Умывшись ледяной водой, я смогла, хотя бы разлепить глаза. Отодвинув горловину свитера, я принялась к запаху собственного тела и поморщилась.

Под приглушенные проклятия, были вымыты подмышки, а всклокоченные волосы, я быстро убрала под бессменную шапку.

На кухне царил полумрак — экономия электричества от Элеонор в действии. Широкая спина Рэгворда, сидящего за столом, бросилась в глаза сразу же. Я зашла почти бесшумно, но он все таки обернулся, как всегда с недовольной физиономией. Наверное, на скрежет моих щек, которые огромным усилием воли, все же сместились, чтобы продемонстрировать слабую улыбку

Доставить этим двоим удовольствие видеть меня в удрученном состоянии, я теперь, не могла из принципа. Бесить, так бесить! Как ни странно с утра пораньше, здесь уже сновала Хильда, с кофейником в руках.

— Доброе утро! — хотела я сказать легко и не принужденно, но от моего голоса, казалось, разлетелись все вороны в округе.

— Привет, подруга! Бессонная ночка?! А? Видать влюбилась, — свое хорошее настроение Хильда, даже не пыталась скрывать. — Мы с Рэгги в город едем, тебя подбросить до кондитерской?

— Нет, спасибо, — я опустила голову и ринулась к плите, где по негласным правилам, в одной из кастрюль находился, гарантированный нанимателем завтрак.

Овсянка!

Серая, слипшаяся, без соли, сахара и масла. Чистейшее рвотное средство, находящееся на втором месте моего личного списка пыточных средств, на первой строке которого

находился штампотт.

— Вкуснятина! — наигранно воскликнула я, прочищая горло. — Нет, Хильда спасибо. Сегодня много работы.

— Тогда может быть вечером сходишь с нами в бар? Хочу пива, умираю! До субботы не дотяну!

— С нами? — я старательно избегала смотреть на вытянутое лицо Элеонор, которая прищурившись впиалась в меня взглядом.

Полссон, тяжело вздохнул. Он допивал огромную кружку кофе. На носу красовались очки, которые, как ни странно добавляли ему шарма, в купе с овчинным жилетом, в котором он похоже родился. Карие глаза лениво поднялись на меня и глянули поверх оправы.

Я видела, как неприязнь сменилась на сомнение и что-то, что могло сойти за тревогу.

Неужели я так плохо выглядела? Шапка скрывала почти все.

— Иво, Рэгги и я. Тебе не помешает немного расслабиться, а то скоро в замке появится новый экспонат. Туристы частенько спрашивают за призраков, а ты без пяти минут один из них.

Но тут подскочила Элеонор и хищно схватила меня за подбородок.

— Вы что принимаете наркотики?! — ее голос весьма эффектно сорвался на визг. — Такие красные глаза только у наркоманов бывают!

— Мам, да ты чего? Лора нормальная девчонка...

Повышенная агрессивность фрау Гроссмахт, была призвана скрыть тот факт, что она заметно нервничала этим утром.

— Нет, фрау Гроссмахт. Просто плохо спала, — я так и рухнула на стул с тарелкой каши, потому что ноги подкосились от прозвучавшего вопроса.

— Послушайте, меня, внимательно, если я обнаружу, Вас хотя бы с сигаретой в руках. Вы тут же потеряете работу. В контракте было ясно прописаны все условия.

Рэгги внимательно следил за моей реакцией и по его лицу, я видела, что даже он проникся сочувствием.

Каких же титанических усилий мне стоило, не запустить тарелку в физиономию Элеонор на глазах у всех.

— Спасибо, но условия контракта я помню. Если нужно повторно сдать анализы, я могу заняться этим незамедлительно и если угодно на Ваших глазах. Есть чистый стакан?

Последний вопрос я уже произнесла с набитым овсянкой ртом, чем повергла в присутствующих в шок. Рэгворд едва сдерживался, чтобы не рассмеяться в голос.

— Мы собираемся в семь у Гессера, — выдал мужчина, вылезая из-за стола и упорно пряча, довольную ухмылку в своей роскошной бороде.

С оскорбленным видом, фрау Гроссмахт поджала губы и унеслась вслед за Рэгги на двор, откуда через секунду мы с Хильдой услышали ее короткие, лающие команды, которыми она разгоняла, по своим местам бригаду строителей.

— Ну, тут даже я с маман согласна. Видок у тебя тот еще! Восстание мертвецов видела? Вот ты была бы там в главной роли! Это ты еще почти месяц продержалась. Многие от маман в голос плакать на второй неделе начинали. О, приехали!

Хильда быстро махнула мне рукой, в качестве прощания и буквально сбежала, подтверждая предположение, что официальная делегация, во главе с мэром Швангау была явлением почти катастрофичным.

Я выглянула во окно, не решаясь выйти во двор, где фрау Гроссмахт с невероятным

чувством собственного достоинства приветствовала высокого худощавого мужчину преклонного возраста. Гэнтер Могель. По обе стороны от него стояли две женщины: одна пожилая, с приветливым улыбающимся лицом, а вторая молодая — невероятно тонкая, статная и красивая, с холодным непроницаемым взглядом.

К Элеонор подошли Рэгворд и Мартин. Оба пожали руку мэру и в этот момент лица красотки из ледяной маски приобрело за мгновение выражение обожания. Женщина вцепилась в руку Рэгги и что-то кокетливо шепнула ему на ухо.

Вторая дама, приветливо улыбалась Элеонор, в то время, как фрау Гроссмахт едва ли отличалась от каменного изваяния Лоэнгринна, которое нависало над их головами.

Чем же этот божий одуванчик ей не угодила?

Реставратор особой радости от подобного внимания явно не испытывал, но все же не сопротивлялся, когда эта кукла показала пальчиком на его мастерскую, где оба и скрылись, едва вся процессия направилась ко входу в главный корпус замка.

Тяжело вздохнув, я осмотрелась по сторонам. Прежнего приподнятого настроения, уже не наблюдалось. Удивительно, но разочарование новым местом жительства наступало, едва только люди, окружающие меня проявляли себя во всей красе. Сейчас было самое время, чтобы подняться на башню и притоптать там, свежевывпавший снег, как следует.

Быстро очутившись на широком балконе, я с горечью глянула на отпечатки ботинок Бронеля. В отличии от меня, он не расхаживал взад-вперед, а всегда стоял на одном месте. Что уж и говорить — мудрость приходит с годами, когда суэта изгладав молодые нервы, отступает.

Мы все еще встречали порой рассвет с гером Гроссмахтом, вглядываясь за горизонт, в полной тишине, присерпывая горячий кофе, но это случалось немного реже, чем тогда, в первую неделю моего прибытия в Швангау.

Как ни странно, но когда я была здесь одна, то, несмотря на страх высоты, всегда подходила к парапету и осторожно заглядывала в пропасть, прикидывая сколько метров до земли приходится с разных точек. Это была еще одна привычка, которую я выработала — план экстренного побега, должен был быть разработан в нескольких вариантах и никогда не стоило исключать, что придется наступать на горло своим фобиям.

Подобные изыскания я провела с разных этажей замка, делая вид, что люблюсь видам за одним, ведь повсюду были установлены видеокамеры. Разве, что на третьем этаже, где активно шли восстановительные реставрационные работы, электрики еще не добрались.

Снег упруго хрустнул под ногами, прогоняя назойливые мысли.

В блаженной тишине Нойншванштайн, казалось, сочувственно вздохнул, будто поддерживая невыносимую тоску, которая струной вибрировала где-то глубоко в моей груди и исчез из моих мыслей, как чудо, которое вспугнул отвратительный визг циркулярки.

— Да, Вив... Твоя бабуля сегодня была звездой. Впрочем, как и Агнес! Рэгги, без обид.

Вступительное слово Хильда произнесла более чем торжественно, на что Полссон, не глядя отсалютовал пинтой пива, а фройлин Херст-Бьюрон, съежилась на своем стуле и спрятала нос на груди.

— Я серьезно! Они обе молодцы. Концерт каждый раз удается на славу, это же надо так надрываться из года в год и... ничего не делать! Только крутиться под носом у приезжих

звезд балета и напоминать свои имена.

Удивительное дело, но Вивьен не повела и бровью на столь резкие слова в адрес своей бабки, а Гессер, который подперев тучную щеку мощной рукой, слушал разгромный вывод девушки, только согласно кивал. Ни больше, ни меньше — местная оппозиция в сборе!

— Вив, ты пойдешь на балет?

— Да, бабушка уже отдала мне пригласительный.

— Вот! А мы, точнее, мои родители, которые блюдают порядок в замке, как обычно, будут наслаждаться звуками эхо, доносящегося до их комнатушек. Где справедливость?

— Я могу не идти, — еще тише промямлила девушка, окончательно слившись с цветом своего джемпера слоновой кости. — Но...

— Что? Бунтарский дух, как я посмотрю, вещь гибкая у тебя!

— Мартина пригласили..., - слова вылетели резко и достаточно громко, да так, что сама Вивьен испугалась. Девушка сделала большой глоток пива. Этого, казалось, ей хватило и в порыве отчаяния, она обхватила голову руками, как заправский пьяница и тяжело облокотилась на столешницу, на что Рэгги только покачал головой и поднял палец вверх, заказывая вторую кружку. Первая успела даже просохнуть.

На мой растерянный вид никто не обращал внимания и Хильда поняла, что новая пара ушей готова для пояснений.

— Это история безответной, глупой любви, которая будет длиться бесконечно, если не вмешаться. Ви, ты не против?

Отчаянный жест девушки, дал волю ораторскому искусству Хильды.

— Сколько раз я говорила, что мужчин привлекает, в первую очередь, внешность. Даже заказала партию декоративной косметики в магазин, но Вивьен игнорирует мои советы, а потому ни чем не отличается от гряды сосен в лесу, уж простите за поверхностную параллель с бревном! Иво!

Парень не ожидал, что его, вообще, заметят и от неожиданности чуть не свалился со стула.

— Ты, бы обратил внимание на Вивьен?

— Мы вместе работаем, общаемся..., - Иво жутко покраснел и говорил отрывисто, будто подросток на допросе у родителей.

— Как на женщину, олух! Тебя ее внешность привлекает?

В этот момент, Мейер так пристально взглянул на свою говорливую подругу, что я могла поклясться, что мои недавние догадки о нежных чувствах к Хильде, могли подтвердиться в любой момент.

— Вив очень милая девушка, — вымученно выдохнул Иво, чем вызвал слабую улыбку у Вивьен.

— Ага! Как и наша Лора. Кстати, почему ты даже в баре не снимешь свою шапку? Вот уж у кого безнадега. Тебя со спины от Курцвилля не отличишь. Еще этот свитер под горло.

Сравнение с одним из охранников меня не задело, и даже польстило! Значит, маскировка работала, а потому пришлось равнодушно пожать плечами и шепнуть:

— Голову забыла помыть.

— Ой, у тебя, вообще, последняя стадия... Ладно, отвлеклись. Ви, я что предлагаю! Е следующую пятницу, берем Рэгги и имитируем Вам свидание. Это однозначно повысит твои ставки. Твою же мать, да вся деревня уснуть с месяц не сможет! Рэг, ты согласен?

От неожиданности, пиво пошло носом у мистера Полссона, но к моему удивлению тот

промолчал, подтверждая мысль, что против Хильды нет приема.

— Я пасс, — тихий, угрожающий бас подвел, казалось бы, черту под озвученным предложением.

— Да нет же! Ты, как чашка Петри для женщин. Поднимешь ставки для любой. И ничего, что после вашего псевдосвидания Агнес Мунд смастерит куклу Вуду для Вивьен, зато для Мартина, это будет как луч прожектора. Тебе и делать ничего не придется. Всего-то улыбнуться пару раз, ну, по руке погладишь. Вы же с Вивьен давно знакомы. Мы с Лорой и Иво будет неподалеку, словно подчеркивая тот факт, что в нашей компашке происходят изменения локального уровня. Будет весело!

Значит, статная красотка, которая на несколько минут, своим появлением в замке полностью парализовала работу бригады строителей, имела виды на Рэгворда Полссона. Меня буквально поразило то, как смело эта белокурая женщина с лицом греческой богини, скрылась за дверью мастерской реставратора.

— Ага, уже судорогой лицо от улыбки свело, — загробный голос Рэгги тушил огонек надежды в глазах несчастной Вивьен, которой идея показалась неплохой, в то время, как я благодарила небеса, что моя внешность была настолько безнадежной, что Хильда не догадалась поднимать ставки молодой женщины, которую с трудом можно было отличить от сутулого пятидесятилетнего охранника Арнольда Курцвилля.

— Не думаю, что это хорошая идея! — безвольно вставила Вивьен.

— А вздыхать по Мартину днями напролет, это хорошо? И места у вас на концерте соседние. Бабуля тоже не дремлет! Но, этот ловелас тебя не заметит, пока рекламы не будет, а наш лучший билборд, слева от тебя. Рэг?

— Пасс, — бесстрастно, но теперь уже с ухмылкой глядя в даль барных полок, повторил Полссон.

Удивительно, но легкомысленная идея Хильды не вызвала ни у кого явного протеста. Даже грозный Рэгворд оставил слова без комментариев и продолжал глушить пиво кружку за кружкой. Дружба, порой, проявляла поразительную гибкость, и оставалось только догадываться, какая тайна Хильды Гроссмахт, могла питать терпимость к ее бурному нраву столь разномастную по темпераменту компанию.

— Пожалуй, не стоит. В любом случае Мартин и взглянет на меня, — Вивьен набралась смелости и на одном дыхании выдала вердикт.

— Безнадежный случай у Лоры, с ее шапкой. А тебе нужно декольте, сносное платье и губная помада. На фоне Рэгги, образ выйдет противоречивый, но нам то и нужно. Привлечет внимание! Я точно знаю, что нужно мужчинам.

Невинная болтовня и прекрасное пиво творили чудеса, расслабляя каждый нерв в моей теле. Я давно не чувствовала себя столь беззаботно. На дальний план отступили все проблемы, в купе в чувством вины, в отношении Полссона, который в кое-то веке был похож на человека, а не на дикого зверя в клетке.

Неожиданно, я поймала себя на мысли, что уже целый час не ломаю голову над тем, каким способом убить каждого человека в этом заведении, в целях гипотетической самообороны.

Не самое ответственное поведение, учитывая ситуацию, но провести вечер в компании друзей, было необходимо. Тем более, что сам Рэгги ничего не имел против. Как видно, моя распухшая физиономия, которую я смело демонстрировала окружающим, тронула его каменное сердце.

— А мы с Иво тоже сделаем вид, что пришли на свидание, — вдруг выпалила я. — Иво? Хильда медленно повернула ко мне голову, выпучив от удивления глаза.

— Ну, все! Отверженные в сборе! Глянь-ка, выцыганил и себе веселенький вечерок. Высший пилотаж, Иво, ничего не сказать.

Глупая полуулыбка, которая всегда служила мне неплохой ширмой, дрогнула и пришлось опустить глаза.

Когда-то давно, каждое утро я совершала настоящий ритуал, который с любой женщиной творит чудеса: неспешно выбирала одежду, начиная, с красивого кружевного белья с чулками и подвязками, затем туфли, непременно на каблуке, макияж и духи, способные вскружить голову любому мужчине.

Весьма мелочно было сожалеть об утраченном комфорте, ведь благородная цель, которой отныне была посвящена моя жизнь — оправдывала средства. Но сутулила спину и выжигала все изнутри.

— Высший пилотаж, это когда женщина пальцы на ногах поджимает, — пробормотал уже изрядно подвыпивший Рэгги, улыбаясь собственным словам.

Несмотря на то, что его настроение казалось приподнятым, я видела, как глаза этого мужчины все больше чернели. Его друзья старательно делали вид, что ничего не замечают. Хильда восхищенно покачала головой, а мы с Иво густо покраснели. До Вивьен смысл сказанного, кажется, не дошел.

Не трудно было догадаться, что «реклама» не помешает и Мейеру.

Парень выпучил глаза и залился краской. Его пронзительные, умные глаза на миг украсила смешинка, после чего он отчаянно взглянул на Хильду и решительно кивнул.

— Согласен. Как-будто двойное свидание, да Вивьен будет чувствовать себя увереннее.

— Первая здравая мысль за весь вечер, заставила засиять глаза фройлин Херст-Бьюрон, да так, что Рэгги тяжело опустил косматую голову на руки и выдал вердикт:

— Ой, ладно. Черт с вами! Согласен.

Несмотря на столь великодушное поведение Рэгворда, я заметила, что мужчины в баре старались обходить его стороной, а когда народу набралось столько, что личное пространство уменьшилось вдвое, и Полссона стали нечаянно задевать, извинения следовали прежде, чем тот успевал понять, что произошло.

Реставратора боялись, как огня.

И без того компашка Хильды была настолько колоритной, хоть по банкам харизму распахивай, но в то же время, среди четверки царила странная гармония: бешеная половина в лице Хильды и Рэгги удачно уравновешивалась флегматичной Вивьен и спокойным Иво.

Подобная сплоченность могла случиться только на фоне чего-то общего, Например, тайны. Я могла биться об заклад, что секрет между друзьями относился исключительно к персоне Хильды. Ведь только человеку, хлебнувшему в жизни дерьма, позволяют так нагло манипулировать окружающими.

Когда со стороны места, где сидел Рэгги, донесся самый натуральный храп, Хильда резко подскочила, и понизив голос, заторопила всех домой.

— Расходимся, ребят. Уже поздно. Лора, ты идешь ко мне ночевать, а то еще попрешься пешком по темноте.

Вивьен и Иво тихо попрощались и направились к выходу, я не стала спорить и пожала плечами, но тут решила растолкать Полссона, уловив недовольный и встревоженный взгляд хозяина заведения, который косился на мощную фигуру надравшегося великана.

— Постой! Надо же разбудить...

Но не успела я договорить, как на лице Хильды застыло выражение неподдельного ужаса и она громко крикнула:

— Нет!

Поздно...

В одно мгновение тело Рэгворда встрепенулось и резким, молниеносным движением, он развернулся ко мне и намертво обхватил своей лапицей мою шею, сдавливая изо всех сил. Так, что тот воздух, который остался в моих легких, был единственным запасом кислорода, который остался в моей распоряжении. Со всех сторон, на Полссона накинудись мужчины, но он глядел на меня и будто видел другого человека.

Маска обжигающей ненависти, которая поразила меня до глубины души, не оставляя сомнений, что я смотрю в лицо своей смерти. Грудь разрывало от желания сделать вдох, а в глазах замелькали красные мошки. Рэгги получил нешуточный удар в поддых и только это заставило разжать пальцы.

Спасительный вдох не принес облегчения и в горле засвербило.

— Перебрал парень...

— Как обычно.

— Ну, успокойся. Тихо, ты!

— Хильда, уводи ее, хватит на сегодня, я позабочусь обо всем, — распорядился Гессер, пока я откашливалась, сидя на полу, как заправский шахтер, после рабочей смены.

— Лора, ты в порядке? Можешь идти? — Иво помог мне подняться.

Я покачала головой, когда поняла, что не то что слово сказать, не могу без кашля дышать.

— Ее надо к врачу отвезти, — прозвучал полный тревоги голос парня.

Пуще прежнего закашлявшись, я схватила его за грудки, будто в агонии, что вышло так натурально, что одежда Иво затрещала по швам.

— Нееее...т, — сипло выдохнула я, понимая, что лишний раз светиться в больнице мне не к чему. — Просто давайте уйдем.

Рэгги как ни в чем не бывало снова растянулся на барной стойке, но мужчины не спешили отходить от него. Гессер нетерпеливо махнул Хильде рукой, показывая на дверь, чтобы мы убирались быстрее.

Возражений не последовало.

7 глава

Из крошечной тьмы душной амазонской ночи, два мощных фонаря бесстрастно вырывали лица четырех человек. Трое из них словно статуи окружали одного бедолагу, который с глазами полными страха, ловко копал яму.

Это была стандартная процедура, на которую шел Габриэль Сомерсбри, когда появлялись доказательства того, что кто-то из его сложной системы доставки кокаина из Колумбии и Перу, работал больше на собственные интересы, чем на его.

На первый взгляд, никто не мог догадаться, что этот красивый молодой человек с благородным лицом и горящим, умным взглядом, мог оказаться среди грязи тропического леса, да еще в роли палача, в месте, где гомон цикад мог оглушить с непривычки за четверть часа, москиты роем набрасывались жертву, возмущенные крики обезьян то ли предупреждали об опасности бродящего неподалеку ягуара, то ли добавляли фантасмагории

развернувшегося представления, а вязкие шорохи листы под ногами в любой момент могли обернуться длинным телом ядовитой змеи.

Этому моменту предшествовали полчаса призрачной надежды, что случился простой визит с проверкой, когда по возвращению с «работы» за обеденным столом, где собиралась на трапезу семья Сантьягу в лице супруги, двоих детей и пожилой матери, он увидел лицо человека, который в Манаусе слыл легендой.

Да что там Манаус!

Имя Габриэля Сомерсбри никому не было известно, кроме ключевых фигур его империи наркоторговли. Для мелкой сошки он был Англичанином. Это прозвище вселяло ужас отъявленным головорезам потому, что в их кругах ходили жуткие слухи о том, какими методами этот человек разрешает малейшие проблемы. Слухи подтверждались импровизированными любительскими короткометражками, которые распространялись в целях «обучения» в рамках картеля.

Англичанин не чурался лично разбираться с отдельными инцидентами, чтобы преподать урок каждому, кто мог нарушить устоявшийся за несколько лет порядок.

Неподвижный холодный взгляд поверг Сантьягу в ужас, он только и успел в последний раз посмотреть на родных. И хотя его поза излучала спокойствие и на первый взгляд мужчина выглядел расслабленным, это было обманчивое впечатление. Зачесанные назад светлые волосы, открывали красивый ровный лоб, а тени причудливо выделяли бликами скулы и малейшее движение желваков.

В доме витал аппетитный запах печеной фасоли и жареной пераруку. Дорогая рыба, которой промышляли местные браконьеры, практически, каждый день была на столе скромной семьи, после того, Верас стал работать на картель. Но в этот момент, соблазнительный аромат, не радовал пустой желудок главы семейства, а наоборот, вызывал тошноту.

Смуглая красавица — жена, молча глотала слезы, прочитав по лицу мужа, что это их последняя встреча. Анита, прикрыла рот рукой, сдерживая рыдания и бросила полный отчаяния взгляд на незнакомца, сидящего за их столом, но Сантьяго едва заметно дернул головой, чтобы она не произносила ни слова. Из-за двери спальни то и дело, испуганно выглядывала мать Вераса. Пожилая женщина, белая, как полотно с седыми волосами и загоревшим до черна лицом, видевшая мало хорошего в жизни от мужа-алкоголика, помалкивала, видимо осознав, что единственный, кем она гордилась, не переживет эту ночь.

Ни сказав ни слова, Анита быстро обняла мужа. После чего, Сантьяго крепко прижал к себе детей и все трое ушли в комнату к бабушке. Когда дверь за ними закрылась, всхлипы женщин переросли в тихий плач.

От того, как он себя поведет, сейчас зависела жизнь всех обитателей этого дома, а потому Верас вежливо поприветствовал гостя.

— Добрый вечер, господин. Чем я могу помочь?

Стоило потянуть время, и хотя Верас на сто процентов был уверен, кто перед ним, то всем сердцем молил о чуде.

— Ты знаешь кто я? — мягкий тихий голос прокатился по скромной комнатке.

Попытка обвести этого человека вокруг пальца могла обернуться катастрофой и Сантьяго сдался.

— Англичанин, — выдохнул мужчина, после чего его челюсть задрожала, придавая небритому, загорелому лицу жалкое выражение.

— Знаешь почему я здесь? — мужчина не сводил своего пронзительного гипнотизирующего взгляда, а лишь приподнял голову выше, из-за чего свет скрыл зрачки в тени надбровных дуг, вылепляя зловещую маску неотвратимости.

— Простите, господин...

Но тут же на стол рухнули два увесистых свертка.

Коричневая бумага, герметично упакованная в пленку — именно так на третьей стадии производства выглядел кокаин, после обработки в лаборатории, которая располагалась в одном из самых неприступных мест в одном из устьев Амазонки.

Сердце Сантьяго зашло в бешеном ритме, а мысли рассыпались, чтобы сфокусироваться на одном событии, случившемся два месяца назад. Именно тогда, на Вераса вышел человек, который представился, как Крейг Шогерси.

Не успев опомниться, Сантьягу был усажен в черный джип. На таких любят разъезжать криминальные авторитеты и шишки из полиции. И уже в салоне автомобиля был представлен жетон ФБР и изложен нехитрый план, целью которого было только одно — отследить путь от лаборатории в джунглях, где производят кокаин, до его переправы через границу Бразилии.

За сотрудничество, Сантьягу и всей его семье пообещали американское гражданство и даже показали готовые документы, правда бедолага не знал английского, но бумаги произвели на него сильное впечатление, как и то, что в противном случае, его, из этой машины не выпустят живым. Он и сейчас жил по местным меркам довольно неплохо, а этот цирк с ФБР вполне мог быть проверкой.

Наркотой в районе заправлял страшный человек, который собственноручно вырезал целые семьи острым, как бритва мачете. Его звали Марога. Садистские методы, на которые его благословили боссы по-крупнее, держали в страхе, буквально, всех. Полная безнаказанность позволяла ему вершить расправу даже над полицейскими, если те совали свои носы куда не надо.

Марога сам пришел к Сантьяго и предложил ему работать на хлипком катерке. Всего-то и стоило плавать к устью реки и забирать «товар». Тут даже охрана не требовалась. Каждая речная крыса десятой дорогой обходила все, что обозначено символом раздвоенного змеиного языка — Ассобио.

Но до таких деталей, как дорогой костюм на агенте, крутая тачка, удостоверение ФБР и пятеро белолицых американских рож, при «проверке» на верность не мог додуматься и Марога. Уж больно натурально все выглядело.

Верас сдался спустя месяц, предусмотрел все мелочи, вплоть до того, что жучки ему передали в абсолютно темном помещении, спрятав под камнем, в заброшенном доме.

Каким образом это всплыло оставалось только догадываться, но шутить с Американцем было чревато. И за меньшие «проступки», все кто переходили ему дорогу, попросту исчезали.

Сейчас Сантьяго догадывался, что он узнает по какому сценарию развивались события со теми несчастными. С обреченным видом, он оставил идею о побеге и безмолвно молился.

Господин Сомерсбри, наоборот, выглядел невероятно спокойным и как ни странно задумчивым. Молодого мужчину одолевали крайне печальные мысли, учитывая ситуацию и грядущее убийство.

Отстраняться от чужих эмоций, Габриэль научился еще в раннем юношестве, когда родители переживали крайне тяжелый развод. Богатая семья с завидной английской

родословной всегда представлялась чуть ли не идеальной, пока не грянуло шокирующее расставание красивой пары — английского пэра и итальянской художницы. Пятнадцать лет брака комкали всякие надежды на большую, дружную семью, о которой Габриэль мечтал до сих пор.

Вот только род его занятий был весьма специфичен и исключал любую сентиментальность и мягкость, потому что жизнь молодого аристократа была посвящена великой цели, а сам он был лишь орудием в бесконечном процессе естественного отбора, в котором людская «глупость» была едва ли не главным инструментом.

Глупость, под руководством безответственности и скуки, толкала подростков и взрослых к тому, чтобы попробовать запретное. Хотя, разве что не с пеленок поступает информация о смертельной опасности наркотиков.

В этом плане Габриэль только сокрушенно качал головой. За плечами были нешуточные сомнения, внутренняя борьба с совестью и построение доводов, которые определили развитие мужчины, как личности. По своей природе он не был кровожадным, а чувство жалости едва не превратило тихого, не амбициозного мальчишку в изгоя.

Убийства десятков человек, которые не сдержали собственного слова, опять же из-за глупости, не шли ни в какое сравнение с количеством людей, которым мистер Сомерсбри оказывал помощь. Его частная организация занималась сбором, доставкой и перераспределением гуманитарных грузов.

Очень удобно было отмывать деньги, поступающие от продажи кокаина через анонимные пожертвования, которые привели дело Габриэля к процветанию, о котором он и не мог помыслить. В свои тридцать четыре он давно превзошел собственного отца — одного из богатейших людей Британии.

Хотя, вряд ли бы кто смог распознать в этом человеке богача. Одежда Габриэля была простой и практичной. Белая рубашка из тончайшей ткани, липла к телу, насквозь пропитанная потом из-за вечной амазонской духоты; брюки цвета хаки и добротные ботинки выдавали в нем человека, который знал, чему следует отдавать предпочтение, приезжая в джунгли.

А то, что их мрачная компания направляется именно туда, у Сантьяго не было никаких сомнений. Бросив полный ужаса взгляд на свой дом, мужчина понял, что к Англичанину подошел Марога. Перекинутый через плечо автомат и подобострастный взгляд головореза не сулили ничего хорошего семье Вераса. Махнув в сторону дома рукой и обведя его рукой, белый мужчина явно приказывал никого не выпускать, и не трогать. Это было хуже всего!

Джип остановился в крошечной темноте и телохранители включили мощные фонарики. Габриэль достал из багажника, свернутый мешок, лопату, пока один из его «помощников» крепко держал Вераса за связанные руки. За поясом Англичанина торчал пистолет.

И тут несчастный понял, что они приехали к хлипкому причалу, с которого у него начиналось каждое утро. Мужчину грубо усадили в катер. На нервы очень давила гнетущая тишина, на фоне безумной симфонии, которой полнился ночной лес.

Не последовало ни одного вопроса, ни вполне ожидаемых обещаний расправы над его семьей. Что ж... Этот тип и вправду был очень расчетлив.

Сантьягу перестала бить мелкая дрожь, уступив место полной готовности к смерти. Сейчас оставалось только гадать будет ли она быстрой.

Чувства обострились до предела, и вместе с животным страхом, накатила апатия, как-будто укусил каменный паук. Это мерзкое смертоносное насекомое, Верас стряхивал со

своей одежды несколько раз, после того, как стал работать на картель в джунглях. Длинноногий паук с толстым брюхом и цепкими лапками, напоминавшими засохшие ветки, не особо пугал размерами, но его укус вызывал очень сильный паралич, да такой, что человек обездвиженный падал на землю и за это время на несчастного могли напасть кочевые муравьи, загрызть ягуар или не дай Бог, мимо будет проползать анаконда.

Впрочем все это может очень скоро случиться, но Сантьягу уже будет мертв, а его тело пойдет на корм местной живности.

Странно, что Англичанин не решил пустить ему пулю в лоб, прямо в лодке, чтобы потом сбросить за борт на съедение пираньям. Эти рыбешки обгрызут его до костей, правда останки потом может прибить к берегу, но и в этом случае местные полицейские не поведут и бровью. Мало ли какому рыбаку не повезло?

Катер медленно продвигался по основному каналу, пока через полчаса, не свернул в сторону в лабиринт протоков. Силач, за штурвалом, меньше всего был похож на местного, а потому удивительно, как умело он управлялся с судном и ориентировался в кромешной темноте, разрезаемой одним единственным лучом мощного фонаря, закрепленном на носу катера.

Наконец мотор заглушили и в непролазной гуще леса показалась прореха, куда можно было пришвартоваться. Рулевой соскочил на илистую, топкую почву и среди переплетенных черных корней деревьев, что-то резко дернулось и нырнуло в воду, спасаясь от внезапного визита человека.

Англичанин начал отбиваться от назойливых москитов, которые лезли в глаза, рот и нос, не говоря уже о каждом открытом участке тела, и тут же второй верзила достал из рюкзака банку и поспешно отвинтил крышку, после чего протянул ее хозяину.

Тот зачерпнул странную желто-коричневую пасту, противную на вид, и Верас уловил легких лимонный аромат.

Желтые муравьи! Явно свежепойманы и растертые. Это было первым средством от москитов на Амазонке, получше самых дорогих репелентов.

Обильно намазав руки, лицо и шею, Англичанин передал банку своей охране.

После этого, «рулевой» не церемонясь, вытащил Сантьягу из катера и вывел его на берег.

Это была возвышенность, судя по тому, что сейчас был прилив, а берег возвышался на добрые полтора фута. Теперь понятно, для чего захватили лопату. Но дальше случилось то, чего бедолага не ожидал. Англичанин достал внушительный охотничий нож и разрезал веревки, которыми были связаны руки Вераса.

Фонарь на катере повернули так, чтобы осветить участок земли в нескольких метрах от берега, после чего в лицо направили дуло пистолета.

Англичанин вышел на свет с лопатой в одной руке и ножом в другой, воткнул инструмент в землю и кивнул:

— Копай.

Тихий голос вклинился в гомон ночных джунглей, и Сантьягу на шатающихся ногах, вышел вперед.

А пока ты занят делом, расскажи о том, как эти два жучка попали в брикет с товаром. И ни в коем случае не подумай, что если ты выложишь правду, то яма не понадобится. Правда будет залогом того, что в конце ты получишь свою пулю, а не будешь засыпан землей заживо, укутанный в мешок.

— Да, сеньор! — Верас не узнал собственный голос. Тело слушалось его с трудом, после услышанного, но слова полились рекой.

Англичанин ушел в тень и замер в стороне, скрестив руки на груди, а один из телохранителей достал телефон и начал снимать происходящее на видео. Это была стандартная процедура при расправе. Отснятый материал распространят между работниками картеля, чтобы никому не было повадно повторять ошибку. Разумеется, все лишние имена, которые будут произнесены вслух уберут при монтаже, как и лица. Останется только добровольное рытье могилы и ужасная концовка: с пулей или без нее.

Рассказ закончился довольно быстро. Сантьяго успел углубиться в землю только до колена. С немигающим взором он продолжал орудовать лопатой, не ожидая, что его остановят. Нос забивал землистый, влажный запах, а шорохи и хруст веток, хлопающих звук крыльев, сорвавшихся с ветвей птиц и летучих мышей, были прелюдией жадной до крови живности, которая со страхом и любопытством ожидала, когда погаснет свет.

Англичанин не задал больше ни одного вопроса и если бы Верас посмел поднять на него глаза, то не заметил бы ни одной эмоции на его лице.

Через час яма, глубиной больше четырех футов стала заполняться водой.

— Достаточно, — прогремел голос одного из телохранителей. — Брось сюда лопату.

Сантьяго вытолкнул инструмент на поверхность и сделал так как ему велели. Яркая подсветка включенного телефона била в глаза, чтобы напоследок четко осветить лицо провинившегося. Страх всей округи перед Англичанином не должен был слабеть. Отвратительная концовка импровизированного репортажа близилась.

— Я все рассказал..., - внезапно выпалил Сантьяго и по его лицу покатались слезы. — Моя семья, сеньор! Пощадите их! Дети не ви....

Но торопливую, отчаянную речь прервал громкий, резкий звук выстрела.

Пистолет в руке Англичанина не дрогнул, а глаза, холодные и спокойные следили за тем, как откинулась назад голова.

— Закопайте, — приказал Габриэль.

Его охрана кинулась выполнять приказ, а он отошел в сторону и глубоко вздохнул.

Сантьяго не надеялся на то, что сегодня ему удастся избежать наказания, что было достаточно умно с его стороны. Хотя бы здесь, обошлось без глупостей. Габриэль горько усмехнулся и сокрушенно покачал головой.

Сейчас нужно было завершить дело и «позаботиться» о семье Вераса, а также о слишком рьяном агенте Шогерси и тех, кто за ним стоял. Но уже сейчас чутье Габриэля подсказывало ему, что эта ниточка приведет к единственному человеку, которому давно хотелось дорваться до его власти — Виго Оттернею.

Вне себя от страха за детей и горя за мужа, Анита с трудом отпрянула от окна, где в тусклом свете одинокого фонаря то и дело мелькала «охрана». Англичанин вернется сегодня, но бежать не было никакой возможности.

Огромным усилием воли женщина успокоилась, чтобы выкупать детей и уложить их спать. На их заплаканных лицах читалось непонимание происходящего, но они чувствовали состояние матери, слышали ее рыдания и совершенно новые звуки — похожие на вой животного, которые рвались из груди женщины.

В доме стихло и женщины опустили на колени перед домашним алтарем, который украшала небольшая фарфоровая статуэтка пресвятой Девы. Сложенные в молитвенном жесте руки тряслись, а губы безмолвно повторяли заветные слова, но, казалось, что небеса оставили всю семью в этот роковой день.

В окне промелькнули огни фар, послышалась суета и через мгновение в дом вошел мужчина.

Англичанин, сейчас выглядел не таким опрятным, как несколько часов назад. Его светлые волосы слиплись от пота, лицо было вымазано, на дорогие ботинки налипло столько грязи, что их можно было смело выбрасывать на помойку. За его спиной промелькнули каменные лица телохранителей, которые замерли, прикрывая за хозяином дверь.

Устало сделав несколько шагов, Англичанин обвел скромную комнату взглядом, который замер на двери, ведущей в детскую. Анита прижала руку ко рту, чтобы заглушить вопль и бросилась к ногам.

Она принялась целовать грязную обувь, умоляя сохранить жизнь ее малюткам.

Мужчина резко схватил ее за плечи и поставил на ноги, после чего сделал то, чего предугадать женщина не могла — протянул свою руку, в которой был зажат белоснежный платок. Он принялся стирать с ее губ грязь.

— Тшшшш, — призвал он к тишине, после чего выдвинул стул для Аниты.

Англичанин потянулся к рюкзаку, висевшему у него на плече, порылся в нем и достал пистолет и три шприца.

— Выбирай. Это для тебя и твоих детей, — в одной руке он зажал оружие, а в другой шприцы, заполненные прозрачной жидкостью.

Англичанин говорил на чистом португальском и страшный смысл слов сразу дошел до сознания Аниты и ее свекрови.

Пожилая женщины забилась в угол и закулила, вырывая седые волосы, пока ее невестка делала такой ужасный выбор.

Разумеется, бедняжка кивнула на шприцы, с такой силой сжав губы, что они посинели.

— Вытягивай руку, — буднично попросил Англичанин.

Казалось, что он и не ожидал другого, откуда ни возьмись появился жгут и мужчина профессионально перевязал предплечье Аните, после чего быстро сделал инъекцию.

Внутри был определенно сильнодействующий яд, потому что несчастная не успела дочитать короткую молитву за детей, как ее накрыла тьма.

Марога со своими людьми наблюдал за домом Вераса, довольный тем, что смог угодить самому Англичанину. Он с нетерпением ждал, традиционного видео, которое демонстрировали всему картелю в специальной комнате, отведенной для экстренных собраний, рядом с лабораторией, спрятанной среди джунглей. Интересно, Сантьягу сохранил свою честь или скулил как гиена, умоляя о пощаде?

Его жена, и та будет посмелее. Удивительно, что расправу над семьей, Мароге как обычно, не доверили. Но кто знает этих богачей? Вполне возможно, что этот ошалевший от денег и власти мужик, ловит кайф от подобных вещей.

Отвлечшись на свои мысли, Марога не сразу понял что происходит, он и глазом не успел моргнуть, как из дома вышел Англичанин, неся на руках замотанное в простыню тело. Что-то сказав одному из своих телохранителей, он небрежно бросил труп в багажник, а через несколько секунд в двери промелькнула огромная фигура телохранителя, который в обеих руках нес еще по одному свертку.

«Дети!» — догадался головорез, почувствовав, как засосало под ложечкой.

Маленькие тела бесцеремонно плюхнули вслед за материнским. После чего, англичанин жестом подозвал к себе Марога.

— Старуху оставить в покое. Пусть будет живым свидетельством того, что я ценю тех, кто говорит правду. С семейства Вераса довольно лишений. Присмотри, чтобы она не голодала.

— Конечно, сеньор! Как пожелаете, — последовал раболепный ответ.

Ни сказав больше ни слова, Габриэль сел в машину и джип скрылся за ближайшим поворотом дороги. Из дома Вераса раздался душераздирающий крик матери Сантьягу.

Крепко сцепив зубы, Сомерсбри еще раз прокручивал в голове план, который требовал от него предельного внимания к деталям. Люди проживавшие в этих местах с легкостью раскроют обман, если упустить определенные детали.

Машина наскочила колесом на камень и резко подпрыгнула вверх. Все кто находился внутри могли с легкостью прошибить головами крышу, если бы не были пристегнуты ремнями безопасности.

Анита очнулась от этого толчка и осознала, что жива, но она не могла пошевелиться. Даже язык не слушался, на котором чувствовался привкус крови. Видимо будучи без сознания, она ударилась головой и прикусила щеку.

«Почему она жива? Разве Англичанин не предлагал смерть на выбор?»

Двигатель заглушили, быстро распахнулись и захлопнулись дверцы, после чего мотор снова взревел и кто-то резко нажал на педаль газа. Боясь выдать себя, Анита не осмелилась даже заплакать.

Теперь они явно ехали по городу. Подвеска и амортизаторы получили передышку.

Поездка не продлилась долго. Снова остановка и резкий мужской голос, по-военному строго попросил предъявить документы, после чего последовал куда более уважительной тон с просьбой проезжать.

Машина сделала еще несколько виражей и припарковалась. Несколько пар ног торопливо подбежали и кто-то открыл багажник. В глаза ударил резкий свет ламп дневного освещения на подземной парковке.

— Осторожней! Срочно нужна каталка! Сеньора, не беспокойтесь, Вы в безопасности.

Анита увидела встревоженное лицо белой женщины.

— Вы находитесь в посольстве США в Рио-де-Жанейро. Меня зовут Микаэлла Пажуи, я помогу вам и вашим детям. Вы находитесь в состоянии наркотического опьянения и ... О, нет, нет! Не пытайтесь встать. Дети в порядке, они живы. Вы поможем вернуться Вам обратно в штаты, документы уже готовы.

Безумно вращая глазами, Анита оглянулась не в силах вымолвить и слова. Она увидела своих детей, которые выглядели сонными и вялыми, но были живы. Как это понимать?

— Возможно Вы не помните, но Вас насильно удерживали, люди занимающиеся работоторговлей. Растерянность это вполне нормально. Сейчас мы направляем Вас в госпиталь. Все будет хорошо. Не переживайте, Вы получите новое имя и вернетесь на родину в ближайшее время, как только мы убедимся, что здоровью ничего не угрожает.

Работница посольства, казалось, была сделана из стали. Ее бы голосом, только роботов

озвучивать. Микаэлла шла рядом, вцепившись в поручни каталки, на которую уложили Аниту. Она позволила себе легкую улыбку, исполненную восхищения.

Благодарите небеса и мистера Сомерсбри, который вызволил Вас с детьми. Невероятная удача! Этот потрясающий человек наткнулся на Вас пару дней назад, по возвращению из Боливии, где он был с гуманитарной миссией! Вам можно только позавидовать...

Плохо соображая, Анита не знала плакать ей или смеяться, но тот факт, что она с детьми была до сих пор жива, действительно больше напоминал чудо.

— Он встретится с Вами чуть позже и все объяснит, а пока постарайтесь сохранить силы. Вас разместят в одной палате с детьми, никто Вас больше не разлучит, — успела произнести Микаэлла, когда медсестры мягко отстранили ее от каталки.

«Значит, Англичанин не хотел их убивать. Это был вовсе не яд, а снотворное, или что-то вроде анестезии, судя по тому, как немели конечности. Но как это понимать? Да, да, конечно! После расправы над тем, кто предал картель, черед доходил до его семьи. Обычно это грязное дело доверяли ублюдку Мароге, который голыми руками душил женщин и стариков. Тот факт, что она сейчас оказалась в американском посольстве и правда, походило на чудо. Значит, Англичанин. Нет... Мистер Сомерсбри, по факту спас ее и детей от верной смерти, чего явно не мог сделать с бедным Сантьягу!»

Путанные мысли и радость за нечаянное спасение, переплелись в комок, и Анита вдруг поняла, что ее накрывает тьма, теряя сознание. Сколько она была в отключке трудно было предположить. Но женщина очнулась, когда за окном уже сгустились сумерки. В палате было тихо и прохладно. Приглушенный свет одинокой лампы на прикроватной тумбочке позволил осмотреться и женщина почувствовала, как учащенно забилося ее сердце.

Детей не было!

Но тут она повернула голову и ахнула от неожиданности. В углу на стуле сидел Англичанин.

Сейчас этот мужчина выглядел иначе — чистое лицо и волосы, дорогой костюм с белоснежной рубашкой и кожаные туфли. Только выражение его лица не изменилось — суровое, строгое, без тени сожалений и каких-либо слабостей.

— Сантьягу знал, на что соглашается, когда нанимался на новую работу. Это было не дальновидно, учитывая, что на тот момент у него уже были дети. Я могу допустить мысль, что он мог пожертвовать своей женой или матерью. Но что взять с необразованного человека? Вы, Анита, куда умнее его. Интересно, почему я сделал такой вывод?

Женщина не чувствовала никакой угрозы со стороны этого страшного человека, и только тревога за детей, заставляла ее нервничать. Анита кивнула.

— Вы не стали кричать по приезду сюда о том, что случилось и требовать приезда полиции. Голосить о пропаже мужа.

— Убийстве..., - шепотом поправила Анита, не сводя глаз с Англичанина. — Но спасли от верной смерти меня и детей.

— Верно, — хладнокровно согласился Габриэль. — В Ваших интересах поддерживать этот нейтралитет и дальше. А если вздумается добиться справедливости, то истина обернется против Вашей семьи. Вот поэтому, я уверен, что совершенно излишним будет взывать к чувству злости на Вашего супруга, за столь опрометчивые действия, которые привели нас в это место. К тому же, Сантьягу нельзя назвать Вашей болевой точкой. Этот престол разделен поровну между Вероникой и Чато. Очаровательные крохи и они заслуживают шанс доказать, что глупость это не наследственное. В противном случае, Вами

займется даже не Марога, есть люди куда более неприятные. Сошлитесь на потерю памяти, если Вас начнут спрашивать. В ближайшее время Вас отправят в штате с оформленным гражданством. С детьми разумеется. И так как Вы у нас учительница по образованию, то я взял на себя смелость подыскать Вам работу в одной из школ Монтерея. Это в Калифорнии. Будете преподавать португальский и испанский. Аренда жилья оплачена на год вперед — дальше сами. Думаю, справитесь. А вот и они!

В дверь зашла медсестра. Она вела за руки Веронику и Чато. Девочка крепко обнимала братишку, который выглядел не старше двух лет.

Поразительно, но малыши боязливо подошли к кровати, на которой лежала их мать и просто утроились рядом, зарывшись лицами в ее волосы.

— Что же, весьма рад за Вас, а теперь прошу меня извинить. Уже опаздываю на международную конференцию. Я прилетел в Рио с докладом о необходимости ужесточить контроль местных федералис за контрабандой наркотиков.

В этот момент Анита готова была поклясться, что уловила в ровном бесчеловечном голосе горькую иронию, но мистер Сомерсбри быстро отвернулся и вышел вон.

8 глава

Сракотень!

Да, это был он! Третий этап, который наступал после апатии и очередного разочарования, после «переезда» на новое место.

Отдавая легким флером неизбежности, сракотень приносила в мою жизнь элемент хаоса, а потому я не могла с точностью сказать, в проблемы какого масштаба происходящее со мной может вылиться. А на то, что мои проблемы обрастут толстым слоем дерьма, указывало несколько факторов.

Во-первых, меня начал разбирать нервный смех. Все чаще и чаще я стала разговаривать сама с собой. Благо, что это происходило во время пеших прогулок в Швангау и обратно.

В данный момент я брела по уже хорошо знакомому мне маршруту, тяжело дыша из-за пухлой елки, на которую был потрачен недельный заработок, потому что душа желала праздника, дабы заглушить рев внутреннего голоса и противоречивых желаний.

К слову говоря, нервному смеху сегодня исполнялось ровно две недели, а начался он поле того, как я побывала на импровизированном двойном свидании, в поддержку личной жизни Вивьен. Разумеется, идиотская затея возымела эффект, но несколько противоположный.

Синяки с моей шеи сошли на нет, благодаря травяным примочкам Иво, но в паб, я все равно, приперлась, одетая как обычно — в черном свитере под горло и шапке на голове. Мой спутник выразительно выпучил глаза и тяжело вздохнув, добавил к пинте пива, стопку водки, приготовившись к насмешкам со стороны бригады Мартина. Когда я оборачивалась ненароком, чтобы оглядеть шумную мужскую компанию, во главе прекрасным принцем всея округи, то наблюдала только недоумение и иронию. Зато Вивьен на моем фоне выглядела, чуть ли не королевой.

С Рэгги, каким-то чудом мы наладили отношения и новых попыток удушения с его стороны я не ждала, а потому широкая спина реставратора лихо перекрывала обзор нашей с Иво пары для доброй половины посетителей, за что я была ему невероятно благодарна.

Полссон явно был в ударе. Он не сводил с Вивьен хитрого прищуренного взгляда, жадного, смешливого и страстного, отчего девушка поначалу страшно тушевалась, но тут

широкая сильная рука, медленно приблизилась к тонкой бледной ладошке, играючи перевернув ее тыльной стороной вверх, грубые пальцы пощекотали нежную кожу, вызвав на девичьих щеках довольный румянец.

Лед тронулся и стопка «егермейстера», которую Ви по обыкновению должна была потягивать весь вечер, опустела за одну секунду. Ощущая спиной наши изучающие взгляды, Рэгги, как-бы между прочим, нарочито громко поинтересовался, давно ли мы встречаемся с Иво. После чего, он окинул меня недовольным взглядом и резким движением сорвал с моей головы шапку.

«Да, когда же ты ее уже снимешь?!» — низким басом бросил Рэгги.

Светлые, густые волосы рассыпались по плечам, обдав, сидящих рядом мужчин ароматом шампуня. В укладке я никогда особо не нуждалась, потому что шевелюра от природы вилась красивыми волнами, и пара движений руками, приводили прическу в порядок, вызывая зависть у подруг.

В компашке Мартина зашептались, в тот момент, когда я невольно встретилась взглядом с глазами Рэгворда. В тот момент, он смотрел, жутко и завораживающе одновременно, со странным удивлением, что заставило меня внутренне съежиться, словно вот-вот должен был последовать очередной удар.

От смешливости Полссона не осталось и следа. Ей на смену пришел тлеющий и опасный жар, который он, кажется, и не пытался скрыть, но внезапность проявления подобных чувств, поставило мужчину в тупик.

Более того, я невольно вспыхнула от разительной перемены произошедшей во внешности Рэгги и несмотря на то, что в грезах мне являлся только Керо, а в затылок ежедневно дышала смерть, понимание отчего добрая половина женского населения сохла по харизматичному реставратору, накрыло так неожиданно, что в пору было держаться за стул, на котором мостилась моя задница.

Сракотень с этого момента и началась.

Если до этого, Рэгворд относился ко мне, как к бесполому созданию, то сейчас с его глаз, словно пелена упала. Так слепых котят, который только чуют манящий запах молока в блюде, берут за шкурку и тычут мордой в угощение, не оставляя выбора — дальше только утоление голода.

После инцидента с удушением, Полссон извинился передо мной, через пару дней. Именно столько ему понадобилось, чтобы оправиться от жуткого похмелья и вспомнить, что произошло. По стечению обстоятельств, это произошло в не самом подходящем месте — на парапете башни, где мы с Бронелем частенько пили утренний чай, встречая рассвет.

Но период «сракотени» тем и отличался, что привычные, успокаивающие ритуалы, как то — покупка пирожных, любование местными красотами и возможность побыть в одиночестве разом обнулялись. Кто бы мог подумать, что инфляции подвержены нематериальные ценности. Хотя, внутреннее выгорание оно такое...

Как бы то ни было, когда в очередной раз я убивала время на вершине башни, боязливо поглядывая вниз, мой взгляд застыл, лаская твердую скальную породу обрыва. В голове тяжелым товарным составом проплывали невеселые мысли об иронии сложившейся ситуации, и что в месте, где я должна была наслаждаться относительным покоем и безопасностью, мне приходится отсиживаться на морозе, гадая сколько времени займет падение с высоты ста шестидесяти метров.

Не иначе, как возраст сказывался, и то, что в девятнадцать казалось смыслом жизни,

или по крайней мере, тем, что на него невероятно походило, теперь выглядело, довольно, мрачно.

Взгляд нехотя оторвался от ущелья и впился в размытые силуэты терракотовых крыш Швангау. Я завидовала.... По-плохому и сильно, всем жителям сказочной деревушки, которые упивались очаровательной рождественской суетой, получая и раздавая бесчисленные приглашения в гости, счастливые улыбки людей, жизнь которых удалась и представлялась собой нечто размеренное и неспешное.

Вид на деревню поплыл перед глазами. Навернувшиеся слезы, грозили нешуточно подпортить мне зрение, потому что ледяной воздух боролся со скудным теплом тела, превращая жидкость в кристаллы льда.

Нос предательски шмыгнул, но в этот момент раздался низкий, тихий голос.

— Вот это больше похоже на правду.

Хотя, я стояла в добром метре от парапета, то круто обернувшись, почувствовала, как закружилась голова. Не смотря на страх высоты, я сделала шаг по направлению к пропасти, инстинктивно выбрав меньшую угрозу жизни. Рэгги стоял в дверном проеме, загорая своей фигурой проход.

«Идеальный момент для убийства!» — услужливо крякнул мозг, в то время, как на смену гнетущему чувству внутри пришел спасительный страх, который прилежно и быстро вычищал весь мусор, который выдавливал слезы.

Но этот здоровяк ни двинулся с места, только изучающе прищурил глаза и наклонил голову вбок, явно заинтересованный моей реакцией. Через секунду чувство смешливости исчезло с его лица, и Полссон опустил глаза, демонстрируя черные ресницы. Все еще глядя себе под ноги, Рэгги отстранился от каменной стены и медленно направился ко мне.

— Ты о чем? — я не хотела выдавать того, что была застигнута врасплох, но каркающий голос все еще указывал на то, что недавно мою шею могли свернуть.

Улыбка, наполненная только горьким сарказмом мимолетно вспыхнула на породистом лице мужчины и тут же исчезла в густой бороде. Его рука, медленно подползла к моему лицу, но никакой угрозы в этом жесте я не заметила, а потому позволила себе немного бравады. Сохраняя остатки гордости, я не сводила с Рэгги глаз, в то время, как он прятал свои.

Сильные, грубые пальцы уверенно отогнули ворот стеганной куртки и следом — воротник вязанного свитера. Ни говоря ни слова, Рэгги приподнял мое лицо прикоснувшись к подбородку, после чего принялся пристально разглядывать «свою» работу.

Рассекать с постоянной улыбкой на лице, в то время, как у людей возникает стойкое желание не просто прикидывать, как бы незаметнее спрыгнуть с одной из этих башен. Благо, что все оказалось ширмой, в противном случае, я бы сейчас не стал извиняться за содеянное...

— Так это извинение? — я с силой отбросила руку Рэгги, чем заставила его широко улыбнуться — почти беззаботно, но все с той же странной черной тоской, которая не покидала облика странноватого реставратора.

— Не просто извинения. Я даже поясню свое неадекватное поведение, — он запнулся и снова поглядел под ноги, будто на снегу были отпечатаны слова, с которых ему стоит начать свою речь.

Излучая скепсис я сложила руки на груди, из последних сил следя за дыханием, которое было сбито напрочь.

Лора, ты напоминаешь мне одного человека. Женщину, с которой с расстался довольно болезненно и против своего желания. Какое-то время я думал, что смогу привыкнуть к тому, что никогда больше не смогу быть с ней и все шло довольно сносно... — на этих словах он жутковато ухмыльнулся, отчего меня даже передернуло. — А потом появляешься ты и кошмар, который я пытался заглушить среди этой глухомани, возобновился.

Со стоном полным муки, Рэгворд медленно стянул с моей головы шапку. Я замороженно наблюдала, за тем, как эмоции медленно сменялись на лице Полссона: облегчение, радость, болезненное чувство утраты и такая знакомая злость, вперемишку с бессилием что-либо изменить.

— Извинения приняты. Мне надо приниматься за работу, — я постаралась вывести мужчину из опасного оцепенения и это возымело должный эффект.

— Очень кстати! У меня как раз дрова закончились в мастерской. Подсоблю тебе чуток, — Рэгги, словно очнувшись, как ни в чем ни бывало, вскинул густые брови и грубо напялил шапку обратно мне на голову. — Нордман приходил. Кое-что принес. Взгляни, может быть займешься...

— Нордман?

— Да, наш лесник. Он частенько навдывается, после того, как обходит территорию леса вокруг замка.

Мы быстро спустились по лестнице и очутились во дворе, я едва поспевала за Рэгги.

— Заняться чем?

Под удивленные взгляды бригады строителей, которые любовно и медленно смаковали подробности наших непростых в Полссоном отношений, во время перекуров, мы с серьезными физиономиями прошагали в мастерскую, где мне под нос сунули картонную коробку, в которой что-то копошилось среди опилок.

Я увидела подраненную зайчиху с детенышем. Оба выглядели, так будто, их только что вытянули из чьих-то острых зубов. Передние лапы самки были перепачканы запекшейся кровью, а частое дыхание и вылезающие из орбит испуганные глаза не сулили веселой перспективы. Но животное свято выполняло свой долг, продиктованный инстинктом. Один единственный детеныш копошился на животе, высасывая из тела умирающей матери последние живительные капли молока.

Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что малыш долго не протянет один.

— Ей уже не помочь, а детеныша можно выкормить и весной отпустить в лес.

Выпятив челюсть, я не могла отвести взгляд от представшей передо мной картины, и, казалось, что помимо нас с Рэгвордом, третьим наблюдателем выступала «костлявая». Но в моем воображении, сейчас она не представляла с ореолом ужаса, который, обычно окутывает мифический, призрачный образ в длинном черном балахоне, не улыбалась хищно и жадно, протягивая жуткую руку, неторопливо ожидая того, кто сам плывет к ней на поживу. Смерть представлялась мне немного уставшей. Она стояла тяжело опираясь на длинное древко потрепанной, ржавой косы, казалось, еще чуть-чуть и сокрушенной покачает головой в капюшоне, от чего мне показалось, что эта картина может вызвать сейчас только жалость.

— А что же лесник не займется этой проблемой?

— Официально Нордман не имеет права. Ему будет грозить крупный штраф, если кто-нибудь заметит, что он приютил дикое животное.

— Учитывая то, насколько ко мне расположена фрау Гроссмахт, подобный штраф будет

грозить не только вашему леснику.

В ответ на мои слова, я рассчитывала услышать нечто ироничное, а потому наступившая тишина, встревожила не на шутку.

Широкая ладонь Рэгги осторожно и плавно нависла над обреченным зверьком. Указательным пальцем, Полссон отстранил зайчонка, который и рад был шугануться со всех ног, в поисках укрытия, но у детеныша, и на это не было сил.

Подцепив своей лапицей, раненое животное, Рэгги отставил коробку и опустился на колено. Зайчиха дернулась от испуга, но из крепкой хватки ей было не вырваться.

Я не успела и слова сказать, как резким движением Полссон обхватил голову и резко повернул руку в откручивающем движении. Тут же послышался влажный хруст тонких костей. Обмякшую тушку, мужчина с застывшим выражением лица, бросил в черный пакет, завязал узлом и протянул мне.

— Ну, помоги тогда мусор вынести, — прозвучала просьба совершенно спокойным будничным тоном.

То с каким равнодушием и холодом животное было лишено жизни, поразило меня до глубины души. Ни тени сомнения и колебаний. И теперь без сомнения настанет черед крохи...

— Довольно странный способ закрепить эффект после искреннего извинения за физический урон, — я хотела это сказать с горьким сарказмом, но то ли поврежденная шея играла злую шутку, то ли легкий шок от увиденного, а потому из горла выдался жалкий шепот.

Полссон выжидающе на меня посмотрел и не заметив никакой реакции, пожал плечами, подхватил коробку и направился к выходу.

— Его ты просто выкинешь обратно в лес? — я наконец-то собралась с мыслями.

— Угадала, — послышался мрачный ответ.

— Стой! Хорошо! Я буду ухаживать за зайчонком, только Элеонор не переживет если увидит его в моей комнате. Начнется бред про инфекции и гигиену.

— Так уж и бред?! — в голосе Полссона я уловила издевку. Его усы дернулись в довольной улыбке и это не укрылось от моего внимания, хотя мужчина был повернут спиной.

Прямая демонстрация того, что ожидало меня, если я соглашусь иметь мало мальски дружеские отношения с Рэгвордом, прошла не то, чтобы успешно, но основная мысль была донесена более, чем в понятной форме.

— Я спрячу коробку в дальнем углу мастерской, за камином. Там теплее всего. И Элеонор сюда без надобности не заходит.

— Отчего же сам не займешься кормежкой? — набравшись храбрости, спросила я.

Рэгги подошел к верстаку, за которым обычно работал и снял бушлат, оставшись в теплом меховом жилете. Он дернул головой и махнул рукой.

— Придавлю еще ненароком. Кроха совсем.

Вот вам и жалость, во всей красе. Мнение о Полссоне, металось от диаметрально противоположных концов со скоростью света, в моем мозгу. Но за чередой столь противоречивых поступков и слов, невозможно было не рассмотреть главное.

Продолжая стоять, как истукан с пакетом в руках, в котором находилось мертвое животное, я осознала, что именно таким странным способом получила от Рэгги благословение на то, чтобы без спроса шнырять по его мастерской. Удивительно, но у нас

было нечто, что могло объединить любые темпераменты — одиночество.

Только, вот Рэгворд обозначил образ той, кого потерял, в то время как я, не могла позволить себе быть откровенной, хотя плести старую паутину лжи надоело до тошноты.

Но «сракотень» выражалась, даже, не в произошедшем, потому что это был комплекс мероприятий, событий и факторов, довольно затяжной, по моему опыту.

Тем же вечером, этот огромный, странный мужик надрался своим адским пивом и мой чуткий сон ночью, как рукой сняло. Несколько часов я слушала тяжелые шаркающие шаги, которые сопровождались красочным сопением под моей дверью...

Запертой дверью, на которую я теперь горела желанием установить самый натуральный стальной засов.

В том, что это был именно поехавший разумом реставратор, я не сомневалась. Походки всех обитателей Нойншванштайна, за полтора месяца я выучить успела.

Среди крошечной тишины и мрака ночи, который разбавляли тлеющие угли в камине, я странным образом, не ежилась от страха. Все лучше, чем ждать прихода того, кто действительно мог прикончить меня, хотя, Рэгги в этом списке, с недавних пор занимал почетное второе место.

Чего теперь от меня хотел этот здоровяк, оставалось только догадываться, но на протяжении двух недель, сопение и шарканье стало едва ли не привычным делом с редкими исключениями.

Днем, я смело заходила в мастерскую к реставратору, чтобы пополнить запас дров и покормить с пипетки Роджера. Кличка для питомца нашлась сразу, учитывая какая «красотка» ухаживала за ним.

Разумеется никаких объяснений, по поводу оббивания моего порога по ночам, со стороны Полссона не последовало. Он будто и не замечал моего присутствия. Лишь изредка просил принести ему горячего чая и составить ему компанию. Рэгги вытаскивал упаковку печенья, и подсовывал мне под нос проделанную за день работу.

Я задумчиво уплетала сладости, замороженно разглядывая израсцы.

Изумительный барельеф был настоящим произведением искусства. Ажурная резьба по краям в виде деревьев и цветов, постепенно переходила к главной теме изображения — рыцарю Лоэнгрину и его суженой Эльза. В данный момент Рэгги корпел над изображением великолепного коня, явно оставив главный герой напоследок.

Я пристально рассматривала работу и не выдавала ничего, кроме одобряющего кивка. Склонив головы, мы сидели совсем рядом, и горячий напиток развязывал наши языки, отчего завязывался отчужденный разговор. Например, о том, чтобы мы хотели увидеть на ужин или когда закончится реконструкция фасада, ибо от шума циркулярной пилы, в ушах назревал самый настоящий тинитус.

Подготовка к концерту уплотнялась, а потому, почти каждый день в замке гудел двигатель снегоуборочной машины, которую подвезли исключительно ради удобства работы организаторов, а не потому, что меня стало жалко. И Агнес Мунд зачастила под уважительным предлогом, все чаще и чаще заставая нас с Рэгвордом в мастерской.

Какая-то неделя и ее саркастическая белоснежная улыбка стала искривляться. Эта роскошная женщина не воспринимала меня, как угрозу собственному счастью, с колоритным косматым мужиком с замашками дикаря с Новой Гвинеи. Но, Рэгги, ощутимо охладел к своей пассии.

Кроме того, его регулярные визиты в Мюнхен, также сошли на нет. Можно было

строить, самые невероятные предположения, по поводу того, за чем он туда ездил, но обоняние вполне справлялось с этой увлекательной задачей. От мужчины едко пахло сексом и крепким алкоголем. А финансовая столица Германии давно славилась своими чистенькими публичными домами, в которых сплошь и рядом обитали весьма заурядные дамочки, среди которых было немало домохозяек.

Как по мановению волшебной палочки, добродушные физиономии Терезы Бьюрон, Гюнтера Мейера и даже Петера Оффершмидта, при виде меня превращались в морды крампусов, которыми на Рождество пугали всех пухлощеких детишек в Германии.

Сплетни по Швангау разлетались за считанные часы.

Вот и прусь я с елкой на перевес по заснеженной дороге, на нештучный подъем, проглатывая на ходу горький ком, который давно стал частью горла. Сейчас не сыпались предложения подбросить меня до замка, хотя транспорта на дороге меньше не стало.

Ну, и ладно! Все лучше, чем тихо подвывать на морозе от жалости к себе и множить внутренние диалоги о несправедливости.

А так, хоть колючая хвоя отвлекала, впиваясь в плечо. Это была моя противосуецидная таблетка в период «сракотени». Вслушиваясь в скрип снега под ногами, я тяжело дышала, с сомнительной радостью прикидывая, что рождественское настроение вот-вот нагонит меня, едва на пушистых ветвях, замерцают лампочки предварительно купленной в магазине Хильды гирлянды.

Наблюдая за всей этой ситуацией, Рэгги только хитро улыбался в усы. Он твердо занял позицию стороннего наблюдателя, отчего у меня создавалось впечатление, что этот невероятный дядька вот-вот достанет из-за пазухи своего тулупа упаковку попкорна, складной стульчик и удобно устроившись, просто будет наблюдать за увлекательными событиями вивисекции, в которой я была в положении не лучшем, чем у Роджера.

Поощрением мне служили полностью прекратившаяся вражда, абсолютная огражденность от нападков со стороны Элеонор, которая не смела нарушать покой реставратора в мастерской, а с недавнего время еще и мое увлекательное чтение.

Очень давно я страдала от отсутствия возможность уединиться с книгой в руках, а увидев цены в книжных, распрощалась с идеей прикупить фолиант поувесистей, минимум на полгода. И вдруг, Рэгворд подсовывает мне потрепанный том — сборник местных легенд и сказок.

— Мне одолжили на месяц, чтобы я составил собственное представление об Лоэнгрине и Эльзе. Издание редкое, одно из первых и требует аккуратности в обращении, забирать не разрешу, — было заявлено мне на полном серьезе.

А я и возражать не посмела. В эти упоительные моменты, я сначала от души кормила Роджера молоком с пипетки. Зайчонок, привык к моим рукам настолько, что уже не вырывался, а спокойно прикрыв глаза, наедался от пуза, чтобы затем оказаться у меня за пазухой, где он блаженно засыпал, а я погружалась в чтение.

Суета с подготовкой к концерту, напрудила территорию замка десятками новых лиц, что не особо меня радовало, за неделю до события, начались репетиции в главном зале. В момент, когда музыка начинала заполнять залы и коридоры Нойншванштайна, почтительно стихал раздражающий шум ремонта. А я быстро справлялась со своими обязанностями и пробиралась на третий этаж, где в одной из неприметных комнат, пыльной и темной, было крохотное наблюдательное окошко.

Не первый ряд, но вид открывался роскошный, так что появилась прекрасная

возможность бесплатно наблюдать за представлением. И этот секрет невзначай открыл мне Рэгги, когда я в очередной раз наводила порядок на пустынном третьем этаже, где шли основные реставрационные работы.

Елка нещадно сползала с плеча, и я остановилась, чтобы поправить свою праздничную ношу, призванную вселить в мое сердце крупицу радости и счастья, а за одно и передохнуть.

По дороге я шла, глядя исключительно себе под ноги, будто замороженная, но представляю себе, какое это было зрелище со стороны. Хоть «отверженных» снимай очередной ремейк. Ну, или «ходячих мертвецов»... Правда, в последнем случае, мне стоило только еще безвольно приоткрыть рот и немного тянуть ногу.

Каламбур мыслей, принимал в мешанину все новые и новые образы, и я догадалась, что до помешательства осталось совсем немного, а потому, следует очистить голову. План казаться ненормальной и отчужденной, чтобы не нажить себе врагов среди местного населения, провалился с треском. Более того, латентная придурковатость, довольно тепло, принималась в немецкой глубинке.

Благо, что сзади послышался рев двигателя, и я обернулась посмотреть, кого еще несет в замок с утра пораньше.

Новых лиц не предвиделось, а потому за лобовым стеклом, припорошенном по краям снегом, я увидела красивое лицо Агнес Мунд. Женщина явно узнала меня и недобро усмехнулась, после чего, задние колеса крутанулись и вверх взмыли фонтаны снега. Автомобиль резко дернулся в мою сторону, словно его занесло на обледенелой дороге.

Благо, что мне было куда отскочить, но в следующий же момент, меня обдало прессованным снегом с ног до головы, и явно довольная собой фрау Мунд унеслась прочь.

— Сволочь! — прошипела я, замерев на месте от такой наглости и чтобы хоть как-то успокоиться, принялась с силой себя отряхивать, попутно придумывая самые изощренные способы, которыми можно было бы прибить эту стерву.

Это всегда помогало выпустить пар. А вспышка злости, потом обязательно тянула за собой угрызения совести — я, ведь, не убийца...

Хладнокровие — вот главное требование к людям этой профессии, а у меня, что ни день, то руки трясутся или от страха, или от негодования. И хотелось бы сказать, что ко всему привыкаешь, но нет! В этом неблагодарном деле тоже есть предел. Однако, как видно, я своего еще не достигла.

Привыкла же к тому, что Рэгги тяжело дышит мне в дверь по ночам. Даже, утешилась мыслью, что если кому и вздумается пришить меня ночью, то этот неудачник наткнется, сначала, на, во всех смыслах, огромную проблему в виде высокого косматого мужика. Некоторое время, эта мысль вызывала во мне нервную улыбку, а потом, ей на смену пришла другая — куда более занятная.

Мотивы Рэгворда были, как на ладони — прямыми и железными, как арматура. Этот человек, вообще, не допускал двусмысленности и лицемерия, а потому я окрестила Полссона, чуть ли не самым честным и искренним на свете.

Сколько раз я ловила на себе его взгляд, тлеющий от подавляемого желания. И ведь, если Рэгги хотел секса, он просто ехал в ближайший публичный дом и покупал его — без лишних хлопот и обязательств, только потому что ему была надо. А после признания, что я похожа на его бывшую, эта потребность резко дала по тормозам и крутанулась в другую сторону, обретая в моем лице вполне конкретный образ.

Вопрос оставался только один — на сколько хватит у Рэгги терпения и самообладания,

прежде чем всякие доводы уступят место его дикой, необузданной натуре?

Дилемма возникла и у меня. То ли вздохнуть по призрачному Керо, который, по идее, мог давно меня забыть, или поддаться странному обаянию Рэгворда и создать себе, хоть ненадолго, подобие нормальной жизни.

Хотя, где я, где нормально?

Теперь настал черед усмехаться мне. Вот и отвлеклась! Поправив, взвалив елку, я мысленно послала на все четыре стороны обитателей Швангау и двинулась к замку с «принцем». Новый Лоэнгрин в овчинном тулупе был не менее загадочным, чем его легендарный прототип и интуиция подсказывала мне, что лучше не копаться в его прошлом, если я не хочу нажить себе новые проблемы.

Надо было поторопиться, сракотень сракотенью, а Роджер сам себя не накормит!

9 глава

Авала чувствовала, как затекает ее спина. Ревматизм начал донимать женщину в ее сорок шесть, из-за того, что на протяжении десяти лет, она драила полы на нижних этажах дорожного отеля.

Младший обслуживающий персонал сгоняли группами по десять человек в медотсек, для того, чтобы взять кровь на анализ. Перепуганные глаза с характерным азиатским разрезом, на лицах испуганных работников Гранд Хайятт, от этого казались чуть больше. Все, как один набрали в рот воды, и даже самые словоохотливые затравлено отводили глаза, разрабатывая в голове версии, которые хоть немного могли объяснить происходившее в отеле.

Леденящим душу ветерком прошел слух, что кто-то из постояльцев отеля заразился малярией. Но такой переполох не подняли бы от одного туриста...

Разве что, сразу подцепил один из тех, кто может себе позволить снять люкс.

У одного клиента-чудика, который, кстати, уже несколько месяцев жил в королевском сьютте, была команда из докторов. Он, даже, арендовал одну из частных лабораторий, где каждую неделю медики делали десятки анализов по крови и все из-за панического страха перед болезнями, которые кишели в Джакарте.

Покорно и безропотно, люди подходили к трем медсестрам, которые работали как на конвейере. В просторном зале, где обычно проводили утренние летучки, за каких-то полчаса стало невыносимо душно. На кондиционерах в служебных помещениях, руководство сэкономило. Но давка и жара, не так расстраивали Авалу, как осознание того, что полы, которые она вымыла в пять утра здесь, придется перемывать.

Женщина вздрогнула от того, как грубо всадили ей иглу под кожу, но промолчала, закусив губу. Жалобы могли только усугубить положение. В спину дышали куда более молодые и норовистые конкуренты, горящие желанием получить стабильную работу в отеле.

Кровь тонкой струйкой брызнула в пластиковую ампулу, когда емкость заполнилась чуть больше, чем на половину, молодая медсестра быстро вынула иглу и придавила место прокола ватным тампоном, проигнорирован просьбу перевязать руку.

— Чтоб вас всех! — процедила сквозь зубы женщина.

Тяжелой походкой, она пробиралась сквозь толпу к двери, которая вела на парковку для рабочего транспорта, и очутившись на улице, с отчаянием поняла, что разницы в температуре ожидать не стоило. Та же духота, в столь ранний час...

Внезапно, мимо, на бешеной скорости пронеслась машина скорой помощи. Санитары выскочили из задних дверей, чуть ли не на ходу и тут же распахнулись двери со стороны

плавательного бассейна. Именно туда спускался один из грузовых лифтов.

Колеса каталки нещадно дребезжали по асфальту, а того, кто на ней лежал, практически, не было видно — столько народу в белых халатах облепило пострадавшего.

Доктор, стоявший у изголовья, аккуратно прижимал кислородную маску к лицу мужчины, который выглядел, довольно, скверно, но явно не был при смерти.

— Мы проведем все необходимое обследование, не беспокойтесь, господин, Оттерней, я уверен, что ничего серьезного.

Обрывки слов едва доносились до слуха Авалы.

На переднее сиденье, рядом с водителем, запрыгнул человек в дорогом, строгом костюме. Наверняка, телохранитель, чужая по наушнику, вдетому в его ухо. Он постоянно прижимал к нему руку. Создавалось впечатление, что мужчина говорит сам с собой. Носилки погрузили и под пронзительный вой сирены, машина скрылась за считанные секунды.

То, как носились с богачами, всегда возмущало Авалу. Этот, как пить дать подхватил простуду, а его уже на носилках увезли в больницу. Женщина потеряла бдительность и не заметила, как уронила ватный тампон. Прошло слишком мало времени и ранка не успела затянуться, руку, обильно заливала кровь.

— Да, что же это такое! — в сердцах воскликнула уборщица, с ужасом понимая, что ей придется еще и ступени перемывать. Как ни в чем не бывало, она подобрала вату и приложила обратно к ранке. Ни о каких инфекциях она не думала и тем более их не страшилась. Еще в молодости, бабка научила делать пасту из куркумы и черного перца, которая лечила, практически, любую хворь.

— Простите, сэр! Но по результатам обследования мы не можем дать определенного ответа. В крови не обнаружены возбудители. Могу, только предположить, что в последнее время Вы испытывали сильные эмоциональные перегрузки, которые и могли спровоцировать подобный приступ, — личный врач Виго выглядел крайне растерянным.

— Температура от стресса? Вы это хотите сказать?! — Оттерней редко срывался на подчиненных, зная, какой страх нагоняет на них его спокойный тон

— Переутомление и нервный срыв, одни из факторов, которые снижают иммунную систему организма, одновременно провоцируя головную боль, тошноту и как следствие лихорадку.

Тяжело вздохнув, Виго откинулся на подушку и закрыл глаза. Панический страх перед болезнями, преследовал его с детства. Когда он жил в Индии, каждый день, проходя по улицам он видел, как люди отхаркивают кровь с мокротой, а бездомные неподвижно сидели на голой земле, покрытые струпьями, и кажется, уже не чувствовали, как в их язвах копошатся мухи и слепни. А те, кто спал, запросто можно было принять за живой труп. Правда, не так уж и редко, человек умирал посреди улицы, и только спустя пару дней, когда вонь от разложения плоти пересиливала запахи экскрементов, мочи и помойки, обнаруживалось, что бедолага отмучился.

— В отеле всех проверили?

— Да, сэр. Кухня, уборщицы, посыльные... Чисто. За этим очень тщательно следят, — доктор постарался скрыть, что схлынувший гнев господина Оттернея, несказанно его обрадовал.

Как вдруг, взгляд Виго застыл, всматриваясь в вид за окном палаты частного диагностического центра.

— И Наин?

— Да, девушка отменила поездку в Чантабури. Ваши люди застали ее в аэропорту.

— Что она там забыла?

Доктор деликатно кашлянул в кулак и сделал шаг назад. Вопрос был адресован явно не ему. В просторной палате, царила прохлада, но человек, который вышел из тени, выглядел не менее измотанным, чем его хозяин.

— По просьбе господина Тийле, она должна была сопровождать семью шефа полиции к его матери, которая живет в Тайланде.

Мауро постарался скрыть свое недоумение, ведь раньше, господин Оттерней никогда не привязывался ни к одной из своих «спутниц». Хотя, в этом случае, не последовало обычной процедуры стерилизации новой пассии, и кажется, Виго не хотел заполучить Наин в качестве очередного сексуального трофея. С учетом всех фактов, оставалось признать, что впервые за все время, Виго испытывал очевидно дружеские чувства к особе женского пола. Что вызывало особую тревогу относительно девушки. Она, явно представляла собой угрозу и могла втереться в доверие специально.

— Она здесь? — как же четко слышалось облегчение в голосе Виго.

— Да. Уговаривать не пришлось, когда она узнала о Вашем состоянии. Позвать?

Горькая полуулыбка некрасиво исказила лицо Оттернея, когда он почувствовал, как внутри растекается знакомая волна возбуждения и собственности. Запугать женщину угрозами, подкупить, или просто взять силой, все это давно уже потеряло краски и теперь предстоящая разлука с этой нимфой, оказалась как нельзя кстати, чтобы хоть встряхнуть протухшую трясику, которая плескалась глубоко в душе.

— Нет. Отпусти. Она еще вернется. И да, Мауро, созвонись с нашими друзьями из ФБР. Они явно набивают себе цену или тянут время. Проклятые ублюдки, все не решатся, под кого лечь! Давно уже должны быть результаты по схеме трафика. Выясни, что там.

— Но у Вас до сих пор нет ни одного вещественного доказательства о причастности Сомерсбри. С его-то списком заслуг и...

— Связями папаши.... Да, черт побери! Я в курсе! Но я не идиот, чтобы спокойно сидеть и ждать, когда он в очередной раз подставит чужую шею, а точнее, на этот раз, мою, чтобы кинуть кость этим продажным правохранителям. Неспроста он не подпускает к себе никого и держится в тени. И ширма роскошная — никто не покусится на благодетеля.

— Людей из ФБР не интересуют голословные обвинения. Хотя, возможно, уловка, чтобы выведать более конкретные факты.

— Нет. Рано! Позвони Вальтеру, пусть приостановит покупку акций, на две недели. Не стоит рисковать, даже если дело близится к финалу. Когда, делишки Сомерсбри выйдут наружу, даже без доказательств, он потеряет миллионы. Никто не захочет быть вовлеченным в волокиту разбирательств по поводу наркоторговли. Эти чистоплюи сбросят с себя акции, а мы подберем. Всего за какой-то месяц, я полностью приберу дела Габриэля к рукам. В ФБР даже не успеют опомниться.

Виго хищно улыбнулся, позабыв на несколько минут о том, что буквально сводило его с ума — внезапная болезнь.

Бальзамом на душу проливалось осознание того, что дележка огромной империи Сомерсбри пройдет далеко не равными частями. Часть бизнеса, который затрагивал

несколько крупных фармацевтических, транспортных и строительных компаний, была обещана американцам. По сути, производилась только смена руководства, ведь только там можно было подняться туда, куда Габриэль, казалось, бы перекрыл все лазейки. Но Оттерней чувствовал, что этот зажавшийся тип просто не хочет делиться и эти бредни про помощь странам третьего мира, филантропия, гуманитарная помощь и разработка новых вакцин, были золотым дном, которое подпитывалось деньгами от продажи наркотиков.

— Да, господин Оттерней.

Человек в черном, стоял на мосту Марии. Днем здесь было не протолкнуться. Каждый турист, который приезжал полюбоваться на замок, быстро испытывал разочарование от величественного строения, которое успело окутаться в мыслях флером романтики, а на деле оказывалось, что суета и желание немцев заработать на каждом шагу, разочаровывали куда больше. И только роскошный вид на замок с площадки, почти на самой вершине горы, спасал положение.

Хорошо, что ночью проход сюда закрывали. Далеко за полночь, Финис занял пост для наблюдения, ощущая, как внутри растекается знакомое спокойствие.

Так было всегда, когда начинался первый этап претворения нехитрого плана в действия. Сперва — наблюдение, затем сбор информации: как лучше проникнуть на объект, каким образом покинуть, как можно незаметнее. Сейчас нужно было учесть особенности ландшафта местности. С трех сторон Нойншванштайн окружала пропасть и лес. Единственный вход хорошо охранялся.

Поднеся к глазам бинокль, в котором можно было измерить расстояние с разных точек, Финис рассчитал высоту от окон, где проходили основные работы по реставрации замка и куда доступ имели только строители, а также от более низкого уровня, где толпами ходили туристы и можно было смешаться с толпой.

Через несколько минут, когда в голове начали вырисовываться детали и вопросы, требующие уточнения, бинокль сдвинулся, буквально на сантиметр вправо и замер, в направлении окон жилого корпуса, где по подтвержденным данным находилась цель.

Человек в черном, практически, не чувствовал холода, будучи хорошо экипированным. Как по расписанию с темно-серого неба, которое было устлано тяжелыми графитовыми облаками, несущими в себе снег, повалили широкие белые хлопья. Следы, которые он оставил по дороге сюда, запорошит за считанные минуты. Это хорошо.

Но снег был основной проблемой. Крайне важным было покинуть Швангау незамеченным. Пост охраны можно обойти только одним путем — воспользоваться альпинистским снаряжением и спуститься по стене, до дна ущелья. Обогнуть замок и выйти на дорогу за горой. В лесу можно будет спрятать мотоцикл, но проблема оставалась в том, что следы на снегу не дадут нужной форы. А потому, придется дожидаться первой оттепели.

Эту заминку Финис планировал использовать с умом и до мельчайших деталей продумать, как добраться до цели и обставить все, по запросам клиент, а потому, придется сходить на экскурсию.

Под черной лыжной маской, шевельнулись губы, медленно, растягиваясь в улыбке. Как жаль, что это будет последнее задание.

Сколько раз Финис напоминал себе, что жадность до добра не доведет. Именно она

губила самых талантливых киллеров, заставляла соглашаться на все более сложную и опасную работу. К тому же, возросший интерес со стороны спецслужб не сулил светлых перспектив на неблагодарном поприще убийцы. Более идеального момента, чтобы уйти со сцены, как после выполнения заказа на Фаррот, трудно было себе представить.

Тем более, что сделка с Отернеем дурно пахла. Финис было известно, о слежке в Джакарте, правда, слабо организованной, но все же... Это заронило серьезную уверенность, о том, что даже если голова Фаррот переключается в руки Виго, то сразу после этого, последует попытка избавиться от последнего свидетельства злого умысла против главного свидетеля в громком деле о наркотрафике.

Поэтому, доказательство выполненной работы, Виго получит через курьера, а в случае невыполнения обязательств по оплате, Финис быстро исправит положение, благо, что репутация бежала вперед. То-то будет потеха!

Сколько сил уходило на то, чтобы изменить внешность, потому что вездесущные камеры видео наблюдения могли быть подключены к программам по распознаванию лиц Интерпола и ФБР. С десятков раз потенциальные клиенты оказывались переодетыми агентами спецслужб, а потому пришлось выработать едва ли не несколько планов к отступлению, предвидя самые невозможные направления развития событий. Из предосторожности, Финис изучил язык глухонемых, чтобы заставить путаться в догадках, даже, по поводу его пола. К тому же, в совершенстве овладел испанским, французским, немецким, ивритом, малайским, а сейчас весьма тяжело шло изучение русского.

Чтобы изменить внешность в ход шли элементарные уловки вроде одежды и париков, порой приходилось менять походку, горбиться, сутулиться, хромать, носить специальную обувь на платформе, чтобы никто не мог точно описать рост.

Беспрепятственный въезд в десятки стран обеспечивалось вполне официальным двойным гражданством и наличием полудюжины паспортов на фальсифицированные личности.

Поэтому, уже давно дело было не в деньгах. Только занимаясь очередным «заказом», можно было абстрагироваться от обыденности, обыкновенности, скуки и пустоты внутри. Не смущали лишения, а азарт погони и преследования, заставляли дорожить каждой минутой жизни, наполняя смыслом. Подобного ощущения эйфории не могли принести ни возможность купить все что душе угодно, ни роскошный дом на побережье Средиземного моря, несколько квартир в крупных городах по всему миру, коллекционные автомобили, сборка которых производилась вручную, самые дорогие деликатесы, алкоголь, развлечения — сколько бы Финис не погружался в развратное пиршество, ничто не могло помочь достигнуть удовлетворения.

Так что, можно не торопиться. Наниматель дал понять, что его интересует только результат, а время не имеет значения, и как минимум полгода, были в запасе. И учитывая тот, факт, что карьера на этом заказе будет завершена, стоит приготовить нечто из ряда вон выходящее и изменить почерк.

— Да, — вырвалось шепотом из горла убийцы, с едва заметным придыхом, словно человека охватила дрожь экстаза.

Это будет единственный случай, когда ни у кого не останется сомнений, что человек был лишен жизни не в результате несчастного случая. Как и пожелал заказчик.

Финис не имел привычки осуждать мотивы клиентов, впрочем, у этого человека напроць отсутствовало и чувство жалости к своим жертвам, ведь в конечном итоге,

преследуемая цель оправдывала все жертвы. Однако трудно было не оценить изощренность моральной пытки, которая была уготована Фаррот — своими глазами увидеть страшную смерть собственного ребенка. С этим мало что могло тягаться по жестокости.

— Оправдывает любые жертвы, — задумчиво протянул человек, не спеша спускаясь по заснеженным ступеням, которые вели к тропинке, прочь от моста Марии. В голове вспышками появлялись части пазла, из которого сложится финальная картина: три пули, обманный маневр, быстрый спуск по отвесной стене в пропасть, драматичная авария в случае попыток спасти жертву с непременным отказом тормозов и возгоранием. Возможны случайные жертвы.

— «Максимум одна-две...», — флегматично пронеслось в мозгу убийцы.

Никто и не заметит, что виновник трагедии продолжит наблюдать за развитием событий со стороны. Нужно будет убедиться, что программа охраны свидетелей не является многоуровневой операцией, в которой основной целью является поимка неуловимого киллера.

Как раз что-то решится с самим господином Оттернеем. Хотя, нет! Уже решено. Останется только расставить все по своим местам.

Почти два месяца ушло на то, чтобы разыскать хоть какую-то информацию о девушке по имени Рушави и ее ребенке. Не удивительно, что Виго сдался, когда его поиски потерпели неудачу. Она сменила касту, отказалась от фамилии, оставив только имя, и то сократив до Руши. История, каких пруд пруди в Индии.

Может быть в последний момент, хотя бы из благодарности, Оттерней назовет имя человека, который управлял одной из самых могущественных корпораций, оставаясь при этом в тени. Ни одной фотографии в сети, ни одной статьи в газетах или журналах, ни одного интервью или упоминания в СМИ. Любая информация, пусть даже на уровне слухов, мгновенно стиралась из источника и только в Лондоне, после затянувшейся кровавой беседы с одним мелким наркоториллером, удалось узнать прозвище — Англичанин.

Поиски этого человека, были личной вендеттой. Только из-за него много лет назад было опорочено имя родного отца Финис. Именно Англичанин, как оказалось, подтолкнул самого обыкновенного, законопослушного гражданина преступить закон и отказаться от собственной личности, буквально превратиться в тень и научиться сдерживать своих призраков, которые с каждым днем все больше подпитывали голод, жаждой отомстить.

Фаррот, только пешка в сложной игре, финал которой близился.

Губы под маской снова дрогнули в сдержанной, едва ли, не злорадной улыбке.

Внутри разливалось смешанное чувство сожаления, что больше не будет работы для ума и придется вернуться к «нормальной» жизни, которая очень разочаровала в свое время.

— Doch du weißt ja unsern Wunsch, kennest unsere Herzen.

alle, alle sind wir da*...>(*ведь ты знаешь наше желание, знаешь, что у нас на сердце, у всех, у всех нас — нем.) — красивый голос беспечно разносился, среди заснеженных ветвей.

К подножию горы, Финис вышел без маски. Этого человека невозможно было отличить от сотен туристов, которые пренебрегали правилами безопасности и беспечно шатались по местности даже ночью.

Один из опаснейших наемников слился с толпой, которая запрудила улочки Швангау. Этот человек, широко и приветливо улыбался, и глядя в его глаза можно было увидеть, почти детскую радость, которая отражалась в глазах с бликами огней гирлянд и торопливые,

искренние извинения, даже если в него кто-то нечаянно врезался, будучи навеселе.

Глава 10

Воскресное утро накануне концерта в замке выдалось на удивление тихим. Привычка вставать в восемь, не покидала Элеонор последние десять лет и женщина, стояла с чашкой чая в руках, вглядываясь в подернутую морозной дымкой панораму внутреннего двора Нойншванштайна.

Ее терзало плохое предчувствие, но кого оно касалось, трудно было выделить, потому что все, кто был ей дорог, а именно муж и дочь, не собирались сегодня высовывать нос из своих теплых постелей, как минимум до обеда.

Диони, насколько знала фрау Гроссмахт, накануне отправилась с Хильдой в город и, если руководствоваться, обычным поведением этой особы, она должна была вернуться пешим ходом с авоськой сладостей и отвратительно широкой улыбкой поперек всего лица.

Удовольствие от горячего чая смазалось окончательно и Элеонор, будучи не в силах стоять на месте от тревоги, решила заглянуть в мастерскую к Рэгги.

Реставратор, в последнее время выглядел спокойным и его традиционные попойки по выходным, почти, сошли на нет. Не хотелось признавать, но общение с новой уборщицей пошло Рэгги на пользу, хотя, в открытую, трудно было подметить, что этот мужчина испытывал нежные чувства к кому бы то ни было.

Трудно было четко высказаться на счет Диони. Но Элеонор с уверенностью могла сказать, что девчонка являла собой классический случай «жертвы». Она не могла никому возразить, сплошное «да» и «конечно» с полузатравленной недоулыбкой.

Ну, кто с видом познавшего высшую суть может драить сортир после трех десятков мужиков?

А Диони, могла! Да так, словно свежесрезанные розы по вазам расставляла. Девчонка была не болтлива, но даже вне перечня своих обязанностей, не могла лишней раз сказать «нет». Подтверждением чему была устаканившаяся дружба с Хильдой. И слово «стакан» было здесь более чем уместно.

Каждую пятницу Диони сбегала в Швангау к дочери фрау Гроссмахт, где девушки благополучно расслаблялись в пабе, судя по легкому запаху перегара, исходящему от уборщицы.

Диони не была особо привлекательной, обладала довольно коренастой фигурой и немалым ростом — бледная, с почти прозрачными голубыми глазами и присохшей к голове шапкой. Ей, Богу! Элеонор до сих пор могла только догадываться, какой цвет волос был у этой жалкой пташки с руками, которые по силе не уступали мужским. Тем не менее, этот набор противоречивых женских качеств вызывал в мужчинах умиление, а затравленный взгляд лелеял их эго, призывая спасти деву из беды.

Трудно была распознать какие мысли роились в странной голове уборщицы, которая ни разу не была замечена с телефоном в руках, в укромном уголке, как многие работницы до нее. Это, пожалуй, было самым странным. Молодежь, сейчас, была буквально помешана на всевозможных гаджетах.

Во времена когда каждый школьник воспринимал мир только через экран смартфона

или планшета, где, так называемые, «сэлфи» вытеснили старую добрую фотографию на бумажном носителе, а серверы мировой паутины пухли от миллиардов неудачных фото, Лора полностью игнорировала современную модель поведения своих сверстников, выказывая тем самым приличные умственные способности.

Ее не смогла переманить на свою сторону Тереза Бьюрон. Эта старая ведьма до сих пор не оставляла попыток очернить Гроссмахтов, даже после того, как получила урок на всю жизнь.

И надо признать, что Диони обладала определенной проницательностью, потому что девушку едва ли не передергивало от елейной улыбки старой карги.

Полдень не добавил света в ватно-серый воздух, наполненным мелким снегом.

Тишина в воскресенье, после непрекращающегося шума ремонта, поистине оглушала, отчего тревога все сильнее укоренялась в груди. Рэгворда, как обычно, засел на третьем этаже, глубоко внутри замка, куда и в обычные дни, практически никто не заглядывал.

С укором посматривая на крохотного зайчонка, которого прятали Полссон и Диони в коробке за камином, Элеонор покачала головой. Зверек быстро наедал бока, но по-прежнему боялся человека. Значит, девчонка не стремилась его приручить и через пару месяцев выпустит в лес. Но сегодня его никто не удосужился покормить.

Если бы Рэгворд знал, что Диони не вернется до вечера, подобного бы не случилось. Следовательно, сегодня творилось нечто из ряда вон выходящее и пока никто об этом не догадывался.

В глубокой задумчивости, Элеонор сходилла на кухню и оторвала от кочана капусты лист потолще, чтобы отнести зайчонку перекус.

Дверь в мастерскую внезапно распахнулась и от неожиданности женщина вздрогнула. Рэгворд стоял в проеме насупив брови.

— А, нашелся, — без тени смущения протянул он, и как обычно опустил в пол глаза.

Деловито посапывая Полссон подошел к верстаку, перебирая инструмент, а когда нашел нужный снова направился к выходу. Кажется, на этом, разговор о питомце был исчерпан. Но мужчина в нерешительности снова застыл в дверях, и с прищуром оглядел двор, который медленно но уверенно засыпало снегом.

— Лора еще не вернулась?

— Нет, — Элеонор пожалла плечами, но тревога еще больше укрепила свои позиции. — Переживаешь за нее?

Повисла пауза, в которой так и витало желание оставить вопрос без ответа.

— Пожалуй, — ответил Рэгги и тут же запнулся, словно, за ним кто-то подсматривал, когда он мылся в душе.

— Она в это время, обычно, уже возвращается. Привычки за человека многое могут рассказать, а из этого нелепого экземпляра тисками лишнего слова не вытащить, даже Бронель это подметил. Поэтому она тебе нравится? — хмыкнула Элеонор, пытаясь скрыть, то что разгадала почему неприметная девушка так быстро отогрела сердце Полссона.

— Как и тебе..., - криво усмехнулся Рэгги, даже не собираясь отнекиваться. — Сделай одолжение, Элеонор, позвони Хильде. Снегопад к вечеру усилится.

В этот момент в воротах показалась тонкая фигура, в которой собеседники безошибочно угадали Агнес Мунд.

Рэгворд недовольно закричал и бесцеремонно направился к лестнице, которая вела в основной корпус замка. Там, мужчина ориентировался безошибочно, даже в темноте он мог

скрыться за секунды в лабиринте коридоров. Но Агнес ускорила шаг.

— Мистер Полссон, добрый день! — в голосе женщины звучали мягкие нотки, а на лице заиграла самая нежная улыбка. — Как удачно, что я встретила Вас.

Присутствие Элеонор было явно нежеланным, но Агнес нехотя поздоровалась со смотрительницей, на ходу сдергивая с руки дорогие меховые перчатки. Однако это было сделано не для того, чтобы позжать фрау Гроссмахт руку. словно крохотный, но очень мощный буксир, Агнес подплыла к громадной фигуре Рэгворда и любовно провела тонкой рукой по замусоленной поверхности овчинного тулупа реставратора.

— Здравствуй, Агнес! Чем помочь? — безразличие сквозило, едва ли не откровенное, но Рэгги, чуть наклонил голову в бок на свой манер и хитро прищурился.

— Рада тебя видеть, Рэгворд. Фрау Гроссмахт, — поздоровалась красавица, не сводя трепетного взгляда с Полссона. — Мне нужно все проверить в главном зале... И ты, как реставратор, должен высказать свое мнение. Ммм... установленное освещение не сильно повлияет на экспонаты?

— Простите, что прерываю. Агнес, Вы случаем, не видели по дороге сюда нашу уборщицу?

Бледное лицо фрау Мунд превратилось в правдоподобную маску удивления.

— В такую погоду, кто-то ходит пешком? Нет, не видела. Ни одной живой души.

Элеонор не стала дослушивать и молча отправилась к воротам, чтобы поговорить с Курцвиллем. Может он видел Лору?

Женщина услышала как тяжело вздохнул Рэгворд, и кинув краткий взгляд через плечо она только и увидела, как эти двое скрылись за массивными дверями.

Нужно было отдать должное Агнес. При всем своем высокомерию и гордости, эта дама имела хороший вкус на мужчин и тот факт, что Мунд в свое время отшила Мартина Дэнглера, только подтверждало это. За Рэгворда, Агнес вцепилась, практически, мгновенно, едва случилось их знакомство. И натуральная симпатия к Диони, со стороны реставратора, как оказалось, тоже не была помехой, хотя половина деревни откровенно потешалась над бесплотными попытками элитной белошвейки, одержать верх над грубоватой девицей, которую Полссон не особо интересовал.

Грубость, была для Диони не более чем ширмой. Девчонка явно обладала тонкой душевной организацией и с жадностью относилась к книгам, ведь Бронель тайком перетаскал ей личную домашнюю библиотеку, которая состояла сплошь из этрусского эпоса и собраний древних философов, в частности Гераклита и Парменида. При этом, Лора умудрялась сохранять почти детскую непосредственность и простоту, полное отсутствие тяги к склокам и спорам, а главное в ней отсутствовало качество, которое в людях Элеонор просто ненавидела — демонстративную гордость. Но обладала чувством собственного достоинства, которое невероятно подкупало.

Елка, которую эта девица дотащила на своей спине, с самого Швангау красовалась на кухне и каждый день на ветвях появлялась самодельная игрушка из сосновых шишек, обрывков упаковочной бумаги и лент, которые в изобилии водились у Хильды в магазине под конец года.

Сегодня, явно сюрприза ради, на ветвях обнаружилась вырезанная из дерева лисица. Искусная вещица, которой Элеонор залюбовалась на добрых десять минут была проработана до мельчайших деталей таких, как шерстка и коготки, и могла принадлежать только Рэгворду, да и пятна рыжеватой краски на пальцах реставратора только подтверждали эти

предположение.

Впервые за долгое время, Элеонор ощутила, как сердце запело давно позабытые мотивы рождественских песен, и краткими вспышками возникало ощущение беззаботности и счастья.

Спустя час. Элеонор не удержалась и позвонила дочери, чтобы справиться о том где носит Диони, на что получила ответ, что девушка отправилась в Нойншванштайн по своему обычному маршруту, через кондитерскую.

Фрау Гроссмахт поднялась на обзорную башенку, где обычно опшивался ее муж каждое утро. Мелкий снежок, занявшийся с самого утра уже припорошил следы Бронеля. Натужно вглядываясь в зыбкую, мутную дымку, женщина неустанно повторяла самой себе, что ничего страшного не случилось, как вдруг из ворот, вылетел пикап, который был в свободном пользовании обитателей замка.

За рулем только и можно было рассмотреть мощную фигуру облаченную в овчинный тулуп.

Странное ощущение, словно меня старательно укутывали одеялом и старались не беспокоить малейшим шумом, нарушилось совершенно заурядным прикосновением маленького языка к участку обнаженной кожи чуть выше основания ладони. Чтобы отмахнуться, я пошевелила пальцем и вот тут началось «веселье».

Я не почувствовала не то чтобы своего пальца, а всей левой руки в целом. Глаза тоже открыть, не представлялось возможным. Сознание возвращалось лениво и неохотно, будто получивший двойку отличник. Подобное со мной случалось редко!

«Так, стоп!»

«А кто собственно я?!»

«Что-то на «л»...»

Лора!

И тут воспоминания о случившемся нахлынули мгновенно, от чего перехватило дыхание. Я попыталась закричать от возмущения, но даже вдох сделать не смогла, но зато пошевелила головой. Из-за этого ничтожного движения, под закрытыми веками глазами вспыхнули яркими фейерверками тысячи искр вперемишку с болью.

«Что происходит?!»

Паника никогда не была мне хорошим подспорьем, а потому я собралась с мыслями и постаралась больше не шевелиться, хотя конечности порядком походили на парализованные. Едва приоткрыв глаза, я пожалела об этом. Когда тусклый свет добрался до зрительного нерва я одновременно испытала неприятное ощущение от того, что чувствительную слизистую резанула холодная вода.

Валил густой снег, который сантиметров на пять прилично меня припорошил и только добротные ботинки и куртка, выданная Элеонор спасали меня от холода. Брезентовые перчатки, тоже числились в списке героев. Пальцы хоть и окоченели, но не были отморожены.

«Что у нас из подвижного?» — тривиально пронеслось в мозгу, и я начала стараться расшевелить ноги и руки. В списках особо пострадавших пока числилась только голова.

Настороженное фырканье послышалось совсем рядом.

«Какой-то зверь», — догадалась я, но наверняка не крупный. Волк бы уже пригрыз меня

и пировал во всю. Может быть лисица или хорек.

«Так, так... Значит у меня кровотечение».

Но за морозной анестезией я не могла понять где именно у меня рана. Логично было предположить, что на голове, учитывая симптомы.

Правая рука была настроена наиболее серьезно на то, чтобы вытащить меня из того оврага, в который я благополучно скатилась после того, как меня подрезала промчавшаяся мимо машина.

Да, я помнила марку машины, до кучи еще и номер, даже более того, знала кто был за рулем. Но сейчас это никак не могло мне помочь.

Любовно стряхивая с лица слой снега, правая рука старалась спасти своего носителя, которого внезапно охватило лиричное настроение.

Сколько же раз я представляла себе, какой могла бы быть моя смерть, а тут такой казус — ни пуля, ни нож, никаких хитроумных планов и засад. Провинциалка, которая обшивает деревню трусами.

Красивую, застывшую физиономию Агнес Мунд мне и надо было рассматривать, когда я слышала, как за спиной взвыл мощный мотор внедорожника. Можно было подумать, что дамочка не справилась с управлением и ее занесло, если бы не исправная работа грейдеров Фюссена, которые чистили дорогу дважды в день.

От неожиданности я отскочила в сторону, но не рассчитала расстояние и покатила по крутому склону, пересчитывая на ходу сосновый молодняк, пока не треснулась лбом о толстый ствол дерева.

И судя по тому, как окоченели руки и ноги, я не один час провалялась без сознания.

Глаза привыкли к свету, и я апатично рассматривала заснеженные кроны сосен, невольно залюбовавшись красотой зрелища. Природа всегда поражала меня до глубины души, кажущейся простотой, которую только стоило потревожить человеческим вниманием и она раскрывала всю сложность и красоту своей сущности.

Такое состояние, вполне могло быть началом агонии — полное отсутствие желания двигаться.

Хотя, это слово — агония — мало подходило к данной ситуации. От него веяло паникой, чем-то суетливо мерзким и фатальным.

Несмотря на ужас моего положения я, как ни странно, не испытывала страха, что было уже ни в какие ворота. В мозгу заиграла некогда любимая песня. Казалось, из кустов сейчас донесется беззаботный, чистый и звонкий голос Жульена Клерка с его «Се трэбьян!», а я буду так же любоваться широкими сосновыми лапами в снегу, и может быть, начну подергивать ногой в такт оптимистичной композиции, если конечно, их величество нижние конечности согласятся восстановить кровоток и чувствительность.

Странно, то ли я была далека от человеческой нормы, то ли факты о помешательстве на пороге смерти действительно были в разряде мифов, но никакого длинного темного тоннеля с мерцающим светом или лиц родных я не увидела, но нечто похожее на шизофрению, уже каталось на зеленом единороге в моей голове.

И пока одна часть моего сознания ударила в философию, другая натужно сдерживалась, чтобы не отдаться мысли, что именно здесь я и подохну.

Как животное.

На обочине.

Любые следы моего падения, сейчас уже трудно будет различить.

Спасибо снегопаду.

— Кампана! — беззвучно двинулись мои губы.

Внезапно захотелось прокричать фамилию героя Жана Рено, в точности, как это сделал Франсуа Перрен, оставшись в джунглях с промокшими спичками, веревкой и пустой флягой с водой, чтобы прибежал дебелый мужик с мачете на перевес и вынес меня из этого кошмара на своих сильных плечах.

Да, я начинала бредить.

Нервный смешок сорвался с моих губ произвольно. Вот тут-то и крылось истинное зло. Ничтожное движение мимических мышц, отдалось адской болью.

Я едва снова не потеряла сознание. Сильная тошнота подкатила к горлу.

«Надо, хоть, на живот перевернуться, чтобы рвотой не захлебнуться!» — промелькнула мысль.

Что же следовало из данных обстоятельств — искать меня, навряд ли, кинуться в этой чаще, а фрау Мунд не для того дернула руль, чтобы героически признаться в покушении на убийство. Кричать не было никакого смысла — точно отключусь.

«Телефон!»

Он, родненький, лежал в рюкзаке.

«Рюкзак, я перекинула через левое плечо. Так, так... Это единственный реальный шанс вызвать помощь! Только бы найти, куда отлетела эта мешковатая сволочь».

Худо-бедно план спасения вырисовывался. Дело оставалось за малым...

— Подымаемся, милочка, — прошептала я вслух.

И тут же замерла, будто ждала ответа.

Как и минуту назад, я совершенно не имела сил, чтобы пошевелиться. Только правая рука, безвольно копошилась в снегу.

Адреналин! Да именно это чудо, вырабатываемое в теле любого человека, позволяет творить чудеса. Но эту химическую скотину в моей ситуации надо было еще вытащить на сцену, где ставилась драматическая миниатюра «Я и обморожения». И тут вспыхнула вторая подсказка друга — боль!

Да, она родная. Только боль, и при чем сильная, могла заставить съежиться мышцы, которые, казалось, уже наполовину превратились в лед.

Если долго собираться, то ничего не выйдет!

От слов, я мгновенно перешла к делу и повернулась шеей влево. Именно на этой стороне я ощущала, как кожу холодит мокрая шапка, насквозь пропитанная или кровью, или водой.

Сквозь взрывы искр и острых, прорезающих ощущений, я резко распахнула глаза и едва не вскрикнула от радости.

Моя голова была в жалких сантиметрах от ствола сосны внушительных размеров.

Прекрасно!

— Вперед, — тихо прошипела я себе и резко качнула голову на встречу корявой, жесткой поверхности.

Тихий удар, вырвал из моего горла настоящий крик, а тело содрогнулось в конвульсии, что позволило мне перевернуться на живот, после чего я еще минут десять лежала, задыхаясь от боли и привыкала к головокружению.

Тошнота и боль, водили головокружительный хоровод, который грозил новой потерей сознания и чтобы отвлечься от них я запихнула в рот пригоршню снега. Пить хотелось страшно!

Но тело, как по мановению волшебной палочки инстинктивно скрючилось. Ноги, как родные согнулись и подтянулись к животу.

Ах, сюрприз, сюрприз... У меня еще и правая нога в хлам разбита. Под шумок, я ощупала сквозь толстую ткань штанов место чуть ниже голени, подозревая, что там чудненький перелом, но при легком нажатии, которое должно было разразиться новым болевым приступом, я почувствовала его бледное подобие и покалывание, характерное при сильных порезах. Палец, как раз залез в дыру, встретился в голой кожей и я чуть ни зашипела — похоже порез только перестал кровоточить, пока я была без сознания и худо-бедно стабилизировался, но даже легкие манипуляции и напряжение мышц заставили кровоток усилиться и кровь потекла из раны с новой силой.

Я осторожно стянула с шеи шарф и туго перевязала ногу.

Идти, а точнее, ползти, я смогу, но не долго.

Осторожно повернув голову вправо, я наконец огляделась по сторонам и едва не чертыхнулась.

Глубокий овраг. Но всего каких-то сорок метров и я окажусь на дороге.

И вообще, времени у меня особо много не было. Судя по всему, скоро стемнеет, поэтому стоило поискать рюкзак.

Вялая возня, на которой я концентрировалась так, будто обезвреживаю ядерную боеголовку, отняла и без того ничтожные силы. Дыхание становилось более отрывистым и тяжелым. Невероятная слабость от потери крови давала о себе знать. Казалось, что вместо головы у меня гранитный валун, который мало того, растрескивается пополам, так еще и весит не меньше тонны.

Я не смогла перебороть желание еще немного отлежаться. Внезапно подступили слезы и глаза пришлось закрыть, чтобы не разреветься. Ведь глупо умирать вот так... Стоило хоть бы попытаться выбраться, а там уже как пойдет.

Пристыдив себя, я аккуратно перекатилась набок и невероятно медленно попыталась сесть.

Сосны закружились вперемешку с сугробами, и я закрыла глаза. Несмотря на то, что я нешуточно замерзла, пришлось подхватить пригоршню снега и обсыпать им лицо, чтобы отвлечься от нового приступа тошноты. Эта неприятная процедура самую малость помогла и еще минут десять ушло на то, чтобы привыкнуть к вертикальному положению.

Небо начало менять серый оттенок на графитовый и снегопад усиливался. Все время я прислушивалась к тому, не приближается ли машина. Как ни как, дорога была близко. Хотя, что мне от этого?

С открытыми окнами сейчас никто не ездит, а с силой, громко крикнуть у меня не получится.

— Спокойно, — я сделала глубокий вдох и повернула голову, чтобы найти рюкзак.

Зрение приходилось серьезно напрягать. Его уже давно засыпало снегом, так что надо было искать мягкие борозды в сугробах, неестественные и длинные.

Одно подходящее углубление было как раз в десяти метрах от меня.

Стиснув зубы, я подтянула ноги и стараясь не двигать лишней раз головой, я очень медленно стала подниматься на колени.

Вставать в полный рост сейчас было бы большой ошибкой, принимая в расчет серьезное сотрясение и пораненную ногу. Кровотечение только усилится, я головокружение приведет к новому падению.

И так я начала мелко и медленно ерзать, передвигаясь к углублению в снегу. Сумерки сгущались и я поняла, что осталось не больше получаса до того, как лес погрузится во тьму. Остатки сил, казалось, испарялись с последними проблесками света.

Осторожно укладываясь на живот, я чувствовала, как твердая корка заветревшегося снега с хрустом ломалась под тяжестью моего тела и с легким «фух» я проваливалась в сугробы где-то на фут.

Добравшись до углубления я уже настолько сосредоточилась на поставленной задаче, что даже не обращала внимания на резкую боль в ноге, которая переплюнула ноющую и гадкую, которая царила в голове.

Пошарив руками, я безошибочно нащупала рюкзак и осторожно вытащила его. Я знала, что мой телефон был в защитном чехле и его еще нужно было умудриться разбить. Накануне вечером у Хильды я зарядила батарею и сюрпризов с этой стороны не предвиделось.

От спасения меня отделяли считанные секунды. Всего один звонок и примчится....

«Так, а кому звонить?»

Бронелю?

Мужчина преклонных лет меня в одиночку не вытащит.

В полицию?

— Фу, — презрительно выдохнула я и приложила усилия, чтобы не поморщиться.

Скорую помощь? И что сказать? Я тут в лесу, приезжайте поищите меня.

Позвонить стоило Хильде. Она поднимет на уши кого надо и за ухо притащит на помощь Иво.

Телефон, наконец-то оказался у меня в руках. Я зубами стянула с правой руки брезентовую перчатку. Пальцев я особо уже не чувствовала и несколько секунд грела их дыханием, внезапно осознав насколько продрогла.

Свет широкого экрана озарил мое лицо в непроглядной тьме, но тут же окрестности облетел тяжелый вздох, который унес остатки сил.

Батарея могла похвастаться полным зарядом, не то что индикатор сигнала сети, который упрямо выдавал перечеркнутый кружок. Слезы снова навернулись на глаза, но там и остались. На то, чтобы заплакать просто не было сил. Я чувствовала, как волнами накатывается сон. Куда-то пропал холод и боль.

Напоследок я только и успела, что включить на полную громкость первый попавшийся рингтон, который был установлен сто лет на сигнал вызова.

Песня Ваһа Мен —»Кто выпустил собак?» возмущенно разносилась в темноте, и в тот же момент я тяжело легла на спину, прижимая телефон к груди экраном вверх. Звуковой сигнал это хорошо, а вместе со световым еще лучше. Из горла вырвался жуткий хрип, когда я выдохнула.

«Кто-нибудь спасет», — наивно промелькнула последняя мысль и я блаженно закрыла глаза, из которых наконец-то брызнули слезы. То как они стекали по ледяной коже я уже не чувствовала.

Мне было очень хорошо.

Искать кого бы то ни было во время снегопада было настоящим безумием. Практически, нулевая видимость не оставляла шансов на успех, поэтому Рэгворд оставил машину с включенными аварийными огнями на обочине и пешком пошел от Швангау в сторону

Нойншванштайна.

Все с кем он успел поговорить в деревне, в один голос твердили, что видели Лору в одиннадцать утра или около того, как она шла по своему обыкновенному маршруту.

Не было никаких сомнений, что случилось нечто плохое. Не было в округе человека, более привязанного к распорядку дня, чем Лора Диони. Она и сама того не осознавала, но отточенные движения уже плохо скрывала наигранная плавность. В этой женщине таилась поразительная тяга к дисциплине и порядку. Да что там говорить, по ее действиям можно было часы сверять.

— Лора! — зычный громкий голос Рэгворда растворился в пелене кружащего снега. Мужчина остановился и прислушался. В это время года темнело рано, пришлось прихватить с собой фонарик, чтобы случайно не свернуть с дороги и не скатиться в овраг.

Любые следы при такой погоде давно замело и позади было больше половины дороги, соединяющей деревню с замком, как вдруг, вдалеке едва слышно раздался странный звук: сбитый и захлебывающийся.

Рэгворд резко распахнул глаза и быстрыми шагами двинулся вперед, стараясь запомнить направление откуда доносилась какофония. Через несколько минут, уже можно было различить, что это песня.

Очень странно, учитывая, что мало кому взбредет слушать подобный ужас в разгар метели. А если это был сигнал телефона, то такой вариант вызывал еще большее удивление. Все местные знали, что звонить на этом промежутке пути можно разве что в колокол, связь здесь не ловила.

Тяжело дыша, Полссон замер на месте, когда понял, что звук снова начинает стихать. Значит, надо вернуться. Догадка пронзила слишком внезапно, вызвав оторопь. Только не это!

Почувствовав дрожь от страха, Рэгворд побежал назад, пока не нашел место, где звук слышался особо четко.

— Лора! — бешено закричал мужчина, понимая, что теряет контроль.

Не под стать ситуации песня беззаботно играла по кругу. Рэгворд прищурился вглядываясь в темноту, фонарик выхватывал только ветви сосен и гигантских елей, которые обвисли под тяжестью навалившегося на них снега. Обшарив лучом света обочину, наметанный глаз реставратора сразу нашел место, где гладкость белоснежной мягкой поверхности была грубо нарушена. Будто здесь вырвали клочок, но метель старательно скрывала этот след.

Нельзя было медлить ни минуты. Рэгги сорвался вниз усевшись на свой тулуп, он знал насколько здесь крутой склон и сколько мелкой поросли будет на пути.

— Лора, ты меня слышишь? — снова закричал мужчина, очутившись внизу оврага. Звук был совсем рядом.

Вдруг свет фонаря вырвал из темноты нечто не вписывающееся в идеальный белесый пейзаж — углубление по форме подходившее на человеческий силуэт.

Пробираясь сквозь глубокий снег, Рэгворд добрался до этого места и ужаснулся, когда увидел застывшее лицо, залитое потеками крови, на котором снег уже даже не таял. В сложенных на груди руках тускло мерцал припорошенный экран телефона.

Да, эта девочка, понимала, что не сможет выбраться и сделала единственное, что могло выдать ее присутствие здесь. Судя по всему ее крики не могли добраться наверх, там где дорога. Или кричать, просто не было сил.

— Нет, нет, нет. Очнись, Лора, — грубый голос Полссона дрогнул, когда он медленно протянул руку, боясь прикоснуться к лицу девушки и обнаружить, что в ее теле не осталось признаков жизни, но за одно мгновение лицо Рэгворда посуровело и он решительно провел широкой ладонью, сметая снежинки. Его пальцы уверенно добрались до сонной артерии на шее девушки.

Пришлось задержать дыхание и сосредоточиться, чтобы понять есть ли пульс. В течении невыносимо долгих секунд, Рэгворд не ощущал ничего, пока под ледяной кожей не почувствовал едва различимый толчок.

Жива!

Нужно было исключить травму позвоночника, при которой перемещать пострадавшего было запрещено. Рэгворд не представлял, как это сделать и в отчаянии его взгляд заметался, но тут он заметил, что Лоре удалось проползти несколько метров по снегу, а значит ее можно было поднять на руки не опасаясь спровоцировать паралич.

Никакие доводы больше не были нужны и Полссон легко подхватил тело девушки на руки, после чего, буквально поднырнув по нему, взвалил к себе на плечи, чтобы можно было подняться к дороге по почти отвесному склону.

Лору нельзя было назвать субтильной, тяжелый тулуп затруднял движение в глубоких сугробах, но Рэгворд не замечал этого, крепко удерживая драгоценную ношу одной рукой, пока другой цеплялся за шершавые, как наждак стволы деревьев, чтобы помочь себе. Нужно было еще дойти до машины, а это почти миля.

Очутившись на дороге, Полссон переложил Лору на руки и быстрым шагом направился к месту, где оставил пикап. Он даже не замечал, что мобильный продолжал разрываться нелепой песней. Вдалеке блеснули фары и через минуту резко затормозил старенький минивен, на котором ездил Иво.

Из машины выбежала Хильда. Она без лишних вопросов распахнула широкую дверцу, чтобы Рэгворду было удобно залезть на сидение. Когда Полссон оказался в теплом салоне, он услышал, как Иво с ужасом прошептал:

— Бог мой, — после чего выкрутил до конца руль и помчался к станции скорой помощи, которая располагалась в Фюссене. В Швангау не было реанимации.

— Как она Рэгги? Что случилось? — послышался уверенный ровный голос Хильды. Вот уж кто мог собой владеть в стрессовых ситуациях.

— Дело дрянь. Я еле нащупал пульс. Кажется, она просто свалилась с обрыва... Странно все это.

Хильда бросила резкий взгляд через плечо и с силой сжала губы. Полссон сам напоминал то ли призрака, то ли зловещего лесного духа — бледный, с тусклым огоньком страха в черных глазах, весь засыпанный снегом, он прижимал к себе неподвижное тело, так что лица Лоры почти не было видно, но Хильде хватило того, что безвольно лежащая рука ее подруги, с которой была снята перчатка, сплошь была перемазана кровью.

Тихий вечер в местной больнице Фюссена был идеальным для сочельника и медсестры, покончив с суетой после вечернего обхода, собрались за конторкой регистратуры, наслаждаясь тишиной и мягким мерцанием лампочек гирлянды. Горячий чай и песочное печенье, скрашивали смену и ничто не предвещало беды, пока с грохотом не распахнулись двери, ведущие на улицу, а перед глазами не предстал высокий бородатый мужчина, который одним своим видом мог довести до сердечного приступа.

На секунду повисло гробовое молчание. Но великан насупил густые брови и закричал,

что есть духа:

— Врача!

Потом он без промедления и предельно осторожно переложил тело на каталку, а по коридору уже бежали двое мужчин в синей медицинской форме. Они быстро расспросили об обстоятельствах, при которых пострадала девушка.

Хильда и Иво с ужасом смотрели на Лору, не веря своим глазам. Еще вчера они втроем веселились, бродя по улочкам Швангау и дегустируя грог, завезенный в местный супермаркет. А теперь, вместо улыбки на лице подруги застыл покой, который не внушал оптимизма.

Рэгворд скованно объяснил, не в силах оторвать взгляда от лица Лоры, половина которого была в потеках крови. Врачи затарабанили на своем языке, сыпя непонятной терминологией. В основном, это были распоряжения по назначению обследований и анализов.

— У пострадавшей есть аллергия на медикаменты?

— Я не знаю, — Рэгги отрешенно покачал головой, боясь моргнуть. Боже, какой бледной выглядела Лора. Неподвижная, умиротворенная словно мертвец.

Медсестра осторожна вытащила из оковевших рук девушки телефон, который до сих пор никто не удосужился отключить и протянула Рэгворду, но тот даже не двинулся и Хильда забрала кусок пластика и тут же выключила.

Полссон дернулся, как от удара, у него возникло чувство дежавю. И в одну секунду силы покинули его. Едва пошатнувшись Рэгворд тяжело оперся рукой о стену и бесцеремонно уселся на пол, откинув голову назад, после чего закрыл лицо руками.

— Нет. Я читала заключение врача, при приеме на работу, — выпалила Хильда.

— Имя, возраст, наследственные заболевания, группа крови...., - медсестра торопливо вносила данные в компьютер. — У нее родные есть?

Последний вопрос прозвучал особо мрачно.

— Даже не знаю...., - в голосе Хильды заметно убавилось бодрости. Она вдруг осознала, насколько мало знает о личной жизни Лоры, от чего стало не по себе.

Через несколько минут подоспели двое полицейских, они подробно расспросили о том, как обнаружили пострадавшую, и убедившись, что нет никакого криминала, заметно успокоились и убралась восвояси, сдерживая вздох облегчения.

В туристическом раю Баварии редко случались инциденты серьезнее утери личных вещей. Даже кражи были из ряда вон событием. Это расслабляло местных правохранителей, чего нельзя было сказать о врачах.

В зимний период, даже, расширили штат сотрудников неотложной помощи.

Хильда позвонила матери, чтобы рассказать о приключившемся несчастье и через полчаса примчался отец. В замке, в самом разгаре был фуршет перед представлением.

Тишина снова воцарилась в коридорах приемного покоя, только медсестры попрятались, оставив свою дежурную коллегу за конторкой регистратуры.

Рэгворд так и остался сидеть на полу, рядом на стульях расположились Хильда, Иво и Бронель. Последний, в виду своего возраста периодически совал под язык крохотные пилюли и тяжело вздыхал. Никто не решался произнести и слова, даже Иво, который считался несостоявшимся врачом, а за глаза разбирался в заболеваниях похлеще лицензированного медика, не решался строить предположения. Для него была бездонной тема нетрадиционной и восточной медицины.

Тишина висела едва не звенящая. Хильда могла поклясться, что слышит, как щелкают лампочки гирлянды в тот момент, когда они загорались и гасли. Кроме равномерного мерцания огней взгляду не за что было зацепиться. В холле висел телевизор, но его редко включали.

Иво проследил за своей подругой и заметно расслабился, когда понял, что она отлично держится, особенно учитывая, что медицинские учреждения Хильда ненавидела всем сердцем.

Все четверо просидели неподвижно до одиннадцати ночи, когда из дверей оперблока вышел уставший доктор. Вид у него был странный: испуганный и смущенный. О том, какая серьезная борьба происходила за закрытыми дверями операционной, можно было судить по обширным пятнам пота, которые расплзлись по форме мужчины.

— Состояние пострадавшей удалось стабилизировать. Все обошлось, но оно остается довольно тяжелое. Огромная потеря крови. Мы сделали запрос по местным клиникам. Нужна третья отрицательная.

Доктор был вынужден прерваться, когда посетители облегченно загудели и стали обниматься. Вот только странный лохматый тип, в овчинном тулупе, не двинулся с места и пытливо вглядывался в лицо врача. Проницательный взгляд причинял почти физический дискомфорт.

— Но с ней все будет в порядке? — с тревогой спросил Бронель, пытливо всматриваясь.

Доктор замаялся и опустил глаза, будто взвешивал стоит ли ему говорить то, что его смущало. Он помнил о врачебной тайне. Одна деталь, которая обнаружилась уже после ряда реанимационных манипуляций не давала ему покоя. Это не относилось к состоянию девушки напрямую, но могло послужить неплохим объяснением тому, как ей удалось выжить в условиях, в которых ее обнаружили при такой колоссальной потере крови. Эта жуткая деталь, буквально стояла перед глазами, вызывая в памяти подробности одной давней поездки в Эфиопию.

Девушка была оказалась невероятно закаленной и явно не поддавалась панике. Учитывая тот факт, что на ноге была разорвана крупная артерия, потеря крови могла привести к летальному исходу, если бы не относительно спокойное сердцебиение.

Можно было предположить, что пострадавшая все время провела без сознания, после падения, но это было не так. Она перевязала себе ногу, чем и спасла жизнь и при такой травме височной доли черепа, приняла верное решение оставаться на месте. Хотя, странно, что она вообще могла соображать. Подобные повреждения были очень болезненны.

Самый низкий болевой порог не мог объяснить того, что несчастная не скончалась от болевого шока, но кардиограмма не оставляла сомнений — сердце не перенесло особой нагрузки.

— Мы оставим пациентку в палате интенсивной терапии. Благо обошлось без обморожений. Не буду сгущать краски, как ни как Рождество на носу. Это настоящее чудо. Думаю, что все обойдется. Она очень сильная...

Напоследок пришлось выдавить ободряющую улыбку, в которую, впрочем, не поверил только здоровяк в тулупе. Но доктор быстро откланялся и снова вернулся в операционную. Анестезиолог как раз зафиксировал показатели жизнедеятельности.

— Ну, и случай, — покачал он головой, заполняя формуляр.

Но доктор его не слышал, он только подошел к изножью каталки на которую переместили пациентку, чтобы перевезти в палату, и отодвинул край сизой простыни,

открывая взору обнаженную ступню.

От увиденного, мужчина поморщился, ощутив, как холодок ужаса ползет по спине.

— Уборщица, — послышался тихий задумчивый голос.

— Простите, что? — переспросил анестезиолог, но доктор только мотнул головой и подтолкнул каталку к дверям.

11 глава

— То есть, как исчез?! Это Виго Оттерней. Человек, за которым следит, по крайней мере, три дюжины человек ежеминутно. И это только его охрана и obsлуга! Бог с ним с экстрадицией и договоренностями с малазийскими спецслужбами, мы должны были держать его в поле зрения до тех пор пока не будут выяснены подробности о Сомерсбри! — Фил Бисуонк не мог поверить, что манящая перспектива наконец-то пересест в кресло главы ФБР, покрылась трещинами и грозила рассыпаться в прах.

Но двое агентов, которые стояли перед ним, и которые были задействованы в слежке за Оттернеем в Джакарте независимо друг от друга, лишь подтверждали информацию, при чем в голос.

— Неделю назад Оттерней переехал в закрытое медицинское учреждение. Не было никакого смысла даже пытаться туда проникнуть. Доступ санкционируется на самом высоком уровне. Предполагается, что он встретился там с Финис, учитывая громкое убийство в Баварии, — один из агентов не моргнув глазом продолжал рапортовать, от чего Бисуонк еще больше разозлился.

— У нас есть видео с камер наблюдения? — заместитель директора ЦРУ, заметался по кабинету, прикидывая чем грозит ему срыв сделки.

Подобные дела не идут прахом из-за пустяков, тем более что Виго был заинтересован едва ли не больше своего американского спасителя.

Бисуонк давно понял, что происходила крупнейшая смена сил, в мире наркоторговли. Девять с лишним лет, спецслужбам не удавалось выйти на человека, который руководил несколькими картелями и имел самую широкую сеть сбыта кокаина в мире. Все, кого удалось взять, даже под пытками не выдавали или просто не знали имя того, кто стоит на верхушке этой невероятно запутанной цепи.

Агенты, которых удалось внедрить в сложный механизм наркотрафика каждый раз выдавали новые имена, но и эти оказывались мелкими сошками.

Какой удачей было, что выдать информацию соизволил только один человек — Фаррот. Именно это расшевелило Оттернея и он сам выступил с предложением о смене «руководства», при условии, что Соединенные Штаты подкорректируют данные о легальности некоторых счетов, с которых производилась активная скупка акций нескольких крупных корпораций. Плюс полное оправдание по всем статьям обвинения в обмен на имя того, кто дергает за все ниточки, словно паук, посередине гигантской паутины.

У Виго были такие связи, что в подтверждение обещанного, Бисуонк получил бумагу из Белого дома о рассмотрении его кандидатуры на пост главы ФБР.

И теперь, все планы рушились.

— Невозможно установить состоялась эта встреча или нет. Отсутствует кусок записи, примерно на четверть часа. Но точно известно, что Оттернею передали посылку. Коробка с чем-то круглым внутри. Размером с мяч для волейбола.

— Не трудно догадаться, — нервно усмехнулся Бисуонк, помня в каком состоянии они

получили труп Фаррот. — Директор отымет меня на заседании по полной программе! Главный свидетель на том свете, местоположение обвиняемого неизвестно...

«И я связан по рукам договоренностью с Оттернеем...» — подумал Фил, помня, что прикусить язык никогда не бывает лишним. В данной ситуации логичнее всего было выставить Виго главным подозреваемым в убийстве свидетеля, но тогда сделке будет конец.

— Да, что там, кстати с Оттернеем. Вы говорили он в больнице.

— У него было выявлено заболевание. Именно в тот день, когда он получил посылку, пришли результаты обследования, — ответил второй агент. Он протянул Бисуонку бумагу, чтобы тот лично ознакомился.

— Ошибки быть не может.

Пробежав глазами по тексту Фил не смог сдержать удивления и его лицо вытянулось. Он идивленно посмотрел на агентов, словно это была плохо разыгранная шутка.

— Из личного досье на Виго, прекрасно известно, что этот человек помешан на себе, буквально. Как?! Каким образом это возможно? Постойте, постойте..., - невероятная догадка пронзила мозг. — Может быть попытка суицида?

— Исключено. Слишком уж внезапным было исчезновение Оттернея. На данный момент уже бы нашли тело.

— А похищение? Такая версия рассматривается?

— Да, сэр, но и тут все нетипично... Давно бы уже поступили требования о выкупе. Нет.

— А что по Финис?

— Доподлинно известно, что деньги были переведены на счет и тут же сняты в другом отделении банка, так что отследить меченные купюры не удастся.

Заместитель директора тяжело опустился в кресло и махнул рукой, таким образом давая понять, что разговор окончен. Мужчина брезгливо бросил лист бумаги на стол, будто мог заразиться от него и устало прикрыл глаза ладонью, понимая, что рыбка сорвалась с крючка.

«Значит, никаких подвижек по делу Фаррот, даже чтобы пустить начальству пыль в глаза, и никакой выгоды от Оттернея, который, как в воду канул», — прикинул он.

Более того, шеф собирал экстренное заседание, на котором собирался поднять вопрос об утечке информации. Программа защиты свидетелей была скомпрометирована. Да, это был первый случай открытого убийства свидетеля, на конспирацию которого были брошены все силы бюро. Директор рвал и метал в последние несколько дней, требовал найти виновных. И Бисуонк прекрасно понимал, чья еще голова полетит с плеч.

Вот же ирония. Труп Алекс Фаррот каким-то образом был обезглавлен. Да, именно труп. Голову отсекли после наступления смерти, прямо в морге. Главный свидетель по делу Оттернея был убит в старинном немецком замке при невероятных обстоятельствах. Три пули в сердце и липовые следы, отслеживание которых не дало никаких результатов.

Киллер успел спуститься с помощью альпинистского снаряжения с отвесной стены высотой более чем в сто пятьдесят метров. Кинологи с собаками обнаружили четкие следы сорок третьего размера, что давало единственную зацепку — убийца был мужчиной, среднего телосложения. Ему удалось добраться до дороги довольно быстро. Все было точно рассчитано, убийство совершено именно в тот момент, когда в Швангау сошел снег. В этом году выдалась ранняя весна.

Следы вели к дороге, где благополучно и обрывались. Наверняка, там Финис пересел на машину и скрылся в неизвестном направлении.

Лучшие эксперты Интерпола и ФБР сантиметр за сантиметром обследовали почти милю в радиусе от замка Нойншванштайн. Опросили почти всех жителей деревни Швангау и не продвинулись ни на дюйм в расследовании. Были составлены подробные досье более чем на полсотни человек, которые были под подозрением, но тщетно. Слежка продолжалась до сих пор, в надежде, найти хоть какую-то зацепку, но Бисуонк прекрасно знал, что это будет «висяк».

Под ногами теперь будет гореть земля, ведь взять просто так десяток сотрудников и без единого ареста вывезти их на другой конец света для безуспешной слежки, многочисленные нарушения инструкций, которые так и сыпались в последнее время, когда приходилось идти ва-банк, и которые можно было потом подтереть за собой, если пост главы ФБР будет в кармане, все это будет расценено как нарушение полномочий и директору подадут голову его заместителя на блюде.

Фил постарался успокоиться, не смотря на то, что его била мелкая дрожь. Он убрал в ящик стола медицинское заключение, где черным по белому было расписано, что у Виго Оттернея был выявлен вирус иммунодефицита человека.

Три месяца назад

Рождество не удалось, мягко говоря.

Я очнулась в скромной больничной палате, ровно на вторые сутки. Об этом мне с милой улыбкой поведала медсестра.

Ну, как очнулась?

Приоткрыла глаза, поняла, что жива, обрадовалась этому, насколько это было возможно, мимолетно испытала желание хоть что-нибудь вспомнить, но, когда задела мыслями краешек воспоминаний и перед глазами возникло лицо Рэгворда, я послала все в тартарары и снова отключилась.

Слишком много эмоций нахлынуло.

Сквозь тяжелый сон, я чувствовала, как меня периодически обтирают губкой, шевелят больную ногу, накладывая новую повязку и обрабатывают место удара на голове. Мне не было больно.

Боже, храни морфин!

На смену шевелениям приходили звуки. В основном, пространные разговоры о моем состоянии и голоса, которые мне были знакомы. Они переплетались в разных вариантах: два женских, два женских и один мужской и самый частый — один женский.

Это была Хильда. Даже в отключке, я чувствовала, что она улыбается. Эта была ее суперспособность. Заразительно живой голос, казалось, бубнил тихим радио. Если бы во сне можно было подкатить глаза, я непременно сделал это. Но на горизонте маячила более тревожная проблема.

Где-то через сутки, я почувствовала голод. Даже до того, как окончательно прийти в себя и попытаться воссоздать полную картину своего состояния, мой организм предательски требовал калорий в самом распространенном смысле.

Поэтому, когда мой лечащий врач скромно появился в палате, по его ошарашенному виду, я поняла, что моего аппетита не ждали, как минимум еще неделю и вид, добываемой пачки печенья, которую я обнаружила у себя на тумбочке, наверняка, любовно оставленной

Хильдой или Бронелем, подвел под моим критическим состоянием жирную черту.

Несмотря на оптимистичный прогноз и захлебывающуюся похвалу доктора, мое настроение было не то, чтобы скверным. В таком расположении духа, я могла решиться на отчаянные меры, вроде того, что сейчас же сбежать из больнички и продолжить прерванный процесс выздоровления в своей крохотной комнатке в замке. Находиться в среди малознакомых людей, при моей мании преследования, вполне тянуло на скорый перевод в психиатрическое отделение. И хотя, чувство вины боролись во мне со старой знакомой паранойей, но вариант, как избавиться от доктора, медсестры и администратора, был сформулирован за несколько секунд.

Меньше всего хотелось отвечать на вопросы, но едва поняв, что я в состоянии принимать посетителей, доктор допустил ко мне полицейских. Меня допрашивали с полчаса и в качестве вишенки на торте прочитали лекцию о правилах безопасности пеших прогулок на проезжей части.

На само слово «допрос» у меня был стойкий рвотный рефлекс, учитывая прошлое, но дров в огонь подбросила подоспевшая рано утром Элеонор. За моей начальницей появилась раскрасневшаяся от мороза Хильда.

Полицейские уже закончили и собирали бумаги в папку, как вдруг из широкой термосумки появилось блюдо со штампотом. Судя по запаху — с зеленым горошком. И мнимая тошнота перешла в реальную. С кислой миной я быстро наклонилась за пластиковой емкостью, рядом с кроватью и меня согнуло пополам в рвотном спазме.

Ничего хорошего из меня вышло — завтрак давно переварился.

Хильда догадалась и выхватила блюдо с угощением у изумленной матери.

— Положу в холодильник... чтобы не испортилось. Потом перекусишь!

Святая женщина!

Я перевела лицо в режим умиления и благодарно кивнула. Не хотелось обижать фрау Гроссмахт, ведь это было первое проявление дружелюбия с ее стороны с момента моего появления в Швангау.

От Элеонор я услышала только выдавленное пожелание в скором времени поправиться, чтобы вернуться к своим обязанностям, после чего она убралась восвояси.

— Все, выдыхай, — Хильда подскочила на месте и бросилась к холодильнику. Она вытащила миску со штампотом и отнесла ее содержимое в туалет.

Звук смываемой воды в унитазе показался самой дивной мелодией.

На мой удивленный взгляд она рассмеялась.

— Как я тебя понимаю. Представь, я ела это почти четырнадцать лет. Ну, что? Выглядишь неплохо. Как самочувствие?

— Врачи говорят, что продержат меня тут минимум две недели, — я пожалала плечами.

— Я не про врачей спрашиваю. Как ты себя чувствуешь?

— Если не считать ноги и головы, то очень даже неплохо, — мне пришлось откашляться, как ни как, я плашмя пролежала два дня и во рту постоянно сохло, а легкие нагружал кашель. К тому же, я не любила запах дезинфицирующих средств, которые в избытке присутствовали в медицинских учреждениях.

— Ну и отлично!

Хильда внезапно смолкла, не сводя с меня восхищенно выпученных глаз. Пауза повисла не то чтобы неловкая, но зная ее, можно было с точностью сказать, что в этой странной голове шла дилемма, с чего бы начать затяжную беседу. Этот напор сдерживался только

плотиной общепринятых канонов воспитанности.

— Ты ведь понимаешь, что он..., - на слове «он» был произведен многозначительный кивок, — тебя спас.

— Он?

— Да, Рэгворд. Ты представляешь, где бы ты сейчас валялась с дивным швом от шеи до пупка?

Красочная картинка незамедлительно вспыхнула в моем мозгу и я машинально потянулась за пластиковым контейнером.

— Да, любопытно.

— Любопытно? — фыркнула Хильда. — милочка, любопытно, что сказал Зедан Матерацци тогда на футбольном поле, или странная фраза Каллипсо в третьей части Пиратов Карибского моря. Кажется, ты накануне новых отношений. Это тебе не пустые кувыркашки от случая к случаю. Ты Рэгворду жизнью обязана.

В связи с таким напором, теперь настала моя очередь растеряно выпучить глаза.

— У вас с ним связь, — продолжила Хильда, дергая бровями и выставляя напоказ щербатые зубы.

— Да, через дверь, которая снабжена приличным засовом. Хильда, не мели чепухи! У нас такая же связь, как у Мартина с Вивьен.

— О...хо-хо-хо, — заревела подруга на всю палату. — Ну, держись за свою койку, дорогуша. Последние новости! У этой сладкой парочки случилось свидание. Дэнглер пригласил Ви на прием в замке. Шампанское, балет, кринолины и поклоны сделали свое черное дело. Младшая Херст-Бьюрон проснулась в кровати Мартина, но того уже с след простыл. Постепенно блаженная улыбка сошла с бледной мордашки Вивьен. А то ходила, как зомби пару дней. Смотреть противно. И слава Богу, я уже чувствовала, что меня эта приторность доконает...

В палату зашла медсестра, но увидев Хильду, женщина переменялась в лице и замерла, будто испугалась.

— Ой, Реджина, не знала, что ты теперь здесь, — с нотками угрозы, прозвучало вместо приветствия от Хильды.

Опустив глаза в пол, женщина проверила капельницу, и ни сказав ни слова ретировалась.

— Ты с ней знакома? — я внимательно наблюдала за реакцией девушки, почуяв, что дело пахнет давней и гадкой историей.

Но прозвучавшего вопроса подруга будто и не услышала. Карие глаза замерли с нездоровым блеском, а губы плотно сжались в тонкую линию. Это был самый настоящий ступор. Сказать честно, я испугалась, как после просмотра добротного фильма ужасов.

— Ну, ветреность Мартина не такая уж и свежая новость, — нарочно громко произнесла я, чтобы вывести Хильду из состояния оцепенения.

Она вздрогнула и часто заморгала. Знакомая широкая улыбка тут же вернулась на ее лицо.

— Короче! Мой магазин сейчас заливают слезами. Старая карга Херст носится по Швангау, как недорезанная свинья и собирает сплетни, чтобы понять, кто обидел ее любимицу, но пока тщетно. Теперь-то эта кашолка ведет себя на так смело! Ну, да ладно. Меня это не так волнует, как состояние Рэгги.

Вот мы плавно и подошли к сути.

Хильда была уникальной личностью. Только она могла прийти к человеку с пробитой головой, который был при смерти два дня назад и вывалить свою тревогу за здорового мужика, которого чтобы завалить в разных смыслах, нужно было хорошенько постараться.

— Все это время, пока ты тут...эээ, поправляешься, Рэгги не вылезает из своей мастерской и пьет по-черному. Папе даже пришлось дверь выламывать, на пару с Мартином, чтобы убедиться, что Полссон жив. Ох!.. Ты извини, что так не вовремя, — мне показалось, что Хильда сейчас подпрыгнет на месте от предвкушения моей реакции. — Но кролик ваш сдох. Рэгги засунул его к себе за пазуху, когда начал пить, ну, и в общем, завалился спать пьяным и прямо на питомца своего. Придушил.

Осторожно присев на краешек койки, Хильда долго искала на кистях моих рук, которые закутаны в смоченные какой-то дрянью бинты, живое место и не найдя такого, тяжело вздохнула и потрепала меня по больной ноге, от чего я поморщилась. Вид у нее был не самый расстроенный при этом.

— Ну, ну... Не переживай так. Нордман забрал трупик и закопал в лесу.

К слову сказать, на моем лице не дрогнул ни один мускул, и печальная участь Роджера не собиралась выжимать слезы из моего организма.

Странно, но смерть зайчонка, меня не особо сильно расстроила, куда больше разнылась рана на ноге.

— Вот. Мама нашла это под твоей елкой на кухне рождественским утром, — Хильда протянула мне красивый сверток, перевязанный зеленой лентой. На крохотной карточке, прикрепленной к упаковочной бумаге, было выведено мелким почерком — «Лора» — Это от Рэгворда.

Я закусила губу, чтобы не чертыхнуться и тоскливо покосилась на перебинтованные руки. Они сейчас только и годились на то, чтобы держать контейнер-блевалку.

— Помочь?

Хильда очевидно сгорала от любопытства и я не могла отказать ей в этом удовольствии. Моего одобрительного кивка она не дождалась.

Бумага зашуршала и через мгновение я увидела самые красивые перчатки в своей жизни. Добротная темно-фиолетовая замша изнутри была подбита коротко стриженным мехом, который лоснился на свету.

— О! Какая прелесть..., - подруга вертела мой подарок в руках с таким умилением, что боялась ее прервать. — Он несколько раз как-бы между прочим говорил матери, чтобы та, снабдила тебя чем-то получше брезентовых варежек. Рэгги же реставратор. Для таких людей самым важным всегда были руки.

Глаза Хильды предательски покраснели и она явно сдерживалась, чтобы не шмыгнуть носом.

Подарок и правда был трогательным, вот только надевать это чудо, чтобы таскать дрова, я никогда не решусь.

Впрочем, визит Хильды был для меня сколь информативным, столь и странным, в том плане, что я не могла отделаться от мысли, что облегчение от ее ухода было слишком явным. Я никого не хотела видеть.

На смену вяло текущим мыслям о моем чудесном спасении и странной реакции Рэгворда, пришла спасительная апатия, когда я жаловалась на головную боль и мне давали снотворное. День ото дня я чувствовала себя все лучше, но только физически. В эмоциональном плане, я пребывала на пороге затяжной депрессии.

Теперь я была обязана Рэгворду жизнью, но понятия не имела чем ему помочь. С этим человеком творилось что-то неладное. Строить из себя психоаналитика, я не умела, особенно учитывая, тот факт, что к любому, кто произносил в присутствии Полссона больше десяти слов, он поворачивался спиной и сбегал.

Мысль о том, что в живописной деревушке, меня поджидала реальная угроза смерти, по началу казалось смешной, но чем больше я над этим думала, тем мрачнее представлялось ближайшее будущее.

Пребывание в Швангау создавало внутри меня отчетливое ощущение, словно меня выпотрошили. Противоречивые чувства защищенности и нависшей угрозы, разрывали пополам.

Но, как оказалось, я словно в воду смотрела...

Изнасилование, до недавнего времени представлялось мне чем-то несуществующим и из разряда «с кем-то это случается, но не со мной».

Но чему удивляться, если из списка «Этого со мной точно не случится» навсегда была вычеркнута — смерть в сугробе.

Я вернулась к работе без намека на хромоту и психологических травм.

Весточки от Зорро до сих пор не было, и по этому поводу, я испытывала легкий мандраж. Впрочем, это противное состояние усугубляла и предстоящая встреча с Рэгги, которого я не знала как отблагодарить.

Подаренные перчатки я почему-то не решалась надеть. Телефон для связи с моим спасителем тоже не рассматривался, как способ донести до него слова признательности. Горло начинало сдавливать всякий раз, как я представляла себе грядущий разговор.

За две недели Полссон ни разу не навестил меня, за что я была ему благодарна. Столь странные отношения выбивали из меня больше сил, чем укладка дров в поленницу. И все бы ничего, если не тот факт, что Рэгги избегал меня как только мог. Я не видела его ни в мастерской, ни на кухне...

Даже ночные сопения под дверью, кажется, завершились.

Долгие, холодные ночи в крохотной комнатке покрылись вязкой паутиной бессонницы, которая продолжалась несколько дней, выматывала и требовала определенного результата, чтобы вздохнуть с облегчением.

Решение пришло спонтанно, ближе к полуночи, когда немногочисленные обитатели замка видели десятый сон.

Рэгги поздно возвращался из мастерской. Его приход всегда сопровождали выразительные шаги и громогласный хлопок двери. Только эта краткая негармоничная симфония стихла, я осторожно вышла из своей комнаты. Из-за двери слышалась тихая возня, как бывает когда человек переодевается.

Затягивать не стоило, ведь сказать короткое «спасибо» это не так уж и долго, а потому моя рука тут же взмыла вверх, и глухой стук оборвал все звуки за дверью.

Полссон явно прислушивался. Нерешительность, настороженность и сомнения, буквально витали в воздухе.

— Кто? — внезапно раздался его голос.

— Рэгги, это Лора. Я хотела...

Но договорить я не успела. Меня втащили в узкий дверной проем удушающей хваткой, чтобы тут же прижать к стене и зажать рот.

Одежда не слетала с моего тела, ее срывали с треском, и почти со злостью. Поэтому

меньше чем через минуту, я обнаженной спиной ощущала обжигающий холод каменных стен. Ступор, в который я впала, сбивал с толку, хотя в мозгу уже вырисовалась последовательность действий, после которых мне удастся вырваться и убежать. Кромешная темнота и вой ветра за окном должны были еще больше нагнать страха, но именно его я не чувствовала совсем.

Моя странная покорность обстоятельствам, на миг заставила Рэгворда замереть, словно одержимому человеку, на мгновение вернули разум.

— Скажешь «нет» и я отпущу тебя, — низкий, чуть хриплый голос раздался совсем рядом с моим ухом.

Я ощущала, как дрожало его тело, то ли от нетерпения, то ли от холода. Камин здесь давно не разжигали, а мужчина был облачен в легкий штаны, которые, видимо, служили ему пижамой.

Широкая ладонь, от которой шел легкий запах лака для дерева, медленно сползла с моего лица. К этому моменту, глаза уже привыкли к темноте, я едва могла различить глаза Рэгворда. Скорее, я просто догадывалась, что смотрю в них, ощущая частое горячее дыхание.

С минуту он ждал ответа, пока сильные руки не обвили мою спину, отстраняя от ледяной стены.

У меня были особые отношения с болью. Многие годы я вырабатывала в себе определенное понимание ее пользы и училась терпеть.

То, что произошло со мной этой ночью, нельзя было назвать любовью или более удобоваримым словом «секс». А в последние годы личная жизнь оставляла желать лучшего, от чего тело приспособлялось, и в данный момент, не успевало реагировать на интимность происходящего, как бы мне этого не хотелось.

Рэгворд мне нравился. Очень!

Испытывать к нему симпатию и желание было легко, сколько раз я ловила себя на том, что люблюсь этим человеком, хотя он далеко не был красавцем. И если бы меня спросили, чем Полссон сводит женщин с ума, я не смогла бы ответить ничего вразумительного.

Правда, интимность интимность рознь. Технически это было очевидное и полноценное изнасилование, за той разницей, что я не сопротивлялась. Да, я всегда любила «по жестче», но...

Ночью не наблюдалось ни малейшего намека на прелюдию или стремление, чтобы партнер испытал удовольствие. Словно Рэгворд вымещал на мне злость, которая копилась слишком долго.

Он остановился только через пару часов, когда от боли я искусала губы до крови. Ну, хоть, кому-то было хорошо. В подтверждении этому, я услышала громогласный храп, едва Полссон перекатился на бок и сгреб меня в охапку, чтобы прижать к себе.

Слишком хорошо я знала, что такое потеря. Это колоссальное распирающее в груди, как будто там засело нечто колючее и отравляющее. Единственным способом заглушить эту пытку была злость или беспомощность. Рэгворду не нужно было ничего объяснять. На пару часов удалось забыть кто я, зачем я здесь и что мне предстоит сделать.

Собственно ради кого мне стоило говорить «нет»?

Ради Керо?

Я не знала, была ли у меня надежда увидеть его еще хоть раз.

Или женщина, которой грезил Рэгги?

Они оба были схожи с призраками, которые нас преследовали. Я получила дорогой

урок, чтобы научиться жить здесь и сейчас. И хотя, тело саднило и болело в разных трудно доступных местах, меня окутывал необыкновенный покой и чувство безопасности, до которого так падки все женщины.

Теория о том, что жертвы влюбляются в своих насильников, теперь не казалась такой уж смешной.

Вой ветра сглаживал все звуки, и сейчас можно было отпустить свою бдительность с поводка. Равномерное мужское сопение, указывало на то, что Полссон крепко спит. Я сделала глубокий вдох и слова сами собой вырвались из горла. Напрягать голосовые связки не пришлось. Странно, последний раз я пела почти год назад, но тембр и сила голоса не потеряли силы.

Именно эта песня звучала, в тот день, когда впервые увидела Кери. Парень слушал меня, как замороженный. Пространная, изумленная улыбка играла на его губах, но когда я дошла до последнего куплета, она испарилась, скривив их, как мне тогда показалось, от раскаяния.

— «И только совесть с каждым днем страшней, беснуется: великой хочет дани. Закрыв лицо, я отвечала ей... Но больше нет ни слез, ни оправданий».

Слова оборвались также внезапно, как и пришли на память. Сейчас бы облегчить душу и проплакаться, но я будто берегла слезы на более подходящий случай. Моя история подходила к финалу, да и сил скрывать все, уже не оставалось.

На удивление я быстро уснула. Это был настоящий отдых без сновидений.

А разбудил меня холод. Спина буквально околела. Когда я открыла глаза, то встретила взглядом с Рэгги, который сидел рядом на табурете. Он пристально вглядывался в мое лицо, и кажется, без тени сожаления по поводу того, что случилось ночью.

Машинально я потянулась за одеялом, чтобы прикрыть наготу, но подумав, быстро оценила свои действия и поняла, что поздно строить из себя оскорбленную невинность. По-прежнему в темных глазах Полссона я не увидела ни одной приличной мысли, благо, что и ирония из них испарилась. С него бы стало выдать пошлую шутку. Даром, что они всегда у него были смешные.

Поднявшись с постели, я быстро собрала разорванную одежду. Ступни ног быстро замерзли на ледяном полу. Странное молчание затянулось и стало приносить еще больший дискомфорт, чем низкая температура воздуха.

— Станный способ извиняться..., - с дуру сказала я, в надежде вызвать у этого мужчины хоть какую-то реакцию. Ну, сфинкс, ей Богу!

— Странная реакция на изнасилование.

— Я полагаю мы квиты, — тут я бросила взгляд через плечо и довольно отметила, что Рэгворд наконец-то удивлен.

— Квиты?

— Ты спас меня, и, кажется, этой ночью я помогла тебе. Мое вчерашнее «спасибо» уже не актуально.

— Этого больше не повторится, — мрачно пообещал Рэгворд, но не в пример его голосу, черты лица смягчились и вид, наконец-то стал виноватым.

— Извинения приняты, — я не смогла скрыть иронию в голосе. — Рэгги, у меня создается впечатление, что здесь ты прячешься от кого-то или чего-то. Плохо то, что от себя не убежать. Верно? А этот замок, вроде пансиона для обделенных и униженных. Тихое, уединенное место, полное отчаяния и тайн. Удивительно, что Хильда здесь не живет.

— Очень проницательно, — Рэгворд недобро усмехнулся. — Неужели в больнице

проболтались?

Разговор с Агнес можно было опустить. В обмен на мое молчание эта женщина выложила мне историю, от которой у меня до сих пор ползли мурашки.

Оказывается, что Хильду в пятнадцать лет упекли на лечение в психиатрическую клинику с подозрением на шизофрению. Тому виной была привычка девушки разговаривать с телевизором и с самой собой, комментируя все подряд. Ее одноклассники ничего не имели против, но однажды Вивьен проговорила об этом своей бабке и Тереза Херст не преминула использовать эту информацию для собственной выгоды.

Элеонор Гроссмахт не на ровном месте обзавелась ненавистницей в лице сестры мэра Швангау. Когда-то давно она состояла в отношениях с сыном Гюнтера Мейера — Керстом, эта была непростая любовь, учитывая тот факт, что единственный отпрыск был избалован и серьезно подсел на наркотики. Уважаемое семейство, разумеется, всеми способами это скрывало, но Элеонор забеременела и едва это дошло до Терезы, на потенциальную родственницу посыпались угрозы, в то время как сам Гюнтер предпочитал отмалчиваться.

Ни о какой свадьбе не могло быть и речи. Керст отказался видеться, а Элеонор стала позором для собственной семьи. По деревне поползли грязные сплетни и девушка до самых родов просидела в добровольном заточении дома.

Нужно было отдать должное воспитанию гера Мейера, все это время он снабжал мать своего будущего внука деньгами, чтобы хватало на врачей и еду. Если уж их сына ничего путевого не вышло, можно было попытаться исправить ошибки на примере внука. Но и этому не было суждено воплотиться.

Мальчик родился мертвым. У плода был диагностирован порок в развитии мозга и легких не совместимый с жизнью.

Элеонор была убита горем, когда Тереза Херст обвинила, что девушка употребляла наркотики и напрасно очерняла доброе имя Мейеров.

Керст скончался от передозировки в Карловых Варах, куда его тайком от всех увезли в реабилитационную клинику, а семья Элеонор, осталась жить в Швангау без всякой надежды когда-то отмыться от грязи, в которую их втоптала сестра мэра. И только Бронелю Гроссмахту было наплевать на слухи. Он восхищался стойкостью духа Элеонор и взял ее в жены.

Через год в семье родилась Хильда. Абсолютно здоровая девочка, подвела черту под злословием и сплетнями.

И когда Тереза узнала о странном поведении Хильды в школе, то ни секунды не колебалась и использовала все свои связи, чтобы окончательно погубить репутацию Элеонор. За положительное заключение психотерапевта была уплачена баснословная сумма. Девочку определили в палату для буйных пациентов и долгое время держали привязанной. Бронель и Элеонор оббивали пороги независимых медицинских комиссий и судов, но помощь пришла откуда не ждали, как говорится.

Летом, в гости к родне появился Иво Могель — друг детства Хильды. Парень как раз закончил второй курс. Он изучал юриспруденцию в Мюнхенском университете Людвига-Максимилиана и долго не мог поверить, в историю в его подругой. Сославшись на сбор материала для курсовой работы, Иво официально собрал документы, подтверждающие врачебную ошибку и добился проведения повторной комиссии, завалив Верховный суд Германии прошениями и апелляциями. Представлять интересы Хильды в суде он не мог, но подговорил на это безусловно выигрышное дело своего куратора, который имел лицензию

адвоката.

К великому ужасу Терезы Херст, суд выявил нарушения и все руководство клиники, куда была помещена Хильда, было снято со своих должностей. К сожалению, препаратами, которыми пичкали девушку, нанесли непоправимый вред ее психике, что привело к биполярному расстройству и резким перепадам настроения. Фрау Херст обязали возместить стоимость лечения потерпевшей и моральный ущерб.

Эти деньги Хильда вложила в магазин, а Иво вернулся в родной Швангау, когда окончил университет и прозябал на подхвате у нее, вызывая недоумение местных.

Девушка в итоге, почти оправилась. Многие в деревне прикусили языки, помня о том, во сколько влетело фрау Херст, ее вольное трактование чужого поведения и слов. И только один человек не мог оправиться до конца — Элеонор.

Ни широкая улыбка дочери, которая казалась, вполне счастливой, ни умиротворение в семье, ни утихшие сплетни, не могли вырвать ее из горя, в котором, она, казалось, уже привыкла вариться. По-другому жить она не умела. Поэтому Хильда отказывалась жить с родителями, потому что ей удалось отпустить ужасное прошлое, а при одном взгляде на лицо матери, болезненные воспоминания возвращались.

— Да, — уверенно солгала я.

— Хильда, единственная, кто пытается вырваться из своего кошмара, а те кто здесь живет, по твоему выражению, давно смирились с тем, что никогда не изменит. Ты и в моем прошлом желаешь покопаться?

— Я ни в чем не копаюсь, просто хочу понять, с кем живу рядом.

— Перетерпишь как-нибудь! Тебе не долго осталось. Месяц кажется. Скоро тебя выпустят из этого дурдома.

— Но не тебя? Ты тоже можешь уехать в любой момент.

Нечто затравленное появилось в глазах Рэгворда.

— Все очень не просто... И кто сказал, что я хочу отсюда уезжать?

— Ты не хочешь ничего изменить?

— Порой, это просто невозможно! Может быть именно из-за попыток что-то изменить, я и оказался здесь? В сухом остатке, я довольно неплохо провожу время в Баварии. Столько вопросов... И, кстати, это место не терпит их, впрочем, как и я..., - теперь Полссон был очевидно раздражен. — Так что не советую лезть не в свое дело. И да... Тебе пора приступать к обязанностям.

Последняя фраза должна убедить, что человек с которым я разговаривала изо всех пытается нанести мне обиду. Но пока получалось не очень. Гордость до сих пор обходила меня стороной.

— Тоже мне... Лоэнгрин. Надеюсь, тебе полегчало, — я с издевкой оскалилась, давая понять, что не собираю убиваться по поводу поруганной чести.

Рэгги закатил глаза, но с облегчением улыбнулся.

Я юркнула за дверь, которая тут же с грохотом за мной захлопнулась. Пространная беседа оставила горькое послевкусие расставленных точек над "i", но это было единственное чувство, которое соизволило меня посетить. Равнодушие и покой, обволакивали изнутри, притупляя жжение и покалывание в промежности, а еще зуд в тех местах, где по мне прошли зубы Рэгворда.

Трудно было отделаться от чувства, что в Полссоне давно были исчерпаны все ресурсы чувства вины, он разучился сопереживать, прислушиваться к совести, оставляя желание

рубить с плеча. Все это мне было очень легко понять. В этом плане я сама мало чем отличалась от Рэгги.

Спустившись во внутренний двор, я поежилась и подняла глаза вверх, чтобы осмотреть уже знакомые пики высоких башен. Каждый раз мурашки послушно оказывались на спине и табуном неслись к пяткам. Ветер немного стих, кое-где еще оставались островки снега, но в целом, можно было сказать, что весна пришла в Баварию в этом году, довольно рано. На кухне меня уже ждал горячий чайник. Спасибо Бронелю. Смакуя момент, я заварила чай и беспощадно добавила две ложки сахара, с горкой. Припасенное со вчера пирожное явилось из недр холодильника и сладострастно манило, предательски подводя к мысли о том, что напоследок можно еще и не такое. Все между нами останется тайной, как и подробности прошлого каждого.

Статус кво сохранялся почти неделю, пока Лора и Рэгги не вошли в свой привычный режим отношений. Спасение жизни и «недоизнасилование» обнулили их вопросы друг к другу. Лору только попустило и она перестала прихрамывать после той бурной ночи. Но в движениях девушки появилась странная машинальность делала ли она уборку, или ела. Походы в кондитерскую стали редкими. А когда, Бронель по привычке пересказывал последние новости за завтраком, она уходила, с извинениями, что пора приниматься за работу, хотя раньше всегда с интересом и любопытством слушала о неприятных событиях.

За эти несколько месяцев, что она провела в Нойншванштайне, Лора успела выучить расположение всех видеокамер в замке, а потому наизусть знала укромные уголки, в которых можно было затаиться, чтобы на несколько секунд закрыть глаза и напомнить себе ради чего она здесь. Сегодня обошлось без таких напоминаний.

Когда туристы стали заполнять залы и коридоры, с утренней порцией работы было почти покончено. Оставалось пройтись по мусорным ведрам. Едва девушка выкатила тележку с ведрами и швабрами во двор ее окликнула фрау Гроссмахт.

— Лора, подойди сюда. Тебе письмо.

Письмо!

Первое за столько времени.

Сердце зашло с такой силой, что на мгновение потемнело в глазах.

С трудом сглотнув слюну, девушка сделала глубокий вдох и на удивление ровной походкой зашла на кухню.

— Нордман заходил... Он был в городе и забрал почту по дороге к нам.

— Нордман?

— Ну да, наш лесник.

Удивительное дело, но только сейчас она поняла, что ни разу не видела этого человека.

Лора с глухим треском разорвала конверт, в котором пряталась одинокая открытка. На ней была изображена красивая лагуна и берег с разбросанными по нему простыми рыбацкими домиками. Этот вид она узнала сразу и в мозгу будто щелкнуло, словно выключатель.

Все чувства и переживания сняло, как рукой, оставив невероятное спокойствие.

Перевернув открытку, она уже знала, что там точно будет записка.

«Всего хорошего».

Два слова с добрыми пожеланиями вмещали в себя приговор для Алекс Фаррот. Значит,

дело в суде, Оттернею удалось замять. Обвинительного приговора не будет. Пора просыпаться. Ни сказки, ни победы добра над злом, ни надежды на спасение...

Сейчас бы горько усмехнуться, но Лора почему-то с облегчением вздохнула и обвела кухню взглядом, запоминая все детали. Как ни как пора прощаться.

Открытка перекочевала в нагрудный карман куртки и девушка подошла к плите и прикоснулась к чайнику.

Горячий!

Она достала пакетик чая, бросила его в кружку и залила кипятком. Вдогонку к заварке отправились две ложки сахара. В движениях появилась странная плавность и грация. Готовый напиток она пила с видимым удовольствием, поглядывая в окна на привычный пейзаж серых стен замка.

Нутро наполнилось теплом, в то время как взгляд заволакивало холодом.

Девушка вернулась в комнату, нагнулась к кровати и пошарив рукой, достала прикрепленный к ее дну предмет, который приятной тяжестью улегся на ладони. Из рюкзака она выудила портативную колонку и подсоединила ее к наушникам, включила кнопку воспроизведения и голову заполнила мелодия роскошной симфонии.

Не было никакого смысла тянуть время.

Пора прощаться.

Среди толпы туристов было так легко затеряться. Лора избегала камер, пробираясь к лестнице, которая вела на третий этаж.

Солнечные лучи обильно заливали просторную библиотеку на третьем этаже, где Рэгворт трудился над воссозданием резных панелей из красного дерева. Работа его успокаивала и буквально обеспечивала обезболивающий эффект.

Жизнь в Швангау не была хуже или лучше тех мест, в которых успел побывать Полссон, но дарила надежда на скромное счастье, если оно не заключалось в том, что можно было забыться, если под рукой есть выпивка.

Рэгги любил солнце и всякий раз, когда выдавался погожий денек, он старался покончить с работой пораньше, чтобы удобно устроиться наверху, на балконе и до одури любоваться видом на долину. Но и эту малую радость омрачала одна мысль.

Контракт Лоры заканчивался через пару недель. Эта девчонка была невероятно странной и скрытной, что очень ему подходило, потому что больше чем приторные улыбки, он не любил только лишние вопросы.

В это время, по утрам, Диони убирала на нижних этажах, а потом всегда заглядывала сюда. Тихонько добиралась до крохотной табуретки, удобно устраивалась и молча наблюдала за работой мастера. Ее приходу предшествовали четыре негромких удара дверей, россыпь неторопливых шагов, звуки которых мелким шепотом разбегались по каменным стенам длинных коридоров.

Вот, прямо как сейчас...

Хотя, нет. До табуретки Лора сегодня не дошла. Наверное, не устала.

— Ты сегодня рано управилась..., - довольно хмыкнул Рэгворт не удосуживаясь даже повернуться.

Он стоял на стремянке и натирал мастикой закрепленную панель, наслаждаясь тем, как светлая поверхность мягко темнеет, после того, как ее накрывала маслянистая тягучая жидкость.

— Действительно, — голос девушки прозвучал глухо и задумчиво.

— Ты грустишь? — Рэгги хмыкнул, продолжая натирать дерево. — Из-за того, что скоро уезжаешь?

— Можно и так сказать, — послышался рассеянный ответ.

— Было бы из-за чего, — вздохнул Рэгги и его губы дрогнули в горькой улыбке. — Местных никак нельзя назвать искренними людьми и их радушие покупное и относится только к бизнесу. На поверку жестокие в своем равнодушии люди, которым на все наплевать, лишь бы их уклад не претерпел изменений.

— Этот ты еще в Чебоксарах не был, — послышался легкий вздох, в котором нельзя было не уловить давней тоски.

— Это где? — Рэгги заканчивал смазывать панель.

— Далеко, — пространно ответила Лора.

— Так, неужели ты будешь скучать по доброжелательным жителям Швангау? — в голосе реставратора слышался откровенный сарказм. Ловко спустившись со стремянки, Рэгворд отложил мастику и подхватил тряпку чтобы обтереть руки.

— Нет, Алекс, не буду.

Полссон вздрогнул, как от удара и молниеносно развернулся, чтобы увидеть, направленное в его сторону дуло пистолета.

Оружие в руке Лоры Диони было столь же странным явлением, как и холодное безразличие на ее лице.

Эти несколько секунд раздувались на глазах от потрясения, шока и адреналина.

— Финис, — ошарашенно выдохнул Рэгворд, не веря свои глазам.

Значит, это была женщина! Тем более поразительно! Сколько ужасов было сотворено ее руками. Смерть мужчин, женщин, стариков, детей. Монстр во плоти, скрывался в теле простой на вид уборщицы.

Никто здесь не знал, что имя Рэгворда Полссона было выдумкой, частью маскарада, к которой прибегала программа защиты свидетелей. И на самом деле его звали Александр Фаррот.

Кровь буквально закипела в жилах и мужчина с силой сжал кулаки, его тело напряглось, словно пружина, а глаза застелила пелена отчаянного гнева, и казалось, что воздух завибрировал от такой концентрации ярости, но в ту же секунду, он почувствовал, как его грудь пронзила адская боль, и послышались еще два глухих выстрела.

Финис знала, в каком кошмаре жил этот человек. Знала, что всем сердцем он ненавидит того, кто с особой жестокостью расправился с самыми дорогими ему людьми.

По странной иронии судьбы, девушка была очень похожа на Лейлу — жену Алекса, разве, что не была такой миниатюрной.

Разумеется, с того момента, как он увидел новенькую уборщицу, покой был потерян и каждое действие, каждая реакция бедолаги была оправдана, вплоть до того, что, кажется, его подсознательно расстроил тот факт, что Лора Диони снова будет мучить его своим видом, после чудесного спасения.

Казалось, что пули проталкивают одна другую, вглубь груди, к сердцу, но даже эта боль не могла тягаться с той, что каждый день приносили воспоминания от вида заживо сожженных жены и сына.

И в этом была виновата она... Лора. Хотя, нет. Это имя было ширмой для убийцы.

Грузное тело в грохотом повалилось на пол. Убийца подскочила к своей жертве и бесстрастно наступила подошвой ботинка на руку, которая отчаянно тянулось к ней.

Удивительно, что Алекс не отключился сразу, его глаза полные ненависти только-только стали только закрываться. Он приоткрыл рот, чтобы закричать, но тут же не по женски сильная рука, улеглась на губы.

— Собственной персоной, — прозвучал бесцветный равнодушный голос с нотками нетерпения. Казалось, еще немного и Лора закатит глаза, будто перед ней стояло ведро с картошкой, которую надо было перечистить и столь рутинное занятие нагнетало скуку. Но, вот, глаза жертвы закрылись, а голова откинулась.

Лора подбежала к старинному сундуку, где раньше спрятала снаряжение для альпинизма, достала его и бросилась к окну. Она высунулась на полкорпуса, чтобы убедиться, что никто ее не видит и отточенным движением скинула вниз веревку, закрепив карабин за железный крюк, вделанный в стену, которая плюхнулась с головокружительной высоты вниз, к острым скалам, доставая почти до дна пропасти. После чего, девушка достала из кармана куртки небольшую акустическую колонку и выйдя в коридор, спрятала ее около распахнутого окна, предварительно проверив, что звук установлен на максимальную громкость и на таймере ровно двадцать минут. Со всех ног, девушка бросилась бежать вниз, точно следуя по слепым зонам видеокамер. Она как ни в чем не бывало забрала тележку с ведром и шваброй и отправилась на кухню.

Специальная техника дыхания не выдавали того, что ей пришлось попотеть и неторопливая походка в купе с рассеянной полуулыбкой, с которой приходилось бродить последние несколько месяцев, только подчеркивали заурядность наступившего дня.

На кухне, как обычно, суежилась фрау Гроссмахт. Лора открыла холодильник и достала ветчину, чтобы сделать бутерброд. Нарезав мясо тонкими ломтями, она уложила их на ломоть хлеба и в этот момент один за одним послышались три выстрела.

Элеонор насторожилась и замерла.

— Что это?

Да, это было идеальное алиби. По пути сюда, уборщица Лора попала на глаза дюжине человек.

— Я тоже слышала, — испуганно и очень натурально прошептала Диони.

Фрау Гроссмахт со всех ног бросилась во двор, откуда уже разносились крики паники. И как по нотам, в ту же секунду взвыла пожарная сигнализация.

— Пожар!

— Я вижу дым!

— Кажется на третьем этаже! Выводите людей! Срочно проверьте все залы.

Послышались истеричные крики и словно повинувшись движениям невидимого дирижера, люди хаотично засуетились, хотя очевидных причин для паники не было. Только из одного окна на отвесной стене замка, вырывался размытой струйкой едкий черный дым. И именно от туда свешивалась веревка.

Элеонор без промедления бросилась за охраной, а Лора присоединилась к толпе, прижав руку ко рту, и изображая ужас на лице. Сейчас представилась возможность, как следует осмотреться и подумать о том, что она могла упустить. В этот момент взгляд девушки наткнулся на человека, которого она очень хорошо знала.

Для всех остальных это был Карл Нордман, но его настоящее имя было Винсент Кросс.

Пожилой мужчина с аккуратной седой бородой и усами, одетый в теплую парку, черную лыжную шапку и высокие резиновые сапоги. Его цепкий, тяжелый взгляд с прищуром прошелся по фигуре Диони и девушка уловила в нем тревогу. Едва заметно кивнув ему, она

подтвердила, что все идет по плану.

Нечеловеческий крик отчаяния разнесся по каменному замку, на секунду приглушив крики паники. Почти всех посетителей вывели за ворота в безопасное место, согласно инструкциям.

Бедолага Курцвилль со всех ног бросился к лестнице, но его чуть не сбила с ног фрау Гроссмахт, которая бежала словно за ней гнались все демоны ада. Бледная и растрепанная, она, казалось, была на грани помешательства. Женщина изо всех сил уцепилась в лацканы униформенной куртки охранника, хватая ртом воздух.

Лора подбежала, чтобы услышать, что та пытается сказать:

— Скорую, скорую.... Срочно вызывайте.

— Есть пострадавшие? — Курцвилль непонимающе переводил взгляд то на уборщицу, то на смотрительницу.

— Рэгворд..., - тихо выдохнула Элеонор, после чего ее глаза закатились и женщина рухнула, как подкошенная.

— Лора останься с ней, я сейчас, — затараторив по радиации, Курцвилль вызвал скорую и надо отдать ему должное ринулся на помощь, так сказать в самое пекло.

Финис склонилась над бесчувственным телом фрау Гроссмахт, аккуратно уложив ее голову к себе на колени. Сочувствие накрыло с головой и девушка мысленно отмахнулась от нее, как от назойливого насекомого. Еще представится возможность и полить слезы и отдаться мнимым сожалениям, дабы не особо выделяться из шокированного окружения.

Тот факт, что все кого она знала в Швангау будут пребывать в состоянии шока, не вызывал никакого сомнения. Надо будет прорепетировать перед зеркалом правдоподобное изумление и горе. Все чаще и чаще, она заставляла себя проделать эти вещи искусственно. Устойчивость к физической боли, вызывала стойкую атрофию эмоций, что, безусловно, шло на пользу дела.

Среди царившего хаоса, воплей и далеких воющих звуков пожарной сирены, Лоре было до отвратительного спокойно. Слишком часто она представляла себе этот момент, была даже на грани того, чтобы пожалеть Элеонор, но ей не придется горевать долго. Этот человек всю жизнь был поглощен собственной трагедией.

Ветер донес во двор мерзкий запах горячей плоти, Фаррот закончил так же как и его драгоценная семья. Ни капли жалости, ничего человеческого не дрогнуло внутри Финис, только холодное осознание того, что работа выполнена идеально. Последнее дело, в плане организации можно было назвать без преувеличения шедевром.

«Теперь несколько недель «карантина», чтобы убедиться, что безмозглые следователи не разнюхают больше, чем им положено и я свободна» — промелькнула живительная мысль в голове убийцы.

Финис, Сельма Уидон, Лора Диони, наконец-то канут в лету и с облегчением вздохнет.... Аврора Франклин.

Глава 12

АФ — Аврора Франклин

«Он спас тебе жизнь!» — мой новый слоган.

Даром, что период сракотени миновал. На лицо намечалась определенная тенденция. Едва моя личная жизнь начинала стряхивать толстый пыли, то есть, выдавалась бурная ночь

с объектом вожделения, как начинались расширяться горизонты в понятии одиночества. Злой рок или не совсем удачный выбор профессии.

После того, как срок контракта на работу в Нойншванштайне подошел к концу, я без оглядки покинула этот прекрасный замок, ощущая, как смысл слов, сказанных Хильдой, тогда в больнице, будет отдавать в голове скрежетом пенопласта по стеклу.

Меня всегда удивляли статусы людей в социальных сетях. Самый любимый — «все сложно». Обычно, под этим подразумевается, что имеют место быть размолвки с близкими, недопонимания и разбитое сердце.

В сущности, людям, которым пришлось столкнуться с настоящими трудностями — тяжелой болезнью, потерей родных или друзей, им нет дела до того, какие статусы установлены, за исключением публичных личностей, для которых сомнительное внимание незнакомых людей было вроде бальзама на душу.

Сколько раз я забывала свой пароль в Фейсбуке. Хотя, чему удивляться, я и настоящее имя уже с трудом помнила. От того и выводила родные инициалы, то на пыли, то на снегу, то на песке... Смотря где находилась.

Я действительно родилась в Америке и до совершеннолетия жила в Майами с матерью и Сьюзан. Это была моя...тетка.

Да тетя, которую мне пришлось буквально нянчить с малолетства. И к слову о сложностях. Наша семья всегда была какой-то матриархатной. Сплошные женщины. Последний мужчина — мой дед, бросил маму и бабушку на старости лет и сбежал в Канзас с тридцатилетней ветреной сволочью.

Франклины никогда не бедствовали, и старый хрыч жил на широкую ногу. Проблемы с легкими из-за привычки курить с пятнадцати лет, превратили его в лакомый кусок для содержанок, а знаменитый бес в ребре растеребил мужскую гордость в районе семидесяти.

Бабушку накрыл инсульт и мы с мамой остались одни, пока через четыре года не случился телефонный звонок из органов опеки Канзас сити. Оказывается, что дед успел сострять дитя своей молодой женой, но девочка родилась недоношенной и у нее были проблемы со слухом. Точнее, малышка была полностью глухой.

Пожилой папочка отошел в мир иной, а для своей матери девочка была обузой. Мы были единственной родней.

Так, мама узнала, что у нее появилась сестра. Ошарашенные новостью мы просидели с ней с круглыми глазами несколько часов не в силах переварить грядущие перемены, но не могло идти и речи, чтобы оставить девочку в интернате.

Я сполна нанячилась со Сьюзи, именно тогда благословив небеса, за то, что не была subtilной. Когда мама уходила на работу, я познавала с нуля азы ухода за детьми. Бывали минуты жуткого отчаяния, особенно, когда Сьюзи плакала... Нет! Визжала у меня на руках. И тогда я завидовала ее глухоте. Сколько раз я представляла себе, что иссякнет последняя капля терпения и хорошенько размахнувшись я шмякну изгибающуюся тельце на пол. Но только картина представала перед глазами, как разум заволакивал ужас, от того, что я могла совершить подобное, пусть даже в мыслях.

Традиционные методы, как успокоить ребенка не срабатывали. О каком пении могла идти речь? Только бесконечное пребывание на руках и зрительный контакт, дарили мне тишину.

Потом колики прошли.

Мама была единственным человеком в семье, кто зарабатывал деньги, но она

безропотно сменяла меня, когда возвращалась с работы и отпускала на выходные погулять с подругами. Ночные дежурства, практически все, тоже были на ней. На помощь знакомых и друзей мы особо не рассчитывали, потому что мама мало с кем общалась. И хотя, мы не обязаны были любить свою новую родственницу, это чувство росло день ото дня, компенсируя все жертвы.

Поэтому, когда подошло время уезжать в колледж, я со слезами на глазах прощалась с единственными двумя людьми, которых могла назвать своей семьей.

Да, в этом смысле надо мной всегда витал призрак отца, которого я не видела ни разу в жизни, но длинные, проникновенные рассказы матери о том, каким он был человеком, не позволяли утверждать, что он был подлецом.

В этом я убедилась на втором курсе Центрального университета Флориды, когда глотнув свободной жизни, заметно приуныла. Я быстро завела друзей и с головой окунулась в творчество, пройдя отбор в местную музыкальную группу на место вокалистки. Мне не светило ничего интересного в будущем с дипломом менеджера и как все молодые горячие головы я жаждала изменить мир к лучшему, не имея никакого понятия с чего начать.

Именно в этот момент меня взяли «горяченькой», как я любила повторять. Визит солидного мужчины, который представился Винсентом Кроссом, закончился подробным описанием того, как он познакомился с моей матерью восемнадцать лет назад. Я сидела огорошенная, ведь эту историю я знала наизусть и качестве вишенки на торте, мне была презентована затертая фотография, дубликат, которой хранился у мамы в альбоме.

— Где ты был все эти годы? — наблевший вопрос, я буквально выплюнула, когда мы сидели на лавочке в зарослях олеандра.

— Сидел в тюрьме, — искренне и без сожалений ответил мистер Кросс. — Не все восемнадцать лет... Это все из-за моей работы.

— Что это за работа? Ты кого-то убил или ограбил?

— «Меня подставили» — прозвучит весьма банально, но по сути это так и есть.

— Хорошо. Кто тебя подставил?

— Этот разговор лучше перенести в более закрытую и спокойную обстановку, Аврора. Я очень рискую, из-за того, что нахожусь здесь.

— Тебе что-то от меня нужно? — я наконец-то догадалась, что визит отца не был продиктован теплыми чувствами и тоской за родной кровинушкой.

— Именно. Я впечатлен твоими успехами в изучении языков. Это будет отличным подспорьем.

— В чем?

— У меня есть для тебя предложение, — здесь была выдержана пауза. — Это работа. Увлекательная, сложная и она предполагает, что тебе придется немало попутешествовать, прежде чем взяться за нее. Но ты должна пообещать, что этот разговор останется между нами. Даже матери ни слова. Я не просто так оборвал все связи с ней. Никто не знает, что у меня есть дочь и любимая женщина.

— Вот как? Значит, работа?! Нет! Я столько сил приложила к тому, чтобы получить стипендию в колледже. А теперь должна все бросить? — внезапно обида накрыла с головой и я с трудом удержала слезы. — Маме пришлось уволиться сейчас, потому что она не хочет, чтобы Сьюзи страдала из-за того, что меня нет рядом и она будет пропадать целыми днями. Это к слову о твоей «любимой» женщине. Не знаю на сколько хватит ее сбережений...

— Надолго, — все так же сухо и спокойно ответил мистер Кросс.

— Мне бы Вашу уверенность! — я иронично ухмыльнулась, ощущая, что готова залепить папаше пощечину.

— Нет, правда. Все эти годы я перечислял ей деньги. Поверь, там хватит.

Я непонимающе заморгала. Это было как минимум странно.

— Но мама работала все эти годы. И мы жили довольно скромно.

— Да, знаю, в этом вся Кимми. Транжирой ее не назовешь. Черный день до сих пор ее преследует? — Кросс, казалось, впервые с начала нашей беседы расслабился и его взгляд смягчился. — Она до сих не оставила идею вернуть Сьюзан слух? Если быть чуть внимательнее, то вопросы отпадут сами собой, Аврора. Не думаешь же ты, что средняя медицинская страховка покрывала услуги той прорвы врачей, к которым Ким успела показать свою сестру?

И вот я уже сидела и с любопытством, ожидая новую порцию подробностей, подловив себя на мысли, что негодование сошло на нет, от части благодаря любопытству, от части мягкому голосу, который был похож на звук перекатывающейся морской гальки, на тихих волнах. Сомнения в том, что этот дядька действительно мой отец рассеялись окончательно. Его осведомленность поражала.

А еще, это походило на сценарий малобюджетного шпионского фильма, который едва может претендовать на успех в местном прокате и я все ждала, когда этот странный тип попросит у меня денег, сославшись на тяжелую жизнь бывшего уголовника.

Меня брали «горячей», так сказать. В те годы я еще не умела скрывать свои чувства, а потому сидела напротив нарисовавшегося папаша раскрасневшаяся от гремучей смеси злости, удивления и любопытства.

— Может в будущем появится технология, которая..., -промямлила я в ответ, словно пытаюсь оправдаться за мать.

— Ну, да, — непрошибаемое спокойствие мужчины было слишком явным контрастом моему растрепанному состоянию. — В любом случае, я понимаю твое недоверие и не на чем не настаиваю. Только прошу подумать над тем, что лет через десять ты будешь ползать в депрессии по потолку безликого офиса с бейджем менеджера среднего звена на унылой блузке. Я возвращаюсь домой через пару дней и больше ты меня не увидишь. Так что решай, Аврора.

— А где ты живешь?

Мистер Кросс поднялся с лавки.

— В Хорватии, — бросил он как бы между прочим и заметно прихрамывая, неторопливой походкой вышел на основную аллею.

Кажется, это и было прощание.

Хорватия?!

Я с трудом представляла себе где это находится и в голову лезла дислокация в районе Восточной Европы с фермами, полями и женщинах в вышиванках.

Только сейчас я почувствовала у себя под пальцами левой руки клочок бумаги с нацарапанным на нем номером телефона. Отец подсунул его настолько незаметно, что я окончательно убедилась, что в случае, если проявлю со своей стороны хоть каплю заинтересованности в его предложении, то меня по самые уши втянут в такую кучу дерьма, что поползновения по потолку офиса от депрессии покажутся раем.

После этого разговора, у меня появилось четкое ощущение, что это была плохо скопированная сцена из матрицы, когда Морфиус предлагал Нео две таблеточки на выбор.

Да, психоз был на лицо, но покой и крепкий сон я потеряла основательно и надолго.

«Мои успехи в языках, значит...»

Да, я в совершенстве овладела испанским еще в школе, потом мама отвела меня на французский и мой репетитор настолько вошел в раж, что параллельно я выучила и итальянский. Так, что в колледже мне осталось выбрать между немецким и греческим. В ход пошли оба.

Чтобы не потерять навыки, я покупала литературу на тех языках, которые выучила раньше.

Кстати, все началось с языка жестов для Сьюзи, который я считала самым красивым, в виду объективных причин. Свою тетку я называла сестренкой и с умилением наблюдала, как маленькие руки коряво совершают пасы в воздухе, доводя до меня мысли девочки.

Когда меня все доставало, я перебирала жестами все ругательства, которые были доступны. В колледже мои руки порхали в нецензурщине, каждый день, после встречи с отцом.

Кстати, я продержалась почти полтора года, прежде чем набрала тот номер телефона. Окончательно разочаровавшись в учебе, я чувствовала, как внутри растет недовольство. Гнев не редко приходилось подавлять по самым незначительным неудачам. Выражаясь языком психологов, мои «качели» ходили ходуном. Почти все время, я проводила на репетициях, скатившись по успеваемости чуть ли не до отчисления.

Не могу сказать что розовые очки были моим неотъемлемым аксессуаром с самого детства, но «взрослая» жизнь, пропитанная свободой только в том, что можно встречаться с кем угодно и накачиваться спиртным по поддельным правам, очень быстро опостылела.

На следующий день, после того, как я позвонила отцу, мне передали загранпаспорт и билет до Дубровника. Благо, что впереди были каникулы. Я проглотила угрызения совести и наплела маме о поощрительной путевке в Европу.

Собственно в колледж я больше не вернулась, потому что перевелась в Университет Роттердама в Нидерландах. Отец все устроил.

О, какая фраза!

«Отец все устроил».

Только сейчас, я начинаю понимать, что этот план он вынашивал едва понял, что я не вырасту хлипкой, инфантильной девчонкой.

Когда в 1975 году в ФБР только съедали первых собак на поприще защиты свидетелей, отец принимал непосредственное участие в разработке методик и инструкций, после чего перешел к практике. Лучший агент на протяжении трех десятилетий, был уволен с должности, когда выяснилось, что штаты на пороге дипломатического кризиса из-за того, что была нарушена неприкосновенность подданного Великобритании, в отношении которого начали расследование.

Была известна только фамилия подозреваемого — Сомерсбри.

Дело замяли, а свидетелей отпустили восвояси.

Именно тогда и появился Финис.

Уже через неделю несчастного не было в живых, вместе со всей семьей. Отец должен был лично замести следы. Сомерсбри вышел сухим из воды, а Винсент Кросс провел следующие десять лет в тюрьме, разрабатывая для себя новый план действий. В его распоряжении остались огромные ресурсы, хотя прежнее руководство об этом даже не подозревало.

Имена, названия городов, настолько замысловатые, что я даже не надеялась потом найти их на карте, лишения, испытания, ранения, и огромные деньги. Отец выдавал мне правду о своем прошлом небольшими порциями. И только когда, зашел вопрос о моей физической подготовке, я узнала, что Роттердам тоже будет частью прикрытия.

Мама с Сьюзи потеряли меня из виду на два года. Только редкие звонки и письма с моей загорелой физиономией, подтверждали тот факт, что я жива. Все потому, что обращаться с оружием, осваивать искусство рукопашного боя и выживания в жестких условиях, я научилась, когда проходила обязательную службу в израильской армии. Я попала в батальон «Каракаль». Больше года пришлось патрулировать границу неподалеку от Синая, задерживая контрабандистов и нелегальных эмигрантов.

Это было невероятно, но я прибывала в полном восторге от всего, что со мной творилось и только тоска за мамой и Сюзан, добавляла ложку дегтя. Но папочка быстро обновил мне эту «ложку» вбивая в сознание острый клин с новой фобией, а точнее, паранойей. Слежка! Каждую минуту, каждое мгновение я должна была помнить, что за мной могут следить те самые люди, которые знали о существовании Финис. Для многих это имя стало мифом, но в ФБР и Интерполе, оно ассоциировалось с позором, который покрывал их деятельность. Другими словами — никаких «хороших» знакомых, и тем более друзей. Вот тут уже начались сложности.

Я всегда была общительным человеком и долгое время держать в себе накопившиеся переживания не могла. Несвязный поток мыслей, в основном, приходился на маму, но ее рядом не было, а сотовый папаша изъял еще в аэропорту Бен-Гурион, вынул симку, а сам аппарат разобрал на составляющие, после чего похоронил в своем чемодане.

Хотя, жесткими эти условия было трудно назвать. Единственный кому удалось капитально переломить мне психику был мой родной отец.

Условие номер один — любое новое знакомство, я должна была начинать с мысли о том, каким образом я смогу нейтрализовать этого человека — быстро и тихо.

Очередной этап плана отца претворялся в жизнь. За очень короткий промежуток времени, он удосужился сделать мне английское, хорватское, израильское и итальянское гражданство.

После Израиля мы переехали в Румынию. Нет, учить румынский мне не пришлось. Поселившись в основательной глухомани под названием — Биделе, мы перешли к закалке.

В прямом смысле.

Я часами бегала по лесистой местности в летних шортах и футболке, а если мне не хотелось, то мистер Кросс скручивал меня в бараний рог — к этому у него был талант — ставил мне парочку хороших тумачков, завязывал глаза и вывозил в неизвестном направлении с компасом, бутылкой воды и парой кусков вяленого мяса, выкидывал подальше от дороги и уезжал. Ах, да... В качестве поблажки мне выдавались тонкие спортивные штаны и куртка. Учитывая тот факт, что период обучения пришелся на раннюю весну, приходилось мириться с температурой воздуха в пять-шесть градусов тепла и буквально бороться за свою жизнь.

Так что, по желанию убивать у меня была твердая пятерка. Потом пошла испытание посерьезнее.

Памятуя о том, что в спину мне будут дышать десятки людей, желающие моей смерти, а ни в коем случае не должна была исключать того факта, что меня могут рано или поздно «арестовать». Папа пояснил, что смертный приговор штука довольно желанная только потому что, его исполнению предшествует затяжной период допросов, ну, или если угодно

откровенных пыток. Когда льют воду на покрытое полотенцем лицо — это детские игры. Другое дело, когда к местам, где находятся скопления нервных окончаний подают ток или медленно вводят раскаленные иглы от шприцев, это дико больно. А еще прижигания, выворачивание суставов... Если человек не ломается, то начинают применять психологические приемы — лишение сна, воздействие звуком, когда под стробоскопами воет какофония на всех диапазонах в течении двух суток, голод, жажда и боль отступают на второй план и начинаются галлюцинации. Тут главное не переборщить, потому что многие теряют рассудок.

Собственно папа собственноручно перепробовал на мне весь набор, но прежде предупредил о последствиях и долго отговаривал. Разве что до насилия не дошло.

Те два месяца я не забуду никогда. Все шрамы потому убрали в частной клинике пластической хирургии откуда я и сбежала. У меня оставался номер телефона Кросса, которого уже перестала в мыслях звать отцом.

Пришлось жить на улице, скитаясь от деревни к деревне. Благо, что в Румынии люди привыкли к цыганам и на меня особо не обращали внимания. Пару недель я отработала на одной птицеферме под Лугожем. Ее владелец — худой, седой мужчина средних лет был добр ко мне и всячески намекал, что не против чтобы я расширила свой круг обязанностей, перебравшись к нему в спальню. Я отказалась, а он пожал плечами и снял меня с чистки курятников, переведя в «убойный» цех. Куриные головы летели из-под топора ладно и без промедления. Мой застывший взгляд, поджатые губы и забрызганное кровью лицо являло собой то еще зрелище, так что сославшись на недостаток денег меня попросили, но за работу оплату выдали. Эти гроши были истрачены за пару дней.

Нормально заработать удалось, когда я добралась до Тимишоара и устроилась в один из баров на подпевку, но проникновенные песни местной солистки едва были слышны, потому что «второй» голос выдавал такую дрожь и томление, что завсегдатаи заведения забывали опустошать свои стопки и слушали меня открыв рты. Вскоре появились поклонники. Хозяин бара, поставил меня на сольные выступления. Половину заработка я брала алкоголем.

Следующие недели я провела в пьяном угаре, стараясь переварить тот факт, что должна прийти к судьбоносному решению.

Месяц без надзора отца почему-то не принес облегчения. Публика была приличная и никто не распускал рук, наоборот, сплошные предложения помочь, потому что мой внешний вид оставлял желать лучшего. Но труды отца не прошли даром, я загиналась от паранойи. Доходило до того, что спокойно вести диалог я могла не с живым человеком, а только с дядюшкой Пекосом, который был набит у меня на руке. До безумия оставалось всего ничего.

Я вернулась в Биделе, как милая, обнаружив Кросса в самом безмятежном расположении духа. Как оказалось, он даже не собирался меня искать. Более того, этот невероятный тип был полностью уверен, что я вернусь.

Конечно! Не могло же столько лишений пойти напраслиной.

Проклятая психология!

Чувствительность, как физическая, так и эмоциональная притуплялась в последствии с каждым годом все больше и больше.

В этом году Сьюзан исполнится шестнадцать. Мы перебрались в Хорватию. Отец переписал на меня свой дом и землю. Он уведомил меня об этом через нотариуса и не удосужился даже позвонить мне.

Наши отношения со Сью нельзя было назвать сложными. Этот этап мы давно прошли.

От самих отношений на сегодняшний день остались одни воспоминания. И все из-за моей «работы».

Разумеется, все держалось в секрете и длительное отсутствие объяснялось деловыми командировками. Честно признаться деловые тоже случались время от времени, чтобы не привлекать внимания налоговиков, я вкладывала полученные гонорары в разные сферы деятельности. Неподалеку от Люка Дубрава, я приобрела старую устричную ферму и винодельню. А еще активно развивала эко-туризм. Точнее, за меня его развивали компаньоны в нескольких странах.

Сколько же трудов ушло на то, чтобы найти людей, которым действительно можно было доверять. Кстати, я была совладелицей лондонского агентства по подбору обслуживающего персонала, от которого Лора Диони и отправилась в Баварию. Фирма была на грани разорения из-за высокой конкуренции и мое щедрое предложение в обмен на долю в бизнесе, буквально спасло хозяина от разорения. Но «инвестиции» были произведены с небольшой оговоркой — нужно было принять на работу девушку, эмигрантку из Италии, без лишних вопросов и только по документам.

Это очень напоминало «Мертвые души», но только в отношении одного человека. Разумеется Лору Диони никто не видел в глаза, но при малейших расспросах о ней, всегда следовал один ответ — она на работе за границей.

Едва обугленный труп Фаррота увезли в морг, Нойншванштай наводнили полицейские. Но инициативу, на следующий же день перехватили спец из Интерпола и ФБР. Одни только допросы продолжались почти две недели. Проверили каждого работника, каждого работягу из ремонтной бригады, записи видеорекамер изучали едва ли не под микроскопом.

Но в итоге, я убралась восвояси из Баварии, ни разу не пожалев, что больше никогда сюда не вернусь. Перед тем, как отправиться в аэропорт Брандербурга, я заскочила в службу доставки и выбрала самую дорогую опцию, которая предполагала, что курьер лично перевезет груз, минуя крупные таможенные посты. По сути это была контрабанда.

Голова Алекса была доставлена в рюкзаке, в герметичном полиэтиленовом пакете. Мне ее передали в аэропорту по прибытию в Лондон. Лора Диони должна была раствориться в крупном мегаполисе, в то время, как Финис нужно было довести начатое дело до конца.

Встречу с Оттернеем я назначила на следующий же день, чувствуя нетерпение. В камере хранения Хитроу, я нашла ячейку, которую арендовала уже несколько лет. В ней, меня ждали два билета в Джакарту и Мумбаи.

Сохранять хладнокровие было так привычно. словно я входила в особый режим, при котором только и было возможно сохранить разум, от того, что за плечами, в сумке, к спине прижималась отрезанная человеческая голова.

«Он спас тебе жизнь...!» — снова вспыхнуло в мозгу.

Раствор эпоксидной смолы сработал на отлично, он не позволял запаху разлагающейся плоти проникнуть сквозь прозрачный слой полимера. Все это время, я успешно блокировала малейшие воспоминания о ночи в морге Фюссена, когда вооружившись специальной пилой, методично отделяла голову от тела. В свете одинокой лампы, я помнила с каким звуком дрожащее острие с хрустом и без труда преодолело корку обгоревшей черной кожи и вплотную приблизилось к позвонкам. Тут пришлось надавить с силой, чтобы сократить весь процесс до минимума. Времени у меня было в обрез, пока дежурного охранника отвлек подозрительно шатающийся по территории больницы мужчина.

Это был Нордман.

Вот почему лесник так долго не показывался мне на глаза. Да, папа отлично справлялся со своей ролью.

Мы договорились, что он останется в Баварии и если честно, я сомневалась, что когда-нибудь еще раз его увижу.

Чтобы спокойно поговорить, Карл Нордман вызвался отвезти меня в аэропорт. Как ни странно, со стороны отца не последовало разбора полетов, хотя я была уверена о его осведомленности, что мы с Алексом Фарротом более чем сблизились.

Красноречивое молчание длилось больше получаса.

Лицо отца представляло собой сплошную маску спокойствия. Равнодушный взгляд, впивался в дорогу. Да, я и без слов знала, что наши переживания сейчас полностью совпадали и вместо заслуженного облегчения и призрачной радости, между нами витало недовольство.

— Мы могли бы сделать больше..., - наконец не выдержала я.

— Уже нет.

— Финн может взломать любую сеть. Это же срабатывало почти двадцать лет.

— Лазейка закрылась. Это не безопасно. И ты знаешь, что не только мы с тобой рискуем жизнью.

— Ты устал.

— И это тоже. Тебе пора заняться Сьюзан. И оставить свою безумную затею с Сомерсбри. Что-что, а записываться в герои поздно.

— По-твоему, я должна сидеть на своем острове, считать прибыль и делать вид, что коллекционирование антиквариата сколь-нибудь интересно мне? Сьюзан уже взрослая и я едва могу ее заинтересовать дорогими подарками. Мы уже давно не одна семья.

— Тебя пугает одиночество?

— Сам знаешь, что нет. Просто нужно довести дело до конца, а у тебя на это сил не хватит.

— Ну, правила ты знаешь... Я не смогу помочь.

— Да, да.

— Вот только, глоссэктомия это немного жестоко.

— Может быть... Буду действовать по обстоятельствам. А что, твоя сентиментальностью диктуется старостью?

— Он все равно не жилец.

— А кто меня учил, что чересчур перестраховаться невозможно?

— Сама проведешь?

— Как настроение будет.

В этот момент отец посмотрел на меня и сквозь стену равнодушия я уловила плохо скрываемую иронию.

— Даже если он все расскажет?

— У Виго не будет выбора.

Это были последние слова, которые я услышала от отца. Никаких «пока-прощай» или «молодец, дочка». Напоследок, он даже не пожал мне руки, правда, я это и не ждала.

Два дня заслуженного отдыха роскошных апартаментах, в Белгравии пролетели слишком быстро.

Отрезанная голова уже добралась до заказчика, об этом меня уведомило сообщение от курьера. Еще через сутки мой счет пополнился на кругленькую сумму.

Можно было приступить к предпоследней части моего детального плана.

-

Проклятие всех городов Индии помимо вони и инфекций, это нестройный хор автомобильных гудков. Бегусарай не был исключением. Даром, что здесь население едва превышало сто пятьдесят тысяч человек. Суэта, полный беспредел на дорогах и припорошенный пылью пейзаж, состоящий из трехэтажных домов с замызганными вывесками.

Окна в просторной и бедно обставленной комнате были открыты настежь и шум, доносившийся с улицы вывел Виго из забытья. Во рту пересохло, что он даже не мог пошевелить языком, а голова раскалывалась от боли. При первой же попытке пошевелиться, он понял, что связан по рукам и ногам. Эта мысль привела его в чувство и мужчина резко сел, машинально вскрикнув. Нечленораздельный звук вырвался из его горла.

Тут он понял не может пошевелить языком, словно в него вкололи львиную дозу новокаина.

Только сейчас Виго заметил, что на стуле, около окна, наполовину скрытым в полутьме сидел человек, в черном костюме, которые носят в специальных военных отрядах. Финис!

Человек поднял руку и жестом указал на бутылку с водой.

Нужно было выиграть время и понять, что нужно этому типу, но прежде, стоило вернуть способность разговаривать. Виго с трудом дотянулся до бутылки и отвинтив крышку с жадностью выпил теплую воду.

Стало немного легче, да и языком уже можно было немного шевелить.

Финис продолжал сидеть неподвижно и неизвестно насколько бы это затянулось, как вдруг в комнату зашел мужчина. Виго видел его уже раньше.

Да! Это был тот самый переводчик, который знал язык жестов.

Сативан.

— Что вы задумали? Ты, ведь... Финис?

Человек в черном даже не пошевелился.

— Эй, ты, переведи ему. Что вы задумали? Меня найдут меньше чем через двенадцать часов. Вы оба трупы!

Сативан взял стул и поставил его между Финисом и Оттернеем, после чего опустился на него с ровном спиной и выразительно посмотрел на человека в черном.

Руки в перчатках пришли в движение, медленно выписывая в воздухе пируэты.

— Господин Финис спрашивает, как ему отыскать мистера Габриэля Сомерсбри.

От неожиданности Виго запнулся и непонимающе выпучил глаза. Он неуверенно усмехнулся и через мгновение засмеялся в голос.

— Да ты не переживай! Учитывая, какую кашу ты заварил, ты уже не жилец. Сомерсбри следит за своими людьми. Он сам тебя найдет!

Руки Финис снова пришли в движение. Все те же спокойные, плавные жесты.

— «Боюсь, что я первым должен буду нанести ему визит. Адрес».

— С какой стати мне тебе помогать? Я расплатился с тобой и портить отношения с Сомерсбри не в моих интересах. Пока...

Финис протянул руку и что-то положил на раскрытую ладонь Сативана. Мужчина подошел к Виго и поднес к глазам крохотный предмет, который напоминал вытянутую таблетку. Оттерней без труда узнал пластиковый маячок, которым Сомерсбри снабжал

каждого своего компаньона, вшивая его под кожу. Процедура была полностью добровольной и служила гарантией преданности.

— Кажется, Вы не совсем осознаете серьезность своего положения, — раздался совсем близко спокойный до тошноты голос Сативана Оино.

-

Ужасные дороги штата Уттар-Прадеш, заставляли подпрыгивать на каждом ухабе. В ржавом фургоне было душно и фирменный костюм Финис только добавлял дискомфорта, но я почти не замечала, что пот пропитывает ткань из спандекса, раздражая кожу.

Я замерла, глядя на свою жертву, сквозь затемненные стекла специальных очков. Напротив, безумно выпучив глаза, сидел Виго Оттерней. От дорогого итальянского костюма остались только брюки, из-за того, что его хозяина больше суток бесцеремонно перетаскивали из одного вида транспорта в другой, шелковая рубашка быстро утратила свою безупречную белизну. И надо сказать уровень комфорта с каждым разом падал все больше и больше.

Рот мужчины был заклеен скотчем, я руки связаны на спиной. Из правой руки вилась длинная трубка капельницы, которая была закреплена грязной проволокой, право за дыру в крыше фургона.

Я не хотела, чтобы «клиент» в конец обессилел, тем более в его то положении. Без должной терапии «вич» быстро переходит в СПИД.

Виго распирало от смесь ярости и бессилия что-либо изменить в текущей ситуации. Ему даже не предоставили возможность задать очевидные вопросы.

Решение «выкрасть» его именно из клиники, когда он проходил обследование было взвешенным и обдуманным. Я буквально умыкнула этого гада из-под аппарата магнитно-резонансной терапии. По итогам обследования я смогла определить, где именно был вшит жучок. В процессе добычи данной информации, пришлось пристрелить одного не самого последнего диллера Сомерсбри в Лондоне. Это случилось в аккурат накануне отбытия в Нойншванштайн, потому и пришлось скрываться в системе канализации. Помимо своры «бобби», меня преследовали головорезы Сомесбри. Так что отсидеться в немецком замке, было как нельзя кстати. Кажется, тогда я засветилась, поэтому паранойя вернулась с новой силой в Баварии.

Глаза Виго нервно забегали, он явно искал другие пути выхода из сложившейся ситуации. Но его самоуверенность улетучилась, как аромат освежителя воздуха в общественном индийском туалете. Учитывая тот факт, что я знала его дальнейшую печальную участь, вопреки ожиданиям трудно было испытывать удовлетворение от того, что мне предстояло сделать. Не смотря на выматывающую жару, я ощущала, как кровь замедлила ход по моим жилам, словно стала густой, как патока. Но я дала обещание. Сативан Оино неспроста был выбран мной, в качестве сопровождающего.

Дочь этого бедолаги имела честь привлечь внимание Оттерней в свое время. Несчастную стерилизовали и через месяц любовных утех выставили на улицы Пхукета, сунув в руки десять тысяч долларов.

Да, я долго искала того, кто будет заинтересован в мести. К счастью господин Оино оказался не из робкого десятка, к тому же он знал язык жестов. Этот тихий человек всю жизнь проработал в интернате для детей с ограниченными возможностями. Через несколько

лет ему нужно было выходить на пенсию, как грянула беда с единственной дочерью. Печальная история.

Нужно было отдать должное и Оттернею. В какой-то момент он замер и только глаза полные усталости и спокойствия буравили меня, в слабой попытке убедить, что у него все под контролем.

Двадцать шесть часов нелегкого пути от Джакарты в итоге сделали свое черное дело, Виго отключился. Это дало мне возможность проверить его пульс и сделать несколько инъекций.

Развалюха на колесах, вскоре замерла, как вкопанная и Сативан дал мне понять, что мы на месте.

Дверцы фургона не сразу поддались и по ним пришлось пару раз хорошенько ударить ногой. Резкие звуки вывели Оттернея из беспамятства и он с трудом открыл глаза. Не став дожидаться, пока он поднимется на ноги, я выволокла его за шиворот из машины. Виго не удержался на ногах и повалился в размоченную от повышенной влажности землю, в аккурат под кирпичную стену, истерзанную временем.

Приняв всю ту же смиренную позу, Сативан замер около фургона, сцепив перед собой руки в замок. В его черных глазах читалось пугающее умиротворение.

Взвалив на плечо увесистый рюкзак, я подхватила громоздкую термоаптечку и грубо подняла Виго на ноги, подтолкнув в сторону, куда Сативан старался не смотреть. Не скажу, что я сильно нервничала, скорее эта была подавляемая жалость. «Черному месту» — неспроста было дано такое название. В Индии трудно отыскать, что-то, что можно действительно бояться местному населению, а значит для приезжих, это место могло вполне сойти за ад.

Разрушенная кирпичная постройка, у которой мы припарковали фургон была единственной в округе. Дорога представляла собой сплошное месиво, которое судя по всему только недавно немного застыло. Проливные дожди на севере Индии были явлением частым и стихийным.

Оттерней пытался что-то мне сказать, он показывал связанными руками на рот, давая понять, чтобы я сняла скотч, но в ответ получал очередной пинок. Нас окружали сплошные непроходимые джунгли и бежать ему было некуда, учитывая еще и тот факт, что мужчина не представлял где мог находиться. Я оглянулась назад. Сативан семенил за нами, внимательно глядя себе под ноги.

Минут через двадцать пешего пути, из высокой зеленой стены деревьев выглянула поросший лианами забор, за которым были слышны голоса людей, мычание коров и лай собак.

Сам забор тянулся на добрых пятьсот метров, прерываясь на железные ворота посередине. Добравшись до них, я увидела, что нас ожидает мужчина, одетый в белые одежды. Условно белые. Среди этой жары и грязи ничто не могло долго сохранять этот цвет.

Я сложила руки в жесте «намастэ». Мужчина почтительно склонился в ответном приветствии. Как же индусы не любили личный контакт, даже рукопожатие считалось вмешательством в личное пространство.

Улыбчивое открытое лицо ни на секунду не сменилось недоумением, учитывая мой костюм и вид Оттернея. Ни говоря ни слова, я достала наручники и пристегнула Виго за ногу к железному пруту забора, после чего сняла с плеча рюкзак.

Выудив сверток, я протянула его мужчине. Он неспешно распаковал его. Несколько

плотных пачек сотенных зеленых купюр явились свету. Я видела, как удивление промелькнуло по лицу мужчины. Кажется, он немного оторопел от таких денег. Сто тысяч долларов были той суммой, о которой я заранее договорилась с этим неприметным типом, который на самом деле был бессменным «управляющим» самого удаленного в Индии лепрозория, известного, как Кали-Джагах.

Он довольно кивнул и юркнул обратно в ворота, бросив пытливый взгляд на Виго.

Оттерней явно оторопел от сцены, которая предстала перед ним и я заметила в его глазах нарастающий откровенный ужас.

— Что ж... Теперь можно пролить свет на положение вещей, — тихо сказала я, стягивая с лица пропитанную потом маску.

Изумление и шок тот час же исказили лицо Виго и он даже не моргнул, когда я подошла к нему и резко сорвала скотч с его губ.

— Наин?! — его рот безвольно открылся. — Что..?

— Да, Виго. Наше знакомство через несколько минут завершится навсегда. Поэтому я напоследок все объясню.

В этот момент Виго замотал головой, но мое спокойствие производило на него противоположное действие и потому мой пленник закричал в голос. Отчаянно и громко, вопя о помощи. Я спокойно стояла, вслушиваясь в извечное английское — Help! Жила на шее вздулись и кашель прерывал крики о помощи. Виго на несколько секунд запнулся и снова закричал:

— Бачаав ке лие!!! Бачаав ке лиеее!!!

Парень начал вспоминать хинди.

Но в этих местах говорили на урду.

Эти жуткие вопли смешивались со стрекотом цикад, истеричными криками птиц в густой мешанине джунглей, которые выступали равнодушными свидетелями.

— Кто за это заплатил? — наконец спросил Виго, поняв, что он зря тратит силы. — Ты знаешь, что я дам больше. Кто?! Ответь!

Но увидев мое лицо, которое обычно бывает у взрослых, когда те смотрят на капризы избалованных детей, он запнулся. Я молчала.

— Зачем?

— А вот это правильный вопрос, Виго.

В это мгновение его лицо вытянулось от пронзившей мозг догадки.

— Как ты это сделала? Ведь это благодаря тебе я болен.

— Вы про вирус?

— Да.

Сативан с любопытством слушал наш разговор.

— Ваши любимые пиявки помогли. У меня был друг в Англии, который умер от СПИДА. Я помогла одной из этих скользких гадин выпить его крови. Никто и не заметил, что на одном из сеансов гирудотерапии, было на одну пиявку больше. Незаметно сделав надрез на тельце, я выжала ее содержимое на свежий укус.

Оттерней затрясло от злости, но он умудрился сохранить самообладание.

— Чего ты хочешь за то, чтобы вернуть меня обратно в Джакарту?

— Ответ на один вопрос.

Недоверчиво всматриваясь в мое лицо, Виго усмехнулся.

— На какой? Ах, да... Сомесбри!

— Именно.

Он застонал, то ли от усталости, то ли от боли.

— Заигравшаяся дура! — неожиданно выкрикнул Виго и сплюнул себе под ноги. — Он сотрет тебя в порошок.

Я предвидела подобный поворот событий.

— Господин Девдан! — крикнула я и через секунду в воротах снова показалась фигура мужчины в «белом», а за ним вышли еще двое мужчин.

Мне пришлось приложить усилия, чтобы не отвернуться при виде их. Словно кадр из фильма ужасов, перед нами словно предстали живые мертвецы. Эти несчастные были больны проказой. Они стояли, покорно опустив с лиц повязки, которыми завешивали прогнившие участки кожи и мышц, демонстрируя изуродованную внешность.

— Я не собираюсь никого убивать. Вот знакомьтесь, Вы будете доживать свои дни с этими несчастными. Несколько минут назад я внесла щедрый взнос на Ваше содержание в этом лепрозории. Кстати, это часть вознаграждения за голову Фаррот.

— Лепрозории? — Виго опешил. Ноги мужчины подкосились и он сполз по стене забора.

— На эти деньги, господин Девдан приобретет необходимые препараты, чтобы продлить Ваше существование здесь. Разумеется свободы передвижения у Вас не будет, но здесь есть вполне пристойные палаты. Подобные места частенько становятся последними пристанищами для неугодных наследников, отпрысков, надоевших жен или конкурентов по бизнесу. Из еды только молоко, зеленые бананы и подплесневевший рис. Государство не очень печется о содержании подобных заведений. Так что в частных инвестициях господин Девдан более чем заинтересован. Но я подслащу эту пилюлю для Вас Виго. В обмен на информацию о Сомерсбри, я отведу Вас к Рушави.

Едва Виго услышал имя своей возлюбленной, он дернулся, как от удара и все слова застряли в горле огромным комом.

— Как ты узнала?

— Опустим детали, у меня мало времени. Вы согласны?

Повисло молчание, я кивнула Девдану, чтобы он отвел своих пациентов обратно, потом достала из рюкзака бутылку воды и выпила с жадностью чуть больше половины. Подойдя к Виго, я протянула ему остатки. Промочив горло, он с горечью окинул высокие ворота затравленным взглядом.

— Она здесь?

— Да.

— Но как? Все эти годы я не прекращал поиски.

— Которые вы поручили Марио?

— Да.

— Понтинг давно обнаружил местонахождения Рушави, кстати, она изменила свое имя на Руши, после того, как родила сына.

— Сына?

— Вашего сына.

— Он тоже здесь?

Я кивнула, ощущая, как горечь заполняет рот, а на грудь укладывается тяжесть от того, что мне предстояло сделать.

— Хорошо, — Виго решительно сжал губы, впервые представ передо мной человеком,

который был способен на человеческие чувства. — У Сомерсбри есть апартаменты в Лондоне. Графтон сквер 36. Обычно там он проводит все встречи, относительно своего бизнеса. С виду ничего неприметного. Обычный дом, как десятки прочих по соседству, но это настоящая укрепленная крепость с бронированными окнами и система изоляции дверей в случае опасности, огромный штат охраны, видеокамеры и прочее. Все! Я рассказал! Отведи меня к Рушави.

Оттерней подскочил, словно безумный, его трясло, но уже не от страха, а от нетерпения. Подобной реакции я не ожидала. Сняв с ноги наручники и крепко схватив Виго за руку, я подвела его к распахнутым воротам, но прежде чем туда зайти, надела себе на лицо защитную маску, которой обычно пользуются в лабораториях с повышенным уровнем биологической угрозы. Сативан благоразумно остался ждать снаружи.

Господин Девдан шел впереди нас. Пришлось пересечь почти весь больничный комплекс, который напоминал крохотный поселок, по которому бродили остатки людей, замотанные в лохмотья.

Мы подошли к небольшому участку земли, на котором высилась квадратная постройка, и я догадалась, что это был местный склеп, на стене которого были выбиты имена.

Девдах пошарил взглядом по длинному столбцу и выделил пальцем две надписи.

— Мальчик умер от тифа, — раздался скрипучий, низкий голос. — Совсем маленький был. Три месяца от роду. Руши повредилась в уме, я не мой даже забрать умершее дитя из ее рук. Она двое суток просидела с ним в обнимку. А после церемонии сожжения, спала несколько дней здесь, у склепа. Ее здоровью ничего не угрожало. Чудо какое-то. Я предлагал отвезти ее в город, но она отказалась. Почти четыре года она помогала мне в уходе за пациентами, потом случилась вспышка малярии. Много людей умерло. Руши в том числе. Пришлось рубить деревья в джунглях, дров не хватало для сжигания трупов.

Виго опустил на колени и прислонился лбом к каменной стене склепа. Его плечи затряслись от рыданий и тут он снова закричал в голос.

Девдах вопросительно посмотрел на меня, он высунул язык и показал пальцами ножницы.

Оттерней навсегда останется здесь, я не собиралась его отпускать. Многим «богатым» пациентам, здесь удаляли язык, чтобы они не донимали остальных обитателей Кали-Джагах криками. Эта процедура предстояла и Виго.

Помня о всех зверствах, что этот человек сотворил за свою жизнь, я не особо прислушивалась к жалости, но это малохольное чувство, все же копошилось у меня в груди. Я коротко кивнула, после чего быстро развернулась и не глядя на изуродованные лица, окружившие нас плотными полукольцом вышла из ворот этого забытого жуткого места, попутно ожидая, что вот-вот снова раздадутся крики о помощи от Виго.

Но меня буквально пробил самый настоящий озноб от все тех же криков птиц и редких истеричных улюлюканий обезьян, которые начали бесноваться от недавних воплей Виго.

К фургону я шла быстро, словно меня саму только что избавили от страшной участи, остаться в Кали-Джагах. Слышны были только торопливые шаги Сативана позади. Все никак не могу привыкнуть к тому, что убить куда проще, чем обрекать на мучения. Сомнительный тезис, но... Я поэтому и устриц предпочитала есть только после термической обработки. Вот куньки в масле другое дело. Нервный смешок сорвался с губ. Ситуация самое то, чтобы думать о предпочтениях в еде. Тошнота подкатила к горлу. благо рвать было нечем. В Индии я давно зареклась что-либо есть, закалка закалкой, но ни бурфи, ни пудла с паниром не

стоили проведенных из-за них часов на унитазах.

На меня давили сплошные стены зелены, которые казались гигантскими волнами, среди которых единственным спасением был адрес Графтон сквер 36 и два билета, покоившиеся в рюкзаке за спиной. Первый Дели-Москва, а второй Москва — Чебоксары.

13 глава

Село Пылюкановка располагалось восточнее Чебоксар, и по названию не особо вписывалось в чувашский колорит остальных мелких поселений, вроде Большие и Малые Карачуры, Устакасы и Ягудары.

И если через Пылюкановку не проходила невидимая линия миграции пеликанов, название которых местное население могло спокойно переделать на свой лад, то происхождение названия уходило глубоко корнями в чернозем, слой которого выдували сильные ветра осенью, заматывая деревню пылью.

Слово «село» хоть и замещалось активно властями на вездесущий «поселок городского типа», но сто шестьдесят восемь душ населения Пылюкановки давно махнуло рукой на условности и относилось себя к «деревенским».

Пять улиц, похилившейся решеткой пересекали клочок земли, поросшей суданкой, шпашаром и щерицей, которую к слову свиньи просто обожали. Среди бесконечных полей, село напоминало своеобразный плот, на котором спасались люди. Дома здесь располагались очень разрозненно и не жались друг к другу. Развалюх среди них было не больше десятка.

В основном это были крепкие деревянные срубы и только на улице Ленина селились «зажиточные» и жилища здесь были под стать — из рыжего кирпича, как и главное украшение Пылюкановки — Дом культуры.

Беленые стены этого одноэтажного шедевра архитектуры с тремя облупившимися колоннами редко служили по назначению. Здание давно сдавалось в аренду, а потому здесь располагалось средоточие жизни — местный универмаг и кабинет главы сельсовета. Еще одно помещение пустовало и лишь изредка его отпирали, чтобы разместить избирательный штаб на время выборов или если в село приезжал доктор с медсестричкой для ежегодной диспансеризации из областного центра.

Так что, если бы пылюкановцев спросили о трудностях жизни, они все как один махнули бы рукой и сказали, что им некогда точить лясы, мол, огород сам себя не выполет, а корова не подоит.

За счастье считалось, что в девяносто четвертом сюда провели электричество, а в две тысячи седьмом установили усиленный электрощиток, который не вырубало по три раза за месяц.

В семидесятых годах прошлого века, здесь располагалась внушительных размеров молочная ферма, но предприятие захирело к середине девяностых. Связью с внешним миром служил один единственный рейсовый автобус. В семь утра, и в два часа пополудни, пылюкановцы могли вырваться из оков родной обители и посетить город.

Таковым называлось любой населенный пункт, который мог похвастаться филиалом банка, базаром, отделением почты и больницей.

Именно здесь, в Пылюкановке жила Анна Витальевна Громушкина. В народе баба Нюра. Крепкая русская женщина, держала в идеальном порядке хозяйство в полтора гектара, на котором уместился огород, курятник и козлятник. Баба Нюра была великолепной дояркой в прошлом, которая в свое время, души не чаяла в своей любимой корове Азизе. Но

ненаглядную скотинку пришлось продать, после злополучного дефолта, чтобы дочка могла переквалифицироваться в парикмахера и оплатить соответствующие курсы.

С тех пор тоска по протяжному мычанию не заглушалась привычным кудяхтаньем и громким режущим кукареканьем по утрам, а козы блеяли вяло и без характера, но пережить еще одну потерю двурогой безмолвной подруги не было никакого желания. «Никаких коров!» — решила баба Нюра.

Анне Витальевне помогал по хозяйству бывший десантник в отставке — Василий Федорович Кипотченко. Для местных Васька- Кипяток.

Уж больно вспыльчивым был по молодости этот экземпляр, а еще большим охотником до самогона.

В армии прошли сокращения и Васю поперли в числе первых. Он запил с горя, довел жену до развода и вернулся в родную Пылюкановку доживать дни. В сорок пять, жизнь для него представлялась жутким, бескрайним болотом, в котором только и оставалось что тихонько утонуть.

Из всех огородниц, только баба Нюра привлекла Васю на помощь и не прогадала. У мужика открылось второе дыхание и руки оказались золотыми. Алкоголизму периодически давался бой, но случались и разгромные поражения. Словом, все как у всех.

Именно Вася встречал меня в аэропорту Чебоксар, терпеливо ожидая почти два часа, пока я получала свой скромный багаж. Очутившись на тротуаре, где таксисты со всеми возможными акцентами налетели на меня, как пчелы на сахарную подкормку, я, на почти чистом русском ответила, что меня встречают и под недовольные взгляды, пошла на стоянку.

Майское солнце слепило глаза, но относительная чистота на территории аэропорта и прохладный свежий ветерок, казались благословенными, по сравнению с шумом и грязью Индии.

Вася, стоял ссутулив спину, прислонившись к дверце машины, на которой приехал. Чистая рубашка, строгие брюки и кожаная куртка значились в списке парадного гардероба единственными, насколько я помнила. Гладко выбритое лицо и вечно настороженные глаза, выдавали, что Василий готовился к встрече со мной и получил немало звездуй от бабы Нюры в духе «успеешь еще нажраться, веди себя, как человек».

Только, я знала этого молчаливого мужика с другой стороны. Как ни странно именно Василий Кипотченко был знаком с моим отцом и если не был посвящен во все детали деятельности последнего, то уж точно знал о специфичной деятельности мистера Кросса и помалкивал. Кипотченко был непосредственным участником в нескольких операциях, которые организовывал мистер Кросс, потому что и самым изворотливым киллерам были нужны посредники.

Военная подготовка, пришлось кстати, да и созданное ампула алкоголика, закрывало глаза пылюкановцев на то, что Василий порой исчезал из деревни на месяц- другой. В обмен на услуги, Винсент выплатил все долги Васи за дом и землю, которые достались Кипотченко в наследство от родителей.

Мистер Кросс настаивал на том, чтобы я прониклась потенциалом, который предоставляла Россия и Пылюкановка в частности.

— Как дела на фазенде? — мне первой пришлось прервать молчание, как бы не хотелось насладиться тишиной после шумной Индии.

Вася едва заметно кивнул, скрывая довольную ухмылку. На слове «фазенда» он лично

настоял, когда я перенимала языковые особенности в изучении русского. Ферма и хозяйство не столь мощно передавали отношение бабы Нюры к ее владениям. Сериал «рабыня Изаура» оставил слишком заметный след в сердце женщины.

— Дело растет, — коротко ответил Вася не сводя глаз с дороги.

— То есть?

— Анна Витальевна осваивает производство козьего сыра.

— О, как! И получается?

— А то! Но есть нюансы. Ничего особенного...

— Что-нибудь необычное происходило?

— Это с нашей-то спецификой? — Вася даже не попытался скрыть улыбку и тут-то не преминул тускло блеснуть золотой зуб, точнее коронка, надетая на второй верхний клык с правой стороны.

— Клиенты буянят?

— Больше одного никогда не бывает. И все, как на подбор. Но ничего, справляемся. Тебе другого надо опасаться.

— Что такое?

— Баба Нюра разговор с тобой затеять хочет. По душам, так сказать. Намертво в своем намерении стоит.

— Относительно чего?

— На счет эко-фермы. «Киркоров» был ее последней каплей.

— Кто?

— Ну, последний клиент. Мы его Киркоровым прозвали. Волосатый, высокий, и болгарин до кучи.

— Он что-то натворил?

— Ничего особенного, почти как все остальные вел себя. Хотя, тебе еще может свезет. Вся надежда на то, что память у бабы Ани сейчас не такая острая. Игорек раньше срока на каникулы приехал. В конец ее уматал. Мать уже не стала его в садик отдавать после болезни.

— Игорек в Пылюкановке?

— Угу.

— Так что же ты молчишь?! Я без подарка!

— Спокойно, — Вася флегматично и уверенно показал на заднее сиденье, где лежал пластиковый пакет.

Я достала его и уложив к себе на колени, проверила содержимое.

Темно-серый спортивный костюм, пластиковый пистолет с присоской и полкило мармелада.

— Там сейчас дурдом, — авторитетно вынес вердикт Вася, имея в виду обстановку на ферме. — Бабу Аню временно прозвали Курантами. Ее внук то и дело убегает и только Марсик каждый раз спасает ситуацию. Но протяжное «Иииииигорь» так и носится по деревне, едва пацану нужно выпить витамины или идти обедать, или настало время полдника, ну и так далее. Игорек методично обносит недоспелую клубнику в теплице, не мытую. Пацан с горшка не слезает.

— Ой, я и про собак совсем забыла!

Марсик был помесью лабрадора с алабаем, ростом с карликового пони, обладал флегматичным характером, учитывая то, с каким остервенением его трепал Игорек, но добродушие пса относилось только к «своим». Пока это чудо случайной селекции, баба

Нюра не запирала в вольер, к калитке фазенды никто из пылюкановцев подходить не осмеливался. Другое, дело Рекс, он был чистой дворовой беспородный пес, чуть больше полуметра в холке. Но его опасалась даже баба Нюра, а потому почти постоянно она держала этого пса привязанным на цепь. Злющий, как фурия, Рекс без разбора душил всех соседских котов, которые по глупости решили прогуляться по его владениям.

Вася осторожно потянулся к кнопке на приборной панели и с силой надавил на нее, отчего в салон, тут же повалил теплый воздух.

— Что такое?

— Ты дрожишь... Замерзла? — Вася смутился.

— Нет, — я решительно мотнула головой и только сейчас заметила, что ладони едва заметно трясутся.

— Ясно. Ну, ты, это за собак не переживай. Кости в багажнике. И мяса на них порядком. Хотя баба Нюра не особо жалуется им сырое с кровью, Рексу уже и намордник не наденешь.

— Спасибо, выручил! — похвалила я Вася за предусмотрительность.

— Что у немчуры дела?

Я не сразу вникла в вопрос и едва было не ответила, а потом недобро глянула на Василия.

— Ясно! Значит по делам, — кивнул он с довольной физиономией и снова смолк.

Редко случалось такое, что мозг играл со мной злую шутку и незаметно для себя, я смешивала в разговоре разные языки. Отдельные слова так и проскакивали в предложениях.

— Да, что у них может быть? — вздохнула я о немцах. — Чисто, аккуратно, монотонно.

Вася промолчал, но ирония на лице, была красноречивей слов.

— А что еще нового?

— Что в Пылюкановке может быть нового? Разве что картошку в этом году раньше посадили. Теплая весна. Уже один раз окучивали. На твой приезд, как раз в аккурат, нужно будет второй раз ворошить. Так что, пирожки с капустой и пулемеч, отобьешь на раз!

Вася, был в курсе о моей вечной борьбе с лишним весом и каждый раз подкидывал мне новые способы. Так что таскать дрова в Нойншванштайне было для меня дело не только знакомым, но и одним из самых простых. Что уж говорить, я весьма ловко их колола в Пылюкановке.

— То есть, это все новости?

— Да, — уверенно заявил Вася, прекрасно понимая, к чему я клоню.

Машину то и дело подбрасывало на кочках. Дорога оставляла желать лучшего.

— Нет, постой! — пальцы щелкнули в воздухе и зуб снова сверкнул. — Нам интернет провели. Скоростной, как уверяли инженеры, когда половина Пылюкановки вышло отбивать землю, которую отдали под вышку связи. Вот уж неожиданная забота от власти. Тут компьютеров ни у кого нет, да и этих телефонов плоских по пальцам перечесть.

— У бабы Нюры есть. Так, Василий! — я строго насупила брови и Кипотченко понял, что опростоволосился. — Ты на сайт хоть изредка заходишь?

— На сайт?

— Да, Вася, у нас же эко-туризм подразумевает эко-туристов, а этим делом особо интересуются иностранцы. Ты хочешь, чтобы все прахом пошло?

— Тут лучше сказать «похерится».

— Похерится? «Хер» корень?

— Да, он самый...

— Погоди, то есть... Погодь! — я самым активным образом переключалась на русский и сделала заметку в смартфоне с новым словом, снова свела брови в кучу.

— Понял, можешь не тренировать на мне страшный взгляд. Что, все так плохо?

— Как называется разговор, когда вопросом на вопрос отвечаешь?

— Еврейский! — не моргнув глазом залепил Василий, едва сдерживая улыбку.

Тут повисло молчание, которое вполне могло сойти за развернутый ответ с моей стороны. В мыслях затяжным экспрессом промелькнули события последних месяцев и тут бы в пору мне хватануть воздуха ртом, да пустить скупую слезу, но этот предательский маневр я вытравила несколько лет назад, слишком глубоко загнав эмоции.

Был только один способ, чтобы получить психологическую разрядку, и он крылся исключительно в Пылюкановке и включал в себя сложную комбинацию пирожков с капустой, миску деревенской густой сметаны, холодную водку и фильм «Мужики!..»

Приходило простое понимание, что в этот момент мне следовало бы проплакаться или психануть, томный взгляд или полный грусти продемонстрировать, вставить шутку, выдавить улыбку. Столько самоконтроля не проходило даром, мой интеллект стал похож на искусственный.

Может, оно и к лучшему. В противном случае — здравствуй психдиспансер.

Да, Вася мне и про это чудо-заведение рассказал, пояснив, что организация не имеет ничего общего с широкими мягкими кушетками и тихими голосами психиатров.

— И вот еще что, — Вася кашлянул и замялся. Так было всегда, когда вопрос заходил о деньгах. — Я предложил Анне Витальевне пробурить скважину. У многих в Пылюкановке есть своя вода и какой ни какой водопровод. Там насос глубинный спускается и жила водная хорошая. Поставить нагреватель, подключить стиральную машинку... красота будет!

— Отличная идея и что тебя останавливает?

— Не «что», а «кто»! Баба Нюра ни в какую не хочет тратить деньги. Твои деньги. Триста тысяч, для нее заоблачная сумма и сама она ее никогда не соберет. Я говорил ей, что это для заморских клиентов и ты одобришь, но сама знаешь. В общем! Поговори с ней!

— Хорошо. Но, Вася, боюсь, что Шурик был последним клиентом, которого я вам подкинула.

Со стороны Васи воцарилось гробовое молчание.

— То есть, дальше сами, если кто-нибудь захочет наведаться в рамках эко-тура, то пожалуйста.

— Другими словами, клиенты теперь будут только вменяемые? — а тут уже слышалась изрядная доля выстраданного сарказма. Но кроме этого, я слышала, насколько Вася расстроился.

— Вась, ты новости смотришь?

— Вопрос риторический.

— Не осталось в этом мире вменяемых людей. Одна надежда на Игорька.

Вася ухмыльнулся и по его немигающему взору, я поняла, что разговоров сейчас с него хватит. Так было всегда, едва заходила речь о серьезном, Вася превращался в каменную глыбу, с пишущим устройством внутри. Если бы в попросила его повторить, все что сказала, этот человек выдал бы точную последовательность, произнесенных мною слов.

— Это отец решил или ты? — как же резко прозвучал голос, в котором я слышала изрядную долю горечи.

— Отец. Давно все к тому шло.

— Значит, это твой последний визит?

Вопрос застал меня врасплох, и я на мгновение представила, что никогда больше не увижу Пылюкановку. На душе окончательно испоганилось и отвратительная тряска выдавила из организма тошноту.

— Вполне может быть, — сухо отозвалась я, после чего торопливо нажала кнопку на магнитоле.

Судя по ухабам на дороге, которые уже не прекращались, до Пылюкановки оставалось не больше двадцати километров, но дискомфорт было легче не замечать благодаря прекрасным звукам песни.

Скрипучий голос из динамиков гундосил неразбериху в припеве, но на душе защипало и что-то тяжелое придавило, да так, что не вздохнуть не выдохнуть, как говорилось.

— «Ланфре-лан-фра, лан та-ти-та...», — продолжило гнусавить по радио и я тяжело вздохнула, вглядываясь в бескрайние заплата зеленеющих полей, разделенных редкими лесополосами.

Насыпная дорога никуда не делась. Улица Ленина являла собой ярчайший пример традиций русской глубинки. Перед каждым домовладением простиралась просторная поляна, которая ближе к неизменному деревянному забору обзаводилась основательной лавкой и клумбой с нарциссами, гиацинтами, в обрамлении кустов смородины или самшита. К тому же, неизменным атрибутом каждой усадьбы были роскошные фруктовые сады. Яблони, вишни и абрикосы, зачастую, скрывали большую часть убогих хозяйственных построек, помимо самих домов.

Машина затормозила на окраине Пылюкановки. В пятидесяти метрах располагался некрутой овраг, который уводил к речке — одному из многочисленных притоков реки Шалмас. Целыми днями отсюда доносился гусиный гогот, вперемешку с тихим кряканьем уток.

Течение здесь было очень слабым и птицу не относил далеко, а потому вся пернатая свора разбредалась покорно по домам ближе к вечеру, едва хозяйва зазывали их знакомыми прибаутками вроде «ать-ать-ать», «фьюти-фьюти-фьюти».

У дома бабы Нюры, перед воротами, всегда копошилось две-три курицы во главе с худым, затасканный петухом. Перья на шее у этого несчастного создания, казалось, уже устали отрастать снова и снова, после того, как птица то и дело таскалась в зубах Рекса.

Но собака, явно берегла свой пернатый антистресс и не желала придушить тщедушного друга насмерть, а потому баба Нюра перестала отваживать пса от дурной привычки, стихийно выливая ведро холодной воды на это парочку.

Едва петух покорно затихал в пасти Рекса, пес выжидал с минуту и выпускал пленника на волю, до следующего случая, когда зазевавшаяся птица опрометчиво подходила к миске, где как на зло оставались невероятно вкусные кусочки хлеба, пропитанные борщом.

Я вылезла из машины, с умилением оглядываясь по сторонам. Плохое настроение никуда не улетучилось. Оно просто мельтешило на поверхности, словно масляная пленка на воде, которая по всем законам физике, не могла проникнуть глубже.

Завидев явно знакомый силуэт Василия, Рекс призывно гавкнул, будто приветствуя его, но тут появилась я, и собака залилась отчаянным лаем, натянув до предела цепь.

Запыленный кузов чудо-машины привлек мое внимание и я обошла кругом всю конструкцию, внимательно прочитав название из четырех букв, которые примостились на

дверце багажника — НИВА.

— Ага, — промычала я себе под нос, после чего отошла в сторону, дав Васе возможность выгрузить вещи.

Деловитый вид Кипотченко был самой шаткой ширмой, которую мне приходилось видеть, а потому вопрос, который витал в воздухе, с того момента, как я увидела его в аэропорту, наконец-то обрел форму.

— Вася, а где Рэндж-Ровер, который я купила вам в прошлом году?

Покончив с разгрузкой «Нивы», Вася скривился, понимая, что сейчас ему придется заниматься своим самым нелюбимым делом — оправдываться.

— Хватило мне забот с твоим Рэндж-Ровером! К нам из соседних сел ездили с ним фотографироваться. Из Чебоксар поладились авторитетные пацаны навещать — любые деньги предлагали, когда выяснилось, что машина выполнена на заказ. Вот уж спасибо, тебе!

— А кто растрепал про спец заказ? — я вскинула удивленно брови, прикинувшись душой.

Расчет был на то, чтобы в хозяйстве была быстрая, выносливая машина на всякий случай, который подразумевал погони и перестрелки, учитывая мой образ жизни, ну или если, бабе Нюре нужно будет по состоянию здоровья быстро добраться до больницы. У женщины нешуточно скакало давление, а скорая в Пылюкановку добиралась часа два.

— Может мы тут и деревенские, но находятся личности, которые могут отличить нормальное стекло от бронированного. Да, да! Не подкатывай глаза! Так, что я продал Ровер одному отставному генералу в городе, а на эти деньги мы купили Ниву, отремонтировали крышу на доме, построили нормальный козлятник и мини-цех для сыроварения, дали взятку в БТИ, чтобы постройку узаконить, закупили корма на год вперед, еще инвентарь для производства сыра, и вставили бабе Нюре зубы. Импланты, между прочим! Я лично ее в Москву гонял со Светланой.

Вася смолк, и я устремила на него самый пронизательный взгляд, на который была способна, от чего мужик опустил голову, с остервенелостью разглаживая отутюженные брюки.

— Оставшиеся двенадцать миллионов, ждут тебя а дальнем конце огорода Анны Витальевны.

Тот факт, что машина обошлась мне почти в двадцать семь миллионов рублей, я решила оставить при себе, но нахмурилась пуще прежнего. Для порядка!

— Это и все траты? Фантазия закончилась? И кстати, это честные деньги. Никто бы вам слова поперек не сказал.

— Ой, ладно! Привлекать внимание такой суммой у нас не безопасно, — Вася махнул рукой и с досадой цыкнул на меня.

Наш разговор прервал истошный детский вопль, да такой резкий, что я вздрогнула.

— Вавввааааааа! — из калитки выбежал мальчуган, от которого тянулся самый настоящий поводок, другим концом закрепленный к ошейнику гигантской собаки.

Марсик флегматично трусил на Игорьком, который тянул пса изо всех сил, стараясь не сбиться с взятого темпа.

— Ребенок к собаке привязан?! — изумленно повернулась я к Васе, но тот пожал плечами.

— Мы его задолбались бегать искать по округе, — получила я объяснение.

Но тут меня натурально сбили с ног. Двадцать килограммов бабы Нюрыного внука

влетели в меня. Мальчишка тут же запустил свои руки мне в ребра, помня, как ярко я реагирую на щекотку.

— Вавочка, Вавочка приехала, — радовался Игорек, по заведенному им обычаю коверкая мое имя.

Аврора в Пылюкановке не прижилась, а вот Ава и Вава — запросто!

Марсик уселся рядом, раскрыв огромную пасть и тяжело дыша. Только едва подрагивающий обрубленный хвост указывал на то, что собака вполне довольна моим присутствием. Учитывая тот факт, что я была далеко не в лучшем виде, а покатушки с Игорьком на пыльной лужайке, завершили мой образ, я перевернула мальчишку на спину и шутливо потянулась зубами к шее ребенка.

За что тут же поплатилась.

Вася только и успел охнуть, как зубы Марсика вцепились мне в штанину и зверюга предостерегающе зарычала. Это не был акт откровенной агрессии. Все таки дрессировщик, к которому возили эту помесь алабая с лабрадором, не зря ел свой хлеб. Псина умела различать реальную угрозу от незначительной, и животное просто напоминало мне, что всему есть предел.

— Фу, Марс! Сидеть! — рывкнул Игорек, со всей дури вцепившись в белесую густую шерсть своего телохранителя, который еще и по морде в итоге получил крохотной ладошкой.

Пес заскулил и стыдливо уперся мокрым носом в ноги маленького хозяина.

— Ну, обормоты! Куда опять унеслись вперед меня? Иииигорь, а ну бегом борш доедать! Марсик скотина, веди своего подопечного за стол. Ишь ты! Ой, Ава, милая, приехала наконец! Василий, ну иди, иди с дитем. Стол накрыт, поешь!

Анна Витальевна появилась в калитке, всплеснула руками и торопливо подошла ко мне. Я заметила, как потяжелела походка женщины, знакомство, с которой я водила уже больше десяти лет.

Как всегда, баба Нюра в первый день моего приезда старалась вырядиться и на этот раз ее привычные плотные гамашы с джемпером и чем-то серым, напоминающим халат, поверх всего этого, уступили место нарядной темно-синей юбке и трикотажному красному кардигану, правда гамашы никуда не делись.

Она расцеловывая в обе щеки, не смотря на то, что я была с ног до головы в пыли и траве. На моей коже тут же вспыхивали яркие пятна от губной помады, в которой баба Нюра себе не отказывала, даже будучи на прополке сорняков в огороде.

— Ну, как ты девочка? Исхудала-то, как... Идем в дом, идем! Как добрались? Ой, давай свою сумку, помогу.

Эта суета со слезами на глазах, вперемешку со стихийными объятиями привлекла внимание соседей и на улицу высыпали любопытствующие.

Но меня уже загнали во двор, как отбившегося от стаи гуся.

Легкий, заботливый говор бабы Нюры звучал старинным радио у меня в голове, пока я шла к деревянному крыльцу, недавно выкрашенному голубой краской. Над головой зеленел живой навес из виноградных лоз, которые подпирали железные трубы, отслужившие свое. Стихийные клумбы с отцветшими тюльпанами чередовались с кадушками с дождевой водой, которую так обожали комнатные растения, которыми был напруден дом бабы Нюры. За декоративным деревянным заборчиком, располагался собачий вольер, в котором, в состоянии аффекта до сих пор бился Рекс.

У пса уже капала с клыков пена, а глаза налитые кровью были устремлены на меня.

— Да, заткнись ты, идиот! Ух, я тебя!

Баба Нюра подхватила добротную хворостину и замахнулась на пса, который тут же ретировался в будку, позвякивая металлической цепью.

В прихожей, на коврике стояла в ряд обувь, которую по традиции, при входе в дом менялась на затертые тапки. Но мне выдали новенькие, по размеру, мягкие и теплые. Несмотря на то, что до июня оставались считанные дни, воздух еще холодил щеки и с курткой не хотелось расставаться.

Баба Нюра любовно подхватила меня под локоть, попутно стирая с щек свою помаду. В доме пахло лавандой и старыми коврами, которыми в изобилии были увешаны стены. Афганский рисунок с красным цветом преследовал в каждой из трех комнат, кроме кухни.

Как было заведено, я первым делом подошла к рукомойнику. Эта конструкция, кажется, всех нас переживет. Тяжелая, чугунная приспособа, напоминающая кастрюлю, заменяла местным водопровод.

Все гигиенические процедуры проводились в полусогнутом виде, над тазиком в закутке, который именовался ванной. Тут же у стены стояла стиральная машина малютка, а рядом в коробке совершенно новенькая современная.

Я улыбнулась сама себе.

Кажется, кто-то всерьез решил, что моя идея пробурить скважину была не такой уж и бредовой.

Белоснежное вафельное полотенце едва не поцарапало мне лицо, таким накрахмаленным оно оказалось.

— Банька уже подоспела, Авочка. Иди, дите, потомись с дорожки. Я чуток позже подойду тебя венечком похлещу, как распаришься. Вася воды натаскал, поди уже нагрелась там, чтобы обмыться вдоволь. Или ты покушаешь что сначала? Голодная? Ой, ты же моя красавица.

Сопротивляться было бесполезно. Вопросы задавались для проформы и не требовали ответов. Поэтому уже через десять минут, я стояла раздетая до футболки и трусов, с мочалкой из люфы в руках и огромным банным полотенцем на плече.

Игорек, поблескивая глазами, выглядывал из-за дверного косяка кухни. Мальчишка до сих пор был привязан к собаке, которая сидела на газетке и печально пялилась в тарелку, на краю которой были горкой сложены кусочки разваренной говядины, которую Игорек так не любил.

Чтобы прикрыть наготу баба Нюра обернула меня в новый фланелевый халат яркой расцветки, после чего промокнула свои глаза краями головного платка — неотъемлемой части ее образа.

— Все хорошо, баб Нюр. Что же Вы так суетитесь. Я и не устала особо.

— Да что ты! Давно на себя в зеркало глядела. Какие круги под глазами!

— Сейчас, подождите, я подарки отдам и пойду в баню, — голова кружилась от того, что вокруг вился вихрь пенсионного возраста, выбивая всю последовательность действий, которой я любила подчиняться, приезжая в Пылюкановку.

Вася, деликатно стоявший все это время во дворе, тут же подсунул мне пакеты с костюмом, игрушками для Игорька и косточками для собак.

— Ой, не стоило. Чего ты деньги тратишь? Внушек иди сюда, глянь красота какая. Ай, да костюм. И цвет хороший, тебе, мелкому негоднику, только такое и носить, — охала баба Нюра вертя в руках спортивный костюм, в то время как Игорек, открыв рот смотрел на

добротный лук со стрелами.

Мальчишка прижал игрушку к груди и опустил глаза в пол, поддавшись приступу внезапной стеснительности.

— Что надо сказать?

— Будет Вам, баба Нюра. Иди, солнце, играй! — я вспомнил, как ласково Анна Витальевна звала за глаза внука.

Но Игорек на секунду осмелел, посмотрел на меня и восторженно выдохнул:

— Пасибо, Вава!

Потом он рванул к двери, с такой силой, что задремавший Марсик налетел на стол мордой, от чего тарелка с говядиной упала на пол. Умудрившись подобрать мясо, пес поджал хвост и под град ругательств прошмыгнул мимо хозяйки.

— Тю, ну шо, за напасть?! Ах, ты кобелина, последний раз я тебя в дом пустила! Надо отвязать их друг от друга.

— Марсик! — я на свою голову вспомнила про кость, которую уже достала из пакета, и выбежав на крыльцо махнула собаке.

Тут настал черед Игорька повалить на землю от того, как собака резко затормозила и рванула обратно ко мне. До кучи Рекс снова осмелел и снова стал рваться с цепи в мою сторону.

Вася, наблюдавший за эти цирком уже подсовывал вторую кость, и я не долго думая запустила ее в морду Рексу. Марсик же осторожно выудил свой экземпляр из моей руки и во дворе воцарилась долгожданная тишина, которую только и нарушало что негромкое блеяние коз вдалеке.

Меня изнутри распирало лечебное ощущение, что я наконец-то вернулась домой. Пылюкановка начала свою терапию.

— Баб Нюр, я поем, и поеду к Фисану.

— Давай, Вась. Все горячее на плите. Пирожков этому дармоеду захвати, только с сыром не трогай. Обойдется!

Вася мне подмигнул и ретировался. А я вдохнула свежего воздуха полной грудью, поражаясь тому, каким сладким он казался и выудила из сумки коробку с оттисненным фирменным логотипом Шанель.

Я знала насколько страстной была любовь бабы Нюры в косметике, а в особенности к помаде. А еще я знала насколько эта женщина была экономной и покупала себе самые дешевые отечественные марки.

Это был фирменный набор французской косметики и парфюма. Его очевидно перешерстит Светлана — дочка бабы Нюры, когда приедет забирать сына. Но помаду Витальевна спрячет наверняка.

— Это Вам, чтобы..., - я опять забыла традиционное пожелание русским женщинам.

— Цвела и пахла, Авочка. Заюша, ну, зачем, мне старой бабке такая роскошь? Спасибо, спасибо. А что тут написано?

— Шанель.

— Да ладно! Та самая? — баба Нюра убежала за очками и вцепившись в коробку, принялась разглядывать подарок.

Слова благодарности сопровождались равномерным бряцаньем ложки об тарелку, доносившееся с кухни. Вася уже успел расправиться в первом блюдом.

В окно пристройки звонко вонзилась стрела на присоске, снимая флер благодушия,

воцарившегося в доме на секунду. Я запахнула полы халата и прищурившись от нахлынувшего чувства покоя и уюта, после чего направилась к деревянной бане, из трубы которой вился дымок.

— Иииигорь! — разнеслось истошное по усадьбе, заглушив козлино-куриный хор. — Я тебе сейчас постреляю в окна, а ну вернись, засранец! Марсик-скотина, куда понеслись?!

Каким бы ангельским не казался характер бабы Нюры, эта женщина подстроила под себя быт с учетом моей деятельности и начальством я была номинальным.

Как всегда, после бани, меня принимались откармливать, а потом баба Нюра брала меня под локоть, чтобы отвести на огород и к скотинке, хвастаясь проделанной работой.

— Ты глянь, какой козлятник! У Васи, все таки золотые руки. Сам сложил! Новехонький!

Экскурсия совершалась в аккурат дневного сна Игорька, когда непоседливого мальчишку отвязывали от Марсика и укладывали на пуховую перину отдыхать. Пса, тем не менее не отпускали. После прогулки животное покорно позволяло хозяйке вымыть с мылом огромные лапы, чтобы в доме не напачкать и с командой «Спать!» Марсик укладывался на коврик возле кровати, охраняя покой ребенка.

Это были полтора часа тишины.

Чтобы Рекс не тьякал, его загоняли в будку и подпирали деревянной заслонкой. Другими словами, отбой был тотальным.

Я бродила с бабой Нюрой по узким тропинкам, посыпанным желтым речным песком с пригоршней сладкой ароматной клубники, которую женщина успела насобирать утром еще до того, как плантацию этой ягоды обносил ненаглядный внук.

— Тут у меня зелень всякая — петруха, да укроп. Редиска «Французский завтрак», сладкаяяя, я тебе на вечер надергаю. Попробуешь! Картошку хорошую в этом году посадили. Синеглазка сорт! Вон ростки уже какие!

Перед глазами открывался простор необъятного огорода, большую часть которого занимала картофельная плантация.

— О, и сорнячки на месте, — заметила я со странным чувством удовлетворения.

— Да, все как ты любишь. Оттягивала прополку как могла. Знаю, ты это любишь. Тяпочку Вася наточил, смотри осторожно, по ноге на засади.

Баба Нюра давно свыклась с моей блажью относительно помощи по огороду. Это первые несколько лет она выхватывала у меня из рук весь садовый инструмент, а потом поняла, что все тщетно и научила, как надо делать правильно. Самым тяжелым испытанием для женщины оказалась колка дров. Это дело я любила больше остальных.

За неимением в Пылюкановке спортзала, приходилось выворачиваться, чтобы не заплыть жиром и оставаться в форме. Помимо силовых нагрузок, я выверила себе неплохую трассу вокруг лесной опушки и двух полей, около села, протяженностью в пять километров, где каждый день наяривала круги по сухой погоде.

— Баб Нюр, я машинку стиральную видела в доме. Неужели решились на скважину? Ой как хорошо! А то клиентура жаловалась мне, что без удобств тут как-то тяжело, — я забросила слишком увесистый камень, чтобы Анна Витальевна.

— Ага, Васька уже обработал? Ну, ну... Куда же такие деньжищи отдавать?! Триста тысяч!

— Нет, Анна Витальевна, этот вопрос больше не обсуждается. Давайте дальше, что там еще порешать надо?

— Катерина отчетность подбила всю. Посмотришь, там по налогам что и взносы всякие, — баба Нюра совсем стушевалась и закусила губу потупив глаза.

— Говорите! — тут я не стала следить за интонацией, потому что видела насколько дискомфортно было пожилой женщине и легкий нажим ей не помешал.

— Да все в козочек моих упирается. Авочка, дочка, мне бы сырок продавать в городе, а на это заключение санэпидстанции нужно. Так вот, одна...ммм... чиновница местная заорточилась на нас.

— В смысле? Нарушения есть?

— Какие там нарушения, мы уже и независимую экспертизу прошли, все чисто. Просто, заведено так..., - баба Нюра поморщилась и окончательно залилась краской, но вздохнула полной грудью и выдала как есть, — взятку дать надо! Чтоб их всех! Сотню просят. Совсем суки страх потеряли!

— Сто тысяч?

— Да. Просили бы меньше, но только вся округа знает, что ты у нас из Америки и при деньгах.

— Ага, — я медленно доела клубнику, ощущая как внутри закипает знакомое чувство негодования. Но эту субстанцию я умела держать в узде, а потому стоило съездить и переговорить с этой чиновницей. — Ну, съезжу с Васей завтра. Что еще?

— Ава, забрала бы ты деньги эти от продажи машины. Уж больно много. Ни сегодня завтра пронюхают люди, что у меня на огороде миллионы зарыты, точно простынкой накрываться надо будет.

— Зачем простынкой? — я в недоумении вскинула брови, прекрасно понимая тревогу бабы Нюры.

— Ну, чтобы в сторону кладбища ползти, — совершенно серьезно добавила женщина.

— Ага, — снова кивнула я. — Хорошо, заберу, но не все. Оставлю на расходы, чтобы на год хватило.

— Да, какие у нас расходы? — Анна Витальевна махнула рукой. — А что же у тебя? Как дела? Смотрю и вижу, что хоть ты и улыбаешься, а глаза грустные, будто помер кто. Беда какая приключилась, Авочка, тебе может помощь какая нужна? Или у тебя амурное что стряслось?

— Эх, слово какое — АМУРНОЕ. В том и дело, что мне до амуров никак не добраться. Работа кругом и нет просвета в ней.

— Ой, что верно, то верно, но милая, так и жизнь пройдет. А ты в самом соку. Парня надо хорошего.

— Где их хороших найти? — выдала я коронную фразу всех русских женщин.

— Твоя правда! За границей там только такие и ходят, наверное.

— Какие? — я прищурилась от солнца, с любопытством слушая говор бабы Нюры.

— А такие, мол, «звоните Рикки Мартину». Голубые! — ответила Анна Витальевна пугливо выпучив глаза.

— Ну, да. Только мне другая категория все время дорогу перебегает.

— Какая? Не красивые что ли, аль кобели?

— Наоборот, баба Нюра, наоборот. Чем красивее мужик, тем породистее и крупнее у него тараканы. Но, это по моему личному опыту. Вот, сейчас, я без ума от одного экземпляра, но рядом с ним, я ощущаю себя полным ничтожеством, он само совершенство, а из этого ничего хорошего не следует. В идеал я не верю, и могу с уверенностью заявить, что

стоит мне узнать его ближе, то всплывут не особо приятные подробности о его жизни или характере. Да и тараканы, по размеру, окажутся чуть меньше Вашей любимой коровы Азизы. Как подумаю об этом, так горечь во рту стоит, — черная тоска за Керо тут же скрутила меня судорогой.

— Так, ты бы желчный пузырь проверила, бы, Авочка, с этой горечью. Тут шутки плохи. У меня где-то настойка лопуха была. Надо будет поискать. Надо же! Такая молодая, а уже с животом проблемы. Едите все подряд и одну химию, вот и маетесь потом.

— Да, нет, баб Нюр это я так. Какой там желудок! Не волнуйтесь.

— Ой, да, беда, с этими мужиками и не говори! Правда, не надо всех под одну гребенку, милая. Ты к Васе нашему присмотрись. Заметила, как он выглядеть стал. Чистый весь ходит, подстриженный, и не только когда ты приезжаешь, а постоянно, — баба Нюра восторженно выпучила глаза, будто говорила не о элементарной гигиене, а о достижении просветления. — И пить меньше стал. Как пошел этот твой эко-туризм в гору, Вася явно ощутил ответственность за дело и взял себя в руки. Таких мужиков еще поискать, а эти твои «красивые»...

После этого слова Нюра скривилась, будто ей червивую черешню в рот сунули.

— Одна беда. С лица воды не пить! Хотя, глядя на Шурика, я и сама молодость вспомнила. Всегда питала слабость к темненьким, а тут еще и роста под два метра. Про бизнесмена из Болгарии я поверила только для вида. Чистейший английский, это тебе спасибо, я теперь разницу знаю, а то дура душой была только ваш «хеллоу» выучила. Самый настоящий цыган! В это наши местные поверили быстрее.

— Сильно буянил? — с тревогой в голосе спросила я.

— Шурик, то?! Какой там! Как с больницы приехал, залег в своей комнате и носа не показывал, пока Вася не дал ему что-то на телефоне посмотреть. Ой, что было! Тут, почти вся клиентура была тихая и будто больная. Наркоманы поди. А Шурик, как получил этот телефон, так его словно подменили. С дуру вычистил мне за два дня курятник и хлев для коз. Потом взмолился, чтобы я ему огород дала вскопать. Полгектара отмахал, я думала, что он уже умом тронулся. Как видно, сильно по вкусу ему эко-туризм пришелся. И аппетит у мужика сразу прорезался, а то сколько я ему нашего сыра перетаскала... Ой. Я же совсем забыла! — Нюра по-молодецки подскочила с табурета и рванула к холодильнику.

За бесконечным разговором мы снова вернулись в дом. Баба Нюра как между прочим разбудила Игорька и сунула ему в руки стакан ряженки с сахаром на полдник. Марсика отправился во двор. Как я поняла прогулок на сегодня больше не предвиделось.

— Вася же антернет мне показал. Как его... Дай, Бог, памяти! Хухл.

— Я тепло улыбнулась тому, как мило и непосредственно Анна Витальевна передельвала под себя иностранные слов, включая название всемирно известного браузера «Гугл». Теперь, это был «Хухл».

— Даром, что ли мои козочки молоко дают. Грудничкам в основном разбирали, когда я одну Майку держала. Ох, и хорошая коза была! Я же с полтора десятка животинки еще прикупила, а Василий подкинул идею делать сыр. Ты, Авочка, только нам подсоби в местной санэпидемстанции. Сыр хоть и вкусный, но мы его уже сами не съедаем. Вот тебе и деликатес. Тебя, как хозяйку быстрее послушают. Документы я тебе все отдам, сходи ты к этой Нельке, я ее уже видеть не могу.

— А что за сыр? — спросила я, когда поняла, что баба Нюра по привычке снова потеряла нить разговора.

— Мацирела и козий. Язык проглотишь! Вот с медком попробуй. Шурик его как распробовал, так смел половину наших запасов. Вся деревня разбирает за четверть цены.

Меньше чем за минуту, к одинокой тарелке с домашней колбасой, хлебом, редиской и зеленым луком, присоединилась роскошная коллекция сыра, нарезанное дольками яблоко, и литровая стеклянная баночка с жидким медом. Будто из воздуха, баба Нюра взмахнула белоснежной льняной салфеткой с шитьем, захлопав себя по пухлым бедрам, мол, никакой красоты на столе нет. Нырнув в нижний шкафчик, звонко дзынькнули резные хрустальные рюмочки и на столе образовались все условия для душевной пьянки.

Анна Витальевна знала, что я не люблю вино-натойки и очень поддерживала меня в этом, утверждая, что нет ничего лучше «беленькой». Так ласково, многие в России называли водку. Этот напиток еще нужно было отыскать надлежащего качества и баба Нюра знала, что лучший напиток поставляет ее соседка — Григорьевна. Какое было имя у Григорьевны почти никто из деревни не помнил, но мужики, за эту бабу могли глотку любому перегрызть.

По старинке штоф с водкой прятался русскими женщинами от мужиков, если те жили вместе, а помянув о том, что Вася «завязал», я даже не стала спрашивать, к чему так далеко схоронен графинчик.

За окном раздался гул мотора. Вася вернулся. Ворота заскрипели и машина вскоре была аккуратно припаркована во дворе на ночь.

Возня явно затягивалась, Кипотченко как-будто стеснялся заходить в дом. Что было своего рода традицией. Этот коренастый, не особо симпатичный мужичок, сильный и выносливый, как та самая «Нива» которую приобрели в обход презентованного мною «Рэндж Ровера», смелел только после того, как я лично звала его на разговор о делах «фермы».

— Василий, скотинку запри на ночь, хорошо? — крикнула в форточку баба Нюра, после чего вернулась за стол и налила мне еще водки в рюмочку. — Дааа, клиенты у нас странные, — протянула баба Нюра, вглядываясь в темноту за окошком, которую рассеивал одинокий уличный фонарь. — Странные все как один. Будто на голову больные.

Из соседней комнаты доносились негромкие звуки мультфильмов, которые смотрел Игорек.

«Вот и началась главная часть разговора!» — промелькнуло у меня в голове.

— Договаривай, баб Нюр...за клиентов.

— Ты честно мне скажи Аврора. Тут же не эко-ферма у нас, так?

— А что же по вашему, баб Нюр? — я едва сдерживала улыбку, чтобы не оскорбить чувства этой прекрасной женщины.

— Реабилитационный центр для наркоманов. Вот что! Ух, дожилась я, — махнув рукой то ли на меня, то ли на «наркоманов», баба Нюра поставил рюмку перед собой, подлила в нее беленькой до краев и выпила залпом. В ее глазах предательски блеснули слезы, но столь отчаянное и смелое заявление вызвало во мне лишь умиление.

Я быстро глянула на Васю соловелым взглядом, он уже сидел напротив и ковырял в зубах зубочисткой.

— Поставишь кино наше? — приятная стадия опьянения наконец-то меня накрыла.

— Ну, что ты молчишь? Я права, да? — баба Нюра прижала руку ко рту и задохнулась.

— А если и так? Вы же не откажете в помощи людям? Верно? Не зря же у вас на шее вот это висит, — я осторожно указала на плотную ниточку, которая скрывала глубоко под одеждой серебряный крестик.

Я ни разу не видела бабу Нюру без него. Даже в бане она не снимала с себя крест и только ниточка менялась с черной на белую, по мере загрязнения.

Вопросы растворились в воздухе, и мы перешли в комнату с телевизором. Там уже шли титры фильма «Мужики!». Вася как раз аккуратно подхватил задремавшего Игорька и отнес в спальню.

Минут через сорок я всюду рыдала, да так, что баба Нюра приносила мне настойку пустырника несколько раз, а когда поняла, что это бесполезно, то отошла на безопасное расстояние, с ужасом наблюдая знакомую картину.

Чтобы не разбудить ребенка, я зарылась лицом в подушку, и почти кричала в голос. Идело было далеко не в том, что собака бежала за Волгой через поля, когда дети уезжали в отцом на Север, и не в том, что жили сиротки впроголодь, потому что мать умерла и старшей сестре приходилось крутиться, чтобы прокормить двух малолетних братишек... Я настолько привыкла не замечать физической боли, что и душевную давно игнорировала, а она копилась и копилась.

Анна Витальевна подозвала к себе жестом Васю и прошептала:

— Василий, как думаешь, это лечится? Вот каждый раз так? Ничего не понимаю, ну с чего ей так рыдать? Прямо сердце разрывается, как слышу это! Совсем молодая! Какие у нее проблемы могут быть? Может тоже наркоманка?

— Все может быть, баб Нюр, — Вася усмехнулся, давая понять, что вовсе так не думает. — Человеку легче становится, вот видишь? Пускай, пускай...

— Ой, поздно. Пойду с внучеком прилягу, а ты присмотри за Авочкой. Я водку попрыгала, ты ее водицей отпаивай. Хорошо?

На том консилиум и закончился.

Вася уселся рядом со мной на диване. Я тут же переключилась к нему с подушкой на колени. Рыдания сотрясали плечи и каждый вдох сопровождался судорожным заикающимся звуком. Широкая ладонь осторожно скользила по моей голове, утешая лучше всяких слов.

Вася знал, что убивать людей дело не простое. На его совести тоже значились отнятые жизни, правда, куда меньше, чем у меня, да все они случились в те времена, когда он служил в Афганистане.

В сон я проваливалась настолько внезапно, что со стороны выглядело будто я теряла сознание.

А утром, уже чувствовала себя на все сто. Просыпалась я по привычке рано, впрочем, баба Нюра подхватывалась еще раньше. Как она любила говорить: «Козы сами себя не подоят!».

На стуле, рядом с диваном, висела моя одежда — выглаженная и чистая. Под стулом ровненько стояли кроссовки. Баба Нюра слишком хорошо знала мои привычки. Каждый день спозаранку я выходила на пробежку и сегодняшний день не был исключением.

Переодевшись, я прислушалась к крошечной тишине в доме, наслаждаясь тем, как сладко ее ворошат торопливые стрелки старинных часов. О вчерашнем срыве напоминали только жуткие отеки на лице и поразительно ровное сердцебиение. Теперь можно было думать о ком угодно. Даже недавний образ Алекса в Нойншванштайне и история вокруг него, не вызывала во мне фантомных болей в груди.

Жизнь продолжалась и на сегодняшний день были запланированы два важных события — окучивание картошки и визит к местной чиновнице Нельке.

Не стоило откладывать их исполнение, и я подошла к рукомойнику, чтобы умыться.

Холодная вода быстро взбодрила. На кухне, на столе меня ждал стакан воды и пузырек с настойкой золотого корня. Это средство баба Нюра считала панацеей и пичкала меня ею все дни, пока я пребывала в Пылюкановке. Приняв снадобье, я прожевала терпкий вкус во рту и вышла во двор.

Рекс глухо зарычал на меня, но на этом его активность закончилась, потому что в зубах собаки была зажата голова несчастного петуха, а рядом лежала перевернутая миска. Глупая птица снова попала на эту нехитрую приманку.

— А кому сейчас легко? — протянула я сама себе.

Я тихо прошла мимо хлева, где слышалось копошение бабы Нюры и оживление, царившее среди коз. В сараюшке на краю огорода, по обычаю были сложены лопаты, тямки, грабли и прочая огородная утварь.

Раннее утро баловало белесым рассветом, обильной росой и холодящей дымкой.

Баба Нюра много раз объясняла мне зачем нужно окучивание для картошки, но я считала это чистой блажью. Удивительным было другое дело — в процессе несложных манипуляций, голова и ход мыслей приходили в невероятный порядок. Плантация картофеля занимала чуть ли не двадцать соток и меня обнаруживали за помощью, когда треть этой площади была позади.

— Деточка моя! Ну, что же ты надрываешься?! Да брось ты эту тямку? Ой, совсем тупенькую взяла. погоди, я тебе другую дам, — баба Нюра со всех ног побежала к сарайке. — Я думала ты побегаешь с утречка.

— Не хочется что-то..., - я приняла новенькую тямку, удивляясь насколько легче идет работа с заточенным инструментом.

— А на завтрак оладушков с яблочком и медом будешь?

Услышав знакомые голоса к нам вальяжно подошел Марсик и шерстяной кучей плюхнулся к ногам бабы Нюры уложив огромную морду ей на стопы.

— Буду, баб Нюр. Спасибо!

— О! Явился лизоблюдник, — не смотря на мягкие ругательства, хозяйка любовно потрепала пса по загривку. — Ну, пойду хлопотать. О, Васятка на помощь тебе спешит. Быстро-то как у тебя дело идет. Нет, нет.... Вот смотри, как надо. Не надо так много земли под куст нести! Чуток... Ага, вот так!

Грозно глянув на подросшего помощника, баба Нюра скомандовала:

— Вась, иди с другого конца начинай!

И только этот спокойный мужик отошел от нас на приличное расстояние, баба Нюра сделала виноватое лицо и остановила мою бурную деятельность, легонько прикоснувшись рукой к плечу.

— Авушка, я же себе зубы вставила. Васятка, как продал этот ваш джип, так не знали куда бежать с такими деньгами. Вот я дура старая и поддалась на уговоры, мол в столицу съездить. Я все отдам! С пенсии тебе на карточку переводить буду, — баба Нюра перекрестилась для пущей убедительности, присматриваясь к моей реакции.

— Нет, нет. Это подарок на юбилей. Не возьму денег, и обратно Вам все на книжку отправлю. Вам идет! Красота какая. А ну-ка улыбнитесь!

На что баба Нюра продемонстрировала мне зубы, страшно оскалившись и тут же снова сникла.

«Значит дело не в зубах и не в долгах!» — промелькнула у меня мысль.

— Дочка... Так ты мне вчера так и не сказала.

— О чем это? — я выпрямилась, ощущая, как спина протестует от такого маневра. Пришлось прищуриться, потому что рассветное солнце било прямо в глаза.

— О наркоманах-то.

Я промолчала.

— Видно, что и тебя гложет напасть какая-то. Бывает так, когда у человека дилемма на душе. Тайну ты держишь и поделиться ни с кем не можешь. Ты расскажи мне, милая, я все с собой в могилку заберу. Не проболтаюсь и даже если все эти люди наркоманы, я просто молиться за них буду.

Вася наявивал уже второй рядок и я с тоской посмотрела на его безмятежное лицо.

— Баб Нюр, вон человек делом занимается... Можно я к нему? А? Не переживайте. Не наркоманы ваши клиенты. Просто у людей проблемы всякие в жизни, вот они от них и убегают, а потому немного чуют на свежем воздухе. Смена обстановки слишком резкая.

— Ага, — рассеяно протянула женщина. — Значит, надо молиться за них.

— Надо, — согласилась я, чтобы этот разговор быстрее прекратился. — Ух, кушать-то как хочется!

— Все! Побежала! Сейчас оладки будут! Я позову, как накрою на стол.

С этим баба Нюра унеслась в дом, а Марсик подошел ко мне и потерся о бедро. Высоченная псина требовала ласки и я с охотой потискала его густую шерсть, да так, что собака плюхнулась прямо на крошечные кусты картофеля. Тут же послышался глухой хруст молодых ростков. Ох и влетит же животинке!

Переливы петушиных криков, летавших по округе звучали, как колыбельная. Вдали мычали коровы, которых выгоняли на пастбище. Меня наконец отпустила мания преследования, которая не покидала с того момента, как я впопыхах уезжала из Лондона.

Создавалось отчетливое ощущение, что Пылюкановка располагалась не в Чувашии, а где-нибудь на Луне.

Визит к алчной чиновнице, которую в миру величали Нелли состоялся в аккурат после обеда, когда сытая трапеза от бабы Нюры превратила меня в самого терпимого человека в мире.

Нельку я знала давно, как и она меня. Эта женщина являла собой собирательный образ, который подразумевал затянувшийся незамужний период, отсутствие детей, а потому роскошную карьеру и как следствие — не самый покладистый характер. Я часто закрывала глаза на непомерно растущие аппетиты чиновницы, чтобы мой скромный бизнес в Пылюкановке лишней раз не ворошили эти муниципальные шакалы. У Нелли были потрясающие связи местного уровня и теперь приходилось расплачиваться за свободное пользование негласными услугами.

Она сидела передо мной — стандартная кубышечка с хорошим макияжем и гладким лицом. Картину портили облегающий брючный костюм, эдакая тоска по пятидесяти пяти килограммам, которые почил лет шесть назад, маникюр и тонкие волосы, испорченные частым мелированием.

— Аврора, давно тебя не видела! По делам к нам или как? — довольное выражение лица и блеск в глазах были знакомой картиной, не предвещающей благополучного исхода переговоров.

Не в пример чиновнице, я сидела напротив нее, облаченная в лучшую юбку бабы Нюры серого цвета и синий джемпер. Ноги обтягивали плотные колготки с рисунком и если бы меня сейчас представили, как гражданку США, то эта шутка не имела бы успеха.

— По делам, Нелли, — тяжелый вздох и понурый вид, должны убедить ее в том. Что эти самые дела идут у меня не лучшим образом. — Сейчас не самые лучшие времена у моего бизнеса. Вот ищем новые источники дохода и решили с Анной Витальевной сыром заняться. Хотя, чувствую, что ничего не выйдет.

— Ах, да! — из органайзера на столе была молниеносно выужена папка. Глаза забегали по строкам и на переносице Нелли появилась складка. — Да, ты бы лучше ее оговорила. А то столько вложить надо и вдруг все прогорит.

— Знаю, но боюсь, что это будет единственное, что поддержит ферму на плаву.

— Как так?

— Я скорее всего уже не приеду, — вот тут я не стала кривить душой и выложила чистую правду.

— Все так плохо?

Выразительное молчание были слишком красноречивым ответом на заданный вопрос.

— Подсоби в последний раз, Нелль! — мой голос опустился до шепота. — Сотку мы не потянем. Максимум сорок, — от заискивающих ноток в собственном голосе меня замутило. Как-то слишком сильно я в образ вошла.

Но в голове у чиновницы уже крутились ходики вычислительной машины, которая взвешивала шансы получить куш и остаться с носом. У этого народа был нюх на поживу и он редко изменял хозяину.

— Я бы с радостью и мой интерес тут минимален. Надо подмаслить целую вереницу товарищей у нас в конторе. Так, что это не реально.

Старая знакомая явно ожидала, что торги продлятся и когда я медленно поднялась с засаленного стула, ее рот скривился, а глаза забегали.

— Ну, на нет и суда нет. Нелль, спасибо, что приняла, — трудно было сдерживать негодование, которое так и сочилось в голосе, но моя дерганность вполне могла сойти, за разочарование. — Не буду тебя задерживать.

Нелли в недоумении захлопала глазами. Она плотно сжала губы и в глазах блеснуло презрение.

— Конечно. Удачи тебе!

Больше того, что мне отказывают, я не любила, когда желают удачи, считая, что на эту субстанцию уповать, как минимум, легкомысленно.

Спасительно затревознил телефон в кабинете и я покинула крохотный помеще- ние, заваленное потасканными папками и обставленное допотопной мебелью.

На парковке управления, сидя в «Ниве» меня ждал Вася. Я плюхнулась на сиденье рядом с ним и уставилась невидящим взором в лобовое стекло.

— Понятно, — с досадой протянул он и повернул ключи в замке зажигания.

— Вась, помнишь у тебя подушка была, мы еще из нее по сорокам палили, когда те повадились цыплят таскать?

— Подушка? После разговора с Нелькой? Дорогуша, да тебя в нашу думу надс запустить — точно станешь террористом!

Я перевела тяжелый взгляд на Василия и он торопливо закивал.

— Да, начищенная под кроватью лежит.

Через два дня в местной газете «Сурский рубеж» появилась крохотная заметка в разделе криминальной сводки, что машину местной чиновница из санитарного надзора неизвестные расстреляли из винтовки. Пострадали исключительно протекторы. Ведется следствие.

Так что звонка от Нелли долго ждать не пришлось. Новая резина на Киа Спектра как раз стоила в районе сорока тысяч. Этот факт я выяснила еще до того, как нанести визит «старой» знакомой.

— Вот, баб Нюр! Держи! — я гордо сунула разрешение Анне Витальевне. — Делаю теперь сыр, сколько душе угодно. А тут образцы упаковки. Потом выберешь, я отдам в типографию на заказ, чтобы все как у людей было.

— Ой, спасибо, Авочка! Добила все таки этих чинуш! — баба Нюра и не догадывалась насколько она была близка к истине, даром что мое негодование коснулось только автотранспортного средства.

— Порадовала ты старую дуру! — но тут она запнулась, едва сдерживая слезы. — Небось Нелли Олеговне отвалила денег гору?

— Она мне скидку сделала...

— Ох, уж эти скидки, — взгляд бабы Нюры помрачнел. — Не руководители, а торговцы! Да, заслужил русский народ этих тунеядцев на свою шею. Сильно Бога, видать, прогневали, когда семьдесят лет церкви жгли. Попомните мои слова еще семьдесят лет нам лишения и несправедливость терпеть. Это если мы с себя начнем исправляться.

Но вдруг, она осеклась и просияла.

— А я вот тут стою и осуждаю человека, который дал мне добро. Храни, Господь, Нельку! И что, Авушка, подарок, поди, прощальный?

В очередной я удивилась пронизательности пожилой женщины и виновато пожала плечами.

Глубже вздохнув, я отвела глаза, снова залюбовавшись виноградным навесом.

— Как же мне тебе отплатить? Ведь ничего не могу предложить, кроме того, что у тебя уже есть.

— Не надо, баб Нюр. Все к тому и шло. Одно хорошо, больше не будет у вас чужих людей. С эко-туризмом покончено.

Явное облегчение промелькнуло на лице бабы Нюры, но жалостливый взгляд продолжал меня буравить.

— А что же ты?

— Может личной жизнью займусь.

— Никак ухажеру зеленый свет дашь? — воскликнула женщина.

— Посмотрим, — поддакнула я, сама почти поверив в это.

— И правильно! Такая деваха, а все маешься с этими делами проклятущими! Их не переделаешь! И все деньги не заработаешь... Счастье не в них. Да, что я тебе говорю. Ты и сама поди поняла. Не встречала я в своей жизни человека, который бы так убивался. Сколько же у тебя на душе тяжести, ангел мой. Хоть и рвешь ты ее каждый раз, приезжая сюда к нам, а вот гляжу и снова в глазках твоих болезнь горькая, и словно, неизлечимая. Ох, даже знать не хочу от чего ты такая, но буду молиться за тебя, дите. Авось отпустит!

Баба Нюра принялась крестить меня, после чего благословила и поцеловала в лоб. Я слышала о русских православных обрядах. Самым серьезным считалось причастие, но его суть была слишком далека от меня. Однако в этот момент меня накрыло теплой волной, от которой по всему телу пробежала дрожь с мурашками.

И как оказалось, баба Нюра только с виду была простоватой. Сейчас ее глаза, полные щемящей заботы обо мне, глядели так пронзительно, что мне по неволе стало стыдно за свою жизнь.

Хотя на это я не имела никакого права. За моим выбором, сделанным в тот день, когда я впервые встретила своего отца в парке колледжа, последовала буквально кровавая жертва.

— Бабаааа, я покакаль! — раздалось из-за декоративного заборчика, где, как оказалось, Игорек сидел на горшке.

Всплеснув руками баба Нюра бросилась помогать ненаглядному внуку с гигиеническими процедурами.

Вася вынырнул из дома со связкой вяленого омуля и чехони. На обратном пути мы купили свежего пива, а рыбу нам подоспел главный рыбак Пылюкановки — дед Памай. Местные его за глаза величали, не иначе как дед Поймай, только у него клевало всегда и в любую погоду. Рыба у Памаея была отборная — свежая, жирная, вкусная. Мелкую он всегда отпускал.

— Опять пьянствовать будете? — по-доброму подколола нас баба Нюра, дотирая попу Игорьку. — Вася, ты мне абрикосу обещал спилить еще неделю назад и кадушки помыть. Авушка пока под навесиком посидит, отдохнет дите, а ты иди увалень, поработай! А то смотри эта сухая каряга завалится и на Игорька.

Тихо бубня себе под нос список дел и угроз, баба Нюра нарочно не смотрела в нашу сторону, зная, что мы с Васей вдвоем понесемся выполнять поручения. Давно прошли те времена, когда эта женщина хваталась за сердце, видя, как я рублю дрова или поднимаю тяжести. Так, что со старой засохшей «абрикосой» мы расправились за час, сложив поленья около баньки.

Покончив с делами, мы втроем уселись под навесом, вцепившись зубами в соленую рыбку, добывая организм, который наполнился наслаждением, жадными глотками прохладного пива.

Эти несколько дней, разделялись для меня не наступлением утра и вечера. Время приняло форму голоса Анны Витальевны, которая ровно три раза в день вопила на всю деревню:

— Ииииигорь!

Обед, полдник и ужин.

Мысли сами собой приводились в порядок, возвращалось чувство покоя и уверенность, что я смогу справиться с нормальной жизнью, на которую взяла курс.

Деньги, закопанные в огороде я оставила в распоряжении Васи. Мол, на мелкие расходы и на поддержку сыроварного дела бабы Нюры.

Последняя ночь в Пылюкановке была бессонной. Я покинула ферму на рассвете, молча обнявшись с Анной Валентиновной. В неярком свете фонаря, тускло блеснул ее крестик, за воротом длинной ночной рубашки и теплого пухового платка, накинутого на плечи.

Рекс сонно зарычал на прощание, Марсик лежал с ним рядом, и только лениво подрагивал его подрезанный хвост.

Напоследок баба Нюра сунула мне пакет пирожков с капустой и махнув рукой, всхлипнула. Через минуту мы с Васей уже тряслись на неровной ухабистой дороге. Мотор Нивы надрывно ревел, на удивление совпадая с моими ощущениями.

До аэропорта Вася не проронил ни слова. Только по приезду, он настоял на том, чтобы донести одну единственную сумку, которая у меня шла, как ручная кладь.

— Василий, не забудь заплатить доктору Перекатову.

— Его удар хватит от такой суммы. Может, хоть, частями?

— Смотри сам.

Мы снова смолкли. Василий осторожно обнял меня и на прощание улыбнулся, сверкнув золотым зубом.

— Ну, бывай, Аврора Винсентовна. Всего тебе хорошего.

Я возвращалась к своей семье — маме и Сьюзан. Пожалуй, это был самый трудный момент, к которому жизнь подводила меня после каждого «заказа».

В Пылюкановке не было ничего личного, хотя я любила ее обитателей, а в Люка-Дубрава отношения с близкими давно переступили черту обид и непонимания.

Любить родных было мало. К огромному сожалению, я ничего не могла прибавить к этому эфемерному чувству и делом слова не подкреплялись. Только очередные «командировки», долгое отсутствие и повисшие без ответов вопросы.

14 глава

Неофициальные визиты Габриэль Сомерсбри предпочитал тем помпезным приемам, на которые тратились безумные средства. Поездки, подобные этой, поездки случались крайне редко. Молодой человек обожал посещать объекты своей особой программы благотворительности инкогнито.

Визит в Патну — крупнейший город штата Бихар, в Индии носил спонтанный характер. Руки мэра города, Аджая Рамеша, казалось, потеряли способность находиться в разомкнутом положении, при виде высокого гостя, а подобострастное выражение лица и отчаяние на грани сумасшествия и вовсе выводили из терпения Габриэля.

Вся верхушка местного самоуправления, пришла в бурное движение, и походила на безумную воронку, в которой чудом через час появился переводчик, от которого жутко смердило чесноком. Судя по всему, этот бедолага знал об этом факте и старался держаться на расстоянии.

Господина Сомерсбри намеревались срочно отвезти в дом мэра, за неимением приличной гостиницы в городе, но он отказался, пожелав сначала переговорить о делах.

Чуть больше двух месяцев назад в провинции Патна должна была начаться грандиозная стройка четырех новых школ для бедного населения. Этот факт широко не освещался в западных СМИ, в принципе, как и львиная доля проектов подобного типа, в нескольких странах третьего мира, которые инициировал Габриэль.

Сидя в мягком кресле, он впился застывшим взглядом в унылый пейзаж за окном, где колыхались широкие лапы раскидистых пальм, пока болливудская офисная команда не соизволила убраться за дверь, оставив мэра и его дорогого гостя наедине с богато накрытым столом из вегетарианских блюд.

Все мысли и чувства Габриэля Сомерсбри были заняты одной картиной, от которой он не то что не хотел избавиться в сознании, но даже не хотел, а потому он, то и дело, воскрешал в памяти картину, которая потрясла его до глубины души. Такую редкость следовало смаковать и рассматривать с разных ракурсов, растягивая удовольствие.

А что могло доставить удовольствие такому человеку, как Габриэль?

Только удивление.

Вечный груз проблем, огромная ответственность и густая паутина, за ниточки которой уже было довольно трудно дергать одному человеку, не давали отдыха ни днем ни ночью.

В свои тридцать с небольшим Габриэль каждую ночь засыпал только со снотворным. Ведь едва он уединялся, в мозг впивались злым, остервенелым роем события, намерения, слухи, которые непрерывным потоком поступали ежечасно от доверенных лиц,

разбросанных по всему свету.

Люди Сомерсбри следили за всеми винтиками системы, которая на данный момент, уже вполне могла избавиться от своего создателя.

Но страх не торопился присоединиться у этому театру абсурда. Главным достоинством Габриэля было то, что он умел добывать нужную информацию, впрочем, как и использовать то, что узнал.

Самым важным здесь было терпение. Но чтобы выработать в себе эту способность, пришлось приложить колоссальные усилия.

Терпение и холодный расчет творили чудеса. А как же давно не заглядывали главные спутники этого редкого гостя — изумление и восторг.

Теплые волны блаженного чувства буквально затопили мужчину изнутри. Их оттеняло не менее неожиданное ощущение — сочувствие.

Именно его испытывал сейчас Габриэль к своему недавнему партнеру по бизнесу — Виго Оттернею, который и стал виновником столь нежданных переживаний.

Перед глазами стояло раскрасневшееся, бесстрастное лицо человека, существование которого стояло под вопросом почти сорок лет — Финис!

Дивные черты лица, белокурые волосы, слипшиеся от пота, усталый взгляд, полный решимости и лишенный малейшего проблеска жалости к своей жертве. И это была женщина.

Габриэль собирал по крупицам все слухи о Финис. Почти достоверно он знал, что этот человек перенес на себе все возможные пытки, вплоть до сдирания кожи на живую, что было сделано по старому ритуальному обычаю, характерному для отдельных африканских племен.

И потому все любопытней становилась участь Виго Оттернея, который связался с неуловимым убийцей, чтобы избавиться от Алекса Фаррот.

Хотелось хоть немного освободиться от невыносимого гнета будней, проходящих в разъездах и скучных переговорах с политиками, президентами, сенаторами, духовными лидерами и конечно же многочисленными главами десятков картелей, которые оставались таковыми только потому что Габриэль позволял им быть...

— Господин Сомерсбри! — голос переводчика прогремел совсем рядом, и Габриэль строго глянул на мэра.

— У меня мало времени. Расскажите вкратце, на каком этапе сейчас строительство школ?

Мэр выпучил глаза и с ужасом посмотрел на переводчика, после чего сглотнул и снова выставил руки вперед в молящем жесте.

— Простите, господин Сомерсбри, но стройка еще не началась.

Габриэль поднялся со стула и с каменным лицом приблизился к мужчине, который всем видом демонстрировал сожаление и страх.

— Деньги были переведены месяц назад, — тон Сомерсбри был холодным и угрожающим.

— Да, но проект еще не утвердили в отделе архитектуры. Такие сроки установлены законом, я не могу их ускорить. Тут приходится уповать только на совесть вышестоящих чиновников...

— Если бы все руководствовались только совестью, я бы не процветал, Аджай! Я воспользуюсь Вашим компьютером?

Вопрос был задан риторический, Габриэль уверенно уселся в кресло мэра и застучал по

клавишам. Еще через минуту он достал смартфон и набрал сообщение.

— Рамеш, займитесь этим лично, пока у нас еще есть свободная минута, — Габриэль запустил руку в рюкзак, с которым приехал, и выудил оттуда пачку долларов в банковской упаковке.

Эту часть мэра не любил больше всего, но каждый раз благодарил богов за щедрость господина Сомерсбри, о которой тот не любил распространяться прилюдно.

Деньги мужчина взял в руки с присущим ему страхом, учитывая какая это была большая сумма даже для него — чиновника не самого низкого ранга. Габриэль Сомерсбри посещал Патну до этого трижды и всякий раз, когда стихала суэта вокруг него, он разменивал деньги на местную валюту, и руководствуясь необъяснимой логикой, украдкой всучивал купюры беднякам. Он оплатил несколько дорогостоящих операций простым людям, выбирая при этом только работоспособных мужчин и женщин, в сведениях о которых была указана информация, что они являются кормильцами в своих немаленьких семьях.

— Как обычно? На крупные? — снова послышался голос переводчика, который не сводил выпученных глаз с пачки.

Однажды деньги доверили личному секретарю мэра, но тот решил, что сможет обмануть сбрендившего богача, который навещал мэра, мол, деньги никто пересчитывать не будет, учитывая тот факт, что пачка заветных зеленых американских купюр превращалась в мешок рупий. Секретарь не стал «жадничать» и присвоил около семи сотен долларов.

Тогда Габриэль молча принял два кейса с деньгами и молча покинул кабинет мэра, а через две недели, когда все и думать забыли о визите Сомерсбри, тело секретаря нашли подвешенным на крыльце его собственного дома с проколом на шее, через который вытекла вся кровь.

— Да, — бросил Габриэль, не сводя глаз с монитора компьютера.

Мэр поспешно покинул свой кабинет и тут же раздался задребезжал телефон.

Переводчик вытянулся по струнке, когда Габриэль глянул на него и кивнул на телефон.

— Возьмите и ответьте.

— Простите, но я не имею...

— Быстрей! — твердый, угрожающий тон, который не подразумевал возражений не оставил бедолаге выбора.

Мужчина ответил на звонок. Его лицо все больше покрывалось потом, который уже начинал стекать струйками.

— Это звонят из Министерства строительства, просят уточнить, каким образом передать разрешение в отдел архитектуры и... простите..., - переводчик дослушал человека на другом конце провода, часто кивая и что-то торопливо записывая на бумаге, — их интересует имя того, кто замедлил процесс выдачи бумаг.

— Опустим эту часть, пусть передадут по внутренним каналам связи с цифровой подписью и вышлют почтой копию. И да! Поблагодарите господина Мукерджи.

Переводчик взволнованно затараторил слова, не забывая при этом кланяться по привычке, разговаривая со столь уважаемым человеком, пусть даже по телефону.

Мэр вернулся меньше чем через двадцать минут с двумя не прозрачными пластиковыми пакетами. Более подходящей тары для денег он просто не нашел.

Габриэль подхватился с места, но тут застыл на секунду внезапно осознав, что голоден.

Господин Аджай молча наблюдал за тем, как молодой человек спешно и с аппетитом съел порцию рыбного карри, и попробовал многочисленные соусы, макая в них кусочки

лепешки пури, после чего, он жадно выпил стакан кокосового молока.

— Аджай, Вы должны сегодня закупить строительные материалы, согласно сметы, на все объекты. Возьмите в аренду несколько складов. С архитектурой я решил вопрос... Сегодня Вам передадут разрешение.

Мэр опешил от услышанного, но возражать не посмел. Его удивленный вид, заставил Габриэля почувствовать раздражение, от того, что нужно разжевывать очевидные вещи.

— Подрядчики и дальше будут затягивать сроки, к тому же не упустят возможность оттяпать себе дополнительные бонусы. Большая часть денег растворится и стройки заморозят. Вам я доверяю, поэтому сейчас мы отправимся в местный отдел строительства и возьмем всю необходимую документацию.

Удивление на лице господина Рамеша, сменилось на нечто тягостное и неизбежное. Он прекрасно понимал насколько прав мистер Сомерсбри.

— С столь большие деньги, я тоже доверяю только Вам.

Мэр не выдержал.

— Простите, господин Сомерсбри, но к чему такая спешка?

— В скором времени, мне нужно будет посвятить себя одному делу..., - Габриэль мысленно вернулся к лицу женщины, которую увидел в Кали-Джагах. — И без того у Вас было достаточно времени, чтобы начать строительство, но как я вижу, никто не собирается торопить начало работ. Затягивание сроков ни к чему хорошему не приведет, как показывает практика. Не делайте вид, что все под контролем и дело только в сроках, Аджай!

Габриэль резко повысил голос. Было заметно, что он буквально взбешен и до это лишь умело контролировал свои эмоции. Через секунду его непроницаемость вернулась на место и лицо приняло прежнее спокойное и строгое выражение.

— Мы будем где-то делать остановки? — мэр постарался перевести тему разговора на прорву денег в двух пакетах, которая заставляла его нервничать.

— Нет. На этот раз, это будет...премия, — неприкрытый сарказм сказанного, подтвердила кривая усмешка, которая промелькнула на усталом лице господина Сомерсбри, когда он поспешно покинул кабинет мэра, не особо переживая, что его спутники не успевают за ним.

Высокий молодой человек, мэр и переводчик, быстро двигались по длинному душному коридору муниципального здания, направляясь к выходу, не замечая сколько привлекают к себе внимания.

Аджай промолчал, понимая, что под словом «премия» этот господин понимает тривиальную взятку.

Едва оба оказались в машине, мэр скомандовал своему водителю отправляться к первой из развернутых строек, боковым зрением наблюдая за Габриэлем Сомерсбри, который снова достал свой телефон.

Он постоянно набирал сообщения, лишь изредка замирая, уставившись застывшим взглядом в никуда. Его лицо то и дело светлело, и Аджай мог поклясться, что этот человек сейчас улыбнется. Но Сомерсбри, будто поставил внутренний барьер на публичное проявление эмоций и на место возвращалась привычная маска непроницаемости.

За время на должности мэра Рамеш вдоволь насмотрелся на безгневные мины иностранных делегаций, в чем, впрочем, не мог их упрекнуть.

Глядя на то, как пот каплями стекает по лицу господина Сомерсбри, и как тот спокойно смахивает их рукавом явно дорогой рубашки, мэр в очередной раз пообещал себе отправить

служебное транспортное средство в автомастерскую, чтобы наконец-то починили кондиционер.

В присутствии Габриэля все мысли превращались в точку пульсирующего страха. Аджай прекрасно понимал, что спокойствие этого молодого человека, было самым обманчивым чувством и лишней раз отвлекать его не стоило, хотя так и подмывало предложить ему чистый платок, который всегда был в кармане пиджака скромного мэра. Но страх перед господином Сомерсбри перебороть было невозможно.

Мэр понимал, что возможно в эту минуту, Габриэль Сомерсбри мог набирать сообщение кому-нибудь из высшего аппарата управления в Нью-Дели. Могуществу этого человека даже завидовать не хотелось. Его возможности были безграничными, без тени сомнения, впрочем, как и баснословное состояние.

Что творилось в голове у подобных людей? Разве можно предсказать их желания, если ни шум, разрывающий барабанные перепонки, доносившийся с улицы, ни удушающий смрад выхлопных газов, ни жара, не могли ни на секунду заставить Габриэля Сомерсбри скривиться или тяжело вздохнуть.

Его раздражение вызывала только нерасторопность местных чиновников, относительно постройки школ...

В какой-то момент господин Сомерсбри поднес свой телефон к уху, чтобы ответить на звонок.

— Да, Реймерс... Ты получил фото? Прекрасно. Полное досье: поездки, визы, покупка билетов на все виды транспорта. И да! Скорее всего будет несколько паспортов. Проверь семью. Подключи к программе. Всю информацию пересылать только мне. Никаких копий.

Габриэль даже не пытался говорить тише, зная, что мэр прикладывает все усилия, чтобы не только казаться, но и быть глухим в данный момент. А переводчик, который сидел рядом с водителем впереди, и вовсе казался призраком.

— Понтинг подождет! — неожиданного буквально взревел Габриэль, так что вены на его шее вздулись, а лицо покраснело. — Ты правильно понял. Сейчас это приоритетная задача. Только это фото. Только этот человек.

Габриэль прервал разговор и отключил телефон, чтобы уставиться в окно.

— К истине нет дорог, и в этом ее прелесть — она живая..., - задумчиво произнес этот странный человек и мэр не сразу понял, что господин Сомерсбри обращается к нему.

— Простите? — голос переводчика звучал все тише и бедолаге пришлось прокашляться.

— Вы знаете, кто это сказал, Аджай?

— Джидда Кришнамурти, — с запинкой ответил мэр, словно был на экзамене.

— Вы получили прекрасное образование, — довольно кивнул Габриэль, в очередной раз убеждаясь, что сделал верный выбор в лице непритязательного и честного чиновника. — Через некоторое время у Вас начнутся проблемы на работе. Господин Рамеш, я надеюсь на вашу поддержку и сознательность. Строительство сразу четырех школ, могут вызвать коллапс, в первую очередь из-за проблемы освоения огромных денег. Не буду кривить душой, но боюсь, что в Патне потом для Вас будущего не будет. Это своего рода жертва. Но не напрасная...

Телефон Габриэля снова зазвонил, но на этот раз он протянул его мэру, чтобы тот ответил.

Ничего не понимая, Аджай принялся слушать того, кто звонил.

Уже через минуту, мэр заливался слезами и что-то торопливо записывал в небольшом

блокноте, который торопливо выудил из своего кейса.

Габриэль не знал хинди, но прекрасно знал, о чем идет речь.

Единственный сын Аджая Рамеша, в данный момент чудом оказался первым в списке кандидатов на трансплантацию сердца.

Семилетний ребенок, которого, максимум через полгода ждал, разве что, достойный погребальный ритуал сожжения, станет прекрасным залогом преданности Аджая.

Габриэль Сомерсбри прекрасно знал, что человек попадает в полную зависимость только тогда, когда раскрывает свою слабую сторону. Не удивительно, что именно эту особенность использовала и та, кто полностью пленила все мысли Габриэля — женщина-призрак с золотыми волосами и стальным характером, которая, сама того не ведая открылась ему в Кали Джагах.

Назойливая благодарность мэра была подобна бурному надоедливому потоку, но Габриэль, сжав зубы, молча слушал его слова, снова уставившись в свой телефон.

От Реймерса пришло сообщение, в котором было всего два слова: Аврора Франклин.

Ее имя!

Внезапно Габриэль понял, что впервые за долгое время, по-настоящему взволнован и этот факт буквально ошеломил его. Он был уверен, что ничто в этом мире больше не способно его удивить.

Пытливый ум, своеобразная мораль и потрясающее чутье, граничащее на грани прозорливости помогли Габриэлю выстроить невероятную империю, которая в данный момент висела на волоске из-за того, что этот странный молодой человек отказывался быть похожим на тех, кого презирал всей душой.

Он был вынужден превратить свое имя в торговый знак, использование которого было полностью запрещено и за малейшее упоминание в прессе и СМИ, армия юристов выбивала через суд баснословные штрафы с падких до сенсаций и сплетен медиамагнатов. Со всеми, с кем Габриэль вступал в деловые отношения, сперва подписывали объемный договор о неразглашении, в котором основным условием был запрет об публичном упоминании его имени, в любом аспекте.

Подобная политика привела к единственному закономерному итогу — кого не спроси никто не слышал о Габриэле Сомерсбри. Только несколько человек, которым была дана определенная свобода действий для управления подобной империей, знали кому они подчиняются и правду об основном источнике дохода.

Последние несколько лет, по мере того, как состояние этих людей росло, как ни удивительно росло и их недовольство. Тому была одна единственная причина — Габриэль.

Тот самый зловещий «Англичанин», который, на поверку, не владел каким-либо значимым имуществом и на его счетах, едва могло набраться несколько тысяч долларов.

Другими словами, его деятельность могли хоть под рентгеном просветить, но при полном отсутствии финансового следа, любые обвинения невозможно было связать с наркотрафиком.

Габриэль прекрасно знал о грядущем «бунте», который давно ожидал, как и о том, что Виго продан спецслужбам в обмен на информацию с последующей дележкой власти «под столом».

Поэтому следовало преступить ко второй части его долгосрочного, сложного плана, и к сожалению, более кровавой, чем первая.

Для этого нужен был человек, владеющий специфическими навыками и обладающего

опытом в том, чтобы оставаться незамеченным.

До последнего момента Сомерсбри не верил в существование Финис, но события последних дней складывались настолько удачно, что недостающие части головоломки сложились наилучшим образом, вплоть до того, как ему удастся убедить неуловимого убийцу работать на него.

15 глава

В аэропорту Сплита, по традиции, меня никто не встречал. Вообще, возвращение домой проходило в обстановке невероятного одиночества и все время пути до острова, где располагалась моя семейная цитадель, в голове бродили мысли, которые подводили итог очередного путешествия.

Правда, эта поездка была знаковой. Мною должно было овладеть чувство удовлетворения, как у всякого нормального человека, который завершал плодотворную карьеру. Но само выражение «нормальная жизнь» ввергало меня в состояние, чем-то напоминающее растерянность с легкой кантузией.

Хотя, глубоким мыслям мешал еще один малоприятный факт — едва ли не каждые пять минут, моя рука тянулась к левому предплечью, потому что там невыносимо зудел участок кожи, на котором давно красовался дядюшка Пекос.

Тату изредка начинало зудеть. И, увы, это была дурная примета. В данном случае срабатывала неплохо натасканная интуиция, и я знала тому причину.

Долгожданное возвращение домой не зря вызывало легкий мандраж — родные не особо радостно разделяли мои длительные командировки, в период которых со мной толком-то и связи не было.

Только по приезду в Хорватию, я вставляла в телефон местную сим-карту, и раньше, после подобной манипуляции аппарат намертво зависал от количества сообщений и фото, которые насылали мне мама и Сьюзан.

Чтобы дорогие сердцу люди не скучали в мое отсутствие, я отправляла их в путешествие. Не редко устраивала для Сьюзан обмен по учебе и они с мамой заполняли пустые страницы в загранпаспортах, почти наравне со мной.

Поездка на такси до городка Трогир занимала меньше получаса. И только там меня ждала встреча со знакомым человеком. Это был Векель Урбин. Молодой мужчина средних лет, в нашей семье был кем-то вроде водителя, но учитывая, что на машине до моего дома добраться было невозможно — только на катере, мы единодушно звали его Капитан. А в «мореходке» Урбин был без преувеличения ассом.

Он невероятно много курил и мужчину невозможно было застать без белой морской кепки с черным козырьком, которая периодически желтела от пота и кожного сала.

— Здравствуйте, Аврора. Как Ваши дела? — вежливое приветствие никак не вязалось с затертым внешним видом Векеля. Рубашка с коротким рукавом держалась на двух пуговицах, а широкие шорты до колена являли миру пару латок с торчащими по краям нитками.

Я, как работодатель, Урбина долго боролась с подобным безобразиям, ведь местные частенько судачили о том, что я не доплачиваю бедолаге и эксплуатирую его нещадно. Но потом все заткнулись, когда Векель купил себе хорошую машину и его стали замечать в обществе хорошенькой девушки, которую он звал своей невестой. Имя незнакомки он не назвал и если я интересовалась делами своего бессменного «водителя», то так и говорила: «Как твоя Невеста поживает?».

Сегодня, как и много раз до этого, я вышла из такси и на секунду замерла, любясь широкой гладью моря, тем как солнце разбегается на мелким верхушкам легких волн, а ветер ласково, с легкой горечью трепет меня по голове, как-бы нашептывая:

— «Ну, что вернулась?»

На пирсе в ряд стояли несколько катеров и яхт. Урбин ждал меня на деревянном настиле с пышным букетом пионов, и едва я вылезла из машины, он торопливо подошел и монотонно пробурчал:

— С прибытием...

На этом диалог обрывался, потому что Векель ринулся к багажнику, выуживать мой скромный набор вещей, в виде одной дорожной сумки.

Я почувствовала, как в груди болезненно сжалось сердце. Цветы были куплены по моему поручению. Мама обожала пионы. И сейчас был как раз сезон для них.

В горле застрял вопрос, который я всегда задавала с трудом, но вот Урбин поровнялся со мной, ожидая, когда я выйду из ступора.

— Происшествия были? — тихо спросила я, пристально рассматривая раскрывшиеся бутоны.

— Нет, — коротко и уверенно ответил Векель, после чего упругой походкой зашагал к катеру.

Я медленно выдохнула, но на душе ничуть не полегчало. Тоска вгрызалась все сильнее.

— Нужно поспешить, скоро ветер поднимется, — услышала я голос Капитана.

Катер качнулся, когда я шагнула в него. Убедившись, что пассажир на месте, Векель неуловимым движением отдал швартовые, включил мотор и стал у руля, уставившись с прищуром вдаль.

Я глубоко вздохнула, от части ощущая себя, как герой Рассела Кроу в фильме Хороший год, когда он вернулся в дом детства, где жил со своим дядюшкой. Он — взрослый, полный цинизма человек, шагал по винограднику с улыбкой до ушей и по привычке, взяв в руки горстку земли и растер ее ладонями, чтобы вдохнуть аромат, но выбор места был неудачен и вместо пыльного, знакомого запаха, в нос ударил смрад куриного помета, которым были удобрены кусты роз.

Вот и я наслаждаясь соленым морским бризом, изо всех сил старалась не замечать дурного душка безразличия, с которым меня встретит мое семейство. Что ж, подобное отношение вполне заслуженно. Они догадывались, что я веду мягко говоря странные дела, когда пару лет назад, поддавшись приступу паранойи подняла на дыбы весьма дорогую охранную фирму, заставив их установить на острове самое современное охранное оборудование.

Датчики движения, видеокамеры, сигнализация и группа быстрого реагирования, которая молниеносно пребывала на многочисленные вызовы, по началу пугали маму и Сьюза, но я убедил их, что так мне будет спокойнее.

Мама тогда промолчала, а Сью вынашивала свое мнение несколько дней, после чего заявила мне, что я, наверняка, связалась с дурной компанией.

Но денежка исправно копилась на разбросанных по всему миру счетах и дорогостоящее увлечение Сьюзан биологией, переросшее в суперсовременную лабораторию, под которую был выстроен отдельный монолитный блок чуть поотдаля от дома, путешествия в любую точку мира, стихийный шоппинг в Милане и Париже, быстро отсекали пересуды на неудобную тему моего постоянного отсутствия.

Только Кассандра опасливо обходила стороной, спрятанные камеры, недобро поглядывая на технику, а Доба только и спросил, подействует ли сигнализация на его собак, а когда получил исчерпывающий отрицательный ответ, окончательно успокоился.

Я не следила за выражением глаз и словами, зная, что даже во сне не проболтаюсь и не выдам тревоги по поводу отдельных случаев, когда выполнение «заказов» шло не по плану. Вот только мама стала со мной каждый раз прощаться так, будто видит в последний раз.

Обхватывая мое лицо теплыми руками, которые вечно пахли ванилью, она старалась держать улыбку на губах, в то время, как в глазах я читала мольбу прекратить то, что делала. Вполне могло стать, что отец навещал маму и его смерть оставалась не более чем ширмой.

В таком случае, она могла догадаться, что я пошла по его стопам и просто избегала задавать вопросы. На которые не хотелось знать ответы.

— «Аврора, девочка моя, ты совсем замкнулась в себе. Ты молода, красива, но давно не выбиралась повеселиться с друзьями, — убаюкивающий голос мамы, очень хорошо скрывал ее тревогу. — Что ты себе надумала, милая? Не нужно нам столько денег. От этого уже страшно становится. Сьюзан скоро совсем разбалует».

Ни упреков, ни обид...

В этот момент у нормальных людей подступил бы ком к горлу, но я продолжала спокойно и умиротворенно всматриваться в водную гладь, пока взгляд не зацепился за знакомые очертания скалистого острова, который растянулся чуть больше, чем на семь километров.

Я давно приступила к неблагодарному процессу сбора камней, которые носила грузом в душе. Они лежали друг на друге, подогнанные по размеру так точно, что уже не пропускали зов совести и сожаления, которые действовали хуже отравы.

Контур острова возвышался все больше и больше. Катер плавно причалил, и я торопливо соскочила на досчатый пирс.

Судорожный глубокий вдох, наполнил легкие воздухом, а ноздри затрепетали от знакомых запахов.

— Чуи, мы дома...., - едва слышно прошептала я, вспоминая знаменитую сцену из Звездных войн с потрепанным приключениями Ханом Соло пенсионного возраста.

Звук захлебывающего лая четырех мелких и злых, как фурии собачонок, с завидной скоростью стал приближаться к нам с Урбином со стороны дома.

Четыре любимца Добы породы чихуа, выкатились на пирс, я ловко выбралась из покачивающегося на волнах судна и цыкнула на собак.

— Фу!

Бон, Ренко, Окуш и Жуль, судя по всему, узнали мой голос и тут же смолкли. Только Окуш продолжала тихо скалить зубы. Она была самой злой в этой милой команде. Излюбленным приемом этой суки было намертво вцепиться в ногу не прощенного гостя, к которым относились все кроме постоянных обитателей острова.

Этой печальной участи не избежал даже глава группы быстрого реагирования, когда ребята однажды примчались среди ночи, потому что парочка туристов решила прогуляться под луной по частной территории, не смотря на предупредительные таблички.

Про себя я называла собачью четверку «сектой».

С завидной методичностью гладкошерстная команда терроризировала местную популяцию ежей, ящериц и чаек на острове, будучи вольными псами, которые, впрочем, пунктуально возвращались к дому в часы кормежки.

Любовно оглядывая знакомую местность, я заметила, как в доме неспешно распахнулась дверь и к пирсу заковылял Доба.

При виде хозяина Окуш, прижала уши, от чего ее породистая лобастая головка, стала почти умильной. Собака завилала упитанной задницей, и имитируя движения старика направилась к нему.

Отточенным движением Доба с завидной проворностью наклонился к земле, сложив левую руку пригоршней, в которую тут же запрыгнула его любимица. Окуш тут же с удобством умастила свою задницу в широкой, грубой мужской пригоршне и прищурила выпученные глазки, когда хозяин любовно прижал псину к щеке.

Доба хоть и жаловался на здоровье, но мог дать сто очков тому же Урбину. Все эти стоны и тяжелая походка, были для отвода глаз. Крепкий, коренастый, он был обладателем настолько морщинистого лица, что казалось, будто улыбка навечно прилипла к уголкам глаз. Но это была далеко не улыбка — чистой воды оптический обман. Характер у мужчины был тяжелым.

Но когда злился, Доба не мог утратить внешним видом, благо, что в зычном голосе чувствовалась не дюжая сила.

Вьющиеся седые волосы прикрывала бессменная замусоленная кепка, широкая льняная рубашка с закатанными рукавами и тонкие штаны, были привычной одеждой старика.

О! Хозяйка заявила. Здравствуй, здравствуй!

Объятий и пожиманий рук между нами никогда не было. Доба не переваривал нежностей, которыми обделял даже свою жену Кассандру. Вся любовь концентрировалась на крохотной злющей собачонке и ее шерстяных прихлебателях.

Внимательно оглядев меня с ног до головы, Доба подхватил мою сумку и не понятно откуда взявшиеся пакеты с куньками — местными моллюсками и абрикосами.

Стандартный приветственный набор, без которого я не могла чувствовать себя нормальным человеком по возвращении домой.

«Ждали!» — щемяще сладко пронеслась мысль в голове.

— А где все?

— Уехали утром в Сплит. Сю со своими опытами совсем нас замотала. Подавай ей этих гадов мелких и все тут! С собаками искали, кто промышляет всей этой научной белибердой. И не то, чтобы в городе... Твою ж...! В стране не нашли!!!

— Ты о чем? Говори по человечески, Доба!

— Трикладида, чтоб ее черти драли, белая планария!

Я поморщилась от явного использования не любимой мною латыни и поняла, что увлечение Сю биологией перешло на новый уровень.

— И когда вернуться?

— А что позвонить им? — голос Добы уже разносился эхом- старик зашел в дом.

— Нет, нет... Сюрприз хочу сделать.

— Вот, вот. Делай! Цветы, поди матери привезла?

Я замерла на пороге гостиной, медленно обводя взглядом просторный холл. Здесь царил прохлада, как и во всем доме, благодаря толстым каменным стенам. Антикварная мебель, казалась, обманчиво простой и на удивление удобной. Дубовые полы, натертые воском, лоснились от попадавших на них солнечных бликов, белые легкие шторы на окнах развевались от морского бриза, который нес соленый запах моря и водорослей.

На душе воцарилось умиротворение, но опять же со знакомым горьковатым привкусом вины.

Этот дом был необыкновенным. Каждый уголок таил в себе прекрасные воспоминания. Мама потратила столько сил, создавая неповторимый уют, который балансировал на грани роскоши и прагматичности.

Пионы обволакивали меня своим ароматом, напоминая, что их век без воды не долгов. И я снова вышла на свежий воздух и без промедления направилась к западной части подворья, выложенного диким камнем на подобию брусчатки. Вскоре облагороженная территория уступила место стриженной траве и подлеску, где росли сосны и вязы.

Равномерные глубокие вдохи, знакомые запахи и звуки, одновременно волновали меня и успокаивали, в груди постепенно стихала буря переживаний, которая не отпускала после того, что я сделала с Рэгги.

Преодолев небольшую поляну, я почувствовала, как поверхность стала забирать круче. Значит, скоро!

Это было любимое мамино место на острове. Здесь не было тропинки, пока мама не повадилась ходить к утесу, который заканчивался тридцатиметровым обрывом. Я не разделяла ее любви к этому месту, потому что единственный страх, который я не смогла побороть в своей жизни касался непосредственно высоты.

Прыжки с парашютом, поползновения с альпинистским снаряжением по всяким отвесным стенам небоскребов, ну или, старинных замков давались мне не без усилий, но это «работа», а здесь дом, милый дом...

И опять же, высота! Будь она не ладна.

Мысленная бравада и легкое возмущение, были как нельзя кстати. За этой ментальной ширмой, я не заметила как добралась до верха и очутившись на месте, крепче прижала к себе цветы.

— Ну, здравствуй, мама..., - выдохнула я, в который раз ощущая себя бездушной скотиной, потому что к горлу не подкатывал ком, а глаза не щипало от слез.

Одинокая неровная глыба белесого мрамора, заменявшая могильную плиту, была залита нежным персиковым цветом закатного солнца. На ней был искусно вырезаны цветок с лепестками и имя — Кимберли Элиссон Франклин.

Пионы улеглись у подножия надгробия, я уселась, как обычно рядом не глядя на холодный камень, и устремила взгляд на роскошный вид моря, который открывался в полной красе с этого места.

— Всего-то год, как оказалось... Если бы я только знала. Все кончено! Нам с отцом придется жить простой, размеренной жизнью, которую ты нам желала. А мне до сих пор не верится. И да... Без тебя эту жизнь мне начинать придется заново. Сюю не терпится уехать в университет, а пока этого не случилось, боюсь, что я понятия не имею, как себя вести с ней. Я кругом виновата. И деньги тут не особо помогли. Ты была права, правда, дело было не только в них. Ты же знала...

Мамы не стало чуть больше года назад. Это стало для меня таким ударом, что я в буквальном смысле онемела почти на неделю. И дело было далеко не в том, что самый близкий мне человек ушел так внезапно, что я не успела попрощаться. Возможность-то была, вот только, отец мне ее не предоставил. Я как раз завершала, очередной «заказ» и вполне могла провалить дело, если бы мне сообщили, что мама умерла. Вместо меня на похороны приехал он.

Вот почему, отец настаивал на том, чтобы связь с родней я предоставила ему. Все сообщения, звонки и прочее, шли через него. Он оценивал степень важности полученной информации. Проводить женщину, которую любил всю жизнь, отец приехал без раздумий, за одно отмазал меня, рассказав мутную историю о том, что я улаживаю дела где-то в Индонезии с некоторыми оффшорными счетами и связи со мной нет.

Так что, в очередной раз возвращаясь домой, меня поставили перед фактом и перед вот этим мраморным надгробием. Молча, с застывшими лицами.

Сьюзан, Кассандра и Доба, глядели на меня тогда по-разному: я осуждением, сочувствием, жалостью, гневом и недоумением. Я не пролила ни слезинки. Впала в ступор и умолкла.

Доба, даже подумывал мне психиатра вызвать из города. Кася уговаривала поплакать, мол, станет легче, но я отказывалась, мотая головой и что-то нечленораздельно бормотала.

— Да и хорошо, что все закончилось. Тяжелая работа! Последний клиент, вообще, из головы не идет. Ох и гадко же я поступила, мам. Чересчур гадко! На том свете всем открывается истина, да? И ты, наверняка, знаешь, что по-другому было нельзя... Но все равно, гадко.

Едва слышный тяжелый вздох облетел поляну.

У меня определенно было не в порядке с головой, раз беседы с мертвыми мне давались легче, чем с живыми. Наверное, это все из-за своеобразного отношения к смерти.

О костлявой, я привыкла думать чуть ли не каждый день, учитывая ремесло, которым промышляла. И настолько эти мысли сблизили меня с гипотетической кончиной, что я, можно сказать, наполовину и сама была мертвой.

Вязкие, неприятные рассуждения прервал звук двигателя катера. Я поднялась с травы и медленно подошла ближе к обрыву. Судно уже причалило к пирсу, но это были не Сью и Кассандра. Группа из четверых крепких мужчин ловко выгружали большие пластиковые ящики.

Я без труда узнала форму охранной фирмы, услугами которой давно пользовалась.

«Неужели опять неполадки с системой?»

К этому времени собаки, за исключением Окуш, облепили мужчин, которые отряхивали злобных домашних питомцев со штанин. Невероятное терпение парней из охраны грозило дать трещину, но вот Доба, кажется, в полной мере насладился зрелищем и резко свистнул. Собаки тут же замерли и помчались к хозяину. И только Окуш рвалась на руках старика, не в силах уgomониться.

Доба стоял неподалеку, в самом начале пирса, оперевшись на толстый деревянный столб и лишь изредка поглядывал на утес. Хоть он и славился своим тяжелым характером, но никогда бы не посмел поторопить меня. Только махнул рукой в мою сторону, показывая ребятам, что, вот мол хозяйка вернулась — решайте все вопросы с ней.

Все верно! Как и говорила мама — «Меньше безделья!»

С холма я, буквально, сбежала и только у подножия вспомнила, что носиться с выражением детской непосредственности на лице, не пристало главе семейства, владелице крупного бизнеса и старинного особняка, который охраняют, будто Форт-Нокс.

— Андридже, рада тебя видеть.

Ребята расступились, пропуская своего начальника — хмурого вида молодого парня. Он протянул мне руку для рукопожатия. Андридже был сыном владельца охранной компании. Я долго наводила справки, относительно людей, которым собиралась доверить безопасность

своих близких.

— А уж я как рад. Скоро поселаться тут на постоянной основе... — услышала я недовольное бурчание Добы. Старик сплюнул и как ни в чем ни бывало уставился невидящим взором на море.

— Да, я несколько раз звонил Вам в офис, госпожа Франклин. Нужно было кое-что согласовать. Слишком часто срабатывала сигнализация в последнее время. Мы перепроверили всю систему несколько раз, за последнюю неделю. На записях все чисто, распознавание молчит, сбой исключен. Поэтому, я подумал установить инфракрасные сканеры, — вечно серьезный Андри старался смотреть прямо в глаза, как было у него заведено.

На загорелом лице, я всегда видела сосредоточенность, а необычные серые глаза, светились умом. Весьма редкие качества для не в меру симпатичного молодого человека с прекрасным телосложением. Как бы то ни было, для своих двадцати двух, Андридже вел себя крайне разумно: заочно учился и подрабатывал у отца, самостоятельно оплачивая университет.

— А потом еще берег золотыми булыжниками обложим и канделябры развесим хрустальные вместо фонарей! Не, ну, в край оборзели! Не знают, как деньги вытащить, — старик даже не старался говорить тише, когда заковылял к дому, где с кухни призывно гнусавил телевизор.

Легкая растерянность пронеслась по загорелому лицу Андридже, в то время, как его команда незадачливо чесала затылки.

— Не обращайтесь внимание на него. Можно попробовать, чтобы исключить ошибку в работе. Но только на год, Андри, хорошо?

— Без проблем, — в этот момент парень мельком глянул на дом и я уловила, что в глазах промелькнуло разочарование, это неожиданное и не званное явление тут же испарилось и послышалось зычное, — парни, за дело!

Вполне возможно, что он опасался, что Доба вновь начнет свою тираду, но к поведению старика можно было давно привыкнуть. Нет, тут что-то другое.

Моя подозрительность снова заняла первое место и все переживания исчезли, будто их и не было. Я даже поняла, что не перестала напряженно сжимать челюсти — недобрый признак чрезмерного стресса.

Потрясающая ирония! Тихие, мирные мгновения полной безопасности наводили на меня панику, а угроза жизни стала привычной и знакомой обстановкой, где я могла чувствовать себя расслаблено.

Возвращение домой, без промедления закрутило водоворот дел, которые вряд ли дадут мне скучать и предаваться невеселым мыслям. Безусловно, я еще не осознавала в полной мере, что впереди долгий период привыкания. И увы, он будет крайне непростым.

Легкая растерянность наконец-то отвоевала себе место на моем лице и я тупо уставилась на линию песчаного пляжа, который тянулся метров на сто, после чего поворачивал за южный выступ острова.

Судя по всему, недавно был шторм. Это объясняло невероятное количество водорослей и деревянных щепок на песке, которые приходилось периодически вычищать.

«Завтра займусь!»

Неприятный мандраж от того, что я до сих пор не встретила со Сьюзан, уже начинал раздражать. Концентрация моей заботы, которая раньше поровну делилась между ней и

мамой, теперь полностью умещалась на персоне моей малолетней тетки, которую я растила, на правах старшей сестры.

Насколько это не звучало бессердечно, но переживать за одного человека было еще хуже чем за двоих. И только болезненная тоска и сожаления, что мама так и не стала свидетелем, моего возвращения «навсегда» домой, добавляла в гамму переживаний черных красок.

Короткие команды Андридже, разбавили воцарившуюся тишину. Пакет с куньками и абрикосами так и остался лежать на пирсе.

Доба донес до дома только мои вещи.

В этот момент мерный гул мотора донесся до моего слуха и я прищурилась, чтобы взглянуть в водную гладь, которая колыхалась мелкими гребешками от ветра.

Катер приближался в приличной скорости и судя по надписи на борту я поняла, что это одно из местных водных такси.

Три фигуры: две на пассажирских сиденьях и собственно человек у руля. Одна из сидящих фигур поднялась и приложила руку ко лбу, чтобы солнце не слепило глаза. Высокая, с темными длинными волосами, стройная.

Сьюзан!

Раньше она прыгала от радости и размахивала руками, когда встречала меня.

А теперь, я кожей ощущала ее колкий осуждающий взгляд. Наши встречи становились все холоднее.

Тут бы и успокоиться, мол, подростковая ненависть и крайности, слишком мне знакомы, а в ситуации с моей чудо-работой, так, вообще, не ясно, как мое семейство меня терпело, но нет... Сью умудрялась проявлять ко мне настолько полярные чувства, что я и сама терялась. Точки в болезненной теме моего вечного отсутствия ставиться не торопились.

Не в пример моей молодой тетке, старушка Кассандра, закрыла лицо руками, когда поняла, что именно я стою на пирсе, и помахала мне, после чего тут же прижала руку ко рту. Можно было биться об заклад, что в глазах женщины стояли слезы радости.

— Приехала! Ави! Деточка, а мы и не ждали, ну, хоть бы предупредила.

Мужчина за рулем катера поспешил подать руку Кассандре, ибо судно грозило перевернуться от бесплодных попыток женщины проявить молодецкую прыть при девяноста килограммах веса.

Ухватив пухлую теплую руку, я выдернула свою экономку на пирс с поразительной легкостью, чем удивила взмокшего «паромщика». Пытливый хмурый взгляд Сью сверлил мне висок и я украдкой глянула в ответ. И как ни странно перехватила нечто странное.

Сьюзан с хорошо скрываемой тревогой рыскала взглядом по острову, будто кого-то искала. Ее большие карие глаза, которые сейчас казались черными, походили на пугливых птиц, которым требовалось укрытие.

Знакомым составом пронеслись изумление, обида, горечь и радость. Не в меру красивое лицо юной девушки напоследок исказила усмешка, но она тут же слетела с очередным порывом ветра. Сью качнула головой и прядь длинных шелковых волос цвета вороного крыла лениво припала к щеке.

Водитель катера уже таращился с плохо скрываемым вождением. Он даже не пересчитал деньги, когда Сьюзан расплатилась с ним, только вальяжно промычал сальный комплимент и до нелепости театрально подставил руку, чтобы последняя пассажирка сошла

на берег.

Крепкие объятия Кассандры наконец-то ослабли.

— А чего это парни тут опять? Что-то Андридже зачастил к нам.

Будь я проклята, если в словах не звучала легкая издевка, но тут Сьюзан выпустила из рук маленькую переноску-холодильник и закусив губу, бросилась ко мне.

Ее немного трясло, а губы двигались исторгая невнятное мычание.

Я поняла, что она плачет, но сама, увы, не могла ответить тем же. Только невероятные облегчение и радость, что эта девочка жива и здорова переполняли меня, без малейших признаков излишних сантиментов.

Руки Сью запорхали в воздухе, выдавая отточенные жесты, которые были знакомы людям лишенных слуха или голоса.

— «Аврора, я так рада видеть тебя. Мы все очень соскучились...»

Годы безуспешных попыток узнать, что у меня за работа, полностью атрофировали соответствующие вопросы. Но я по глазам читала: «Ты надолго?», «Когда ты вернешься навсегда?», «Твое место с нами рядом...».

И снова этот мимолетный ищущий взгляд.

Насколько же ситуация была иронична.

Вернувшись домой, я не могла толком в него зайти и даже переодеться с дороги.

Почти полтора часа на берегу.

— Сью, с моей работой покончено, — медленно и четко проговорила я, положив ладони на плечи девушке.

Она прекрасно читала по губам и черные бусины глаз недоверчиво замерли, потом брови сошлись на переносице и голова дернулась.

— «Что ты сказала?» — ее руки изящно выдали замысловатый жест.

— Я теперь всегда буду с вами. Жить здесь, заниматься домашними делами, винодельней и устричной фермой.

Мучительно долгая пауза прерывалась только оханьями Кассандры, которая слышала мои слова, и судя по всему, тоже пребывала в шоке.

Минут десять мы стояли на пирсе, пока из дома не показался Доба.

— Вы тут что топиться все собрались? Что с лицами? Червяков в городе не нашли или опять не тех привезли?

Старик наконец-то выпустил из рук Окуш, и собачонка с оголтелым лаем понеслась к парням, которые развернули бурную деятельность за домом.

Кассандра махнула рукой и порывисто прижала ее ко рту. Я только и успела услышать: «Все! Вернулась...»

До вечера все успокоились и на радостях, Кассандра наготовила еды на целую армию. Это были только любимые блюда. Запеченная ножка молодого барашка для Добы, мясистый помпано с хрустящей корочкой, для Сью, целое блюдо кунек в подливке из шафрана и сливочного масла для меня и мисочка с королевскими креветками, которые так любила Кассандра.

Доба и Кассандра налили себе по рюмочке сливового самогона, который готовили сами, а мне по старой памяти отмерили добрые сто пятьдесят граммов траварицы. Это был единственный сорт местного крепкого алкоголя, который пришелся мне по вкусу. К тому же, это питье благотворно влияло на организм, если им не злоупотреблять. Около двадцати трав входили в состав напитка и густой, приятный аромат вкупе с желтовато-зеленым цветом

радовали и вкус, и глаз. И если туристам продавали этот чудесный напиток крепостью не больше сорока градусов, то Доба умудрялся доставать траварицу, которая держала слабый огонек, если возникала надобность поджечь жидкость.

И хотя, изначально Кася была нанята мной, в качестве гувернантки для Сью, учитывая, что в совершенстве знала язык жестов, женщина не могла сидеть сложа руки и вскоре стала вести счета, пополнять провизию, и стряпать на всех.

Несмотря на теплоту и дружелюбие, которое царило за столом, я ощущала некое напряжение. Вполне вероятно это было из-за того, что мама брала на себя ведущую роль в разговоре и легко сглаживала углы между странным набором обитателей этого дома.

Ее легкость в общении, и не всегда оправданный оптимизм, были прекрасным маяком для нас со Сьюзан, к которому мы всегда стремились, будучи противоположными по темпераменту. Ведь только высокий рост нас и объединял.

Моя тетка явно была в другую породу — свою мать вертихвостку. А мы, Фраклины, были коренастыми, страстными по натуре, которые не смогли бы вынести жизнь без вызова и жертв. Легкий налет мазохизма, кажется, был у нас с мамой в крови.

От того и сформировалось даже не ощущение, а твердая уверенность, что я здесь была лишней. Да и зуд в районе дядюшки Пекоса около подмышки, только усиливался.

— О Боже! Я не могу дышать, — слова едва слышным шепотом вырвались из горла, когда мы со Сью вразвалку сидели на веранде, потягивая чай.

Неподобающие для молодых женщин позы, были многократно усилены тем, что к ужину, мы облачились в платья. Я не стала скромничать и надела шелковое с пышной юбкой, чуть ниже колена. Оно провисело добрых три года в шкафу и только сегодня я с упоением содрала с него бирку.

Мама привила нам прекрасный вкус. Поход по магазинам до кровавых мозолей, был классическим элементом ритуала примирения со Сьюзан, после каждого моего возвращения из командировки. К слову, ее гардероб был раза в два обширней моего.

Девочка, практически, не знала отказа ни в чем.

Разумеется, аппетиты росли, и вот теперь, Сью жаждала заполучить собственную машину. Имея на руках водительские права, после того, как я оплатила курсы в автошколе с частным преподавателем, она управлялась с транспортом, как матерый водитель, со стажем.

И неудивительно.

Ограничения с малолетства из-за глухоты, то и дело снисходили к затяжным депрессиям. А подобные вещи меня всегда пугали.

Раньше, с ними, прекрасно справлялась мама, но теперь...

Я буквально осталась с ребенком на руках.

С ребенком, у которого был самый трудный период в жизни — подростковый возраст.

От мыслей меня отвлек взмах руки.

Сью свела брови к переносице и наконец-то отвлеклась от смартфона, в котором увлеченно с кем-то переписывалась.

— «Все в порядке?» — прочитала я в ее жестах.

— Если честно, нет, — пришлось повернуть голову, чтобы обойтись только словами. Взгляд Сью напрягся и прилип к моим губам.

Она, медленно отвернулась и глянула в сторону утеса, где под тусклым светом молодой луны в тишине, находилась одинокая могила.

— Да, скучаю. И слишком много сожалений навалилось. Благо, что есть причина,

испытывать дискомфорт из-за плотного ужина, — усмехнулась я, — а так, я бы задохнулась от сожалений. Мне действительно, нужно было давно покончить со своей работой.

Глаза Сью заволокли слезы, но на лице не дрогнул ни один мускул. Только короткий кивок и все то же знакомое осуждение.

— «Ты не могла знать... А если и догадывалась, то не хотела менять свой образ жизни. Кажется, то чем ты занималась, приносило тебе настоящее счастье. Видела бы ты свое лицо. Ей, Богу, с таким видом крестonosцы возвращались после священных войн с варварами».

Из дома появился Доба. Он тоже держал кружку с чаем в руках.

Старик нарочно не смотрел в нашу сторону, но раскинутые по-мужски колени, мы подобрали едва ли не молниеносно, придавая позам достойный вид.

Кажется, все обитатели этого дома осоловели от вкусной трапезы и были переполнены благодушием.

— Славно посидели, — неловко произнес старик, по прежнему рассматривая морскую гладь. — Но пожалуй, прохлаждаться долго не стоит. По прогнозу погоды передали жару, на следующие две недели, и если мы не хотим задохнуться от запаха гниющих водорослей, предлагаю завтра с утра начать чистить пляж. Уже половина двенадцатого. Поздновато! Подъем в семь утра. Начнем по теньку, а то темечко напечет в обед. Хватит лясы точить. Еще успеешь откупиться, Аврора! Идите спать.

Чуть ли не на середине прозвучавшей речи, я вновь услышала знакомые щелчки, набираемого текста. Сью опять уставилась в телефон. Как ни странно, но она предпочитала держать его «на звуке». Из-за полной глухоты, она развила потрясающую чувствительность в пальцах, и буквально, чувствовала звук кожей.

— Как скажешь, Доба. Действительно надо порядок навести. Скоро пойдем спать.

— Ну, и хорошо, — старик замялся на мгновенье. — Ты бы у Каси попросила мазюку ее лечебную. Чешешься же весь день, как лишайная. Может чего подхватила?

Огромным усилием воли я заставила себя не подсматривать за перепиской Сью и смысл слов Добы не сразу до меня дошел, пока я не поняла, что расчесываю кожу на руке до крови.

На столь чудесной ноте, Доба снова исчез в недрах дома, а я проглотила стоявший в горле ком, который в меньшей степени отдавал ароматом кунек, а в большей — противным душком дурного предчувствия.

— Да, что же это такое?! Позор! Провались все пропадом! — я шипела, словно гюрза, с остервенением сдергивая очередной бюстгалтер.

Грудь явно увеличилась благодаря диете из шампотта и пирожных в Баварии. А потому, округлая плоть не хотела уместиться в кружевных моделях, которые в изобилии находились в огромном гардеробе.

— Ни одного приличного балконета, чтоб их всех!

Еще волосы лезли в рот, или прилипали к взмокшему лбу, пока я выбирала белье для уборки водорослей.

Пекос с утра был вымазан толстым слоем мази Кассандры, которую та готовила, держа в тайне ингредиенты. Но зуд заметно уменьшился и я грешным делом подумала, что Доба прав. Я вполне могла подцепить какую-нибудь заразу в Индии.

Уместив свое достоинство крайне четвертого размера в спортивный бюстгалтер, я выбрала ультракороткие джинсовые шорты, на которых скромно значился фирменный

ярлычок Гуччи, и свободную шелковую рубашку с коротким рукавом, обманчиво простую.

Понятное дело, что вещи придут в полную негодность, но с того момента, как я открыла глаза, меня накрыло мерзкое чувство негодования — явный признак того, что психика бунтует от резкой перемены сферы деятельности.

Из киллеров в домохозяйки — резковато для двух дней.

Я жаждала крови.

Это если на чистоту.

Вчерашнее подозрение, что от меня что-то скрывают, к утру переросло в абсолютную уверенность.

И если не люди, то хотя бы вещи, и весьма дорогие должны были пострадать.

К тому же мне осточертело, ходить в некрасивой и грубой одежде. От комфорта я слишком часто отказывалась.

Пора наслаждаться жизнью по полной программе!

Зеркало приняло мою заспанную физиономию и после получаса трудов, я выглядела более чем свежо, учитывая продуманный и почти незаметный макияж.

— На откачку септика в бальное платье вырядишься? — прозвучало пожелание доброго утра от Добы, которые едва мог сдержать улыбку, когда меня увидел.

— Ох, совсем стыд потерял! Ты что такое говоришь?! Доброе утро, милая. Садись позавтракай, я бекончик поджарила и яйца всмятку, как ты любишь. Кофе и сливочки свежие, — защebetала Кассандра, закрывая своим пышным телом, дражайшего муженька, который недовольно поджал губы.

И уже молча, она сдернула с небольшой миски льняную салфетку и я уловила знакомый аромат свежих моллюсков, по которым сходила с ума.

Диета из шампота меня едва не доконала. Я обожала морепродукты и рыбу, а в рамках конспирации частенько приходилось это отрицать. Так что дома, всем ограничениям приходил конец и не нужно было отказывать себе в любимой еде.

— Сью, уже встала?

— Да. Поела, как птичка, и засела в лаборатории. У нее опыты, — чуть ли не шепотом и с оттенком важности поведала Кассандра. — Но она обещала помочь с уборкой пляжа.

Не помня себя от радости, Кассандра то и дело вытирала руки фартуком или все что попадалось на пути. Она шмыгнула в гостиную и я услышала как хлопнула дверца шкафа. Через секунду женщина вернулась, неся в руках небольшую стопку писем.

— Я отсеивала всякую шваль, вроде рекламы. Счета все оплачены, а это посмотришь сама.

Я коротко кивнула и сделала большой глоток кофе. В основном, это были уведомления от бухгалтерской фирмы, которая занималась ведением дел фермы и винодельни, но сердце забилося чаще, потому что среди конвертов могло отыскаться письмо от Кери. Если он приезжал в город и не мог меня найти, то вполне мог навести справки в том же баре, где мы с ним познакомились.

Надежды рухнули и горечь заполонила рот. Еще один глоток кофе и тяжелый вздох быстро прогнали не прошенное чувство, уступив место иронии.

«Размечталась!»

Один из конвертов был больше остальных и тяжелее. Я распаковала его, полностью уверенная, что это очередной бесполезный каталог, какие рассылают магазины. Но нет. Это была книга из серии Пендергаст, которую я коллекционировала, будучи влюбленной в

творчество двух американских писателей — Дугласа Престона и Линкольна Чайлда.

Да что там говорить! Я бесцеремонно воплотила в жизни несколько приемчиков, которые вычитала в их книгах, но полки с выставленными в ряд томами в доме не наблюдалось. Паранойя последней стадии продиктовала расставить книги в разных местах, чтобы злопыхатели не наткнулись на очевидный плагиат, который при тщательном анализе просматривался в моих действиях.

Предвкушение чтения новой книги выдавило на лице едва ли не сладострастную улыбку. Я погладила жесткий переплет, и медленно, почти подобострастно, открыв первую страницу вдохнула аромат типографской краски.

— Начнем от пирса и пойдем к мысу, — распорядился Доба неотрывно глядя на телевизор. Там как раз шли спортивные новости.

Старик допивал кофе, сидя в любимом кресле, на коленях лежал пульт, а в левой руке, по традиции мостилась пушистая задница Окуш. Остальная команда, судя по лаю, гоняла чаек на свежем воздухе.

Ламинарию использовали, как удобрение в садоводстве. Доба приноровился сушить водоросли и перемалывать их в труху. Кассандра разбила прекрасный палисадник вокруг дома.

А я была рада, что можно хорошенько пропотеть, и нахлобучив широкую шляпу на голову, чтобы солнце не напекло темечко, ринулась приводить свои владения в порядок.

К обеду, мы со Сью, удалились почти на сто пятьдесят метров и судя по увеличившемуся количеству бранных слов от Добы, дело шло к завершению.

Правда, оно могло идти быстрее, но мы то и дело срывались купаться в море, чтобы освежиться прямо в одежде, а за нами прыгали четыре собачонки, уморительно хватая соленые брызги.

На редкость дружелюбной обстановке удалось усыпить мою бдительность, и когда мы со Сьюзан присели передохнуть, и Кассандра, доковыляв по песку, принесла бутылки с домашним лимонадом, между нами завязался престранный разговор.

— «Аврора, у меня, через три месяца день рождения...»

— Определилась с подарком? — я мысленно перекрестилась, потому что извела свой мозг разными вариантами, но все это уже было у моей ненаглядной тетки. Разве что оставалась машина.

— «Только пообещай не ругаться. Это наша болезненная тема. Я тут про одного доктора узнала...»

Я с силой сцепила зубы и волна негодования накрыла с такой силой, что я дернулась, как от удара.

— Мы были где только возможно. Испробовали все проверенные методики, Сью, я помню, как тяжело тебе было после каждой неудачи! — забыв, что девушка не может меня слышать, я все же сорвалась на крик, от чего залаяли собаки, словно поддерживая мое возмущение.

— Кто тебя надоумил? — я со злостью пнула песок, хотя в сидячей позе это было неудобно и выглядело смешно.

Но Сью всплеснула руками и остервенело замотала головой. Ее жесты стали торопливыми и даже разъяренными. Приближающийся скрип тележки, в которой Доба сносил водоросли вглубь острова на просушку, не заставил нас остудит пыл ссоры.

Как фоном звучал непрекращающийся собачий лай, который изредка сглаживался

шумом прибора.

— «Нет, это экспериментальный метод и потому очень дорогой. Разумеется, у меня денег нет, и я вынуждена просить тебя о помощи, Аврора! Мы ведь может просто съездить на консультацию? Я сама этого хочу!».

Красивые брови девушки жалостливо изогнулись, а на лице читалась мольба и готовность сорваться до истерики в случае моего отказа.

Я открыла было рот, чтобы ответить. Собачий лай перешел на захлебывающийся, но вдруг резко оборвался. Бутыль с лимонадом, подрагивала с моей руке и я подавляла желание зашвырнуть ее куда подальше, чтобы просто избавиться от излишка ярости, но вместо этого отвинтила крышку и сделала большой глоток.

Не пропадать же такой вкуснятине.

Оглянуться бы да посмотреть, что случилось, но внезапно, совсем рядом прозвучал знакомый до боли голос:

— *Salve fatum!*

Низкий, мягкий, который я слишком часто воспроизводила в памяти. К этому голосу прилагались сильная, гибкая фигура, голубые глаза с серым отливом и самый противоречивый характер — поразительная смесь вежливости, ума и опасной непосредственности.

Разумеется, в этот момент я подавилась лимонадом и неловко подскочив, тут же рухнула на колени, взмыв облако песка себе в лицо.

Я приготовилась к тому, что больше никогда не увижу Керо, а тут он имел наглость подкрасться ко мне! Ко мне — киллеру со стажем.

Нет, но это было уже возмутительно! Не остров, а проходной двор! Бери стреляй кого угодно. Где моя хваленая охрана? Почему не предупредили?!

Так, стоп...

Технически можно было допустить мысль о том, что это был заранее спланированный сюрприз. Что вполне объясняло хитрое выражение лиц моего окружения.

Сью с силой хлопала меня по спине, пока я окончательно откашлялась, Доба замер чуть поотдадь, в тени раскидистых сосен, наблюдая за сценой, а Керо движением фокусника и с невероятно серьезным лицом достал из кармана льняных брюк белоснежный платок и подойдя, почти вплотную ко мне, стал счищать с лица песок.

У меня в горле клокотали вопросы, вперемешку с бессмысленными словами о том, как я рада его видеть, что удивлена и выгляжу, как пугало. Но вместо этого только открывала и закрывала рот, испытывая едва ли не животное удовольствие от прикосновений и столь близкого расположения тела мистера Лоудверча.

Не знаю, что творилось с моим лицом, но Сью смотрела на меня, как на умалишенную, в то время, как я перестала замечать всех вокруг. Кажется, собаки до сих пор висели на штанах гостя, не собираясь разжимать миниатюрные челюсти.

Взгляд Керо отдавал теплом, когда он смотрел на меня. Только сейчас в его глазах помимо прочего читалась невероятная усталость.

Несмотря на это, я слышала, как парень вздохнул, так словно в его плеч сняли тяжкую ношу. Сделав шаг, ко мне, он приблизился почти вплотную.

Я не успела и опомниться, как он выудил еще один чистый платок, намочил кончик белоснежной ткани, мазнув его языком и немного нахмутив брови, провел у меня по нижнему веку сначала под одним глазом, а потом и под другим.

— Тушь размазалась..., - как ни в чем ни бывало сказал Керо, в то время как я готова была под землю провалиться.

Но меня уже сгребли в охапку крепкие руки, так что дойти в своих сокрушениях до того, что ноги были по колено в обрывках разлагающихся водорослей, я не успела.

Объятие, о котором я не могла и мечтать, было не сравнимо ни с чем. От удовольствия я закрыла глаза, боясь дышать. Так чувствуют себя умирающие, которым вдруг сказали, мол, «ладно, живи, мы пошутили, иди, жизнь продолжается...».

От внезапного прилива нежных чувств, меня передернуло и стало противно. Я попадалась на древнюю удочку опасную для всех женщин — инстинкт размножения, который диктовал рано или поздно поведение каждой представительнице слабого пола.

— «Да, что за сопли с сахаром?!» — проклюнулось внутреннее возмущение. — Каким образом Керо здесь очутился?»

Он будто сам почувствовал мои переживания и отстранился.

Несмотря на то, что солнце нещадно палило, высокая влажность ставила под сомнение использование любых дезодорантов, Керо выглядел свежим, но бледным и на удивление серьезным. Я чуть было не задала сакраментальный вопрос, относительно причины его визита, мысленно распахивая радость по карманам, но глаза полезшие на лоб, остановили этот процесс.

— Здравствуй, Сьюзан!

Короткое приветствие и красноречивый поворот головы в сторону моей раскрасивой молодой тетки, сопровождало движение рук — грациозное и явно отточенное — вторя смыслу сказанных слов на языке жестов.

— Ага..., - только и выдавила я, поняв в чем дело. Лишь номинально требовались объяснения, каким образом эта парочка познакомилась.

Сьюзан спохватилась.

— «В городе я наткнулась на Вашика, он сказал, что тебя искал твой приятель мистер Лоудверч, просил передать свой номер телефона. Я подумала, что что-то срочное и попросила Касю позвонить ему. Потом мы встретились, когда Кероан был проездом в городе. Чуть больше двух месяцев назад» — руки Сьюзан мелькали у меня перед глазами, в то время, как я стояла мрачнее тучи, безотрывно всматриваясь в лицо Керо, на котором читалась только непонятная мне скрытая тревога и знакомое спокойствие.

— А с чего ты переполошилась? — адресовал мне вопрос Доба, вступаясь за Сью. — Тут целый список дома лежит на видном месте, кому надо звонить в первую очередь, если ты приедешь. Или у нас тут режимный объект? Я не понял?! Чего стоим руки в бока? Работа на сегодня закончена?

Старик подошел, чтобы поснимать своих питомцев со штанин «дорогого» гостя.

— Тьфу, ты! Как же резко личная жизнь налаживается, у тебя, Аврора. И как не вовремя, еще был полчаса и доубирали бы. Эх! Ну, зови его в дом, а то темечко припечет, рухнет на песок... Я его не допру потом.

Снова нервно почесав Пекоса, я махнула рукой.

— Пойдемте в дом. Доба не смей тут один работать. Пошли отдохнем, вечером закончим, — мой голос был полон растерянности, что не увернулось от внимания Керо.

— Аврора, я могу уехать, если не вовремя...

— Нет! — слово вылетело чуть ли не резко. — Лучше покончить с этим сегодня.

Не дожидаясь публики, я решительно зашагала по мягкому песку.

— Покончим с чем? — бархатистый голос раздался совсем рядом. Похоже, что мистер Лоудверч не собирался отставать или обижаться на мой тон.

— С тем, что вы тут все задумали.

Я кожей чувствовала, что сейчас он улыбается. Еще вчерашние переживания на счет того, что я больше никогда не увижу Керо, были слишком свежи. Более того, я настроилась жить без него и столь резкий поворот шел вразрез с моими унылыми, скучными планами.

Цикады к полудню уже не просто звенели, от их гула, буквально вибрировала роцца вокруг дома.

Кассандра выглядывала в окошко кухни и когда я ее заприметила, она юркнула за кружевную занавеску. Значит, тоже знала, о сегодняшнем сюрпризе. Ну-ну!

— Ты в городе проездом? — буркнула я себе под ноги.

— Нет, я приехал только ради тебя. Сьюзан вчера вечером написала сообщение, что ты вернулась. Я попросил ее об этом!

«Теперь понятно, с кем была бурная переписка после ужина! — я вспомнила, что Сью не выпускала телефон из рук.

— Что-то случилось?

— Если честно да, — Керо проигнорировал мой внезапный сарказм.

— Что? — я встрепенулась.

Обидеть этого человека, я хотела в последнюю очередь.

— Ты вернулась, — снова без тени иронии ответил он, но то, как, это было сказано, заставило меня задержать дыхание.

— А были сомнения, что не вернусь?

— После того, как похороны твоей матери прошли без твоего присутствия, да, — прямолинейность этого мужчины меня резко отрезвила.

Пот катил ручьем по лицу и приходилось то и дело снимать шляпу, чтобы утереть его рукавом. Даже морской бриз не спасал от солнцепека. Откровенное признание Керо, снова пришлось не к стати, и я неловко оглянулась. Голова закружилась на секунду и меня шатнуло.

«Ну, прям, дева в беде!» — едва успела я подумать.

Подхватить себя я не позволила, остановив своего принца рукой.

— Тебе надо отдохнуть.

Сью подбежала ко мне. На ее лице застыло беспокойство. Наверное, я совсем плохо выглядела.

Тут мои пальцы снова потянулись к левой подмышке и я несколько раз провела по коже ногтями через ткань рубашки.

— «У тебя кровь...!» — смысл жестов Сью не сразу до меня дошел и будто в замедленно съемке я перевела взгляд туда, куда она показывала.

На тонком шелке, проступали красные пятна.

Не став ждать очередных препирательств, Керо легко подхватил меня на руки и донес до дома, усадив на веранде в плетеное кресло.

— Не надо, — запротестовала я, когда он принялся закатывать рукав, но меня будто не слышали.

В доме поднялась легкая паника, но тихая, безмолвная, как и полагается, когда помощи просит глухонемой человек.

Кася выскочила с аптечкой в руках.

— Разве ты не чувствовала, что у тебя кожа вся на ссадинах? — тихо спросил Керо, увидев во что я превратила свою руку. Его взгляд тяжелел с каждой секундой все больше, но в голосе сквозило откровенное недоумение.

«Нет, конечно. Учитывая тот факт, что перенесла почти все известные пытки, вплоть до того, что мой собственный отец сдирал с лодыжки кожу тонкими полосками, в качестве экзамена».

Конспирация трещала по швам и я притворно задохнулась в возгласе ужаса.

— О Боже! Я из-за жары сама не своя... Наверное, ночью комары искусают, — нелепая фраза вырвалась сама по себе.

— Вот гады! — выругалась Кассандра. — Мы обработали дом в начале прошлого месяца. Опять расплодилось, кровопийцы! Сейчас щипать будет, деточка. Я настоячкой крассулы тебе ранку обработаю и календуловой мазью намажу сверху, заживет! Не успеешь и опомниться.

Выставив на всеобщее обозрение «дядюшку Пекоса», я не забывала в нужный момент охать и ахать, якобы от боли, которую совершенно не ощущала — это был легкий дискомфорт и обыкновенный зуд, и одновременно заметила с каким любопытством Керо рассматривает мою татуировку.

— Кто это?

Он заметил мой взгляд.

— Ты не смотрел Том и Джерри?

Вопрос смутил парня и впервые за все время нашего знакомства он слегка покраснел.

— Может быть. Уже не помню.

— Посиди тут, я потом тебя в душ провожу и помогу выкупаться.

— Кася, у меня не перелом, сама справлюсь.

— Лучше гостя пригласи на обед.

Я адресовала Керо вопросительный взгляд.

— С удовольствием, — последовал ответ и короткий кивок.

Цепкий гипнотизирующий взгляд Лоудверча был его визитной карточкой. Порой могло показаться, что этот парень вовсе не мигает. Чтобы как-то вернуть себе ощущение реальности, я с благодарностью посмотрела на Кассандру, рука к этому времени затихла в блаженстве. Зуд отступил.

— Тогда может быть останешься у нас?

Керо снова галантно склонил голову, не пряча легко улыбки на губах.

— У меня действительно разговор к тебе, аврора. А сейчас лучше отдохни. Я если честно забронировал номер в отеле, но сразу из аэропорта помчался на причал. Не хочу никого стеснять.

— «Порой твоя воспитанность начинает невероятно бесить», — пронеслось в моей голове негодование.

— Здесь много свободных спален, я буду рада. Но для чего такая спешность? Ты так спешил сюда, что просто чтобы снова увидеть меня?

— Так и есть. Хотел убедиться, что твое возвращение не пустые слухи. И да, у тебя не остров, а крепость. Еще до того, как я причалил со мной связались по рации и поинтересовались целью визита, а на пирсе ожидал вооруженный до зубов охранник. Кажется, здесь не бывает случайных людей.

Разумеется, со стороны подобные меры безопасности казались излишеством, если не

придурью.

Я насторожилась, в ожидании усмешки, но Керо редко к ней прибегал, и никогда в мой адрес. Он только понимающе кивнул.

Все тот же Керо! Как мне его не хватало.

Волна нежности накатила с такой силой, что я поежилась.

Все мое внимание было поглощено внезапным визитом мистера Лоудверча, и я не заметила, что Сью носа не кажет из дома. Ее неожиданная просьба так и повисла в воздухе на дальнем мысе острова и ответ на вопрос о том, кто надоумил ее на подобный шаг, вдруг, стал обретать вполне конкретные очертания.

Не знаю сколько мы так просидели, но Доба с оглушающим грохотом успел затащить свою тележку в сарай за домом, в руке, он охажкой нес собак, которые до сих пор пытались скалить зубы на Керо. Питомцы остались в валерьере.

Потом старик обошел террасу кругом, с шумом сморкаясь в платок. Чуть позже он вышел, переодевшись в чистое и с переносным радио в руках. Бесцеремонно уселся в соседнее кресло, глянул на мою повязку, поцокал языком и настроил аппарат на спортивную волну, установив регулятор громкости на максимум.

Керо внимательно наблюдал за этим действием, но потом как ни в чем не бывало добавил:

— Я соскучился по нашим разговорам. В моей жизни наметились перемены и я хотел поделиться с тобой, — тут он запнулся на секунду, словно понимая, что говорит, практически, на одном дыхании.

— Конечно. У нас будет время все обсудить. Перемены наметились и у меня, кажется, теперь свободного времени теперь будет больше.

Печальная улыбка, хорошо спрятанная и пропитанная сдержанностью ни на миг не изменила выражения глаз Керо — внимательные, изучающие и полные недоверия.

— Сколько раз мы с тобой виделись и договаривались о следующей встрече, и сколько этих встреч не случилось.

— Ты прав, но теперь все изменится. С командировками покончено. Я уладила все дела и смогу полностью посвятить себя виноделию и ферме.

От этих слов Керо резко дернулся и впервые за все время нашего знакомства, меня пронзило острое и отвратительное чувство — волна подозрения и холода, таких не типичных, для Керо чувств, были слишком внезапными.

— Зря не веришь! — тут лишние вопросы не требовались.

Кажется, моему возвращению домой «навсегда» никто не верил.

— В твоих словах не чувствуется радости, — чересчур пронизательно заметил он. — Но я тебя понимаю, нечто похожее собираюсь сделать и я. Мне предложили новую должность.

— Неужели Карло согласился продвинуть тебя по карьерной лестнице?

— В том-то и дело, что нет...

— О! — я вспыхнула от осознания очевидного — Керо увольнялся по собственному желанию.

Биография Лоудверча не была для меня тайной.

Парень снимал скромную квартиру в Лондоне на Орченс стрит. В свободное от работы время проводил с родителями, которые жили в Дорсете. Я и на них навела справки: мать — школьный преподаватель, отец занимал должность в местном муниципалитете. Ни домашних животных, из-за постоянных разъездов по работе, ни девушки — лишь редкие

связи, которые ничего не значили. Заветной мечтой парня было приобретение парусника и путешествие по северному побережью Индийского океана. На банковском счету скромные две тысячи фунтов, а из ценностей дома — великолепная коллекция гравюр Хендрика Гольциуса, судя по банковским переводам.

Самый обыкновенный мужчина, не притязательный в материальных вещах, но жадный до людских характеров, с изюминкой. Куда интересней имущества мистера Лоудверча были его друзья. Они были словно на подбор — не стандартные умы, не последовательные, но почти гениальные: инженер из Триполи — Касур Вангхар, эпидимиолог из Осло — Харальд Лак, публицист из Марокко — Заки Укбан аль-Салим...

А вот Карло Сальвадо — непосредственный руководитель Керо был узколобым чинушей, которого держали на месте только из-за его потрясающего исполнительства.

Значит, воплощение мечты о паруснике откладывалось. Хотя, я вполне бы могла подарить ему посудину в любой момент и под любым предлогом, но подобную выходку Керо считал бы великой глупостью, а как я поняла, только к этому людскому недостатку он был нетерпим абсолютно и всецело.

«Лишать человека права на воплощение мечты, сродни тому, чтобы сделать его калекой» — и это не самый мудреный перл из коллекции этого невероятного типа.

Благо, что в этот момент к нам подошла Кассандра с подносом, на котором были расставлены чашечки с черным кофе и блюдце с миндальным печеньем.

— Угощайтесь.

— А мне? — возмущенно спросил Доба, подскочив на кресле.

— Куда тебе кофе с твоим давлением?!

— Так разбавь водой! Или я как отслужившая вещь, больше в расчет не иду?! Мне забота не нужна?

— А я чем тут занимаюсь. Иди пей свои таблетки, дорогой. И сделай тише свое радио!

— Ты опять их переложила, я бы с утра выпил, но их нет на месте.

— Хватит голосить. Оторвись от своего радио и не мешай, вон, видишь, люди разговаривают.

— А я по твоему кто?! Не человек? Или у меня от ноги цепь рабская тянется???

— Ну, началось, — протянула Кася, понимая, что наступила на большую мозоль своего благоверного.

— Я сейчас, — с интересом дослушав занятный семейный диалог, сказал Керо, после чего поднялся и пошел к катеру, на котором сюда заявился. — Схожу за вещами.

Уверенные движения этого мужчины помимо воли приковывали взгляд. Лоудверч прекрасно осознавал какое воздействие оказывает на меня только одно его присутствие. Все афродизиаки мира нервно курят в стороне. Чувство явно было взаимным, но его, кажется, только привлекало подобное положение дел.

Мазохист!..

Так, минутку. Я нервно глянула на шрам на лодыжке и судорожно сглотнула.

В нашем клубе никак пополнение!

— Что-то странный у тебя ухажер. Спокойный, как удав! — резко прозвучал голос Добы. — И когда ты его завести успела? Домой поганой метлой тебя не загонишь, вся в делах непонятных, а тут на тебе! Даже матери не обмолвилась поди. А кто завтра наведается? Банда молодчиков с масками на морде? Или налоговая или еще кто хуже? Не может быть нормальных дел, да таких, что на похороны матери мешают приехать. Не знаете

вы семьи и Сюзанна, вон, такая же растет. Эх!

Доба выключил радио. Грубости старика я не пропускала мимо ушей, но ответом на них была далеко не обида. Наоборот, воспринимала его, как воплощение своего внутреннего голоса. Тут уж ни дать, ни взять стопроцентное попадание!

Удивительно, но за творившейся кутерьмой, я совершенно позабыла о странном разговоре со Сьюзан и ее просьбе. Девчонка слишком хорошо меня знала: напролом идти никогда не получалось, для начала нужно было закинуть удочку с идеей, после чего следовало затаиться и ждать, когда я перебежусь. И действительно, я пребывала в состоянии легкой эйфории благодаря Керо.

Как-то слишком все вовремя происходило, будто по нотам разыгранная гениальная пьеса.

Мне не давали достигнуть пика возмущения, когда ярость перерастала в необузданную злость и потребность что-нибудь сломать. Правда, на этот случай в доме был оборудован небольшой тренажерный зал, где я и вымещала все негативные эмоции.

Но все шло наперекосяк и самым разумным сейчас было дослушать до конца произведение неизвестного автора, чтобы потом крушить все вокруг с чистой совестью.

— День второй! Нормальной жизнью и не пахло, — подытожила я, чувствуя, что в словах старика слишком много правды.

И все бы хорошо, но вместо «но рье де рьен» в исполнении Эдит Пиаф, в мозгу пульсировал психопатически верный ритм подростковой отбитой песенки «Shimmi shimmi ya». Та самая, под которую я одной темной холодной ночью отпиливала голову Алексу Фарроту в морге.

Поток воспоминаний благо был прерван колонной отбывающих. Во главе шествовала Кассандра, с выражением обиды на лице, затем Доба — раздраженный, виноватый и возмущенный одновременно, а замыкала эту цепочку Сьюзан — растерянная до нельзя.

Когда вся троица поравнялась со мной, Кася резко остановилась и полупшепотом поведала:

— У нас срочные дела в городе..., - ее глаза забегали по сторонам. — Масло закончилось! А еще углей для жаровни надо купить, на вечер я запланировала потрясающее блюдо.

Завидев Керо, который уже возвращался с дорожной сумкой, женщина выпрямилась и адресовала самую теплую улыбку гостю.

— Вы тут, в общем поговорите, мы, если что, надолго! — более прозрачного намека я в жизни не получала.

— А мне зачем ехать? Угля завались в сарае! Им двух часов за глаза хватит! — не выдержал Доба, но Кася тут же цыкнула на него. — Я могу просто в дом не заходить!

Сью прочитала слова по губам Добы, вспыхнула, и отвернулась, пряча улыбку.

— Смолкни! — Кася страшно выпучила глаза на мужа. — Не позорь меня!

Все бы хорошо, но в этот момент послышался гул катера и вдалеке, я увидела знакомый силуэт с фигурами, облаченными в черное — команда, во главе с Андридже, сегодня должна была завершить монтаж оборудования, начатый накануне.

— Тьфу, ты! Еще и этих несет, — выругалась Кассандра и понесла свое пышное тело к пирсу, размахивая руками.

Керо с любопытством следил за творящимся таинством создания для нас интимной обстановки, с поразительной стойкостью сохраняя на лице невозмутимое выражение.

— Что-то случилось?

— Да, — тяжело вздохнула я, закусывая губу.

К этому моменту, Кася вступила в диалог с Андридже, я слышала только обрывки возмущенный фраз.

— Заявились, окаянные, у вас полгода времени было! Свободны на сегодня!

— Я тебе вылезу из лодки, а ну, обратно!

— Гости у нас! Все, ничего не знаю! Завтра провода докрутите!

Бойкая Кассандра замахнулась широкой сумкой на Андридже, который хотел было отмахнуться, но тут парень, бросил взгляд на Сьюзан и я обомлела.

Девушка поменялась в лице, едва пряча обожание и только коротко помотав головой, она остановила высокого мужчину, который и меня-то редко слушал столь беспрекословно.

— Чтоб меня... — не сдержалась я, подскочив, как ужаленная, и сделала шаг к этой компании, чтобы убедиться в своей догадке.

Будто прочитав мои мысли, вся компания погрузилась на плавсредства. Доба завел мотор нашего катера и рванул первым.

Не глядя в мою сторону, Андридже последовал его примеру.

— Только не говори, что это из-за меня, — сказал Керо.

— Из-за тебя! — я выдавила улыбку в ответ, отмахиваясь от дурного предчувствия. — Не переживай. Идем, я тебе комнату покажу. Отдохни с дороги, я тоже пойду душ приму, а потом поговорим.

Наши отношения с Керо давно перешли стандартную схему, в которой людям принято флиртовать и соблазнять. Как ни странно, но я хотела его каждой клеточкой своего тела, ощущая взаимность. И в любой момент, можно было уступить накопившейся между нами страсти, вот только, кажется, мы оба наслаждались подобной ситуацией. Будто знали, что впереди для нас еще много времени.

16 глава

Абсолютная тишина, царившая за столом, была скрашена шумом прибоя, который был едва ли не лучшим лейтмотивом странного ужина.

Керо приходилось концентрироваться на том, чтобы контролировать себя. Он едва улавливал вкус еды, с трудом переваривая странное чувство полной зависимости от другого человека. Сосредотачиваться исключительно на содержимом своей тарелки, было невероятно трудно, благо, что кулинарные таланты Кассандры превзошли все ожидания.

Лишь изредка тишину нарушало поскуливание Ренко и тихий стук столовых приборов.

Песик соизволил изменить хозяину и не отходил от Керо, следуя за гостем по пятам. Едва собака подавала голос, Окуш начинала тихо рычать, призывая не забывать с чьей руки они кормятся, немедленно одуматься и вернуть пламенную любовь к Добе. Любимице старика было позволено присутствовать в доме и сидеть около стола. Но Ренко почувствовал прилив оптимизма, когда Керо начал его втихаря кормить кусочками ветчины, которую таскал со стола.

Рассадка была произведена весьма разумно и Аврора сидела по левую руку от своего визави. Доба молчал, Кася улыбалась и жевала сырное суфле, Сью — само воплощение смирения и покорности. Вот только почему так странно вела себя хозяйка?

Слишком много фактов из жизни Авроры не особо складывались с образом барной певички, которая была не дура приложиться к крепкому спиртному и охотно заводила новые

знакомства с мужчинами.

Керо не любил ошибаться, но в этом случае промашка способствовала тому, что он окончательно и бесповоротно был очарован необычной женщиной, которую мог назвать настоящей.

К ужину она надела красное платье. Классическое, идеально скроенное, оно лишь немного открывало грудь и почти полностью плечи. Золотистые волосы были уложены в простую прическу, которая выгодно открывала шею. Помада подобрана в тон к одежде. Она казалась воплощением спокойствия, но Аврора глаз не сводила со Сьюзан и лишь изредка миндалевидные карие капли вспыхивали холодным огнем.

Значит, сегодня вечером не только Керо приходится сдерживаться.

Красное платье Керо, в мыслях, уже несколько раз разодрал зубами в клочья, что не на шутку его встревожило. Никогда прежде его не волновала так сильно ни одна женщина.

Красота во плоти, за которой скрывалась, не свойственная слабому полу, сила. Да, буквально, физическая сила. Ночь в доме прошла не совсем спокойно. То и дело хлопала входная дверь.

Не в силах уснуть, Керо решил ознакомиться с девяносто шестой серией Тома и Джерри, в недоумении просмотрев ее несколько раз — песня дядюшки Пекоса это нечто!

После очередного хлопка двери, он не выдержал и вышел посмотреть в чем дело. В доме было тихо и только в окнах, на улице мелькал чей-то силуэт. Припав к окну, Керо увидел, что это была Аврора.

Облаченная в слаксы и кроссовки, она делала... разминку.

Часы бесстрастно показывали почти три часа ночи.

Спустя несколько минут, она замерла, глядя на широкий диск полной луны, которая вот-вот должна была спрятаться за горный хребет, на противоположном берегу. Девушка пошла на пирс, сделала упор на руки и принялась отжиматься.

Ближе к сотне, Керо сбился со счета.

Будто замороженный он наблюдал за тем, с какой легкостью Аврора справляется с колоссальной нагрузкой.

Затем снова растяжка — замысловатая, явно гибрид движений из йоги и тулей восточных единоборств.

Еще полчаса сложных пасов руками и ногами, с неожиданными сальто назад-вперед. Казалось, еще немного и Аврора взлетит, ее тело буквально порхало в воздухе, настолько легко давались ей пируэты.

Словно замороженный, Керо подловил себя на том, что наблюдает за этой женщиной задержав дыхание. Насколько же это было в новинку для него. Он давно оставил попытки предсказать поведение Авроры, хотя бы на пять минут, но пожалуй, это в ней и нравилось больше всего.

Непосредственная, скрытная, недоверчивая, вспыльчивая, подверженная немотивированной агрессии, со странным комплексом справедливости и своеобразной моралью — Аврора была единственной, с кем Кероан хотел был рядом.

Этот вывод дался ему совсем недавно и с огромным трудом. И хотя, Лоудверч, не верил в то, что некую любовь можно воспринимать хоть сколько либо всерьез, не путая с обыкновенной похотью, Аврора заронила тень сомнения.

Правда ирония состояла в том, что эта женщина, кажется относилась к романтике с тем же скептицизмом, что и он сам. В то же время, она совершенно не скрывала того, что

погибает от животного желания. Моментами, эти чувства грозили вырваться и Керо, приходилось призвать на выручку всю свою выдержку.

Особенно, когда он заметил одинокую шелковую подвязку, которая украшала бедро Авроры, когда она присела на стул, услужливо им отодвинутым, чтобы поухаживать за дамой в начале ужина. Отсутствие чулок, не было поводом, отказывать себе в ношении столь интимного аксессуара, явно тщательно скрытого, под довольно длинным платьем. Значит, вещь была надета лишь для комфорта хозяйки, ради особых ощущений, самовосприятия и явного подогрева определенных чувств.

Керо пришлось сделать глубокий резкий вдох и последующий за ним длинный, медленный выдох, чтобы с более менее спокойным видом присесть рядом с Авророй, после столь неожиданного открытия.

Помимо этого возникла еще одна проблема. В присутствии Авроры, Керо почти превращался в глупца. Здесь задевалось не самолюбие или гордость — эти качества Лоудверч долго искоренял в себе, но способность здраво мыслить в любой ситуации не редко спасала его, особенно учитывая тот факт, что работа подразумевала работу в горячих точках по всему миру.

«Еще рано...»

Боковым зрением, Аврора прекрасно охватывала, всех сидящих за столом.

Сьюзан наконец-то решила нарушить молчание.

— «Кассандра, я не припомню, когда ела устриц вкуснее! Сделаешь такие на мой день рождения?», — спросила девушка на языке жестов.

Кася довольно улыбнулась и сделала рукой простой жест полный душевного расположения:

— «Конечно, милая».

— Кстати, о твоём дне рождения, — Аврора подала голос, по прежнему, с аппетитом уплетая моллюсков. — Расскажи подробнее о докторе, которого ты чудом нашла.

Дочитав слова по губам, Сьюзан напряглась. Обманчивое спокойствие Авроры не сулило ничего хорошего, уж лучше бы она кричала и махала руками, как обычно.

К слову, за столом на секунду повисло гробовое молчание. Кроме Керо замерли все, в то время, как парень с удовольствием дегустировал местное белое вино. В его глазах на секунду промелькнуло живое любопытство и он уставился на Сью, в ожидании ее рассказа.

— «Это профессор Джон Уичет. Он разработал нейростимулятор, который вживляется в верхнюю височную извилину доминантного полушария. Вот тут слева..., - жесты девушки прервались на секунду и она откинула прядь волос, чтобы показать место на голове, немного выше левого уха. — Результаты потрясающие, клинические испытания показывают, что у девяноста семи процентов пациентов, с врожденным дефектом слуха или полной глухотой, функция восстанавливается в течении полугода».

— Надо же! Чудеса! — небрежно ответила Аврора, после чего взяла в руки еще одну раковину с устрицей. Она медленно поднесла к ней дольку лимона и не спеша выдавила сок, наслаждаясь самим процессом.

И, так как никто не удосужился, затруднить себя переводом для Керо, парень все же без труда понял, что любые слова и доводы Сьюзан — пустой звук для Авроры. А вопрос был задан, только для того, чтобы в итоге, без разбора доводов сказать твердое нет.

— «Да, на первый взгляд, это кажется невероятным, тем более что широкого применения данная методика не получила. Там какие-то бюрократические проволочки...»

На эту фразу, Аврора даже не удосужилась поднять глаза, чтобы выслушать девушку. Как же легко было игнорировать человека в данном случае — всего лишь отвести глаза. Лицо Сьюзан покраснелось. Когда она осознала этот факт, то прибегла к старому проверенному способу, чтобы привлечь внимание своей опекуни.

На стол пришелся ощутимый удар кулаком, Кася вздрогнула от неожиданности, стараясь держать накатившие слезы в глазах. Доба сидел рядом — угрюмый, с осуждающим взглядом.

Аврора медленно подняла глаза на свою тетку, после чего грациозно вытерла губы салфеткой и выпрямила спину.

— А теперь главный вопрос, дорогая. Кто тебе рассказал о профессоре Уичете?

Решимость Сьюзан мгновенно дала трещину, и ее глаза забегали по сторонам, выдавая панику.

— Это был я, — просто и без обиняков прозвучал голос Керо.

В этот момент, казалось, даже собаки затаили дыхание. Сказанное, без тени заносчивости или вызова, преобразило Аврору до неузнаваемости, и ее глаза вспыхнули от обиды и возмущения, словно ей только что засадили нож в спину.

«Вот насколько она отстала от жизни собственной семьи! Родня плела какие-то интриги с подачи ее немногочисленных знакомых!»

По своей силе, чувства, накрывшие Аврору, были сродни удару битой по голове, но она не оправдывала бы свой ценник на поприще наемников, если бы не умела справляться с подобными ситуациями.

Она долила себе в рюмку траварицы, изящно выгнула бровь и слегка повернула голову в сторону Керо.

— Я прошу прощения, если стал причиной раздоров в вашем доме, но у меня и в мыслях не было, дарить напрасную надежду кому-либо. Если ты позволишь, я бы хотел убедить тебя, что методика профессора Уичера, уникальна и эффективна. Можно съездить хотя бы на консультацию...

Реакции со стороны Авроры не последовало. От ее тела волнами исходила раскаленная до бела ярость, да так, что казалась ее кожа сейчас начнет источать ее ядовитыми каплями, чтобы спасти организм от саморазрушения.

Керо невольно содрогнулся.

— Ты был прав... Действительно, на этом острове не бывает случайных людей.

Аврора бросила это Керо самым бесцеремонным тоном, швырнула на стол салфетку и порывисто вышла на улицу.

Снова повисла гнетущая тишина, к которой присоединились тихие хлопанья носом со стороны Сью. Кассандра тяжело отодвинула стул и подошла к девочке, чтобы утешить ее.

Обхватив голову теплыми, пухлыми руками, она гладила черные волосы и что-то бормотала, будто позабыв, что слова утешения Сьюзан не услышит.

— Ты ключи с катера спрятал? — внезапно спросила Кася у мужа.

— Спрятал, — ответил Доба, подливая себе граппы.

— А с водного скутера?

— Ага, и с него тоже. Я тебе больше скажу, я даже топливо слил и запрятал в кустах, — опрокинув в себя стопку, Доба поднялся и вышел из гостиной. Он с шумом, что-то искал на кухне и через пару минут появился с занятным набором вещей в руках.

— Вот держи.

Доба сунул в руки Керо свернутое одеяло, фонарик и карту.

— Это карта острова. Давай, повнимательнее, объяснять два раза не буду. Вот тут у нее гамак запрятан, как раз на случай, вот такого бзыка. Обычное дело, правда, Кася уже задолбалась его от пыли чистить. Хозяйка вспльчивая у нас по натуре и у нее не получается успокоиться, сидя на одном месте, вечно нестись надо куда-то. Вот, раньше в город моталась — прыгнет в катер и была такова. И хорошо, если трезвая. Так однажды, ее в открытое море понесло, бензин закончился и пришлось с береговой охраной искать эту бедонку. Помнишь Касюнь?

— Ой, и перепугались мы тогда! — поддакнула женщина.

— Понятно, а одеяло зачем?

Доба, смутился и почесал неловко затылок.

— Не, ну, не на сырой же земле вы там будете... То есть ты будешь спать! Сейчас Аврорку волоком в дом не затянешь, пока она пар не выпустить. Она же глава семьи! Мы к этому не касаемся... А там мозгов меньше, чем гонора! Перебесится на свежем воздухе, а под утро, глядишь ее и отпустит.

— Доба, ты пометь-ка место с гамачком крестиком. Человеку удобнее будет.

— Неси ручку, женщина, — старик махнул рукой.

Кася метнулась к старинному секретеру, стоявшему рядом с окном, сунул ручку и скрылась на кухне, зашелестев пакетами.

— Смотри, не забреди на скалы, там ноги переломаешь. Вот тут обойди, проход будет тропинкой тянуться. Ее плохо видно. Ренко бери с собой. Если что — собака выведет обратно. Утром они сбегаются на кормежку. Тут и звать не надо...

Старик заливисто рассмеялся, в то время, как Керо вообще, перестал понимать этих странных людей.

В добавок к походному набору, Кася сунула пакет со сладостями.

— Я тут эклерчиков напекла. Аврора, пока сладеньким не закусит, не оттает. Это первое дело. Ну, иди, дорогой, вам много о чем поговорить надо будет.

Тут снова послышался смешок Добы, но уже с двусмысленным подтекстом.

Керо, поправил поклажу на руках и подошел к Сью. Он присел на колени и посмотрел на девушку.

— Я обещаю, тебе, что уговорю Аврору! Мы обязательно увидимся с профессором. Не переживай! Тут у вас и не такое случалось, да?

Слабая улыбка Сью засияла на лице.

— Вот и славно!

Керо рассеяно глянул на карту и вышел на улицу.

— Вперед, Казанова! — гаркнул напоследок Доба, за что получил от жены затрещину. — Вот увидишь, он и без твоих эклерчиков ее уломает! Спорим?

— А ну иди спать, надрался и несешь тут чепуху, старый! Ух я тебя!

— Ты бугая предупредил, чтобы из своей будки не вылезал сегодня?

«Бугаями» Кася называла охранников, которые дежурили на острове каждую ночь в специально оборудованном вагончике, надежно укрытом от посторонних взглядов.

— Ой! — Доба поморщился. — Говорит, что у него строгая инструкция.

— Это что же получается?! А вдруг он на них наткнется? — пожилая пара принялась убирать со стола. Сюзан молча помогала, внимательно следя за их разговорам по губам. Под ногами то и дело путались собаки. Несмотря на поздний час никто не чувствовал

сонливости.

— Эка невидаль! Чего он там не видел? Пусть, вообще, ее сначала найдет, а то эти городские те еще следопыты. Одна надежда на Ренко.

— Думаешь убьется? — вздрогнула Кася, по привычке судорожно схватившись за фартук.

— Да он знает территорию получше нас с тобой.

— Тьфу ты, пень старый, я не про твою псину! Если парнишка зашибется, Аврора с нас душу вытрясет. Ох!

Женщина тяжело припала бедром к кухонной мойке, и немигающим взглядом уставилась на пол.

— Через часик пойдешь проверить, — твердо выдала Кася.

— Еще я там свечки не держал? — Доба поборол желание скрутить жене дулю. — Все! Сил моих больше нет, давай помогу тарелки перетереть, домывай быстрее и идем спать.

Кася поджала губы, но мужа послушала.

— Попомнишь мое слово, пока эта вертихвостка наконец поймет, что ей надо детишек нарожать шгуки три и замуж выскочить, мы с тобой уляжемся рядом с Кимберли на холмике рядом, под камушком мраморным.

— Да, что же ты молотишь?! — Кассандра огрела мужа полотенцем, отработанным, метким, болезненным ударом.

Доба хрипло засмеялся, вяло отбиваясь от ударов жены, но вдруг посерьезнел и поджал губы, что было для него выражением глубокой тревоги.

— Чует мое сердце, что Аврора ненадолго вернулась. Надо будет завтра с утра пораньше позвонить Вдрогису. А то бедолага так и не согласует свои вопросы никогда.

Кассандра согласно кивнула, тут же позабыв о воинственном настрое к мужу. Женщина вернулась к раковине, но на полпути остановилась и подошла к шкафчику, который украшала красивая кружевная салфетка, взяла в руки раритетный будильник и установила сигнал на семь утра.

— Чтоб наворачивать! — пояснила она.

Петер Вдрогис вел все финансовые дела Авроры и зарекомендовал себя как исполнительный, ответственный и совершенно непосредственный человек, для которого достижение поставленной цели, являлось лишь вопросом времени. Он использовал весь законный и незаконный потенциал всех доступных возможностей, нередко балансируя на грани, но полностью оправдывал свой ценник и порой эксцентричное поведение.

Керо с удовольствием окунулся в зыбкую ночную тень. Соленый запах моря и трели сверчков были куда более приятным аккомпанементом, после сотни наставлений, советов и ненужных вопросов суетливой пожилой пары.

Карта, одеяло, фонарик и преданный пес, казались, смехотворной бутафорией, ведь внутри росла уверенность, что Авроре нужно побыть одной. Эта женщина с трудом переносила свое пребывание в родном доме, но хорошо это скрывала.

Как странно. До этого момента Керо ни разу не видел Аврору в панике. Что было весьма странно, учитывая ее загадочные поездки. Скрывать что-то приятное и законное не было никакого смысла, по мнению Лоудверча, только темные делишки покрывались флером

загадки с мерзким душком.

Маленький пес уверенно семенил рядом, пока Керо уверенно шагал к месту, обозначенному Добой. Сверток с одеялом и снедью то и дело сползал. На дорогу ушло не больше четверти часа и противоположный край острова вынырнул из полуночного мрака роши, мутным блеском вальяжных волн, врезающихся в белесый песок, который сейчас был красивого оттенка светлого асфальта.

Абсолютная тишина, если не считать прибоя. Ни гамака среди деревьев, ни Авроры. Но Керо не мог сказать, что чувствовал себя в полном одиночестве. Интуиция его подводила редко, а потому можно было предположить, что она скрывалась от его глаз нарочно, но и уходить не собиралась, путаясь в противоречивых чувствах, столь свойственных дамам.

Как бы то ни было, рыскать в поисках Авроры по ночи было совершенно бессмысленно на незнакомой территории. Оставался лишь один вариант — ловить на живца.

Вполне удовлетворившись данным умозаключением, Керо взмахнул в воздухе покрывалом, расстелил его недалеко от линии прибоя, выключил фонарик и удобно устроился, наслаждаясь невероятным видом. К тому же, аромат, исходивший от пирожных так и манил их попробовать.

Эклеры оказались изумительными на вкус. Аромат карибской ванили, казалось, заполнил все тело, перебив даже соленый запах морской воды. Количество лакомства стремительно умещалось в свертке, как вдруг, Керо даже не увидел, а почувствовал, что больше не один. Повернув голову, он с изумлением понял, что Аврора сидит рядом с ним и при этом смотрит на него с укором.

— Ты разорил мои надежды на покой, а теперь еще, я практически, осталась без сладкого!

— По поводу последнего могу сказать, что такова участь всех обиженных и уязвленных по мелочам.

Брезгливо поморщившись от этих слов, Аврора даже не пыталась скрывать, что пребывает в крайней степени раздражения и ее едва не передергивало от необходимости сдерживать льющйся изнутри яд.

— Прими поздравления! С миссией, с которой ты сюда спешил, ты справился на ура. Горизонт свободен. Водное такси работает до трех часов ночи.

«Первая подача!»

— Мимо, дорогая! — Керо продолжал радовать глаз легкой улыбкой, которая была признаком уверенности и заставляла сердце Авроры биться чаще. — Это легкое недоразумение, учитывая твою реакцию, но с этим я уверен, ты как-нибудь справишься. Я приехал исключительно ради тебя. Хотя нет! Тут уж покривил душой. Ради себя! Потому что последние полгода, все мысли так или иначе сходились на тебе.

«Гейм!»

Жующие движения рядом, в исполнении обиженной женщины не замерли ни на секунду, она едва успела подавить фырканье, что с ее стороны было признаком сомнения. Но тон разговора был уже ясен — судьбоносные выводы уже плясали джигу... Ну, или слышалась напевная музыка Лакримозы, где грешники и праведники будут разделены навсегда, получив каждый свою награду.

— Как жаль, что само слово «любовь» затерли пренебрежением и похотью. Хотя, куда без последней? Мне довольно трудно спокойно об этом говорить, когда ты в такой близости от меня, пусть даже с набитым ртом, чтобы не вырвалось чего лишнего, пылаешь от злости,

и не вполне разобралась зачем мы с тобой, вообще, впадаем в катарсис, когда видим друг друга, — Керо поднял голову, уставившись на звездное небо, после чего Аврора услышала вздох такой тяжелой, полный горечи и давнешних сожалений, что на секунду ее пробрал озноб, но прозвучавшие слова звучали наоборот — полные долгожданной надеждой.

В темноте, Аврора видела прекрасно и потому не могла оторваться от лица Кероана, который устало улегся не сводя глаз с ночного неба. Он простер руку, будто приглашая девушку прилечь с ним рядом.

— Меня всегда завораживали звезды. Ничего более вечного, загадочного и прекрасного я представить не могу. Твое имя, как и ты сама, вызывает во мне схожие переживания, Аврора. А-в-р-о-р-а... Предвестница прихода солнца, новое начало, новая жизнь каждого дня. Не осознавая того сам, я только недавно понял насколько ты изменила меня только тем фактом, что просто существуешь, здесь на отчужденном островке, покрытая толстым слоем ответственности, с гнетом своих тайн, которые ты никогда мне не откроешь, но я этого и не жажду. Мне хорошо и так... Сейчас я счастлив и едва ли имею права требовать от тебя больше, хотя и жажду этого. Я долго не мог придумать предлог, чтобы пригласить тебя в Лондон, чтобы ты больше узнала о моей жизни.

«Матч!»

В этот момент яркая звездная россыпь померкла и Керо понял, что Аврора нависла над ним, уверенно усевшись сверху. Он почувствовал, как ее била мелкая дрожь. Девушка склонилась над его лицом еще ниже, так что можно было ощутить ее дыхание.

Едва не касаясь своими губами губ Керо, Аврора буквально выдохнула вопрос:

— Предлогом была Сьюзан, значит, твои слова про возможное исцеление ложь?

Одним мощным движением Керо перевернул девушку на спину. Он придавил ее своим телом, даже не стараясь облегчить вес. Аврора поразились тому насколько тяжелым и жилистым оказался Керо. Его пальцы стальными обручами сжали ее запястья, припечатывая к мягкому песку.

— Я и к манипуляциям могу прибегнуть, дорогая! — внезапно хищные нотки в его низком голосе, выбили все мысли о возмущении и тем более сопротивлении — слишком много соблазна было в этой угрозе. Простых задач Аврора не любила. — Твоя тетка в любом случае будет в выгоде. Ее легко понять! Такой возраст, что ошибки совершаются фатальные и лучше их отвлечь и заманить возможностью совершить другую, менее опасную ошибку. Депрессия депрессии рознь.

— О чем ты говоришь, Керо? — Аврора поняла, что он мягко подводит ее к не особо хорошим новостям.

— С чего ты думаешь она так резко изменила свое мнение о новых консультациях? Я не хотел ей ничего конкретного обещать, потому и просил о встрече с тобой. Девочка уже выросла... Ты не заметила?

— Перестань ходить вокруг да около! — Аврора стала с силой вырываться, чувствуя, как разум с новой силой застигает раскаленное бешенство.

— Сьюзан влюблена, — подражая ей самой, Керо ответил едва касаясь губами губ женщины, которую хотел каждой клеточкой тела.

Все догадки, от которых Аврора до сих пор отмахивалась слились в одну белую раскаленную точку. Все чувства схлынули и девушка даже перестала дышать, словно все силы организма были брошены на то, чтобы за секунды вычислить человека, посягнувшего на честь невинной Сьюзан.

«Андридже!»

Ответ был найден слишком быстро.

Керо показалось, что все тело Авроры превратилось в глыбу мрамора, даже ее кожа попрохладнела, а лицо едва ли отличалось от оттенка белесого песка. Впрочем, с манипуляциями так и бывает, а потому, со следующим ходом, долгожданным и желанным, можно было не затягивать.

— Дай телефон, мне позвонить на..., - только и успела сказать Аврора, как поцелуй застиг ее врасплох. Жадный, не сдержанный, на грани боли, от которого из легких мигом исчез весь воздух.

Казалось, что Керо знал, что ей нужно лучше, чем она сама.

Все было не последовательно, без явного плана действий — голая импровизация, против которой не было приема. Тело уже разрывало на части от наслаждения и ярости. Последнее играло роль приправы, но не как в паназиатской кухне, а словно кушать было подано в уличной индийской забегаловке, где количество перца в тарелке только и могло ее продезинфицировать.

«Боже, о чем я думаю?!» — обреченно пронеслось в голове Авроры, когда одна рука Керо наконец-то медленно двинулась по ее бедру вверх, на секунду задержавшись на подвязке. — Хорошо! Я прикончу Андридже завтра!»

"Сет! И частичная капитуляция... Разгромный матч."

В доме царила абсолютная тишина.

Спальня пожилой пары, погруженная в полумрак тоже отличалась редким явлением, таким как тишина, потому что оба ее обитателя не спали. В силу возраста оба храпели одинаково громко, когда крепкий сон окутывал Добу и Кассандру.

Но вот, голова старика дернулась, будто рядом просвистела пуля — резко и помолодецки.

— Ренко вернулся, — уверенно произнес мужчина и через мгновение семенящий цокот коготков, услышала и Кася. — Значит, довел паренька до хозяйки. Кажись, дело пошло...

— Ты думаешь? У меня мороз по коже от этого Керо. Сам голыдьба голыдьбой, как посмотришь такой простенький, а как глянет, прям душа в пятки уходит, но вот, опять улыбнется и вроде нормальный мальчишка.

Доба пожал плечами.

— Ты же знаешь, хозяйку, ее мало деньги волнуют. Со своими уже не знает куда сунуться. Свобода — это длинная женская юбка, которую если не придерживать, она будет мешаться и в итоге, ты упадешь, запутавшись в ней. А это плохо.

— Почему?

— Скучно ей здесь станет с нами, вот увидишь.

Песик глухо гавкнул, чтобы Доба удостоил его вниманием.

— Что ты там опять притащил?

Старик недоуменно вертел в руках кусок ткани. Кассандра включила ночник на прикроватной тумбочке и охнула, когда узнала в замызганной вещице кружевную подвязку Авроры. Выхватив ее из рук мужа, она дала ему легкий подзатыльник, когда тот рассмеялся.

— Я же говорю, нашей хозяйке не нужен нормальный мужик. Вот с прибабахом и подобрался.

— С каким прибабахом, что ты несешь?

— А вот, это, моя дорогая, нам покажет время... Все, давай спать. С этими двумя явно

все в порядке. Ложись, ложись... Ренко, молодец! А теперь, место!

Как непривычно было позволять держать себя за руку, хотя Аврора и не совсем могла понять, откуда у нее этот бзык. Ах, да! Не подпускать к себе посторонних. Лишние привязанности — ненужные мысли. А Керо посторонний?

Самая странная категория людей, с которой приходилось сталкиваться до этого. Такой же замкнутый и немногословный тип, как и персонаж Брэда Питта в фильме «Знакомьтесь, Джо Блэк».

Хм, какая странная, но точная ассоциация. Правда там, все было не особо весело. Главная героиня спала с самой Смертью. Убийственный опыт, как ни крути!

В реальной жизни, Аврора прибегала ко всем возможным способам, чтобы избежать близкое столкновение с пресловутым персонажем, завернутым в черный балахон и с косой наперевес.

К чему тогда такая ассоциация с Керо? Ах, да...

Нелюбовь к переменам! Сознание взбунтовалось против привычной одинокой гонки выживания.

И хваленная физическая форма, в коем-то веке дала слабину. Все тело тихо ныло от сладкой боли. Ох, уж этот подавляемый мазохизм.

Значит, силовые тренировки, были недостаточно силовыми, если после одной бурной ночи, почти каждую мышцу можно было ощутить. К боли это не имело отношения. Аврора давно забыла, что боли нужно бояться или обращать на нее внимание. И тут получается, что не теми мышцами она пользовалась.

Все странно...

Пресловутая эйфория, продиктованная адским коктейлем гормонов, которые бурлили в крови, не должна была ничем притупляться, учитывая, что Керо в данную минуту был рядом, и судя по всему, не собирался никуда исчезать.

Его пальцы крепко сжимали ладонь женщины, которая уже точно знала, что невозможно представить обстоятельства, при которых им придется возненавидеть друг друга, хотя поводов для ссор будет много.

Авроре не нравилось, как Керо переломил ее желание свернуть шею Андридже, что теперь было лишь вопросом времени, но куда большее потрясение вызвал тот факт, что до сих пор она ни разу не прикидывала каким способом ей прикончить самого Керо. В случае необходимости.

Прошедшая ночь чередовалась вспышками страсти и минутами абсолютного умиротворения, которое проходило в полной тишине, будто не было никаких вопросов между любовниками. Керо, как замороженный всматривался в звездное небо, наслаждаясь, тем, что Аврора наконец-то перестала метаться, в своем желании доказать ему, что ничего особенного между ними не происходит, и просто приникла к нему всем телом.

Лишь раз она резко подняла голову и куда-то показала пальцем.

— Ты посмотри! У нас в бухте редко бывают «скромные» яхты, но что это за чудо?

Пришлось немного напрячь зрение, чтобы рассмотреть тихо скользящую по волнам роскошную посудину.

— Явно на заказ выполнено! — решительно сказала Авроры и саркастично

хмыкнула. — На Аззам чем-то похожа.

— Аззам, малютка, по сравнению с этим экземпляром, и что здесь шейх забыл?

— Туше! — рассмеялась Аврора. Удивительно, если бы Керо не изучал периодически рейтинги самых дорогих яхт, учитывая его мечту. — Даже смешно, как Нахайям трясется над ней. Казалось, бы он себе этих яхт может позволить, хоть каждый месяц покупать, а оказалось, что в своей каюте он выложил стены каким-то редким мрамором, в котором сплошь останки трилобитов. Но ему и этого было мало. Бедолага, додумался инкрустировать их золотом, ну, как-бы обвел поконтурам. Такая хрень получилась, если честно...

— Ты так об этом говоришь, будто сама наблюдала за этим процессом, — в шутку заметил Керо и тут Аврора поняла, что ляпнула лишнего, потому что он был не далек от истины.

С самим шейхом она лично не была знакома, но вот с его личным телохранителем, жизнь свела в Абу-Даби. Это был один из тех частных заказов, которые Аврора так редко брала в перерывах между «крупными» делами. Нужно было вывезти из Китая дочку крупного чиновника, с которой шейха завязался бурный роман. Девушка всерьез задумалась сменить религию и присоединиться к гарему возлюбленного на законных правах или в качестве любовницы.

Казалось, бы легкое дельце обернулось серьезной проблемой. Кажется, эта дуреха проболталась кому-то из родни и пришлось полторы недели кумекать в провинции Гуйчжоу, и мелкими перебежками пробираться к южной границе с Лаосом.

Чипсов из бычьей шкуры тогда Аврора наелась на всю жизнь вперед. Но выбор был не велик. Или это, или строгая диета на дайконе, от которой начинало жутко пучить живот.

Ах, воспоминания!

— Ты бы не хотела себе такую?

— Пфф! Я тут машину прикупила, и не знаю куда ее деть, — запертый на гоночном треке красавец Макларен все больше озадачивал свою хозяйку. Кажется, она одна дала маху с заветной мечтой. — Это кого же на такие бабки развели? Как пить дать, какого-нибудь идиота из Монако, ну, или главного наркоторовца Южного полушария. У этих ребят вкус тот еще. Эх, жаль, что название рассмотреть нельзя. Наверняка нечто мудреное и вычурное.

— И со многими наркоторговцами ты знакома?

— Вот уж от чего судьба уберегла. Да, да... Не смейся, тут твоя «фатум» не сплеховала. Меня начинает трясти от одной только мысли, об этих ублюдках. А тебя?

— Меня трясет, только от того, что ты рядом, — полусмешливый тон, и хриплый голос, за секунду отвлекли Аврору от не весть откуда налетевших мыслей. Она снова машинально почесала дядюшку Пекоса и покачала головой.

— «То голос погибли сладкозвучный. Я тут же к нему отзовусь!» — вольный перевод с испанского старинной песни пришелся как нельзя кстати, и Аврора безропотно дала уложить себя на песок.

Ей нравилось, как этот мужчина смотрел на нее, насколько открытым он стал. Даже его голос неувовимо изменился, появился оттенок трогательной заботы, исчезла легкая добрая ирония и настороженность.

«Попалась!»

Блаженство, нисходящее к легкой стадии дебилизма, тяжелая походка и едва заметная хромота, будто всю ночь пришлось заниматься конкурром, дополнялись отвратительным внешним видом: размазанная тушь, свежие синяки на самых видных местах, воронье гнездо

на голове и прокусанная нижняя губа.

И паника.

Хорошо спрятанная, основательная, которая пришла надолго, а все потому, что теперь нет возможности отказаться от предложенных перемен.

Поездка в Лондон, внезапно, превратилась в цель.

Стоило любыми доступными средствами изолировать Сьюзан от Андридже, который, впрочем, свое получит.

И тут возникло целых два предлога, оба, разумеется, уважительные. Во-первых, если появилась возможность вернуть частично слух Сьюзан, то это будет самым замечательным событием для девочки, а во-вторых, можно будет навести справки на счет Сомерсбри и разведать обстановку на Графтон сквер 36.

К слову сказать, Кери тоже шел мрачнее тучи, но его ощущения шли от обратного. И были крайне схожи с тем, что переживала сейчас Аврора.

Они, вообще, были очень похожи.

Осознавать свою полную зависимость от одного человека, было сродни полной капитуляции и пожизненному рабству, добровольному и желанному. Все к тому шло. Долгий срок этого знакомства, ненормальное спокойствие редких встреч и пристальный, цепкий взгляд Кери, полный любопытства, и будто навсегда приставший к Авроре.

Кстати, выяснилась еще одна подробность свойственная Лоудверчу — зачастую даже во время поцелуя, он редко закрывал глаза, будто боялся, что все с ним происходит не наяву и женщина, которую он держал в объятиях, в любой момент исчезнет.

Теперь его легендарное самообладание оказалось фикцией, ну, или суперспособностью. За прошедшую ночь, Аврора убедилась, что стоит ей только прикоснуться к нему, поманить или еще как-то намекнуть, на то, что она его хочет, как Кери буквально с цепи срывался... Проверка была проведена дважды, для чистоты эксперимента.

Свершилось.

Это что же теперь получается? Ходить за ручку и зажиматься по углам. Спим вместе, едим вместе, по магазинам тоже вместе. Он ко мне переедет, или я к нему? Планы, планы, планы...

Стабильность, обыденность, притирки, быт. Прости, Господи...определенность! А это сама губительная вещь для страсти. Главное не спешить и не запикивать знакомство в несколько лет длинной, в рамки затертого определения любви.

Казалось, бы камень с души упал, когда оба убедились, что их чувства взаимны, но нет. Над Кери нависла мысль, о том, что непредсказуемая натура этой женщины возьмет верх и она переменит свое благорасположение к нему, в то время как Аврора, шла опустив плечи, под гнетом тайны своего истинного ремесла. Если Кери узнает кто она на самом деле...Ох!

Никто не будет любить безжалостную убийцу.

В этот момент его ладонь еще крепче сжала ее пальцы.

Они не заметили, как добрались до дома — уставшие, грязные, мрачные. Сейчас был тот самый момент, когда следовало нарушить молчание. Уж слишком все было объяснимо и предсказуемо. Она остановилась, как вкопанная, из-за чего резко дернулась рука Кери.

— Я думала, что между нами все изменится, когда мы сблизимся, — на удивлении ровным тоном сказала девушка и в ее голосе внезапно зазвучала глубина разочарования.

— Но? — спросил Кери мягко и печальной улыбкой, будто и здесь ей не удалось его ни чем удивить.

— Ты всегда был для меня некой идеей фикс, но в крайне приятном смысле. Мне нравились мои мысли о тебе и то, как украдкой случаются наши встречи. Не имея никаких вещественных подкреплений твоим словам, я всегда принимала их на веру. Технически...

— Технически, да? — снова кивнул он с неуловимо довольным видом.

— И потому я не могу уловить суть своих притязаний к тебе, — нельзя было высказать мысль более женскую чем эту.

— Ты не хочешь менять свою жизнь и опасаясь, что мы приедемся друг другу, едва коснемся быта, каждодневной суеты и дело дойдет до мелких ссор, претензий к противным привычкам и упрекам. Да, я опасаясь ровно того же. Но за той страстью, что ты во мне будишь, я не могу рассмотреть ни одного довода в пользу каких-либо сомнений по поводу нового этапа наших отношений. Думаю, нам обоим хватит ума, не испортить друг другу жизнь, и уж тем более не превратить ее в рутину, учитывая что приходится расставаться с любимой работой, которая выбивает нас из сил. Пока мы разбираемся в своих чувствах, давай обратим внимание на проблему Сьюзан. Я более чем уверен, что это развеет твои мысли и они обретут ясность. Ты явно не приверженец плотного графика событий, который на тебя обрушился по возвращении домой. Полностью разделяю мнение, что каждую проблему нужно основательно обдумать, я не решать наскоком. Тут главное время, а его у нас сейчас предостаточно.

Даром, что злополучная песня «Shimmy ya» сменилась на бархатистые композиции Мелоди Гардо, которые Аврора слушала невероятно редко, но всегда с упоением. Удивительно насколько мудро рассуждал Керо, буквально убаюкивая своим голосом. Аврора готова была уже раскачиваться из стороны в сторону, будто змея замороженная заклинателем, играющем на дудочке.

Промелькнула внезапная мысль о замужестве и она вздрогнула, потому что эта опция была явно не для нее, впрочем, как и полноценная семья. В свете событий, произошедших не так давно, стало совершенно очевидно, что смерть мамы стала для Сью большим ударом, чем для нее самой. Эту горькую правду Авроре только предстояло проглотить, но в конце концов, именно мама убеждала, что принимать себя стоит только в чистом виде, чтобы добиться гармонии. При этом она всегда отводила глаза и улыбалась будто с вызовом, чтобы перекрыть древний инстинкт, который матери никогда не смогут преодолеть по отношению к своим детям.

Эти легкие толчки во взрослую жизнь, к любимому делу, которое Аврора покрыла флером темной тайны, были нужны больше маме, чем ей самой, тем самым освобождая девушку от малейших угрызений совести. Эта версия для Авроры изначально была покрыта трещинами, которые она щедро закрывала деньгами.

И вот он итог путешествия к истинным потребностям — она отталкивала любого, кто мог привязать ее сердце на короткий поводок.

Прозвучавшие слова, казалось, ни чуть не удивили Керо. Хотя, и до этого Аврора не редко замечала, что он обладает невероятно спокойной натурой. Среди прочего, он почти никогда не спорил со ней, с интересом слушал все, что она говорила и самое поразительное, только этот человек, был доволен тем какая она есть, и не предпринял ни единой попытки исправить малейший недостаток, касался он речи, поведения или убеждений.

Чем Аврора могла ответить на подобный тихий психологический казус — только недоумением, которой тянуло за собой любопытство. Такая терпимость не могла быть наиграна, в противном случае ей придет конец в ближайшем будущем, потому что несколько

лет их знакомства были достаточным сроком, чтобы любое негодование перелилось через край.

По возвращению домой, Аврора билась словно рыба выброшенная на сушу, внутренне протестуя, что с «любимым» делом пришлось распрощаться и возвращаться к сомнительным нормам.

Она в открытую едва не заявила Керо, что не хочет никакого развития в отношениях, а он снова спокоен, как удав и только знакомая легкая улыбка, сдобренная иронией, которая так нравилась ей и удивительно шла парню, была словно титановый нос ледокола, пробирающегося через вековые замерзшие глыбы моего трудного характера.

Звонкий удар выпавшей из рук вилки привел обоих в чувство.

— Господь милосердный! — ахнула Кассандра, по привычке схватившись за спасительный фартук.

— Вы чего, подрались? — с усмешкой спросил Доба, не веря своим глазам.

Воспользовавшись моментом замешательства, Сью только и бросила вопросительный взгляд Керо, который короткой кивнул в ответ, после чего безмолвно произнес так чтобы только девушка прочла по губам: «Прости!»

Значит, Аврора теперь знает об Андридже!

Сью быстро спохватилась и стерла с лица испуганное выражение, оставив лишь удивление.

От того, как Аврора смотрела на нее уже можно было Богу душу отдать и тот факт, что не последовало взрыва вопросов и обвинений, не особо утешал.

— Фонарик потеряли, — немного виновато прозвучал рассеянный ответ и Аврора погрузилась в мысли.

Будто не замечая, что вокруг нее люди, она словно прокручивала в голове сложный план, к которому то и дело добавлялись новые детали. Керо молча и с любопытством следил за этим действием. Сьюзан выглядела подавленной и настороженной.

Кассандра, глядя на хозяйку горько поджала губы, догадавшись, что возвращение хозяйки «навсегда» явно трещит по швам.

Сколько раз до этого она наблюдала подобную картину.

— Ну, и ладно с ним, — махнула рукой Кася. — Петер с утра пораньше звонил, сказал, что заедет до полудня с бумагами.

И снова никакой реакции от Авроры.

— Кероан, что Вам на завтрак приготовить? — женщина сменила объект заботы, чтобы не выглядеть глупо.

Доба, тут же фыркнул, из-за ревности, что к нему такого внимания супруга не проявляет. Два яйца всмятку, рагу с фасолью, чашка кофе и кусочек лимонного бисквита, были хоть и любимой утренней трапезой старика, выверенной годами брака, но в принципе можно было бы и спросить, может он чего новенького хочет.

— Благодарю, ничего особенного, все что сейчас на столе меня устроит.

Доба сделал звук телевизора громче, что заглушить свое недовольное: «Вежливых, видите ли, привезли...!»

Керо еще раз глянул на Сью, спрашивая, стоит ли ему вернуть Аврору из ее мрачный дум, на что девушка решительно мотнула головой, добавив предостерегающе искривленную линию рта.

— Я в душ! — эти слова она буквально выпалила, от чего все вздрогнули. Она

заметалась, между дверью и Керо, обдумывая, чтобы его быстро поцеловать. В конце концов, это была не ее идея, давать столь резкий ход их отношениям. Но этот поезд было уже не остановить, судя по всему. — Присоединишься?

Керо избавил Аврору от необходимости метаться в сомнениях, и склонившись быстро поцеловал ее в губы.

— Нет, я проголодался. Сначала позавтракаю.

В ее глазах промелькнуло удивление.

— Ну, вот, а ты переживал, что идеала в отношениях трудно достичь.

— Не припомню чтобы когда-нибудь говорил нечто подобное.

— Верно! Не говорил, но об этом нетрудно было догадаться, учитывая то, что четыре года мы водили друг друга за нос.

— Точнее не скажешь, — Керо сказал это настолько серьезным тоном, что Аврора пожалела о своих словах и перебрала в мыслях, что могла ляпнуть невпопад, но, кажется, все было расставлено по полочкам.

— Еще бы! Я и сама была такого мнения.

Очаровательная картина свежих романтических отношений, впрочем, не добавила умиления.

Но спустя полчаса, Аврора пулей вылетела из дома, направившись в катеру. Керо уже добивал свой завтрак и ему оставалось лишь проводить свою придурковатую возлюбленную взглядом в окно.

Легкое судно сорвалось с невероятной скоростью с места, лихо задирая нос к ветру. На водной глади показался еще один катер, более степенный разрезающий волны.

— О! Петер опоздал на аудиенцию, — прокомментировал ситуацию Доба, столь будничным тоном, что Керо понял, что это еще не самое странное поведение хозяйки дома.

Через минуту в бухте развернулась самая настоящая погоня.

Осознав, что непосредственный работодатель самым наглым образом пытается скрыться от подписания отчетности, Вдрогис сильнее стиснул зубы, натянул спасательный жилет и за несколько секунд набрал приличную скорость, держась за катером госпожи Франклин на расстоянии четверти мили.

Словно из воздуха появился мегафон, в который мужчина выдал четкий, громкий речитатив, который до острова доносился обрывками.

«Сбавьте скорость....»

«Я могу и на ходу.

«.....убьют.а потом и меня.....»

«.....знакомый психотерапевт».

Окончательно перестав понимать заведенный порядок вещей на этом острове, Керо, почувствовал, как к его плечу прикоснулись.

Сью стояла рядом с Кассандрой, не скрывая тревоги.

— «Она поехала к Андридже?», — перевела Кася слова девушки с языка жестов.

В который раз Керо удивился насколько хорошо женщина в годах говорит по-английски. Доба в этом плане уступал своей жене, выдавая жуткий местный акцент и периодически коверкая слова.

— Не думаю. Ей просто надо побыть одной. Слишком много событий за несколько дней, разве нет?

— «Она и так одна...Постоянно!»

Голос Кассандры не мог передать всю горечь, которая читалась на красивом лице Сьюзан. Не по годам умная девочка, кажется, уже успела смириться с тем, что ей тоже светит будущее полное одиночества. У нее никогда не было полноценной семьи, и со смертью Кимберли, сполна в полной мере осознала эту данность.

Аврора буквально избегала любых близких отношений, явно скрывая что-то пострашней сомнительных манипуляций в таинственных командировках. Темная, мрачная тайна вмещала в себя чудовищную ложь, которая и была той пропастью, что ощущал Керо всем сердцем.

Прошедшая ночь едва ли их сблизила. Разве что лишний раз указывала, что счастливый союз стал еще более призрачным и безнадежным.

— Вот и прекрасно, это ее, наверняка, успокоит. Не переживай! Не убьет же она парня?

Шутливый вопрос Добы подхватил усиливающийся ветер, который нес тяжелые серые облака. Керо подозревал, для того, чтобы сблизиться с Авророй нужно нечто более серьезное, чем провести ночь, ведь она с маниакальным упорством ускользала, избегала каждого каверзного вопроса или даже намека.

Она умчалась полностью уверенная, что Керо будет ее ждать, хотя ему пришлось ночью вскользь упомянуть, что его стихийный отпуск продлится не больше полутора суток. Сотовый, практически, не смолкал. Аврора смешливо поинтересовалась, что за батарейка стоит в аппарате. Некогда любимая работа, которая стала в тягость Керо не могла просто так отпустить своего преданного слугу.

Так и установилась полушутливая, горькая недоговоренность между ними, в то время, как нужно было сыпать пылкими признаниями и раздавать шепотом клятвы, к которым оба были давно готовы.

Керо мог поклясться, что ему прямо отсюда, с берега, было слышно, как тяжело и со скрипом вертелись заскорузлые колеса механизма доверия, которым Аврора не пользовалась слишком долго.

Еще одна душная, летняя ночь, в которую бессонница не истязала, а приходила мягко, пробуждая от некрепкого сна случайным звуком, которыми полнятся незнакомые места. Керо не мог сомкнуть глаз, прислушиваясь, в надежду услышать заветный гул катера.

Аврора до сих пор не вернулась и за целый день не позвонила.

Слишком непривычным было все с чем пришлось столкнуться на этом странном острове. Керо не мог отделаться от ощущения, что прямо сейчас за ним кто-нибудь наблюдает, столько камер было напичкано по всему дому. Не нужно было долго теряться в догадках, чтобы понять — Аврора была не самой заурядной бизнесвумен. Ее дом, пусть и роскошный, на вряд ли хранил сколь-нибудь весомые ценности, чтобы приходилось его так охранять, значит дело было в людях.

А еще странные тренировки ночью, свидетелем которой Керо стал. Невероятная физическая нагрузка была не просто блажью. Аврора при всей своей непосредственности все еще не могла похвастаться тем, что ее не гложет комплекс по поводу ее фигуры. Но тут хватило бы простого фитнеса, вместо мудреных боевых искусств. И все эти странные шрамы на теле, о которых Аврора упорно молчала...

Два старика и подросток. Как ни крути, это была семья Авроры, за которую она с маниакальным рвением пеклась. А значит, над ними могла нависнуть угроза, во время ее

долгих поездок.

Вчера ночью, на пляже заполнилось столько пробелов, накопившихся за несколько лет, с той самой встречи в кафе. Голос Авроры — красивое первое сопрано — низкое, мягкое, ломко обрывающееся, когда смеялась, с горечью повествовал о упущенной родственной близости.

— «Они думают, что я далека от всего. Но я знаю, что когда Доба ругается, Кассандра обиженно удаляется в свою комнату, бросая все домашние дела, запирается, и в отместку мужу массово скупает все подряд на Алиэспресс, в основном, дешевые мелочи для дома, а еще обожает в одиночку ходить в кафе и обязательно с толстым глянцевым журналом. Ей нравится не спеша рассматривать яркие страницы с обещаниями красивой жизни и медленно пить прохладный лимонад с розмарином и имбирем. Руки всегда моет дважды и по любому случаю, поэтому никогда не делает маникюр. Обожает массаж ног, учитывая сколько она бегаёт по домашним делам. А еще Кассандра не может иметь детей, и потому как все женщины в таком положении, обожает всех от малюток и заканчивая непокорными подростками. Забота о Сьюзан давно перешла границы тех отношений, которые оговорены в контракте, который с ней заключался. Не в пример ей, Доба абсолютный отшельник. Втихаря купил себе немецкое ружье Сауер, даже на глушитель разорился, и когда остается на острове в одиночестве, подстреливает несколько чаек. Тут дело, даже не в жажде крови, это скорее отголоски его военного прошлого, которое все никак не отпустит старика. Он спит в одежде, почему не говорит, но думаю, это тянется с детства. Он жил в небольшом поселке Тират Цви. Этого нет в официальных документах, но когда ему было восемь, ночью устроили бомбежку. При чем, это были израильские войска. Кто-то передал разведданные, что в поселке скрывается группа арабских экстремистов, которые готовят теракт. В общем, обе стороны на жертвы не скупилась. Доба говорил, что он убежал тогда с братьями и матерью в пижамах. До совершеннолетия, они скитались по родственникам, с протянутой рукой. Остулжив в армии, он решил навсегда уехать из Израиля и по воле судьбы переехал в Хорватия. Первое время кормился ловлей рыбы и работал уборщиком в школе. Там познакомился с Кассандрой. И в этом скромном наборе человеческих натур, Сью занимает центральное место. При всей ее открытости и общительности, девочка, не может найти себе равного среди сверстников. Ей слишком быстро становится скучно вместе с ними. Признаюсь, даже я не всегда понимаю степень сложности ее замыслов, когда начинает рассуждать о тех идеях, которые ее занимают. Она видите ли выяснила, как увеличить точность работы аппарата гель-электрофореза. Даже не берусь повторить те формулировки, которые она использовала. Сью впервые писала мне эти термины на бумаге, потому что такого нет в языке жестов. А еще, она обожает, когда ей перебирают волосы на голове. Раньше всегда просила маму — «Почеси меня, да так, чтобы мурашки побежали», поэтому минимум два раза в неделю посещает салон красоты, где знают про ее маленькое пристрастие»...

Все больше и больше голос Авроры пропитывала горечь, потом она усмехнулась и смолкла.

В этом молчании можно было услышать все, что осталось невысказанным, и что, отнюдь не было вестником светлого будущего.

И когда Керо заикнулся о сожалениях, она едва ли не с горячностью твердо заявила, что об этом не может быть и речь, окончательно поставив его в тупик, подобным противоречием.

За дебрями тревожных рассуждений пульсировала мысль, которая вводила парня в определенную степень отчаяния, потому что внутри росла настоящая зависимость сильная и необузданная — преодолеть иррациональное желание быть постоянно рядом с Авророй, не получится ни при каких условиях.

От того, ее слова о нежелании менять их жизни, каленым железом прожигали сознание. Керо слишком хорошо понимал эту позицию, и более того, разделял ее. Оба были слишком свободолюбивыми и независимыми.

Возвращение свершилось поздно ночью и было столь же внезапным, как и отбытие.

Аврора пронеслась мимо кухни, хотя была голодна и вихрем поднялась наверх, к себе. Летняя духота крепчала, что было верным признаком шторма в ближайшие дни. Окна были распахнуты, но движения воздуха, казалось, полностью остановилось. Испарина покрыла лоб девушки, заставляя мечтать о прохладном душе.

Не было никаких сомнений, где она застанет Керо и чутье не подвело. С тревогой он вглядывался в темную морскую гладь, чтобы не упустить момент, когда белесый катер скользнет по черной глади моря. Дверь мягко закрылась и он обернулся.

Его взгляд на секунду показался диким, там бушевало столько всего, что Аврора поневоле почувствовала, как сжимается в узел живот. Она молча бросила какие-то бумаги на комод и легкими быстрыми шагами пересекла комнату, чтобы обвить крепкую шею Керо.

«Наверное следует ему все объяснить. Так поступают нормальные люди...» — промелькнуло в ее мозгу, но прежде чем мысль дошла до логичного завершения, ее спина коснулась кровати и тело почувствовало приятную, томную тяжесть, тела любимого человека.

Два дыхания сбились, поглощенные страстью, которая лишала остатков разума и лишь в одном проблеске, Аврора в радость поздравила, себя, что догадалась купить билеты в Лондон с открытой датой, хотя намеревалась отправляться туда завтра же. Ей не хотелось потакать мелким интрижкам Андридже, который преследовал известные цели. С этим молодчиком она успеет разобраться по возвращению домой.

К слову сказать, поездка в Лондон была отложена на неделю, в связи с обстоятельствами непреодолимой силы, которая поглотила двух слишком свободолюбивых людей.

17 глава

Гребаная, до тошноты окрыленность! Довольная физиономия, зрительная фиксация на одном единственном мужике, и нулевая ситуативная готовность!

«Аврора, девочка, это не ты! Это какая-то фикция, иллюзия, затянувшийся мираж... Розовые сопельки не исторгает организм не восприимчивый к любому виду физической боли. Что же тебя сподвигло довериться этому парню? Много ли логики участвовало в принятии столь поспешного решения? Кто там голос подает? Подсознание? Ооочень интересно. Ну, давайте послушаем, в чем корень зла, и где порылась сакраментальная собака».

«Сомерсбри!» — уверенно лягнуло подсознание.

«Неплохо», — задумчиво протянуло мое пограничное состояние паранойи.

«Последняя проблема! Задача, миссия, крестовый поход...»

«Да, ясно уже! Прямо, как в Шерлоке. Последняя проблема. Но, нет! Это же слова злодея. А тут злодей не я. Уж извините, совесть впервые воет от восторга и готовит чесалку для

спины, а то, когда крылья режутся зуд начинается страшный. На подходе ангелы возмездия, в моем лице. Кульминация скромной, партизанской карьеры, постыдной и даром, что опасной. Великое дело очищения грехов и совести, во имя спокойного сна и каких-нибудь еще оправданий. Пока еще не придумала каких».

Ощущение окрыленности поутихло, в голове уже вырисовывался план, полный деталей, разумных предосторожностей, ходов отступления. Благо, что я не была особо знаменита. Анонимность работала на меня.

Не знаю, как мы с Керо выглядели со стороны, но с ним также произошла странная метаморфоза, когда мы наконец-то оказались в самолете. Сначала он настоял на том, чтобы мы обменяли билеты на бизнес-класс. От моих сомнений, что это невозможно Лоудверч отмахнулся как-то слишком небрежно и одновременно холодно, как бывает, когда разговаривают с глупым ребенком.

После чего он подошел к стойке регистратора, что-то сказал и приятного вида девушка натянула вежливую улыбку, после чего покачала головой. Это не остановило Керо, он с бесконечно усталым видом что-то набрал в телефоне и протянул ей трубку. Девушка вытянулась по струнке, кивнула невидимому собеседнику на другом конце провода и ее руки снова пробежали по клавиатуре компьютера.

Через секунду билеты оказались на стойке.

Значит, так он решает мелкие проблемы — с уверенным, скучающим видом, тихо, без тени сомнений.

Помимо воли, я ощущала, как во мне растет пугающее чувство, которое нельзя было назвать тем восторгом, с которым относятся друг к другу влюбленные, но все существо заполнял только образ Керо.

Приходилось одергивать себя, чтобы напомнить ради чего затевалась эта поездка. Сью тенью следовала за мной, то и дело нервно проверяя свой телефон. Очевидно, в ожидании сообщений от Андридже.

Сквозь густой слой волшебного любовного флера, я не без злорадства знала, что от парнишки посланий не будет... Как и звонков. Сейчас он уже движется в противоположную от нас сторону. Пусть скажет спасибо, что живой.

В этот момент я лопалась от самоуверенности, ощущая, что схожу с ума, словно пятнадцатилетняя девчонка, не зная, что это сыграет со мной самую жестокую шутку, на которую только может разориться та самая «фатум», которую так любил поминать мой ненаглядный.

По прибытию в Хитроу мы взяли кэб. Керо нарочно сел напротив меня и Сью, чтобы она видела его, и повел экскурсию, с неожиданных для меня сторон освещая архитектурные достопримечательности, неприметные улицы, мосты и скверы.

Его взгляд был устремлен на Сью — доброжелательный, мягкий и немного извиняющийся.

— Почти приехали. Это район Ньюхэм, сейчас покажется парк Вест Хэм. Не самое лучшее место для прогулок ночью, но я не жалуясь. Не так уж часто приходится бывать дома. Мои соседи периодически решают, что я пропал без вести и заваливают полицию прошениями о вынесении соответствующего постановления или проведении расследований.

На мой вопросительный взгляд Керо криво улыбнулся.

— Мои соседи, точнее соседки, весьма преклонного возраста, а этой категории людей, до всего есть дело.

Такси остановилось около десятиэтажного дома. Прилегающая территория условно казалась чистой, жидкий газон обещал продержаться не больше месяца, учитывая, сколько ног старательно его вытаптывало. Скромная детская площадка, сплошь исписанная граффити, и пыльные машины завершали картину.

Куда интереснее были люди. Вдалеке стояли две мамы среднего возраста, они о чем-то шумно беседовали, не выпуская банки с энергетиком из рук. Они не обращали внимания на своих детей, которым в среднем было года по три — четыре. Один из малышей упал и громко заплакал, но ни один мускул не дрогнул на лице женщин, ни одна не бросилась на помощь. Ребенка утешил его малолетний друг, тем, что швырнул в него мягкой игрушкой и от неожиданности кроха замерла, решая, продолжить ли напрасные слезы или вернуться к игре. Выбор пал на последнее.

Рядом с парковкой ютились частные гаражи. Там и тут мелкими группами кучковались подростки. Они ругались, курили, прикрывая сигарету рукой, и их глаза недобро блуждали по каждому, кто проходил мимо.

Эти признаки я изучила слишком хорошо, когда чуть меньше года назад посетила Лондон, когда Нерб еще был жив. Он подцепил ВИЧ от не стерильной иглы. Одна доза, чтобы "попробовать", под гнетом уговоров друзей. Несколько месяцев, чтобы очистить кровь и как итог — смертельная болезнь. Выследить наркодиллера было не трудно и я, не скрывая удовольствия, вдоволь насладилась предсмертной агонией мерзавца, после чего пришлось уносить ноги через канализацию.

Да, этот район был мне хорошо знаком.

Что удивительно, Керо казался своим. При виде него подростки стали разговаривать тише и только когда из кэба вышла Сью, они позволили себе сальные шуточки и фривольный свист.

Жестокая правда моего внутреннего мира сияла в этой дыре с такой силой, что я не могла больше отрицать, что вот в таких местах я чувствую себя, как в своей тарелке. А все потому, что не может все быть хорошо. Жизнь не готовила меня к обыденности простых радостей, а за последнюю неделю я лопалась от счастья, с ужасом ожидая, что могу привыкнуть к толстому слою удовольствий.

Мама была бы рада, что я наконец-то решила довериться постороннему человеку, она часто повторяла, что счастьем нужно учиться и позволять его себе ощущать.

Но интуиция была на разные голоса, Пекоса я натирала мазью Каси, потому что зуд не проходил, и сейчас бы многое отдала, чтобы глянуть в стеклянные глаза отца, чтобы спросить к чему мне готовиться.

— Джонси! — Керо окликнул одного из подростков, когда кэб уехал, а мы остались стоять на тротуаре.

Высокий парень в толстовке и джинсах, тут же отделился от группы приятелей и подошел к нам.

— Как дела? — голос Керо звучал неожиданно по-родительски.

— Так себе. Давненько вас тут не было, — протянул Джонси, с возрастающим интересом рассматривая Сюзан. На его лице расплылась хитрая, довольная улыбка, но комментариев не последовало.

— Ты прав. Будь добр, стоняй за продуктами. Вот список и деньги. Все что останется, подели с друзьями, только не покупай дурь. Когда ел нормально в последний раз?

— Да, все путем. Я почти бросил, — парнишка замялся, пряча стыд, за дерзко

вздернутым носом. Он с вызовом глянул на меня, явно ожидая увидеть осуждение или брезгливость, но я сделала вид, что мне все равно и закинув на плечо дорожную сумку, подтолкнула Сьюзан к подъезду.

Но не успела я пройти и пары шагов, как Керо выкрутил багаж из моих рук настолько легко и изящно, что я растерялась, а потом вспомнила, что отношусь к слабому полу и почувствовало, как внутри екнуло приятное чувство.

З — забота.

Старый лифт поднял нас на шестой этаж. После того, как я побывала в Индии меня трудно было смутить запахами, но вот бедная Сью, как ни держалась, все равно закашлялась.

Темный коридор, с ответвлениями на шесть восемь квартир, пропах сигаретным дымом. За одной из дверей ревели тяжелая музыка. Квартира Керо располагалась в самом конце и соседствовала с пожарной лестницей.

Итак, жильё Лоудверча.

Не знаю, откуда я вбила себе в голову, но увидеть идеальный порядок было для меня сродни смертному приговору. Делаем скидку на помощь расторопных пожилых подруг и получаем в итоге хотя бы солидный слой пыли, если верить Керо на слово, что работа не выпускает его из зубов.

Без видимых признаков беспокойства, Керо пропустил меня и Сью вперед, спокойно наблюдая за моей реакцией.

Ну, что ж... Можно спокойно выдохнуть. Пыль была на месте! Однокомнатная квартира не хвасталась пространством и существовала без претензий на оригинальность. Мебель из вездесущей Икеи утвердила меня в мысли, что жильё обставлялось поспешно и практично.

На книжных полках красовались многочисленные фотографии, к которым я решила подойти в последнюю очередь — пусть остаются на «десерт».

Сью не особо следила за выражением лица, на котором читалась брезгливость и Керо, казалось бы, смутился.

— На всякий случай я забронировал для вас номер в гостинице Блэкмор парк. Это неподалеку.

Но Сью спохватилась и покачала головой. Руки выписали несколько фигур в воздухе.

«Все хорошо. Ненавижу гостиницы. Если можно, я хотела бы принять душ...» — перевела я слова девочки.

— Конечно, ванная комната, за той дверью, — Керо махнул рукой.

Она внезапно замерла, размышляя над чем-то, но резко переменялась в лице, подначивая собственную решимость.

«Попроси Керо позвонить профессору. Не могу ждать. Пожалуйста!», — поведала мне Сьюзан, затем глянув быстро на Лоудверча, подхватила свою сумку и ретировалась, на ходу в сотый раз проверяя телефон на наличие новых сообщений.

Воспользовавшись моментом, Керо сложил вещи около входной двери и быстро пересек комнату. Он не прилепил меня с силой к стене и даже не впился в губы, так как я любила. Замер в каких-то несчастных сантиметрах от моего лица, немного наклонил голову набок и его губы изогнулись в пытливого усмешке.

— Ты не разочарована? Неужели тебе по нраву такая дыра?

— А тебе? — парировала я, с трудом сбивая мысли в кучу, словно пастух стадо нервных овец накануне сильной грозы.

— Сьюзан хочет, чтобы я как можно быстрее договорился с профессором Уичетом о

встрече?

— Именно, — я вздернула подбородок, потянулась вперед и вытянула шею, чтобы слегка прикусить Кери за губу.

Теперь был его черед брать себя в руки, судя по тому как резко, с шумом он втянул воздух через ноздри. Сейчас он уже мог почувствовать, как я дрожу от страсти, читая это в моих расширенных зрачках, приоткрытых губах и учащенном дыхании, но...

В очередной раз раздалась трель звонящего телефона.

Кери глянул на дисплей и переменялся в лице и не ответил. Мне показалось, что парень процедил сквозь зубы крепкое ругательство и быстро глянул, чтобы оценить мою реакцию.

— Не смотри так! Ты живой человек, так что не стоит себя сдерживать, — утешила я его. — К тому же, с целью узнать друг друга получше, ты привез меня к себе домой. Если все настолько серьезно, то лучше не скрывать обратную сторону медали. Я ведь тоже не подарок.

— Как бы то ни было, мы с тобой очень похожи. Не знаю почему, я в этом так уверен. Боюсь, что в тебе мне нечего не захочется менять.

— Надеешься на взаимность?

Я прошла по квартире, подмечая надписи на корешках книг, расставленных на полках, отсутствие пепельниц, пятен на обивке дивана и кресел, а также посторонних запахов.

В дверь позвонили, в то время как Лоудверч, прижав плечом телефон к уху, стягивал с себя футболку, стоя за распахнутой дверцей шкафа.

— Добрый вечер, профессор. Решил, что Вы не изменяете своей привычке, и, как обычно, задержались на работе. Нет, нет. Все в порядке. Я хотел узнать, не можете ли Вы уделить моим друзьям время, для консультации. Да... Врожденная глухота.

Дверной звонок затрещал на этот раз настойчивее.

Чудом балансируя с телефоном на плече, Кери умудрился втиснуть голову в чистую футболку и бросился открывать.

Долговязый парнишка молча протянул ему пакеты, после чего коротко кивнул и не отказал себе в удовольствии бросить любопытный взгляд, чтобы выяснить на какой стадии находится оргия, которую он успел себе нафантазировать в голове.

В моей же голове запульсировали слова Лоудверча, что мы с ним похожи. Пришлось отвернуться к окну, чтобы скрыть горечь, рвущуюся наружу.

Как он был далек от истины!

Парень был прост до невозможности, образован, всем сердцем предан трудной работе, по долгу которой помогал посторонним людям. Неприхотливый в еде, одежде и, как оказалось, в выборе жилья. У меня комплект нижнего белья был дороже старенького дивана раза в четыре.

Пакет по снedyю тяжело улегся на стол, и только сейчас я почувствовала насколько проголодалась.

— Профессор будет ждать нас завтра к полудню.

В голосе Кери я услышала тихое негодование. Он произнес эти слова едва ли не с сожалением, но тут все было легко объяснимо. Парень хотел, чтобы я немного дольше задержалась в Лондоне. В то время как я была убеждена, что после завтрашней консультации у Сюзан окончательно слетят розовые очки и внезапные каникулы обернутся затяжной депрессией.

Путаться под ногами с подростком, у которого мрачные мысли порой срываются до

суицидальных, было не самым лучшим подспорьем для того, чтобы мне строить личную жизнь, к тому же Керо еще только предстояло завершить все дела по работе. Так что, да!

Я уже мысленно громоздила завтра свою задницу в кресло самолета.

Изучая вид из окна, я всем телом ощущала вибрацию громадного мегаполиса, который дрожал светом уличных фонарей, гулом машин и воем сирен. Дыхание Лондона вмещало в себя обещание лучшей жизни, ароматы уличной еды, денег и смрада, который тонкой струйкой тек из темных подворотен. Этот город расковывал, и в то же время, не давал передышки, требуя денег, жертв и самоотдачи, а своих преданных усталых фанатов одаривал невероятной атмосферой свободы.

Я никогда не чувствовала себя так в Хорватии. Там было слишком мало опасности для меня.

На кухне тихо дребезжала посуда, открывался и закрывался водопроводный кран. Керо готовил ужин и наверняка задавался вопросом, не стоит ли выломать дверь в ванную, откуда Сью не показывала носа уже больше получаса. Пришлось перенаправить его мысли и свои одно, потому что затяжной душ, моей подопечной вызывал неприятный мандраж. Я догадалась, что моя малолетняя тетка судорожно пытается дозвониться до Андридже.

— У тебя есть что выпить? — не глядя на парня, спросила я.

Суэта на кухне стихла на мгновенье, послышались неспешные шаги и скрип дверцы, глухой шлепок пробки, которую вынули из горлышка.

«Неужели вино? Только не это!»

Перед моим лицом материализовался стакан на два пальца заполненный прозрачной коричневой жидкостью.

— Виски подойдет? — прозвучал мягкий, низкий голос совсем рядом, и я удивилась, что не последовало никаких нотаций о том, что не стоит пить крепкий алкоголь на пустой желудок.

Молча приняв стакан, я услышала, как он мягко зазвенел, когда Керо отсалютовал таким же, и после, молча опрокинул двойную порцию в себя.

«Храни тебя Бог, Керо Лоудверч!», — я в мыслях размякла от теплого, давящего чувства, которое растеклось по всему телу, и последовала поданному примеру, задержав немного напиток во рту.

Мне нравилось, как виски жжет язык и горло, отдавая ароматом мокрой древесины в носу.

Вечер прошел удивительно спокойно и сытно. Керо приготовил макароны с сыром, потом заварил чай и выставил на стол вишневый пирог, несколько пирожных на выбор и йогурт.

Я молча смела макароны и десерт, в то время как Сью ограничилась йогуртом. Девочка не скрывала своих расстроенных чувств. Она дала понять, что у нее разболелась голова, ретировалась в широкое кресло, стоявшее у окна, и уткнулась в телефон.

Осоловев от обильного ужина, я подперла рукой голову, с наслаждением рассматривая строгое, по-мужски красивое лицо Керо, который как ни странно сидел передо мной с виноватым видом.

— Может сходим в кино завтра? — спросила я. — Сто лет там не была.

— А потом побродим в Баттерси. Была там когда-нибудь?

— Нет. Только по центру бродила. Мама и Сьюзан часто сюда приезжали. Они знали город лучше меня.

— Не жалеешь об этом?

— Жалею, но если вернуть время назад, то вряд ли бы что-то изменила. Я никогда не признавалась им в том, что любила изучать новые места в одиночку, — внезапное признание заставило меня смолкнуть. Что-то я совсем язык распустила и семимильными шагами выхожу из амплуа кормилицы семьи, у которой общность духа с родней не вяжется с подобными речами. — А ты бы изменил свою жизнь?

— Нет. Вот только одно странно, я не думал, что запал станет проходить. Я был всегда уверен, что у меня есть все. Это придавало сил двигаться дальше, воодушевляло.

— И когда же все изменилось?

На меня устремился внимательный взгляд, да такой, что я поежилась от неприятного и волнующего чувства, как все нормальные мазохисты.

— Когда встретил тебя. Хорошо, если не будет ничего серьезного, ведь в противном случае мы стоим на пороге того, чтобы навсегда испортить друг другу жизнь, во всех смыслах, — сказал Керо хрипло рассмеявшись.

— Хорошо, что ты сказал это вслух. Я бы не решилась... Так, — я вяло хлопнула себя по бедрам и поднялась из-за стола. — Приму душ и лягу, если честно глаза уже слипаются.

Керо согласно кивнул. Он дождался, когда я разденусь, включу воду и замру под горячими струями, чтобы присоединиться. Не знаю, что там на счет супер способностей, но этот мужчина явно читал мои мысли.

Диван со скрежетом принял наши уставшие тела, куда мы рухнули едва ли не замертво.

Сью уснула в кресле, догадавшись его разложить.

Ночью, я то и дело ворочалась, почесывая дядюшку Пекоса. Это неприятное ощущение легко перекрывал тот факт, что Керо прижимал меня всем своим телом к спинке дивана. Я не отказала себе в удовольствии несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы насладиться его запахом и откуда-то возникло животное желание его укусить.

«Недопереела!» — пронеслось в голове, укутанной полудремой.

Эта бредовая мысль обитала далеко не в одиночестве. Мозг переваривал эндорфин, судорожно рассовывая его по карманам про запас — уж слишком большая редкость, для моего организма, и зеленым мигало воображаемое табло с надписью «Покой».

Моя вселенная наблюдала за этих лихом, с умилением, пряча за спиной руку с заряженным стволом, на случай, если эта невидаль неожиданно дернется и захочет сбежать. Драгоценное чувство требовалось срочно взять в заложники, запереть в сейф и обнести колючей проволокой — слишком большая редкость.

Моя ладонь медленно переползла с ребер Керо, на его спину. Под пальцами я ощущала, как равномерно расширяются его легкие и отдает стук сердца.

И пусть тесно, жарко и неудобно на этом старом диване, пусть Пекос чешется сколько угодно, и угрызения совести подавятся своими доводами. Как же приятно впервые за долгое время ощутить себя обыкновенной женщиной. В голове замолкли все песни, оставив лучший звук — тишину.

— Аврора, спи. Еще пара движений и я снова затащу тебя в душ, — сонно прошептал Керо, целуя меня в макушку.

Он по-хозяйски забросил на меня ногу, немного сполз с подушки и уткнулся носом в мне в волосы.

Я не стала возражать, тем более, что спокойной жизни мне оставалось часов двенадцать... Не больше!

Чтобы насладиться лучшими видами города, мы со Сью наотрез отказались брать кэб, и, нацепив солнцезащитный очки на нос, тряслись на втором этаже высокого красного автобуса, коими славился Лондон. Погожий день, радовал легким ветерком, в желудке почти переварился омлет, который приготовил Керо и черный кофе. Так что нервы, под гнетом обильной трапезы, еще не начали симфонический концерт. Судя по всему, только-только начиналась унылая, разноголосая настройка «инструментов». Меня периодически била мелкая дрожь, из-за чего то начинали дрожать руки, то прошибал пот. Сью, мрачнее тучи, сидела рядом и упорно смотрела себе под ноги.

Кажется, наша идиллия с Керо ее серьезно раздражала.

Ох, как я ее понимаю!

Сама недавно была в рядах недовольных, если рядом наблюдалась влюбленная парочка, с блюдцем розовых соплей.

Керо делал вид, что не замечает безмолвной волны негодования, которая исходила от моей тетки, но вел себя в рамках приличий. Я же себе позволила закинуть ему руку за спину и там, где мои пальцы были сокрыты от любопытных глаз, нежно поглаживала Керо.

А когда пальцы замирали, он наклонялся ко мне, и тихо просил: «Еще!»

Допивая кофе около окна, я быстро набрала сообщение своему Лондонскому поверенному, который занимался делами агентства по найму персонала и дала задание, чтобы он узнал, не требуются ли работники в дом по адресу Графтон-сквер.

Наш путь лежал на Тулей Стрит, расположенную на южном берегу Темзы, в Лондон Бридж Хоспитал. В моем сознании сложилась милая картинка с зелеными кронами деревьев и коротко стриженными, сбитыми газонами. Но на деле — это было архитектурно скупое здание в шесть этажей высотой, где только первый и последний этаж были выкрашены белой краской, а многочисленные окна были утоплены между густым рядом колонн.

Мы заявили на десять минут раньше, как и было положено у англичан. Никакой вычурности внутренней обстановки, длиннющие прямые коридоры, с одной стороны уставленные стульями для посетителей, кое-где были разбросаны автоматы с водой, шоколадками и жвачкой.

Профессор Уичет самолично вышел нас встретить. Приятного вида мужчина, спортивного телосложения, с размытым возрастом, о котором говорят «за пятьдесят». Он едва ли не благоговейно пожал руку Керо и быстро переключил внимание на меня и Сью, предложив пройти в кабинет. Дверь захлопнулась на нами с невероятно громким хлопком.

Хотя, может быть, это все мои нервы.

— Итак, Сьюзан, как я понимаю, это твоя...

— «Племянница», — Сью сделала короткий жест, и я перевела.

Профессор пару раз многозначительно моргнул, проглотив комментарии и вопросы.

— Отлично! Вы принесли данные обследований?

— Разумеется, — я передала папку со снимка МРТ, анализами и заключениями врачей всех мастей и направлений.

— Прекрасно! Если позволите, мне нужны только снимки. Ага, вот они! Так, значит, наружное и среднее ухо у тебя, Сьюзан, абсолютно сформированы и здоровы. Диагноз — сенсо-невральная тугоухость. Значит, сама проблема... Сейчас, посмотрим.

Уичет поднял снимок к окну, рассматривая одинаковые на вид снимки мозга, запечатленные в разных позициях.

— Вот, вижу! Вот здесь, уплотнение, ничего критичного, но оно отстраняет сосуды около медиальных коленчатых тел из-за чего клетки не получали нужного питания. Задача усложняется. Для начала нужно установить несколько микро-шунтов, для восстановления нормального кровотока и только затем, установить в правом и левом полушарии нейростимуляторы. Они не оказывают никакого влияния на ткани мозга, любой риск исключен, но процесс довольно затянутый и порой нужна калибровка, чтобы подстроиться под периодичность синапсов. Тут мы основываемся на работе Уильяма Леви и Роберта Бакстера, и исследуем потенциал действия и постсинаптические потенциалы идентичных нейроцитов, чтобы стимулировать регенерацию, комплиментарную данной нервной системе.

Признаюсь, некоторые термины, я практически не поняла, но Сью, слушала профессора очень внимательно, периодически согласно кивая. По мере того, как речь доктора все больше углублялась в детали, я окончательно потеряла нить, в то время, как моя подопечная исписывала лист бумаги такими словами как ионные каналы, деполяризация мембраны и аденозитрифосфат.

Разговор оживился, когда было произнесено слово «госпитализация» в одном предложении со словом «сегодня».

Сью умоляющее трясла меня за руку, доктор с запалом махал клиническими исследованиями и результатами его методики, убеждая, что следующая возможность представится не раньше чем через год, уж больно много желающих.

Стены кабинета будто стали сужаться, нависая надо мной и грозя придавить до смерти, но только я потом поняла, что это гнет ответственности, которая на мне лежала.

Слишком быстро все происходило и вот под рукой у меня уже бланки соглашения, откуда ни возмись рядом материализовался юрист с разрешением на хирургическое вмешательство, согласием на обследование, использование конфиденциальных данных и договором на оплату. Перед глазами мелькали бумаги, подписи, цифры, и вот меня уже под руки ведут в расчетный отдел, откуда я вышла с рекомендациями и банковским счетом, полегчавшим чуть меньше чем на триста тысяч долларов.

Как в тумане, меня проводили до палаты где будет находиться Сьюзан. Ее крепкое объятие было последним мгновением, когда я видела ее, потом дверь перед лицом захлопнулась, и тишина коридора меня оглушила.

Откуда ни возмись, взмыло почти материнское чувство, которое так и подмывало выломать с ноги злополучную дверь и забрать «ребенка» домой.

Не знаю, сколько времени я простояла вот так, но вдруг почувствовала, как меня обняли за плечи.

— Идем, Аврора. Профессор сказал, что сегодня и завтра Сьюзан обследуют и подготовят к операции. Мы будем приезжать каждый день, не переживай. В конце концов, есть видеосвязь. Идем.

«Зачем он мне все это говорит. Не могу я отойти от этой двери. Там же Сью!»

Пришлось протестующе покачать головой. Я упрямо уселась на жесткий стул в коридоре, ощущая тошноту. Тревога терзала с каждой секундой все больше, кулаки то и дело сжимались и разжимались. Нестерпимое желание что-нибудь разбить превратилось в навязчивую идею.

Странный психологический пасьянс сошелся в туалете, куда я едва успела добежать. Меня шумно стошнило в унитаз. Как же я не любила этот малоприятный процесс, злость скрасила его совсем немного и когда желудок сжимали «пустые» спазмы, я врезала кулаком по хлипкой деревянной перегородке сильно и резко, пробив ее насквозь.

Боль к кулаке, отдала чем-то привычным и успокаивающим. Костяшки покраснели, а на одной лопнула кожа, открыв небольшое кровотечение. Я сунула поврежденную конечность под кран, после чего обернула бумажным полотенцем.

Очутившись снова в блеклом коридоре, я встретила взглядом с Керо, который следил за мной с тревогой.

— Я останусь здесь до вечера. Если ты не против — одна. Извини, но сейчас мне это нужно.

— Не извиняйся. Посещение разрешено до пяти. Тогда я за тобой и приеду.

— Хорошо, — я закрыла глаза и откинула голову назад, опершись о холодную стену.

До вечера, Сью четыре раза вывозили из палаты, то на больничном кресле, то на каталке. При этом я всегда пряталась за автоматом, чтоб она лишней раз не нервничала из-за моего присутствия. Как ни странно, но даже разыгравшийся аппетит не заставил меня покинуть клинику, хотя я и была признанным рабом собственного желудка.

Когда обследования закончились, Сью позвонила мне на телефон. Я судорожно отошла к окну, чтобы она не увидела больничного коридора, в котором дежурила и натянула приветливую улыбку.

Ее руки быстро выписывали в воздухе жесты, которые я читала без труда. Глаза девочки блестели от восторга, она изредка поджимала губы, сдерживая слезы радости. Так бывает, когда человек окрылен надеждой. Мне пришлось наврать, что мы с Керо празднично болтаемся по городу, и что я настроила громадьё планов, относительно того, как мы будет праздновать выписку Сью. Она же, внезапно запнулась и настолько по-взрослому на меня посмотрела, что я могла поклясться, что вижу лицо мамы.

«Не переживай, если что-то не получится!» — выдала она мне, из-за чего я опешила. Девочка прекрасно оценивала свои шансы. В свои почти шестнадцать, она была куда мудрее меня, в том же возрасте. И тут я поняла, какая метаморфоза произошла со Сью. Она наконец-то приняла себя такой, какой родилась. Сдавалось мне, что без участия Андридже здесь не обошлось...

— Я тебя люблю, — произнесла я губами и Сью повторила фразу, коверкая звуки, как это бывает у людей с врожденной глухотой.

Экран телефона погас, и я снова опустилась на жесткий стул. Чувствуя, как от голода кружится голова.

Сахар упал. Настроение, валялось еще ниже. Благо что Пекос чесался по-прежнему. Ну, хоть какая-то стабильность!

Возможно, я провалилась в сон, когда почувствовала, как мою руку аккуратно ощупывают.

Я открыла глаза и увидела Керо. Он присел на корточки, внимательно изучая разбитые костяшки.

— Кого-то отделала? — шутку он выдал настолько серьезно, что я приняла ее за чистую монету, но ответом не удостоила.

— Пошли домой. Ты ужасно выглядишь.

Намертво вцепившись в предложенную мне руку, я с облегчением припала плечом к

Керо, когда он меня обнял и повел к выходу. Осознание того, что сегодня я буду не одна, едва не заставило расплакаться. Позже в такси, я проверила телефон, в котором было одно неп прочитанное сообщение.

Поверенный прислал мне бланк с вакансией горничной, который числился в другом агентстве по найму обслуживающего персонала. Каким чудом он его раздобыл, это было делом десятым. Но в такую удачу трудно было поверить. На этом месте, я себя одернула.

Сью едва попала в больницу, как я восприняла это благоприятной обстановкой, для реализации своих планов.

Но возможность была действительно уникальной. Всего один звонок Дону Бодлу — моему преданному хакеру, и я получу поддельные документы и пропуск в дом на Графтон сквер. Решено! Но только после того, как Сью проведут операцию. И проведут успешно!

К чему угрызения?! Это то, что нужно. Немного отвлечься. В конце концов, это будет лишь небольшая разведка, учитывая, что Сомерсбри в вечных разъездах и дома его практически не бывает. Это я выяснила из тех сведений, что собрал для меня отец.

Рассуждения подействовали на меня благотворно, и на щеки вернулся румянец.

Керо не отвез меня «домой», как обещал. Мы стихийно отправились в кинотеатр, после того, как поужинали в уличной забегаловке совершенно непрезентабельного вида. Но сэндвич со стейком, который я там попробовала, заставил меня закрыть глаза от удовольствия. Керо хитро на меня посматривал и даже не собирался скрывать умиления.

Фильм с Фрэнсис Макдормонт, вперемешку с мешком фигурного мармелада, вернули мне ясность мысли, впрочем, как и угрызения совести, которые теперь начали меня терзать из-за Керо. Несколько раз я отвлекалась от действия картины на экране и, пристально всматриваясь в профиль Лоудверча, прокручивала в голове слова извинения, что так грубо вытолкала его из больницы. Вид у меня при этом был, наверное, несколько смешным, потому что в какой-то момент Керо повернулся ко мне, по привычке протянул мне руку, предлагая, таким образом положить голову ему на плечо.

— Молчи, молчи... А то просмотришь все. Сейчас будет самое интересное.

И тут мне показалось, что говорил вовсе не про кино. Но как же приятно было еще раз убедиться, что мне не стоит вымучивать объяснения и оправдываться за свой скотский характер. Если Керо притворяется, его след скоро простынет, а если нет, то впервые в жизни, мне крупно повезло.

Девять утра, высокие кованые ворота и одно нажатие на кнопку звонка. Странная сила подстегивала меня улыбнуться, столько энергии генерировал мой организм, поэтому пришлось одергивать собственное воодушевление.

Операция Сьюзан прошла блестяще, профессор Уичет захлебывался, рассказывая подробности.

Ночью Керо был рядом. На него что-то нашло, парень словно с цепи сорвался, и кажется, решил меня вымотать. Однако, сам подскочил спозаранку из-за телефонного звонка, и поспешно стал собираться на свою чудо-работу. У меня же не было сил глаза открыть.

— Я быстро вернусь, обещаю. Отоспись, Аврора. Я приеду и отвезу тебя к Сьюзан Хорошо?

Я промычала что-то нечленораздельное, обхватив его одной рукой за шею. Керо тихо

рассмеялся.

— Спи, спи...

Но едва дверь за ним захлопнулась, я пулей вылетела в ванную, приняла холодный душ и оделась.

К девяти утра мне было назначено собеседование на место горничной в доме Габриэля Сомерсбри. Бодл передал мне через курьера документы на имя Памелы Хасбрук и пропуск. Какое счастье, что в нем не была предусмотрена фотография!

Ворота открылись с сухим щелчком, и ко мне подошел вооруженный до зубов охранник.

— У меня собеседование с миссис Бинстед.

Нарочно хлопая глаза и выдавливая глупую, растерянную улыбку, я поняла, что меня крупным планом снимают на камеру. Аппаратура выдала серию коротких щелчков, делая снимки.

«Всех фотографируют, твари!» — подвела я неутешительный итог, но деваться было некуда.

Охранник вернул мне документы, и тут же входную дверь открыла красивая пожилая дама, облаченная в строгую, дорогую униформу.

— Добрый день, мисс Хасбрук. Следуйте за мной.

Экономка придирчиво окинула меня изучающим взглядом. Мой немаленький рост, заставил ее вздернуть брови и только.

— Пожалуйста, ваши рекомендации. Я передам их дворецкому, он освободится через пару минут и спустится к вам. Увы, мне надо закончить некоторые дела. Присаживайтесь.

Мы очутились на просторной кухне, которая поражала своими размерами. Помимо обычной утвари, полок и шкафов, здесь была уйма бытовой техники, а под потолком, на подвесной конструкции висело дюжины три разнокалиберных сковородок и сотейников.

На секунду меня оставили в полном одиночестве, как вдруг дверь на противоположной стене распахнулась, и оттуда влетел деловитого вида мужчина. Он невероятно быстро двигался, хотя на вид верному слуге было не меньше семидесяти. В руках, мужчина нес тяжелый поднос с серебряным сервизом. По приборам я поняла, что чай из него отпили всего два человека.

— О! Простите, мисс. Только сейчас вас заметил. Мое имя Рэйв.

И снова приветливая улыбка и теплый взгляд.

Такому радушие можно было только позавидовать. Не оплот грозного наркобарона, а пансион престарелых.

— Что-то сегодня с утра жарковато. Вам предложили чаю или воды?

— Нет, спасибо...

— Не скромничайте. Не откажите старику в компании. С утра Октавиус, это наш шеф-повар, расщедрился и приготовил свой знаменитый лимонад с соком личи.

Передо мной на стол был водружен высокий хрустальный стакан, а из гигантского холодильника появился запотевший кувшин с напитком.

Старичок быстро разлил лимонад.

— Вы на собеседование?

— Да!

— Признаюсь честно, это не самое приятно, что может случиться с хорошим человеком с утра, но работа здесь того стоит. Удачи Вам!

Рэйв отсалютовал мне, сделал большой глоток и глубоко вздохнул от наслаждения.

Рядом на стене зазвонил телефон. Старик подошел и ответил.

— Да, сэр. Ожидает внизу, на кухне. Разумеется, сэр. Сию же секунду.

— Извините, за вопрос, а господин Сомерсбри сегодня дома? — осторожно спросила я, но Рэйв уже очутился в дверях, и, кажется, не услышал.

— Идемте, меня попросили Вас провести в кабинет.

Короткое путешествие по запутанным коридорам особняка, не сбilo меня с толку, и я успела запомнить все повороты, на случай, если придется уносить отсюда ноги.

Кабинет больше напоминал зал для переговоров, с огромным столом из массива дерева, в обрамлении двадцати мягких стульев. Во славе стола находилось высокое кресло с высокой спинкой на поворотном механизме.

Рэйв заторопился к двери и перед тем как выйти обернулся ко мне.

— Вам невероятно повезло. Хозяин сегодня дома, так что удастся лично с ним переговорить. Он сам настоял.

К такому повороту событий я хоть и была готова в последнюю очередь, но вероятности встречи с Сомерсбри не исключала. Представление началось.

Я покорно сцепила перед собой руки и вытянулась в струнку, ожидая, когда человек в кресле соизволит повернуться. Начинать беседу первой, учитывая с какой целью я появилась в этом доме, было грубым нарушением всех правил.

Но вот, послышался шелест бумаг, и рука в обрамлении белого манжета с контрастной черной тканью пиджака изящным движением уложила документы на стол, без промедления сверху улеглись очки в темной оправе, и прежде чем человек соизволил повернуться ко мне, я услышала тихий голос.

— *Salve fatum!*

Острая игла пронзила мое тело и микроскопической шаровой молнией застыла в мозгу, вызвав состояние, которое нельзя описать иначе, как паралич.

Мне уже не обязательно было видеть лицо, скрытое спинкой кресла, я знала, кто там сидит.

И этот голос!. Именно он недавно рассказывал мне среди ночи о звездах, лежа на песке, в то время, как моя голова покоилась на плече его обладателя.

— Ах, если бы ты выполнила мою просьбу, и не покидала сегодня постели...

Строгий, холодный взгляд никак не вязался с плохо скрываемой болью в голосе Керо, но тут уже было не до сентенций и интонаций. Каким образом Керо Лоудверч здесь оказался? Какого черта в этом доме его называют хозяином?

Вопросы без ответов формировались в мозгу прежде, чем я успевала их осознать. И как же не хотелось смотреть правде в глаза.

Правде?!

Эта бестия сейчас корчилась, вылезая из-под толстого слоя грязи и лжи.

Ужасающей, отвратительной, мерзкой лжи.

Ловушка!

Мое сознание вошло в режим, когда просчитывались возможные пути разрешения сложившейся ситуации, и плевать, что горькая обида, страх, гнев и проклятия черным клубком туго переплелись в груди. И боль... Ни с чем не сравнимая, боль. А вот в этой субстанции я разбиралась, и потому не ожидала, что смогу почувствовать нечто ужасающее по своей силе.

— А ведь я считал судьбу, только красивым словом, которое обожают использовать

люди слабые и безвольные! Признаюсь, я сначала с любопытством воспринимал правду о тебе, изучал, прикидывал, как заманить тебя, и вот, ты стоишь здесь. Пришла по собственной воле, только всего-то и требовалось, что сидеть и наблюдать. Поздравляю, подделать пропуск в этот дом под силу единицам! Аврора, дорогая. Позволь, я слегка проясню сложившийся небольшой казус. Кероан Лоудверч, это не полное мое имя. Это лишь часть истины или образа, как угодно — вынужденный шаг, чтобы сохранить анонимность. А для нас с тобой, это залог сохранения жизни. Габриэль Кероан Мэлвин Агвидус Сомерсбри. Лоудверч, это девичья фамилия моей матери. И это самая любимая часть этого длинного недоразумения, которым так гордится мой отец. Относительно родителей, правда была тоже перемешана с ложью в очевидных целях. Мать хоть и не учительница рисования, но профессиональная художница, а отец разбирается в финансах, потому что долгое время занимался планированием национального бюджета Британии, даром, что носит титул лорда. Его и отцом трудно назвать, в хорошем смысле этого слова. Единственное чувство, которое я перенял у него было хладнокровие. К чистой правде относится и то, что я долгое время трудился на благо печально известной ООН, пока мне не открылась сущность людей, которые там заправляют. Какая отвратительная идет дележка чуть ли не бинтов и детских игрушек, гуманитарные грузы отправляют по магазинам, забывая опасным, дешевым конфискатом. Вакцины и лекарства экспериментальные, их направляют туда, где никто и слухом не слыхивал о суде по правам человека или вообще судебной системе. Так проводят испытания на людях: взрослых и детях. Но речь не о том... Я могу долго рассказывать свою предысторию, но мы ограничены во времени. Впрочем, не думаю, что ты будешь предавать лжи сколь значимую роль и дальнейшее воспримешь правильно. Не мне рассказывать тебе о стратегии, Лора Диони, или Сельма Уидон, или Тереза Вилуар...

— «Срань!» — только и пронеслось в моей голове, когда я поняла, что все мои дела давно раскрыты этим мерзавцем.

— ... Наин Бинтан, — не спуская с меня глаз, Керо или, черт его дери, Габриэль, мать его, Сомерсбри, не спеша поднялся с кресла, демонстрируя совершенного покроя костюм, и медленно расплываясь в идеальной, хищной полуулыбке, — Финис.

Он специально выдержал паузу, теперь уже с любопытством изучая мою реакцию.

— В который раз убеждаюсь насколько ты непредсказуема. Какое завидное самообладание! Невероятный контроль... По самым пустяковым мелочам, ты готова себя извести до натуральной паники, а перед лицом вероятной безвременной кончины у тебя и мускул не дрогнул. Что это? Специально выработанный рефлекс, или это нечто врожденное? Как, например, талант к изучению языков. По-моему ты говоришь на семи? Про мелкие женские страстишки, я вообще, промолчу. Единственное, что было для меня явным, так это твоя убежденность, что такое чудовище, как Финис, не может изменить своей природы по велению сердца или под действием слабой интрижки. Разумеется, ты не достойна счастья с простым и романтичным Керо Лоудверчем, но спешу тебя обрадовать, что это больше скрытая и не исследованная часть моего сознания. Кстати, весьма приятная и потому я не хотел так скоро с ней расставаться.

Горечь и разъедающая нутро мысль, что меня предали, сглаживались с каждой секундой все больше. С яростью дела обстояли хуже. Я сжала кулаки с такой силой, что пальца занемели, и это не укрылось от внимания Керо.

«Керо? Или мразь? Надо подрихтовать мыслительный процесс, но «Керо», это слишком лично и больно. Пусть останется Сомерсбри еще немного, пока я ему не разможу ему

голову через несколько минут».

— Давно готовил речь? — мой голос прозвучал низко и хрипло.

— Ты не поверишь, но нет. Но «судьбой» я упорно тебя называю неспроста. Наша встреча в том баре была чистой случайностью, и надо признать, что Аврора Франклин заставила меня задуматься о самых простых человеческих радостях. После мучительных и долгих размышлений я понял, что не мог заинтересоваться посредственным, обыкновенным человеком. Ты не представляешь, сколько попыток было до тебя с другими женщинами, пока я не признал, что мне уготовано одиночество. Ты не представляешь, сколько раз я запрещал себе приезжать в Люка-Дубрава. И каким же открытием для меня стал тот факт, что ты не заурядная американская миллионерша, которая вложила деньги и подышает от скуки на собственном острове. Правда о тебе открылась, когда ты отвезла Вигго в Калли-Джагах. Я не работаю с людьми, которым доверяю вести часть моего бизнеса, без возможности отследить их месторасположения. Они, правда, об этом не знают. Если тебя волнует, вызволил ли я Отернея из его ужасной обители, то нет... Сама того не ведая, ты избавила меня от весьма грязной работы, за что прими мою благодарность. В этой части стоит упомянуть, что мне пришлось пополнить запасы морфия в индийском лепрозории. Сама понимаешь, радостей у людей там мало, тех запасов, что привезла ты едва хватило на пару недель. Теперь Вигго должно хватить препаратов до конца его дней. Лихорадка вот-вот оборвет жизнь бедолаги. Какой хладнокровный расчет! Я всегда считал себя жестоким человеком, но ты меня превзошла. Впрочем, это не меняет моего мнения, относительно того, что мы с тобой похожи.

От столь сомнительного комплимента я поморщилась, словно от пощечины и эта крохотная деталь, странным недоумением пронеслась у Сомерсбри в глазах. Возможно, он интерпретировал мою реакцию не совсем правильно, приняв за готовность продать свою жизнь подороже.

— У меня не может быть с тобой ничего общего.

— Не много ли гонора для женщины, которая заживо сжигает детей за деньги? Кстати, очень интересно, что ты себе на них купила? Пожалуйста, не стоит сейчас действовать опрометчиво. Я не позволил бы себе эту встречу, если бы не обзавелся страховкой.

Слишком быстро я догадалась, о чем Сомерсбри ведет речь.

— Сьюзан!

На долю секунды я потеряла контроль над собой и упустила момент, когда неслышно отворилась дверь, и в кабинет проскользнул человек. Насколько молниеносно я ринулась к этому чудовищу, настолько быстро на мое левое запястье был надет стальной браслет. Мне не хватило нескольких сантиметров, чтобы схватить этого самодовольного придурка за шею. От браслета тянулась цепь, другой конец которой был замаскирован где-то за портьерами, а саму манипуляцию провел скромного вида человек в костюме дворецкого.

— Спасибо, Реймерс! Ты свободен. Вернемся к нашей беседе, Аврора. Разумеется, Сьюзан уже нет в медицинском центре, где мы ее оставили.

Сомерсбри запустил руку в карман брюк и вытащил крохотный предмет, перекатил его между пальцами и поставил на стол.

— Я не отказал себе в удовольствии проследить за тобой и провести небольшой обыск еще в Калькутте. Признаюсь, и тут ты меня удивила. Что и говорить технологии сейчас творят чудеса, и твой покорный слуга, спонсирует наиболее интересные направления. Но, признаюсь, эта вещица меня поразила. Тонкая работа! Поэтому, я надеюсь, что ты

расскажешь мне, кто автор состава.

Габриэль убрал руку, и на поверхности стола осталась пуля. Не трудно было узнать, о чем идет речь. Их делали по заказу и отливали из уникального сплава, со стеклянным наконечником. Но истинной жемчужиной была жидкость, которая помещалась в стеклянную капсулу. По своим свойствам это был уникальный транквилизатор, который практически останавливал всю метаболическую деятельность в теле человека, почти на сутки. Я частенько использовала это на тех, людях, которые не хотели следовать за мной по тем или иным причинам. Эти пули обходились мне очень не дешево, и я редко их использовала.

— Обойдешься! — подвела я черту под пустыми ожиданиями Сомерсбри, но он по-мальчишески отмахнулся от моего язвительного тона.

А у меня внутри все екнуло, настолько настоящим сейчас мне казался этот мужчина. Чувства к нему только начинали крепнуть, и желание, с которым приходилось бороться напоминало демона, которого в данном момент пытались изгнать.

«Что ж так больно?!»

— Кажется, ты еще не поняла, с кем имеешь дело. Что ж, дорогая, не думал, что упрямство станет сколь-нибудь серьезной проблемой с твоей стороны.

И снова движением фокусника в длинных пальцах Сомерсбри материализовались странные предметы, которые он с мучительной медлительностью стал выкладывать на стол.

Пластиковая стрела с присоской, нелепой яркой расцветки, ниточка, на которой был закреплен небольшой серебряный крест с распятием и брелок для ключей с логотипом «НИВА».

— Я подумывал перетрясти кое-кого в Швангау или Нойншванштайне. Ведь привязанность к новым знакомым еще не испарилась? Более поздних своих знакомых ты без особых угрызений мне простишь. Не так ли? В последнюю очередь мне бы хотелось беспокоить Кассандру и Добу. Такие душевные люди!

Значит, угроза нависла над бабой Нюрой, Васей и даже Игорьком и парой стариков, которых я любила всем сердцем. Незамысловатые вещицы, я узнала мгновенно.

Прекрасно, что я не чувствовала физической боли, но то, что сейчас творилось у меня внутри, было в разы хуже самой изощренной пытки. Ах, папа, мое тело ты подготовил на все случаи жизни, а вот, с душой, оставил наедине.

— Что ты сделал со Сьюзан?

— Она в полной безопасности, пока...

— А что же операция? Я своими глазами видела шов. Девочка сможет слышать? — хотя ответ я и знала заранее, но должна была услышать это от человека, которому с таким трудом доверилась.

Как ни странно, его глаза заволкло сожаление, и в кабинете повисло красноречивой молчание. Габриэль сочувственно пожал плечами и слегка склонил голову набок.

— Ты веришь в чудеса? — только и спросил он.

— Значит, девочке разрезали голову забавы ради? — подвела я черту под этой частью разговора, понимая, что, да, Габриэль продумал все до мелочей. — Что ты там говорил про излишнюю жестокость.

— Не утрируй, ей не было больно.

— А я? Со мной ты решил просто поразвлечься?

— Нет, дорогая. Помимо затасканной любви к человеку можно испытывать и

восхищение и страсть. Впрочем, до сегодняшнего дня ты не жаловалась на счет того, как я тобой пользовался.

Как я не пыталась уловить издевки в голосе этого человека, должна была признать, что он был абсолютно прав. Ни тени бравады, хвастовства, высокомерия или злорадства. Габриэль Сомерсбри выглядел почти расстроенным из-за того, что я все же сегодня попала к нему на аудиенцию.

Но от осознания этого боль в груди не утихала, там все крошилось и скрипело, вызывая желание завывать в голос.

— А что скажешь на счет владельцев этих вещей? — я кивнула на стол. — Ты лично их забирал или...

— Лично. Кстати, не кидайся звонить, Василию. Точнее Васе. Ты ведь его так называешь? Он мне понравился. Без малого человек-невидимка: неприметная внешность, с первого взгляда — безобидная душа, молчаливый. Только не пойму, зачем тебе эта ферма? Благотворительностью занимаешься?

Я с облегчением поняла, что Сомерсбри не догадался, чем они там занимаются.

С — сракотень.

При чем, новый уровень... Что ж, милая, ты хотела по-жестче. Наслаждайся! Ты в своей стихии.

Да, я, разумеется, предполагала, что меня могут «раскрыть». Что там на этот случай говорил папа? Ах, да.

Он всегда отшучивался, что в таком случае лучше «выйти в окно».

Теперь, этот совет не казался мне шуткой. На кону стояло слишком много.

Но перед эффектным выходом, нужно позаботиться о Сьюзан, а потом...

Сколько раз я представляла себе день, когда смерть настигнет меня. Сколько хитроумных способов было придумано, чтобы не попасться. Сколько ночей испорчено холодным потом, предположениями, что еще можно улучшить, предусмотреть. И вот он итог.

Я добровольно встретилась лицом к лицу со своей погибелью и более того, перестала считать смерть врагом. Будь я активным пользователем Инстаграмм, поставила бы «черной с косой» лайк. У нее там, наверняка есть аккаунт с триллионами миллиардом подписчиков-призраков.

И не правда, что страшно.

Страшно представить, что будет с близкими, которых я подвела.

«Включай, дорогуша, мозги. Это у тебя получается лучше, чем сердечные дела!»

Как бы то ни было, спасительное оцепенение поставило на паузу шок. Мне предстояло выяснить с какой целью я стою здесь до сих пор живая.

— Пожалуй, пришло время обрисовать тебе мой план в общих чертах. Так как выбора у тебя особого нет, то априори, я возьму за данность твое гипотетическое согласие, и в этом ключе поведу. Но для начала, позволь прояснить некоторые моменты. Целью ведения моего бизнеса, который не отличается высокой моралью, разумеется, было тривиальное стеснение в финансах. Мне было мало состояния отца, которое перейдет мне по наследству, в свое время. Я рос, в обстановке роскоши, распутства и вседозволенности, которая была прикрыта толстым слоем приличий для широкого круга важных и уважаемых людей. В колледже мои руки были развязаны, а возможности заставляли однокурсников умирать от зависти и недоумения. Кидать во все тяжкие я не торопился — оплачивать безумные вечеринки,

выпивку и наркотики, тратиться на девиц и прочие удовольствия. Куда больше меня занимал вопрос распределения денежных ресурсов, которые потоком текли в высшем обществе. Колоссальные суммы оседали только под давлением традиций, пороков и первоисточника бед всего человечества — глупости. Именно благодаря ей я добился всего и сейчас стараюсь, как бы это сказать... Отмыть руки, если ты меня понимаешь. Только благодаря глупости человек начинает принимать наркотики, и пусть другие говорят, что от отчаяния, любопытства и прочей чепухи. Так почему не взять деньги, которые оседают в глубоких карманах всех производителей белого порошка и не направить их, скажем, на постройку больниц, школ, ирригационных систем в засушливых зонах, где люди могли без труда вырастить себе еду, а не распухать от голода? Помощи просят многие гуманитарные или благотворительные организации. Моя инфраструктура включает фармацевтический бизнес, оружейный, машиностроительный, логистика морская, сухопутная, воздушная. С помощью этого телефона, я могу получить что угодно, почти в тридцати странах, без вопросов, условий и недовольства.

В руках Габриэля Сомерсбри тускло блеснул корпус телефона, который я видела сотни раз. Аппарат, тут же исчез в недрах костюма с тем же изяществом, что я появился.

«Прям, гребаная Ирен Адлер!» — подумала я и добавила вслух:

— Какая жалость, если он внезапно разобьет о твою голову, когда я до тебя доберусь.

Я хотела выпалить эти слова, но получилось хоть и ехидно, но вяло. Язык стремительно распухал во рту, а горле пересохло.

Габриэль печально улыбнулся и оставил колкость без ответа. Потом, из-под манжета рубашки на секунду показались скромные часы из белого золота, увиденное на циферблате заставило его недовольно нахмуриться.

— Как мало времени у нас с тобой! — он тяжело вздохнул. — Другими словами, я закрываю производство в Колумбии, к тому же благонадежность большей части моих доверенных лиц, стоит под сомнением. Они внезапно решили, что стали умней меня и по доброте душевной решили сдать меня американцам, или британским правоохранителям, с подачи Вигго. И их план вполне мог бы сработать, если бы не определенная дальновидность с моей стороны. Отерней в итоге своих манипуляций должен был занять мое место, в обмен на схему отмывки денег, с указанием выгодополучателя. Нужно признать, это бы сработало, учитывая, что мне даже не нужно было создавать фирмы-однодневки, организаций хватало и без того. Более того, акции многих доступны для покупки, и Вигго с умом приобретал ценные бумаги, чтобы прибрать себе в дальнейшем самые лакомые куски, когда начнется дележка туши. Но все равно основным держателем акций, по мнению Отерней, оставался я, и в этом крылось настоящее зло. Поэтому пришлось надавить на кое-какие рычаги, и когда Отерней давал распоряжение купить один процент акций, он приобретал не меньше четырех через опционы. После того, как он сдал бы меня властям, акции должны были упасть на десятки пунктов. Он скупил бы все по дешевке и в процессе стал бы мультимиллиардером. За восемь лет, в итоге, он стал основным держателем сам того не зная, а соответственно выгодополучателем, которого спецслужбы радостно разорвут на куски. Гениально, если бы не одно «но»... Изначально, я никогда не являлся владельцем ни одной акции, а лишь закреплял за собой исполнительное руководство. Отерней не мог допустить самой мысли, что обладая неограниченными ресурсами, я добровольно откажусь от колоссального состояния. Его исчезновение вызвало много пересудов, и компаньоны требуют указать виновного. И я им его предоставляю.

Моя голова с каждой секундой становилась все тяжелее, но мысль о том, что меня угораздило по уши влюбиться в хитрого, умного лицемера с прекрасными манерами лучших домов Лондона, добавила еще и тошноты.

Цепь, казалось, грозила оторвать мне руку тянула к полу. Я пошатнулась и тяжело оперлась на стол. Значит, и чаепитие было продуманным ходом! Мне что-то подмешали, точно просчитав то, время, к которому я должна буду отрубиться.

Силы покидали мое тело, впрочем, как и сознание, но я должна была кое-что проверить, чтобы убедиться окончательно. Собрав волю в кулак, я выпрямилась и натянула цепь наручника, после чего резко дернула руку. Со стороны создавалось впечатление, что я пытаюсь вырваться, но не это было моей целью. Еще пара секунд и снова рывок, спокойный и сильный. Цепь натужно гремела, а стальной браслет впивался в кожу, заставляя ее лопаться.

Габриэль Сомерсбри не сдвинулся с места, с поразительным хладнокровием наблюдая за странной экзекуцией.

— Время на исходе. Однако, это поразительно! Многие на твоем месте, уже провалились бы в крепкий, здоровый сон. Неужели действие адреналина? Хотя по тебе не скажешь. Дыхание не сбито, спокойный пульс. Твое напряжение выдают лишь плотно сжатые челюсти.

Взгляд моего мучителя вдруг потеплел.

— Кстати, это тебя сопровождает и во сне. Только из-за этого ты не высыпaeшьсeя. Но, ближе к делу. В отеле, куда ты скоро отправишьсeя, тебе передадут ноутбук со всей необходимой информацией. Ознакомьсeя, внеси свои коррективы, если считаешь нужным и сообщи об этом в письме по указанному там адресу. И, Аврора, не пытайсeя найти Сьюзан. У меня достаточно воображения, чтобы предвидеть твои попытки. Тем более за неделю, которая будет у тебя на размышление, это просто невозможно. За тобой будет следить едва ли не половина квартала Ньюхэма, куда бы ты не отправилась. Через неделю ты приезжаешь в этот дом, и я произвожу простой обмен. Сью отсюда выходит, а ты занимаешь ее место.

— А если я не приеду? Убьешь ее?

— Станный вопрос, и тем не менее он прозвучал. Увы, Аврора, но кому-то придется умереть, так или иначе.

Голос Габриэля снова заглушил звон металла, и на этот раз на пол упало несколько капель крови. Внимательно наблюдая за его реакцией, я заставила себя еще раз дернуть руку и наручник наконец разрезал один из сосудов на руке.

— Прости, было не до того, — я в наглую соврала. — А ты, как я посмотрю, везде успел?

Кровь заструилась по ладони, быстро обагрив пальцы. Теперь я готова была благословить пытку, потому что она отвлекла меня от того, что я чувствовала внутри.

Я запрокинула голову, зная, что нахожусь на грани безумия, следующая попытка, казалось, окончательно лишит меня сил, но цепь снова громко лязгнула.

— Прошу остановись, — услышала я голос, который теперь принадлежал Керо. Тому Керо, с которым я познакомилась четыре года назад. Мягкий, низкий, лишенный высокомерия, спокойный, будто он пел колыбельную, и полный горькой мольбы. — Если ты думаешь, что эта ситуация доставляет мне удовольствие, то ты сильно ошибаешься. Я никогда не мог похвастаться инстинктом охотника во всех смыслах. Агония жертва, стремление сломить волю, обуздать дикое животное... Это не мое. Наоборот, природа

человека или животного меня всегда восхищала, когда она проявляется в чистом виде и с лучшей стороны. После выполнения всех условий контракта, ты обретешь полную свободу.

Цепь гремела снова и снова, после каждой фразы, произнесенной Габриэлем. Рука, начиная с кисти, напоминала месиво.

Дверь снова мягко отворилась, на что я уже не обратила внимания.

— Реймерс, когда препарат должен подействовать?

— Пара минут, сэр.

Кажется, мое присутствие было исключительно номинальным, Габриэль Сомерсбри указал на меня рукой, словно на ребенка, который нашалил в школе.

— Ты видишь, до чего она додумалась?

— Неужели наручником такое можно сделать?

— Как видишь! Не стоит рисковать, хватит проверять ее решимость. Сделай инъекцию и вызови медиков...

Я тут же почувствовала укол в предплечье, в мозгу сверкнула вспышка и абсурдная мысль, что Пекос наконец-то перестал чесаться, после чего рухнула на пол, как подкошенная, уже не ощущая того, что мою голову придержали от удара.

Габриэль Сомерсбри сидел на полу, не обращая внимания на то, что ткань его дорогого костюма пропитывается кровью. Он осторожно уложил голову Авроры себе на колени, после чего снял наручник, зажав пальцами разорванную артерию, пока в кабинет торопливо не зашли доктор и медсестра, по всем правилам облаченные в медицинскую форму.

Задавать вопросы в этом доме было не принято. Здесь порой и трупы приходилось выносить, так что тучный доктор, склонился над телом молодой женщины и осмотрел руку, после чего ловко закрепил жгут, чтобы остановить кровотечение.

— Нужно отнести ее в процедурную. Очень неприятная рана, придется зашивать в нескольких местах. Еще сделаем переливание крови

— Джордж, помоги отнести, — скомандовал Реймерс Пеллин, но к его удивлению, хозяин сам молча поднял тело девушки, бережно и аккуратно поправил на руках и без видимых усилий, вышел из кабинета.

18 глава

— Закрывайте дверь! Живо! Срочно вызовите врача! — внушительного вида мужчина в строгом костюме хладнокровно отдавал команды, поддерживая под руки своего коллегу.

Пострадавший едва ли отличался от двух десятков молодчиков, которые за последние двое суток проклинали свою работу — личная охрана мистера Сомерсбри. Разумеется это была лишь часть персонала со столь специфическими обязанностями, а именно лучшие из лучших. Сперва ребята с юмором отнеслись к тому, что им придется «присматривать» за девушкой в номере 7322, но сейчас одна только табличка с этими цифрами вызывала ужас.

Реймерс Пеллин лично следил за тем, чтобы пребывание Авроры Франклин в отеле было максимально комфортным. Все номера на этаже были выкуплены Габриэлем, чтобы гарантировать приватность и деликатность положения «гостыи». За ней велось круглосуточное наблюдение. Было отдано распоряжение выполнить любую прихоть девушки, а главное не дать ей навредить самой себе.

Сразу возник вопрос о том, что делать если она захочет покинуть отель, но даже Реймерс не смог дать на него вразумительного ответа, повторив, что главное, это безопасность мисс Франклин.

Дверь с шумом захлопнулась.

Габриэль наблюдал на мониторе ноутбука расправу, которую Аврора в очередной раз учинила над одним из его людей. Телохранитель поплатился за свою самонадеянность, но все же не заслужил того, чтобы ослепнуть полностью.

Да еще и столь изощренным способом.

Гостиничный номер напоминал палату для душевнобольных: никаких острых предметов, тяжелая металлическая мебель, отсутствие стеклянной посуды, и все же.

Это случилось во время ужина. Хоть Аврора и отказывалась от еды, но стол сервировали четыре раза в день.

Габриэль ожидал куда более бурной реакции от мисс Франклин, но она только и делала, что лежала на кровати или стояла у окна, всматриваясь далеко не на панораму улицы.

Стол на колесиках, уставленный деликатесами замер ровно на середине комнаты, рядом с предыдущим — нетронутым.

Парень лишь на секунду отвлекся, с жалостью соображая, что прекрасная порция карпаччо из лосося, сейчас отправится в помойку, а за ним филе-миньон из мраморной говядины, соте из спаржи и прекрасный манговый сорбет.

Все произошло очень быстро. Вроде, бы девушка только что неподвижно стояла у окна, но вот она незаметно приблизилась и резко остановилась едва ли не вплотную. Ее рука молниеносно подлетела к шее высокого, накаченного мужчины и удар безошибочно пришелся на сонную артерию. В глазах несчастного тут же потемнело, а ноги подкосились. Но парень свалился будучи еще в сознании. Едва тело оказалось на полу, оно тут же было придавлено сверху.

Аврора уселась на грудь охранника, зажимая в правой руке десертную ложку. Вилки ей не выдавали.

Истошный вопль разнесся по комнате, когда широкая часть столового прибора с хирургической точностью вошла сначала в одну глазницу, а затем в другую.

Парень задергался на полу, пытаясь скинуть с себя безумную садистку, но отработанные удары тут же останавливали его, с нужным напором передавливая артерию на шее, так чтобы несчастный слабел, но не терял сознания.

Аврора отпустила свою жертву только тогда, когда на ее ладони оказались окровавленные склизкие глазные яблоки, с карими радужками и оборванными ниточками нерва.

В комнату забежали человек шесть, держа наготове электрошокеры. Безумный вид белокурой, высокой женщины, которая с безразличием перекатывала в руках вырванные глаза, заставил многих проклинать свою работу, но они знали на что идут, когда нанимались на работу к Габриэлю Сомерсбри.

Тем временем, Аврора сжала руку, гадая, найдет ли это хоть какой-то отклик внутри, но с чавкающим звуком, глаза лопнули и между пальцами пролезло противное на ощупь стекловидное тело. Подойдя к столику, она приподняла один из колпаков и без сожаления скинула туда ошметки глазных яблок, потом, с флегматично глянула на камеру видеонаблюдения и абсолютно ровным голосом произнесла:

— Верните блюдо шеф-повару. В тарелке посторонний предмет.

Ни одна эмоция не нарушила странного новокаинового покоя в душе и мыслях. Ни капли жалости к покалеченному человеку, ни угрызений совести. Все чувства обнулились и Аврора поняла, что сейчас жизнь квисается с ней за нежелание покориться обыденному, за

нестерпимую жажду, ощущать каждую секунду бешеный пульс под действием адреналина в крови, за все те мгновения горя, которые она приносила невинным людям. Пострадавший охранник не в счет. Его невиновность еще надо было доказать.

С одной только разницей — все ее жертвы быстро избавлялись от длительной пытки. В то время, как история Авроры только подходила к своей кульминации. В мозгу старым призраком всплыло изумленное лицо Алекса Фаррота, когда на него было направлено оружие и прозвучали три глухих выстрела. Несколько секунд вместили себя слишком много эмоций, которые Аврора, помимо воли, прочувствовала.

— Теперь мы квиты, Рэгги, — едва слышно прошептала она, устремляя взгляд в окно.

За молниеносной кровавой расправой все это время следил Габриэль, внимательно прислушиваясь к тому испытывает ли он осуждение к произошедшему. Ничто в поведении Авроры не вязалось с образом хладнокровного убийцы — на острове она казалась рассеянной, смешливой, ироничной, полной сомнений, немного неуклюжей и даже слабой. Детская зависимость от мультяшных героев подкупала, любовь к пирожным вызывала умиление, а желание угодить близким граничило с наивностью.

«Что же в тебе правда?» — Габриэль сформулировал вопрос, долго определяя тот аспект личности, который был больше ширмой для Авроры, но с каждым умозаключением наткнулся на новый вопрос.

— Сэр, какой смысл в том, чтобы держать ее взаперти? Кажется, Вы дали ей право выбора, сказав, что ей нужно явиться через семь дней, чтобы произвести обмен, — прозвучал голос Реймерса, который все это время стоял за спиной хозяина и молча наблюдал за садистскими действиями на мониторе. — Она уже ознакомилась с планом действий и у меня нет причин полагать, что ее память не вместит всех деталей. Цифровой носитель с информацией она сожгла при мне, в точности с вашими инструкциями. Оставляя ее в отеле, Вы мало того, что рискуете лучшими нашими людьми, так еще и жизнь мисс Франклин подвергается угрозе.

На этом, голова Габриэля дернулась, словно его укололи.

— Ты про ее голодовку?

— Да, сэр. Боюсь, что через неделю, нам придется на руках заносить ее в дом на Графтон-сквер.

— Она просила что-нибудь?

— Да. Пригнать ее машину из Хорватии.

— Макларен?

— Макларен.

— Хорошо, но только проверьте все полностью.

— Разумеется, сэр.

— Да, Реймерс, вот еще что...

— Слушаю.

— Она хоть раз притронулась к десерту?

— Простите, сэр?

— Сладкое! Она ела что-нибудь из сладкого?

— Нет, сэр. Ничего. Даже воду не пьет.

— Двое суток?

— Именно, сэр.

— И сегодня лишила глаз здорового охранника, с военной подготовкой, с той же

легкостью, как дети вытаскивают косточки из вишен?

Реймерс деликатно промолчал, без труда поняв, к чему клонит мистер Сомерсбри.

— Она сейчас в полной растерянности и может навредить себе. Точнее хочет... К чему, впрочем, уже приступила. Ты ошибаешься в том, что я держу мисс Франклин взаперти. Она без труда исчезнет, если захочет этого. Просто сейчас она всеми силами приводит предмет договора в ненадлежащий вид. Мне назло.

— Но каким образом ее появление успокоит членов совета? Неужели она организовала исчезновение мистера Оттернея? Они никогда в это не поверят.

Габриэль загадочно улыбнулся. Его преданный слуга и не догадывался, какого зверя им удалось заточить в комфортную клетку. О том, что Аврора Франклин, является воплощением ожившего мифа о неуловимом убийце Финис, знал только он сам. Даже Пеллин, будучи, практически полностью вовлеченным в дела своего хозяина, не должен был знать всей правды.

— Ты прав! Не поверят, если мою версию не поддержит тот, кто принимал участие в заговоре Вигго. И такой человек у меня есть.

— Значит мисс Франклин руководствовалась личными мотивами? Она одна из тех женщин, которых Вигго стерилизовал? Странно. Она совсем не в его вкусе и откуда такие возможности, чтобы просто подступиться к нему? Мисс Франклин в прекрасной физической форме, отличается необычным умом и воображением. По-моему вы очень рискуете, сэр. Вигго был членом совета и не смотря на все уверения в безопасности с вашей стороны, вы приведете непосредственного убийцу в круг людей подобных мистеру Оттернею. А если это хитроумный план с ее стороны?

— Даже не сомневаюсь, что план Авроры хитроумный, но я все предусмотрел. Ты отдал образец в лабораторию? Мне нужно достаточное количество препарата уже послезавтра. А что касается, членов совета, то они поставили мне определенные условия и я не вижу объективных причин, чтобы не выполнить их.

— Да, сэр. Все будет сделано точно в срок.

— Ты послал людей в Люка-Дубрава, как я просил? Охрану острова необходимо усилить. Мне не нужны сюрпризы.

— Все сделано, сэр. Они прибудут туда через пару часов. Кстати, как прошла ваша поездка в Индию? Успешно?

— Едва успел снять деньги, до заморозки счетов. Стройке ни что не помешает. Проследи, чтобы по окончании местные чиновники не затягивали с процессом ввода в эксплуатацию. Возможно тебе придется заняться этим лично.

Невозмутимый вид Реймерса Пеллина, как ветром сдуло. Он славился в нечеловеческой аккуратностью и дисциплиной, дотошно следил за своим здоровьем, будучи прекрасно знакомым с основными принципами получения баснословных прибылей фармацевтических компаний, которые одной рукой предлагали лекарство, а другой создавали плацдарм для их реализации.

— Как скажите, сэр. Но, позвольте совет, на счет будущего собрания.

— Конечно.

— Я не совсем уверен, что многие удовлетворятся тем, что найден виновник смерти мистера Оттернея. Это ничего не изменит. Его идеи разделяет более половины членов правления. Вам грозит серьезная опасность. Так позвольте же мне остаться. Так у вас будет хоть какой-то шанс.

— Меня не прикончат сразу. Никому не известна полная схема международного взаимодействия конгломерата. Есть только одно место, куда могут меня направить не рискуя напороться на отпор со стороны властей. И такое совпадение, что именно туда мне сейчас и нужно. Так что не умаляй важность роли мисс Франклин.

— Я бы не доверял ей. Хотя бы потому, что она женщина и довольно непредсказуемая.

— Именно! Пусть на ужин ей приготовят эклеры с карибской ванилью, — на губах Габриэля заиграла странная рассеянная улыбка.

— Я отдам распоряжение. И да, вот еще что, сэр. Мне искренне жаль, что после всего что вы сделали, приходится покидать вас. Только то и утешает, что все усилия не напрасны.

Раздался негромкий деликатный стук в дверь и через секунду в проеме появилось простодушное лицо Рэйва.

— Мистер Сомерсбри, сэр, прибыл курьер из мэрии. Просил передать вам пакет лично в руки.

Максимально выпрямив спину перед дворецким Пеллином, старик прошел к хозяину и передал большой желтый конверт.

— Спасибо, Рэйв! Можешь идти.

По мере удаления от своего непосредственного начальства, спина пожилого слуги снова согнулась дугой.

— Это будет тебе интересно. К вопросу о субординации во время моего отсутствия. Ознакомься.

Реймерс деловито зашуршал бумагой, и принялся читать документ.

Габриэль снова повернулся к монитору, где увидел, что Аврора снова стоит повернувшись к окну и наблюдает за улицей.

— Безумие какое-то! — не удержался дворецкий, всплеснув руками от переизбытка чувств. — Надеюсь, вы знаете, что делаете. Как ни как, пример мистера Оттернея является лучшей причиной, чтобы не играть в игры с мисс Франклин. Мы не знаем кто за ней стоит. Это грозит катастрофой!

— *Fatum, fatum aliter!* “Я врал себе, но так и не поверил...” Ох, уж эта отрешенная современная лирика! Грядущие события ведут нас к серьезным переменам, как и мисс Франклин. И залог сохранения наших жизней именно в том, чтобы принять их, как больно бы не было. Прошу, проследи, чтобы к субботе все было готово к приему гостей. В последний раз...

Реймерс промолчал и отработанным движением изобразил галантный поклон, оставив документ из мэрии на столе.

Отчет начальника охраны

— 04:17 — среда — объект исчез из поля зрения камер видеонаблюдения. Направлена группа в полном боевом снаряжении для осмотра номера. Объект не обнаружен. При тщательном осмотре выявлена блокировка датчика движения на одном их окон.

— 04:29 — среда — объект вернулся в номер, поднявшись на лифте. На вопрос где она была, был получен ответ, что выходила за кофе. На вопрос, почему вернулась сюда добровольно, сказала, что не может оставить нас без работы и что в этом отеле прекрасно кормят. При визуальном осмотре номера было установлено, что доставленные продукты

питания, остались целыми.

— 21:41 — четверг — попросила закурить. Купили пачку сигарет, передали мисс Франклин. Она отказалась принимать их заявив, что не хочет покупки. Обратилась к охране, у кого есть «сигаретка». По инструкции все восемь человек ответили отрицательно. Со словами «а если найду», объект неожиданно выхватила резиновую дубинку нанесла множественные травмы двум охранникам в область гениталий. Они отправлены с болевым шоком в трампункт. Объект был обездвижен с помощью электрошока.

— 21:52 — четверг — запросили спортивную спец. защиту.

— 01.26 — пятница — просьба на счет сигареты повторилась. Томас Кратфинс, нарушив инструкцию, удовлетворил просьбу, в ответ на что объект последующие полчаса показывала приемы, как нейтрализовать ее атаку в случае нападения с дубинкой, позволяя отработать контр-прием на себе. После удачной попытки, скрутила Кратфинса полотенцем, в удушающем приеме, «это будет урок номер два», в результате чего Кратфинс потерял сознание. Объект был обездвижен шокером, после чего зафиксирован на кровати за руки и ноги. С последующим введением инъекции снотворного.

— 06.00 — пятница — получили распоряжение вызвать врача для осмотра объекта из-за подозрения на обезвоживания и истощение.

— 06.10 — пятница — прибыл доктор Вилленгем. Поставил капельницу с глюкозой и обработал кровоподтеки. Диагноз — нервное истощение. Физическая форма удивила даже доктора.

— 07.48 — пятница — объект занимается силовыми упражнениями.

— 09.50 — пятница — объект закончил заниматься силовыми упражнениями и поинтересовалась пригнали ли ее машину. Получив отрицательный ответ, в последующие двадцать минут деактивировала двенадцать скрытых камер по периметру всего номера. Утопила оборудование в унитазе.

— 10.20 — пятница — унитаз засорился. Вызвали бригаду сантехников.

— 10.55 — пятница — объект потребовал присутствия Кратфинса, в противном случае обещала, что «пострадают люди».

— 10.56 — пятница — вызвали техников, чтобы камеры снова установили. В целях безопасности, к объекту была применена физическая сила, и поместив его в спецмешок, заперли в туалете. Кратфинса не вызвали.

— 11.32 — пятница — объект разбила зеркало в ванной и перерезала вены на руках.

— 11.33 — пятница — вызвали команду медиков — 2 врача, 2 медбрата.

— 11.38 — пятница — объект инсценировав попытку суицида, вооружилась стетоскопом и применив тактическую уловку сломала каждому из четырех мужчин левую руку, прежде чем удалось ее обезвредить. В процессе нейтрализации угрозы со стороны объекта Майкл Портлоу превысил оглашенные инструкцией полномочия и нанес объекту несколько ударов в район ребер. Портлоу отстранен от задания.

— 11.40 — пятница — вызвали Кратфинса.

— 12.24 — пятница — объект обедает с Кратфинсом. Смотрят фильм «Джон Уик», заказали два полных меню с десертом.

— 14.17 — пятница — объект требует отвезти ее за покупками на Пикаддили, при чем за рулем своей машины, в которую она пустит только Кратфинса. Добавила, что в противном случае пострадают люди.

— 15.10 — пятница — объект покинул пределы отеля. Визуально отмечено, что

состояние объекта ухудшилось, на что указывала изменившаяся походка. Кратфинсу даны новые инструкции о поведении с объектом, в момент нахождения машины. Вся группа переодета в гражданскую одежду. Бронежилеты и спортивную защиту, было принято решение оставить.

Макларен лениво лавировал по улицам Лондона, гордо выставляя себя напоказ впервые, с того момента, как его приобрела Аврора. Двигатель мощно урчал, а самое легкое нажатие на педаль отдавалось призывом выпустить мощь на волю.

Аврора даже немного пожалела о том, что редко садилась за руль, но это чувство испарилось быстро, словно капля воды, попав на раскаленную поверхность. Такая участь, впрочем постигала все переживания, оставив только страх и ощущение никчемности.

Правда никогда не была твердой валютой в обиходе Авроры, учитывая, скольких людей ей пришлось обмануть. Какая ирония!

Керо, или, мать его, Габриэль, кажется, отыгрался за всех разом. Осознав это, Аврора с удивлением поняла, что угрызения совести относительно Алекса Фаррота утихли, ровно как и зуб в районе Пекоса.

Добро пожаловать в чистилище!

Декорации животного ужаса за близких людей, приобрели за эту неделю размытый силуэт, выставляя на сцену другие действующие лица.

Одиночество стояло раскрыв объятия.

Чувство вины, выросло до исполинских размеров, пробив крышу этого безумного театра.

Оправдания засохшей молью валялись в уголке, покрываясь пылью.

Истина!

Истина была в центре, абсолютно черной, но сияла так, что хотелось прикрыть глаза рукой. Это сияние было тем самым неуловимым производным, которое Аврора не могла понять до сегодняшнего дня. Неизвестной переменной в сложном уравнении.

Теперь, после знака равно недвусмысленно нарисовалось признание, что жизнь крохотным ростком дала новые всходы. Ни деньги, ни роскошь, ни сытая жизнь, не были целью. Это все тупики с затхлым сладковатым воздухом, который вгоняет в сон.

Только пульсирующие мысли, множеством напоминающие мириады тонких волокон клубком сплетаются в мозгу, в одно целое, понятное и логичное — новый план по выживанию, отслеживанию, погоне и спасению.

И план Сомерсбри был насколько безумным, настолько и гениальным. Вполне могло оказаться, что это новый обманный маневр, просто чтобы в первые же секунды после обмена, Аврора не наломала дров. Весьма вероятно. И здесь исход один — героическая кончина, среди недругов.

«Ну, хоть что-то героическое!» — подумала про себя Аврора, и ее губы изогнулись в холодной усмешке.

Кратфинс заметил это.

— Почему вы захотели меня видеть?

— Ты меня не боишься. Как не боишься, что я снова тебя покалечу.

— А это у вас в планах?

— Томми, мои планы не идут дальше завтрашнего дня, а потому нужно выглядеть

подобающе. Я все таки женщина.

— Очень необычная женщина..., - тихо добавил Кратфинс и поежился от собственных слов.

— Осуждающе прозвучало.

— Вы никого не убили, хотя могли. Как осуждать милосердие?

Аврора запнулась, переваривая услышанное.

— У тебя есть семья, Томми?

— Да. Огромная! Родители, две бабушки, дедушка, трое братьев и сестра. Десяток племянников.

— А девушка?

— С моей работой это роскошь.

— Так зачем тебе эта работа?

— Деньги нужны.

— Вот, вот... И я в это болото полезла с теми же словами. А ты понимаешь, что тебе могут отдать приказ убить человека?

— Да. Я знал на что иду.

— И меня убьешь? Скажем завтра, когда мистер Сомесбри скомандует?

— Да.

Честность парня отдалась в сознании Авроры уколом зависти.

— Скорость ответа впечатляет. Вот чего мне хватало! Простоты и откровенности. Надеюсь, что вопрос о моих планах исчерпан.

— Кажется, да. Так куда мы едем и зачем вам я?

— За новым платьем. Нужен мужской совет. На завтра у меня особая компания, не хотелось бы никого разочаровать своим видом.

— Машина у вас просто огонь! Не расскажите, как заработали на такой аппарат?

— Часто и удачно продавалась.

— Ааа..., - задумчиво протянул Кратфинс.

Парень, казалось, окончательно расслабился, и начал получать удовольствие от поездки.

— Не завидую вашим клиентам, — задумчиво добавил он, пристально рассматривая панораму города в окно.

— Машину хорошо проверили? — спросила Аврора, внезапно, она закашлялась, и Кратфинс заметил, что девушка при этом морщится, будто от боли.

— Как положено. Вам плохо?

— Я и вижу. В бардачке рылись так, словно уран искали... Все в порядке! Нехорошо мне было после разговора с мистером Сомерсбри в прошлое воскресенье.

— Извините за беспорядок. Не было времени положить все на свои места. Вы как раз докторам руки переломали.

Продолжая вести машину по путанным улицам, Аврора нарочно выбирала самый длинный маршрут. Сидя за рулем, мысли пришли в определенную ясность и можно было порассуждать и подвести какие ни какие итоги.

Если отбросить эмоции, то ситуация с Габриэлем вырисовывалась не в столь трагичном свете. Его отличием была крайняя сдержанность и рассудительность. Парень явно наслаждался ампула простака, и как не хотелось этого признавать — шел на жестокость без удовольствия. Его мотивация и проникновенная речь про глупость имели мало изъянов, кроме парочки «но» Во-первых, ничего абсолютного не бывает, всегда есть погрешности и

исключения. А во-вторых, мой список жертв был школьной запиской первоклашки по сранению с творением Луи Анри Фаригулем с его романом в двадцать семь томов. Нет, я молга бы согласиться с идеологией Сомерсбри, если бы не столкнулась со смертью Нерба. Парень лишь раз оступился и теперь гниет в земле. И сколько таких ошибок молодости?

Мои мысли упорно сводились к смерти. Что это? Интуиция? Хотя, что уже осторожничать перед очевидными фактами?

Он симпатизировал Добе и Кассандре, а значит, сейчас они в безопасности. Связаться с ними не было никаких шансов. Когда я выбралась за кофе на дня, то удалось сделать несколько звонков, из автомата на углу улицы.

Старики трубку так и не взяли. Вдрогиса и Урбина нельзя было вовлекать. Если дело обернется худо, количество жертв только увеличится.

Состояние Сьюзан после операции было удовлетворительным. Девочка чувствовала себя как обычно и в физическом аспекте проблем не должно быть, что нельзя сказать о психике подростка. Но сейчас не время для реверансов.

Макларен был перевезен в Лондон только с одной целью — чтобы Сью следовала давно разработанному плану по спасению собственной жизни.

Поведением Сомерсбри можно было манипулировать. Каким бы засранцем он не хотел казаться, но парень действительно избегает лишних жертв. Это я поняла еще тогда в кабинете, проведя небольшой эксперимент с наручником, и методично разрывая себе запястье в кровь. С каждым новым ударом, Габриэлю было сложнее сосредоточиться, а когда по моей руке заструилась кровь, в его глазах что-то дрогнуло.

Меня охватила дрожь. Я не хотела разбирать было это чувство влюбленности или ненависть. Слишком много правды для одного дня.

Модные бутики, выстроились, словно дорогие проститутки в ряд, на глазах у тысяч туристов. Кратфинс галантно открыл мне дверцу, чтобы я выкарабкалась из машины с низкой подвеской. Ровной походкой я с наслаждением прошлась по каменному тротуару. Конец июня в Лондоне не хвастал теплом и мое единственное, хоть и постиранное скромное платье, в котором я пришла на собеседование вызвало, мягко сказать, недоумение у напомаженной дамы, которая мягко порхала по бутику Armani.

— Добрый день! Меня зовут, Тереза. Позвольте предложить Вам мою помощь?

— Добрый день, Тереза.

За дверью бутика в ряд выстроились мои верные телохранители и серьезный вид Кратфинса избавил Терезу от необходимости задавать лишние вопросы. Дама элегантно движением прикоснулась к красивому витку волос на своей прическе и мягко позвонила в колокольчик.

Казалось, бы из-за сплошной белой стены вынырнул юноша, я строгом черном костюме и с легким поклоном замер в ожидании распоряжений.

— Заварник Ройбоша и сервируй к нему блюдо с мадленками, Джим.

— Вы очень любезны.

— К какому событию подбираете наряд? — спросила меня дама, не давая себе воли в оценке моей платежеспособности по внешнему виду. Она выразительно задержала взгляд на моих перевязанных запястьях, но деликатно промолчала.

— Похороны.

Тереза ничуть не смутилась и лишь отвела глаза в сторону, искренне показывая сожаление.

— Классическое черное?

— Боже упаси! В Армени, классическим считается только красное! — я парировала легко и с юмором, ощущая, как очередной приступ кашля подступает к горлу.

— О! — только и выдала Тереза, расплываясь в гордой улыбке, будто радовалась и за себя и за нестареющего Джорджио. — Как верно!

— Прошу, я расположу Вас в третьей примерочной, там есть все необходимое для отдыха. Ваш спутник, полагаю, будет ожидать здесь.

Отсутствие вопросительной интонации намертво прилепили Кратфинса на то место, где он стоял все это время, и парень не стал возражать.

Он молча наблюдал за каруселью роскошных платьев и туфель, которые поглощала примерочная № 4, вплоть до того момента, как не услышал негромкий возглас ужаса.

Сработали отточенные инстинкты и Томас влетел за занавеси готовый дорого продать свою жизнь. С мисс Франклин вполне могло статься, что и приятная леди и штатный призрак Джим, уже валяются в луже крови. Но на этот раз вся загвоздка была в самой мисс Франклин. Она стояла перед зеркалом, готовая примерить красное шелковое коктейльное платье, находясь только в нижнем белье, девушка не скрывала, что справа на ребрах расплылась большая гематома. Такие появляются при переломах со смещением и только приходилось поражаться тому, что Аврора, лишь морщилась и каким-то чудом не теряла сознанием от боли, когда кашляла.

— Вам нужна медицинская помощь! — воскликнула Тереза, она вопросительно глянула на Кратфинса, когда странная девушка только отмахнулась от предложения.

— Не беспокойтесь. Я как раз на завтра к доктору записана на прием. Просто неудачная тренировка. Продолжим, Тереза, у меня весьма ограничено время. Нужно подобрать все, начиная от чулок и заканчивая перчатками и серьгами.

— Как угодно. Я позволю на Олд Бонд-стрит. Подборка украшений прибудет в течении десяти минут, — глаза Терезы блеснули. — Джим!

Щелчок пальцами и парень снова воплотился будто из воздуха, неся тяжелый серебряный поднос, сервированный для чаепития.

Я поделилась с Кратфинсом мадленками, сидя перед охранникам в роскошных трусах, пока Тереза порхала по примерочной с красными, как кровь нарядами. Как ни странно, но я не чувствовала вкуса еды. За последние пару дней, голодовка дала о себе знать и сахар в крови серьезно упал, судя по количеству красных мошек, которые то и дело порхали у меня перед глазами.

Еще, периодически, возникала логичная мысль, а что я тут вообще, забыла? Какое, к хренам собачьим, платье?! Зачем продлевать балаган и агонию? Может, стоило рухнуть на глазах у Сомерсбри в обморок и перечеркнуть его планы на мою тушку?

Какие полезные и нужные вопросы!

Что поддерживало во мне жизнь помимо страха и ненависти?

«Ой, да у меня снова минутка правды!»

Я странно хохотнула сама себе, сидя со стеклянными глазами и крепко обхватив фарфоровую чашку с чаем.

Да.

Я ведь любила по-жестче! Вот он апогей! Куда еще жестче? Вот и кости уже треснули. Именно такая жизнь тебе по душе, милочка, с некоторыми очевидными оговорками. Именно, чувство опасности заменяет порой импульс, который заставляет сердце

сокращаться и гнать кровь по венам.

Мой выбор пал на платье, длиной чуть ниже колена, с гибким корсетом и красиво драпированной юбкой, которая не сковывала бы мои движения. Туфли на головкружительных шпильках с серебряными набойками, бриллиантовые серьги пуссеты, белоснежное широкое пальто и в том им длинные замшевые перчатки, материал которых на ощупь был как сливочное масло.

Аврора кинула взгляд на настенные часы. 17.36.

Он, как и был уговор, прилетит вечерним рейсом.

Мрачное настроение и отчаяние, прорезало теплом на долю секунды. Сомерсбри ничего не упомянул про отца, а значит, надежда еще оставалась.

Хелипорт в Батерси принял по расписанию вертолет Jet Ranger X. Пожилой пилот заполнил документы на имя Мариуса Воутрина. Мужчина сверил дату вылета, запланированную на следующий день и расплатился наличными за парковку вертолета за одни сутки. Одет он был неприметно и практично.

Выйдя из Хелипорта, Винсент Кросс недовольно осмотрелся. От реки потянул прохладой. Вода Темза казалась тяжелой, с бронзово-серым отливом. До автобусной остановки нужно было пройти почти полмили. Сорить деньгами Винсент никогда не любил, а добираться до железнодорожной станции в Эссексе. Мужчина сверился с часами.

У него было чуть меньше суток, чтобы уточнить все детали и убедиться, что настал тот день, когда личность Финис была раскрыта.

Для этого Авроре не нужно было звонить в Баварию или отправлять открытки. Ее появление в бутике Армани в Лондоне, в кабинке № 4 заставили сработать датчик распознавания лиц, который был установлен Кроссом больше десяти лет назад. Датчик запустил замеру видеонаблюдения, подключенную по закрытому каналу связи к электронной почте некой Лиззи Мишговс в Варшаве. И получив недвусмысленную картинку, где родная дочь с кровоподтеками сидит в компании головореза в чем мать родила и глушит чай с пирожными, подвело черту под спокойной жизнью Винсента.

На этот случай был разработан план по эвакуации семейства. Но учитывая тот факт, что семейство включало в себя только одного близкого родственника, задача облегчалась. Сюю должна будет появиться на парковке близ вокзала в Эссексе, за рулем Макларена, где ее будет ждать человек, который вывезет ее в безопасное место, под чужим именем и с поддельными документами.

Лицо Винсента мрачнело с каждой секундой. Он сел на автобус. Впереди еще минимум три пересадки, на метро. В рюкзаке за плечами, за специальной подкладкой, которую невозможно просветить рентгеном или металлодетектером, тяжелел самозарядный Дезер Игл, калибра 12.7.

Тот факт, что Аврора позволила себя раскрыть ни чуть не удивил Кросса. Девчонка делала большие успехи на поприще наемников. Она была слишком хороша, чтобы ее расперло от самоуверенности.

Винсент поправил рюкзак и подошел к дверям автобуса, чтобы выйти на нужной остановке.

Он прекрасно понимал, что вскоре может стать вопрос о том, чтобы информация не

была разглашена. Подготовка Авроры относительно физических пыток сомнения не вызывала, но если завтра на парковке Макларен так и не появится, это будет означать только одно — полный провал. К пыткам кого-либо из семьи девчонка не была готова, а значит, кому-то придется умереть.

— Все сроки вышли, Габриэль. Я не пытаюсь давить, но когда ты выделил нас для ведения твоего бизнеса, то гарантировал определенную безопасность и до недавнего времени так и было. Не могу ничего сказать, ты предпринял беспрецедентные меры. И вдруг сходит член совета! Думаю, что могу говорить от лица всех присутствующих — планы Вигго были для нас такой же неожиданностью, как и для тебя.

Убаюкивающий голос Вольфа Аундера одурманивающим туманом облетал массивный овальный стол, где собрался совет. Габриэль по традиции сидел во главе, как обычно облаченный в безупречный костюм, с зачесанными назад светлыми волосами, немного бледный и задумчивый.

Его ни на секунду не обманул мягкий говор одного из самых уважаемых и умных людей, которые когда-либо переступали порог этого дома. Вольф никогда не делал поспешный выводов и отличался преданностью. Под его началом находились несколько крупных корпораций в западной Европе. Аундер одним из первых отошел от грязных денег с разрешения Габриэля, когда компаниям больше не нужны были «инвестиции» сомнительного происхождения. Мнению Вольфа Габриэль доверял больше всего и тот факт, что он первым взял слово, было плохим предзнаменованием. Аундер, обычно, отмалчивался.

— Мы должны убедиться, что исчезновение Вигго не твоих рук дело! При всем уважении, но ты потерял контроль, что указывает на невозможность управлять столь огромной сетью компаний, — вмешался Малик Зурви.

Он в отличии от своих коллег выглядел молодо, держал тело в форме, был гордым, отчаянным и безжалостным.

— Ходят слухи, что ФБР активно интересуются тобой. Да, Отерней первым качнул первую костяшку этого домино. Это другой вопрос, с Вигго должен разбираться совет, но не ты, единолично. В противном случае, я складываю с себя полномочия. Быть козлом отпущения нет никакого желания.

— Богатым козлом, — без тени иронии поправил его Габриэль. — Условия выхода ты принимал наравне со всеми. Готов отказаться от денег и власти, я тебя не держу, но не слишком ли ты забегаешь вперед? Как я посмотрю, совет, практически полностью убежден в том, что я причастен к исчезновению Вигго.

— Мы для того и собрались, чтобы ты это опроверг, — выставив руки ладонями вверх, Вольф подался вперед, всем видом призывая участников беседы вооружиться здравым смыслом. — Ты говорил, что у тебя есть неопровержимые доказательства. Пожалуйста, представь их.

Габриэль коротко кивнул и тут же, дверь распахнулась. В кабинет зашли двое охранников, которые вели под руки привлекательную молодую женщину. Ее руки были закованы в наручники.

Блондинка выглядела крайне эффектно в красном платье, выразительные глаза, высокий рост, плюс невероятные каблуки дорогих туфель.

По комнате пробежал шепот, многие из мужчин открыв рты следили за происходящим, в то время, как охрана приковала наручники в цепи, спрятанной за шторами, после чего отошли к двери, заняв пост.

Повисло молчание.

Аврора обвела взглядом присутствующих, чувствуя, как нутро заполняет невероятный покой.

Минуту назад она убедилась в том, что Сьюзан села за руль Макларена. Девочка выглядела здоровой, а это главное.

— «Меня оказывается перевезли в другую клинику?»

— Да, я знала.

— Как себя чувствуешь?

— Отлично. Профессор Уичет, обещает, что результаты будут видны не раньше чем через месяц.

— Прекрасно! — Аврора кашлянула, чтобы скрыть, как осекся ее голос.

— А что это за место?

— Меня пригласили за званый обед. Деловые партнеры.

— Шикарно выглядишь! Я тоже иду?

— Прости, детка, но не получится. Ты кое-что должна для меня сделать.

— Что-то случилось?

— Если честно... да.

Улыбка сошла с лица Сью и девушка оглянулась по сторонам. Читая по губам Авроры слова, она видела, как ту трясет, но подумала, что это от прохладного ветра. Алое платье, мало что прикрывало.

— Я хотела подождать до твоего дня рождения, но думаю могу сделать это и раньше. Это тебе.

Взяв Сью за руку, Аврора старалась унять дрожь в пальцах. Она вложила небольшой пластиковый предмет, после чего сомкнула ладошку Сью и крепко сжала.

— Ты знаешь, что делать дальше. И давай без глупостей, — Аврора произнесла это безмолвно, так чтобы только Сью поняла смысл по губам.

Девушка разжала пальцы и увидела ключ с логотипом фирмы Макларен. Секундное недоумение сменилось страхом и в глазах заплескалась паника.

— Макларен?

— Да. Ты все помнишь?

Сью истерично замотала головой и попыталась отдать ключ, но Аврора встряхнула ее за плечи.

— Ты все помнишь?

Точеное лицо девушки заливали слезы, глаза покраснели. Со стороны это выглядело весьма трогательно, как и положено, когда дарят нечто долгожданное, но Сьюзан хотела только одного, чтобы это оказалось розыгрышем. Она мечтала о машине, но слово «макларен» было кодовым и означало, что ей угрожает опасность. На споры не оставалось времени, судя по тому, что из дома вышел мужчина в черном фраке и деликатно кашлянул.

— Мне пора идти. Я люблю тебя! Поняла? За меня не беспокойся, я тебя найду! — Аврора врала так убедительно, что и сама поверила.

Сью крепко обняла ее, после чего развернулась и быстро пошла к машине. Села за руль и завела мотор. Она бросила взгляд на Аврору, и ее руки выдали простой жест, который

означал «я тоже тебя люблю». Легкое прикосновение к педали газа и мотор взревел. Уверенным, лихим движением Сью вывернула руль и мягко выехала с парковки, после чего исчезла за первым поворотом улицы.

Облегчение накрыло волной, и Аврора будто обессилев, припала спиной к каменной стене дома, медленно сползая вниз. Платье тут же запротестовало негромким треском, но швы были обработаны со знанием дела.

В носу защипало, а глаза набухли, но слезы пришлось проглотить. Силы разом покинули тело Авроры, прихватив за собой способность воспринимать происходившее вокруг. Мысли очистились, словно в голове была установлена программа очистки кэш-памяти. Музыка больше не звучала спонтанно, ассоциации с фильмами казались чем-то ненужным и звать на помощь Кампана больше не хотелось.

Стало ясно одно — теперь она была сама себе Кампана.

Человек во фраке подошел ближе и нагнулся.

— Я помогу вам подняться. Осторожней, — едва ли не с заботой произнес Реймерс Пеллин.

Дворецкий заметил, как взгляд Аврора скользнул по его кобуре, которая на миг выглянула из-под лацканов фрака.

Он так же понимал, что в данный момент мисс Франклин представляла наибольшую угрозу, потому что девушку ничто не сдерживало и полагаться приходилось лишь на ее благоразумие. Из дома вышли двое охранников, один из которых тут же достал оружие и взял Аврору на мушку.

— Вот так, — подняв на ноги мисс Франклин, Реймерс достал из кармана наручники, — протяните руки вперед, боюсь, что это необходимо.

Просьба была выполнена с пугающей покорностью.

И вот теперь, Аврора стояла в кабинете и ее буравили смешливыми взглядами дюжина мужчин. Стараясь не упустить ни одну деталь, девушка в деталях воскресила свой прошлый визит в этот дом, и с удивлением поняла, что по какой-то причине цепь, закрепленную на стене удлиннили. Не на много, всего чуть больше полуметра.

Аврора без труда вспомнила до куда могла спокойно дотянуться и решила оставить зазор, а потому не сдвинулась с места где ее приковали, с удивительным спокойствием ожидая продолжения действия. Главной причиной, по которой она вела себя, как послушная кошечка, было узнать насколько Габриэль Сомерсбри хорошо информирован о деятельности Финис.

Разумеется, шансы выбраться живой из этого дома с каждой секундой таяли, но все же были, несмотря на то, что на помощь рассчитывать не приходилось.

Пока Аврору вели в кабинет, в наручниках, приставив к голове ствол, свидетелем этого стали как минимум пять человек из obsługi, в том числе ее недавний знакомый Рэйв. Старичок узнал девушку, радостно улыбнулся, а заметив стальные браслеты, сник и сокрушенно покачал головой, после чего вернулся к своему занятию. Пожилой слуга расставлял вазы с живыми цветами.

Фуршет, как видно, все таки состоится.

— Ты решил над нами подшутить? Какое отношение эскортница имеет к Вигго? Ну, кроме очевидных причин, — дар речи первым вернулся к Малику. — Или это такой способ потянуть время?

Аврора внимательно наблюдала за реакцией Габриэля улавливая малейшие изменения.

Подсознание все еще отказывалось принимать этого человека за понятного и простого Керо, а потому нежные чувства копошились где-то глубоко внутри, но за ними она наблюдала как-бы со стороны. Разобрать в какой части плана Сомерсбри снова надует было трудно — слишком много вариантов, но эта же проблема стояла и перед ним.

— Аврора, дорогая, ты не ответишь? — низкий, ласкающий голос прозвучал предостерегающе, а чуть вздернутые брови и легкое удивление окончательно убедили девушку в том, что версия Керо 2.0. была куда занятней первой. Сволочь!

Она поняла, что прямой ответ не требовался, плясать под дудку этих шутов, не хотелось.

— Я предпочту понаблюдать за вашим клубом эрудитов, — Аврора мило улыбнулась, после чего добавила, — тоже мне, квант милосердия!

Дерзкий ответ многих поставил в недоумение и только пара человек с трудом прятали улыбки. Соратники киномань, значит!

Казалось, Габриэля ничуть не смутил ни ответ, ни наряд, ни сарказм девушки. Он не сводил с нее взгляда, в котором нельзя было прочесть восхищения, любопытства, или иронии. Серо-голубые глаза, как это часто бывало, застыли в неподвижности. Намеренно расслабленная поза, легкая усмешка и непоколебимая уверенность в себе напрягали всех присутствующих.

Каждый второй из мужчин присутствующих здесь, был минимум на десяток лет старше Сомерсбри, но никто не смел даже брать слово, прежде чем Габриэль позволял это делать.

Вопрос арабского качка повис в воздухе.

— Ткнув наугад, ты все же не далек от истины, мой друг, — начал Габриэль. — Эта женщина вошла в доверие Оттернея, узнала кое-что о его пристрастиях, скажем, о паранойи относительно его здоровья, каким-то образом перевезла образец крови ВИЧ инфицированного человека, и как только симптомы начали проявляться, вывезла Оттернея в Индию, лишив возможности получить надлежащую медицинскую помощь.

— То есть ты знаешь, где он сейчас? — спросил Вольф.

— Да, — Габриэль повернулся в кресле, в его руках промелькнул пульт и огромный монитор на стене включился.

От представшей на телевизоре картины многие из присутствующих отвернулись, послышался кашель и подавляемые рвотные позывы.

— Бог мой! Это Вигго? — послушался шепот.

Аврора бесстрастно взирала на результат своих недавних трудов, не ощущая ни капли жалости, к человеку со вздутым животом, который полуголым лежал на ржавой больничной койке. Видео было снято на дешевый телефон, но даже этого хватило, чтобы рассмотреть гнойные, сочащиеся язвы, которые покрывали тело и голову несчастного. Руки Вигго были привязаны бинтами к кровати, чтобы он не сорвал капельницу. Камера взяла крупным планом надпись на прозрачном пакете, подвешенном на штативе — морфий.

Своего рода видеотчет о целевой использовании партии медикаментов, которые пожертвовал Габриэль.

— Это лепрозорий, расположенный глубоко в джунглях неподалеку от Варанаси. Надеюсь всем понятно по какой причине я не стал утруждать себя тем, чтобы вызволить Оттернея от туда? Кроме того, это потеряло всякий смысл. Мне звонили из Кали-Джагах два дня назад. Вигго скончался.

Монитор погас и Габриэль снова повернулся к присутствующим, мимолетно скользнув взглядом по фигуре Авроры. Он мог поклясться, что заметил торжество в ее глазах, что

поражало до глубины души. Но если отбросить сантименты и мораль, то работа была проделана безупречно.

— Какой ужас! Вигго не заслужил таких мук, — голос Вольфа Аундера дрожал от возмущения. — Но кто ее нанял?

— Отерней, — с неизменной твердостью в голосе ответил Габриэль. — Только не говорите, что не знали о его проблемах с неким Алексом Фарротом. Эта женщина была нанята, чтобы избавиться от главного свидетеля, который мог дать показания в суде. И данная часть сделки была выполнена столь же безукоризненно, как и та, о которой заказчик не подозревал.

— Из-за денег? Вигго не заплатил?

— Аврора, Вигго с тобой расплатился? — спросил Габриэль.

— Разумеется, — чарующий женский голос отозвался с едва уловимыми горькими нотками. -

— Тогда зачем ты сделала с ним это? — начиная терять терпение закричал темнокожий мужчина, нетерпеливо сжимая кулаки.

— Прошу тебя, Терон, — Габриэль поморщился от крика, что мгновенно приструнило оппонента.

— Ради удовольствия, что же тут не понятного? — Аврора ответила даже не пряча удивления, словно это было чем-то очевидным.

— Я не верю, — слово снова взял Вольф. — Габриэль, будь добр, представить доказательства. Легче всего отвезти ее сейчас в подвал и отдать парням приказ.

Сомерсбри нехотя нажал кнопку на интеркоме.

— Реймерс пригласи его.

Через мгновенье дверь распахнулась и в кабинет вошел Мауро Понтинг. Его глаза бешено блестели и все внимание обрушилось сразу же на Аврору.

— Привет, Наин! Думала, что выйдешь сухой из воды? Ну, ничего... Я сотру с твоей мордашки эту очаровательную улыбочку.

Габриэль нахмурился, когда вслед за Понтингом проскользнул Реймерс. Он спешно подошел к хозяину, наклонился и что-то прошептал. Краем глаза наблюдая за Сомерсбри, Аврора почувствовала, как у нее холодеет затылок, а ноги становятся ватными, потому что сейчас на лице Габриэля отражались самые настоящие изумление и мука. Нехорошее предчувствие огромной дозой вспрыснулось в кровь.

— Извините, господа, нам нужно еще кое на что взглянуть.

Монитор снова ожил. Нажав пару кнопок Габриэль выбрал новостной канал с субтитрами на английском и пролистал записи на три дня назад.

Запыхавшийся репортер захлеб рассказывал о случившемся пожаре и все бы ничего, но Аврора без труда узнала знакомую пристань и беленые лежаки... Ее дом, сгоревший дотла. Но это было не самым худшим.

Оператора теленовостей не пускали за желтую ленту, которую растянули полицейские, однако в кадр попали люди, одетые в пластиковые комбинезоны, которые ползали с пинцетами и пробирками по земле, вокруг двух трупов.

— На данный момент полиция не комментирует произошедшее, но мы видим, что тела не пострадали от огня. Их выловили рабыки в море неподалеку от острова. На руках видны следы от веревок. Установлено, что это была пожилая пара, которая жила на острове вместе с владелицей дома и ее племянницей.

— Мауро я отдавал тебе приказ на подобные действия? — в голосе Габриэля звучала неприкрытая угроза.

— Нет, но...

Медленно поднявшись с кресла Сомерсбри стал медленно подходить к наемнику, глаза которого панически забегали по сторонам.

— Реймерс, собери всех людей, которые участвовали в этом, дальше ты знаешь что делать.

— Слушаюсь, сэр.

Голоса затихали и снова разрезали воздух, но я не могла пошевелиться, будучи не в силах отвести взгляда от экрана монитора. Это злая шутка! Мозг отказывался принимать увиденное за правду и говорливый репортер сейчас улыбнется, а актеры, которые так достоверно изображают трупы, подпрыгнут и замрут в нелепых позах, как и положено в конце розыгрыша.

Но нет... Я узнала бы передник Каси в любом виде, ее безмятежные черты лица уже начала уродовать одутловатость, которую вызывает трупное разложение. Воображение живо подсунуло картинку, как старикам грубо связывают руки, вывозят на лодке в бухту и просто толкают в воду.

Смотри, Аврора, смотри!

Это твоих рук дело, ты привела чудовищ на остров, утешай себя теперь мерами безопасности.

Я была не в силах и дальше держать маску невозмутимости, и в то время как из глаз брызнули слезы, Габриэль еще на шаг подошел ближе к Понтингу, от чего тот опасливо попятился назад. План действий сложился молниеносно и вопрос об удлиненной цепи тут же отпал.

Рванув вперед, я проскользила по полу, выставляя Понтингу подножку так, чтобы он упал на спину. Его голова оказалась в пределах досягаемости, что и требовалось. Я без промедления рухнула на колени рядом с ним и впилась зубами в шею, как раз в аккурат где проходила сонная артерия.

В рот хлынул поток соленой, теплой крови, вызвав приступ тошноты. Охранники подлетели через секунду, пытаясь оторвать меня от тела мужчины, который не мог кричать. Понтинг молотил меня руками, вырывал волосы, отталкивал и захлебывался.

Сжимая челюсти все сильнее, я ощущала, как туго сопротивляются жилы и мышцы, как они лопаются, под давлением смыкающихся зубов, пока не послышался сухой скрежет.

— Позовите врача!

— Пристрелите кто-нибудь эту бешеную суку!

— Она перегрызла ему горло...

Напыщенность присутствующих словно ветром сдуло, они были близки к истерике и только Габриэль стоял неподвижно, с черными от ненависти глазами наблюдая за кровавой расправой. Он видел, как боль утраты разрывала тело Авроры на куски. Боль, к которой ее не могла подготовить ни одна экзекуция, и по сравнению с которой, сдирание кожи, было простой косметической процедурой. Девушку удалось оттащить от тела Мауро, только впесме с выгрызанным куском плоти, который она выплюнула в лицо наемника, после чего затихла в руках охранников, пристально наблюдая, как врач беспомощно ползает в луже крови.

— Кто-нибудь вызовите скорую помощь! — вмешался Вольф, но доктор удрученно

показал головой.

— Боюсь это не поможет. Если бы это был одиночный разрыв сонной артерии, я хоть сейчас, перекрыл его зажимом, но перекрывать нечего. Здесь отсутствует семисантиметровый кусок артерии, ее просто выгрызли. Соединять нечего.

В этот момент Аврора жутко рассмеялась. Ее рот, подбородок, грудь и платье были сплошь залиты кровью, а из глаз потоком лились слезы. Она закричала так, что Габриэль впервые пожалел, что не лишен слуха. У него и самого чесались руки разможжить голову Мауро о стену, но нельзя было лишать Аврору шанса отомстить за смерть стариков. Крик перешел в нечеловеческий рев. Со стороны это выглядело, будто женщина лишилась рассудка.

— Ах, ты тварь! Что тут думать, если никто не хочешь марать руки, то я с удовольствием сделаю это, — Малик выхватил у одного из охранников нож и ринулся к Авроре, но воздух сотрясли три громких выстрела, тело девушки сильно дернулось, а грудь превратилась в месиво из плоти и костей.

Зурви так и застыл не успев занести нож.

Все обернулись и увидели, как в руках Габриэля дымится пистолет. Он стоял выпрямив спину, с бесстрастным видом, после чего положил оружие на стол и снова занял свое место.

— Надеюсь теперь ни у кого не возникнет вопросов относительно моей предвзятости или нежелании действовать?

Легкое нажатие на кнопке интеркома.

— Реймерс пусть здесь уберут. От тел избавься. Господа, думаю, сейчас самое время сделать небольшой перерыв.

Дважды просить не пришлось, члены совета с облегчением покинули кабинет. Который стал местом кровавой во всех смыслах разборки. Габриэль задержался, наблюдая за тем, как выносят тело Понтинга, после чего подошел к Авроре, присел на корточки рядом с ней и взял за запястье.

Ее глаза были приоткрыты, но абсолютно неподвижны, зрачки расширились, что указывало на то, что она без сознания.

Пальцы нащупали нитевидный пульс. Охранники уже вернулись, чтобы убрать второе тело, но торопить хозяина никто не решался.

Прошло больше минуты, с тех пор как венка на запястье отдалась слабым толчком, а Габриэль как-будто ждал, что будет еще один удар пульса. Напольные часы тихо отсчитывали секунды. Еще минута...

Все закончилось.

Осторожно уложив руку на пол, Габриэль отошел в сторону, наблюдая за тем, как тело Авроры упаковывают в пластиковый мешок. Он не позволял себе показывать лишних эмоций, но всегда буквально принуждал сопереживать смерти от своей руки. Аврора не могла не догадаться, что сегодняшний день был для нее последним, а увидев зверски убитых Кассандру и Добу, мысль о смерти стала даже желанной.

Но какая утрата!

Внимательно прислушиваясь к чувствам, которые распирала грудь, Габриэль, и не пытался отмахнуться от очевидного — утрата была слишком личной для него.

19 глава

Массивный деревянный чурбан был спрятан за сараем. За многие годы древесина

пропиталась куриной кровью, обретая коричнево-красный оттенок. Очередная жертва висела головой вниз, пока когтистые лапки крепко сжимала рука бабы Нюры. В другой руке пожилая женщина держала острый топорик.

Процедура была отточена до совершенства.

Не выпуская лап, птицу следовало уложить на чурбан и хорошенько прицелиться. Как ни странно, но легкая жалость каждый раз проносилась тревожным ветерком, правда, так же быстро исчезала. Пагубное это дело держать ферму с сантиментами наперевес.

На обед была запланирована куриная лапша.

Точное падение острого топорика на шею и пернатая тушка затрепетала в судорогах. Баба Нюра сунула птицу в ведро и отпустила лапки, после чего рубанула топориком по деревянному чурбану, от чего лезвие застряло, будто повиснув в воздухе. Нужно было еще притащить кипятка, чтобы ошпарить перья.

Рядом радостко скакал Рекс, радуясь, что скоро можно будет поживиться свежей куриной головой.

— Да не скачи, ты, окаянный. Жрешь уже больше Марсюши! Чи глисты у тебя? — недовольно отмахнулась старуха от собаки, на что прозвучало недоуменное скуление.

За воротами послышалось резкое торможение, знакомый гул двигателя и то, как он заглох.

«Васька!» — догадалась Анна Витальевна. Она встревоженно замерла на деревянных порошках крыльца.

Калитка распахнулась и проем заполонила корявая, выработанная фигура Кипотченко. Его лицо обычно отличалось бесстрастным, спокойным выражением, но сейчас, с первого взгляда было понятно, что произошло что-то из ряда вон.

— Ты чего, Вась? Что случилось?

И до того не разговорчивый мужик, отвел глаза и начал переминаясь с ноги на ногу.

— Собирайся, Витальна, в город надо съездить по делам. А вот по каким я еще и сам не пойму. Максим Валентинович звонил.

— Ни как новая клиентура подоспела...

Из дома показалась флегматичная морда Марсика.

Огромный пес со вкусом зевнул и словно под гнетом веса собственного тела, рухнул к ногам хозяйки, подставляя под разношенные шлепанцы уши, которые вечно чесались.

— Может быть.

Баба Нюра отпихнула голову пса, получив за это полный укора взгляд, потом сама себе цыкнула и ухватившись за дверной косяк для равновесия, стряхнула обувь и ее пальцы утонули в густой собачьей шерсти.

— Ох, уж мне эти болезные, а я им на что? Аврора говорила всех принимать без отказа, чего ехать? Мне бы куру дощипать, а то Рекс раздербанит.

Василий только пожал плечами.

Марсик требовательно гавкнул, чтобы продлить почесушки, на что хозяйка погрозила пальцем.

— А знаешь, привяжи-ка эту шельму худую и возьми кастрюлю с кипятком на плите, пойди да залей тушку, пока я переоденусь. Чего время тратить?

— Хорошо, Витальна.

Спустя четверть часа. Нива понеслась по сельской гравийке, вздымая клубы пыли. Этим летом засуха занялась с начала июня. Поля, засеянные ячменем уже стояли обглоданные

громадинами комбайнов. Единицы стояли неубранными. На серо-коричневой раскаленной земле только и остались большие рулоны скатанной соломы.

Анна Витальевна переделалась в парадное платье, которое ей подарила дочка. Легкий крепдишин, расписанный витками огурчиков дополняла старомодная сумка из кождама и светлый платок на голове.

Районная больница представляла собой комплекс из шести зданий и считалась самой маленькой по площади. Кроме того, располагалась за пределами города, по территориальной принадлежности за ней закреплялись все жители близлежащих поселков. Василий только притормозил у пропускного пункта.

— В хирургическое, — коротко бросил он охраннику и шлагбаум взлетел вверх.

Несколько поворотов среди однотипных двухэтажных зданий и Нива замерла на стонке главного корпуса самого высокого строения, в восемь этажей.

Анна Витальевна прекрасно знала, что здесь расположены лучшие палаты — платные.

Первый этаж, ленивый голос охраны, что надобно и короткий кивок, который служил своего рода зеленой лампочкой, которая загорается на турникетах. Таких штуковин в районной больнице Чебоксар не водилось отродясь.

Выкрашенные бежевой краской стены лишь посередине контрастировали с красной тонкой линией, которую, кажется, намалевали чтобы пациенты не сошли с ума от однообразия внутреннего убранства. Обычно, доктор Перекатов обитал в своем кабинете, но сегодня Максим Валентинович ожидал своих посетителей в холле седьмого этажа, на котором располагались палаты.

— Вася, спасибо, что так быстро. Идемте! — белый халат мелькнул перед глазами и сгинул в полумраке коридора.

— Погодите, не так быстро, — Анна Витальевна хоть и поднялась на лифте, но чувствовала себя нехорошо из-за духоты. Старенькие кондиционеры были бонусами только в палатах.

— Двенадцатая! — подсказал доктор номер и приоткрыл дверь, опасливая заглядывая внутрь. — Леночка, ну что? Все тихо?

Мужчина судорожно полез в карман, извлек кусок марлевой салфетки, которым промокнул взмокший лоб.

— В сознании, но не знаю, стоит ли пускать посетителей.

— Иди, иди, я тут сам разберусь, — доктор мягко вытащил молодую медсестру, и нетерпеливо махнул рукой Василию и бабе Нюре. — Только выдай, парочку халатов.

— У нас закончились.

— Одноразовые достань, живо! — едким уставшим голосом прошипел Максим Валентинович, теряя терпение.

Леночка выпучила глаза и шмыгнула в подсобку, через секунду выбежав от туда пулей с халатами в руках.

— Едрить вашу за ногу, постойте, я запуталась. Вась, подсоби! Ой, рукав, кажись порвала. Максимушка, я заштопаю, — Анна Витальевна не влезала в больничную одежду от чего окончательно разневрничалась. Причина посещения ее не так беспокоила, как то, что пришлось бросить обезглавленную курицу на произвол судьбы, чтобы носиться с очередным наркошей.

— Заходите! Я бы не стал лишний раз беспокоить, но на этот раз все с ног на голову.

Баба Нюра последней зашла в палату и буквально врезалась в спину Василия, который

замер как вкопанный.

Тут будто сердце биться перестало и даром, что прохладой повеяло, но в лицо ударила кровь, зашумев в висках от увиденного.

На больничной койке с облупившейся краской вместо «очередного наркоши» лежала Аврора. Будучи в сознании она перевела взгляд на бледные знакомые лица, но и тени радости не промелькнуло на изможденном лице. Только челюсть клацнула и зрачки сузились.

Ладно с холодным приемом, но сам вид девушки поверг бабу Ньюру в шок.

Темные круги под глазами, болезненная худоба и огромная повязка по середине груди.

— Деточка моя, что стряслось? Ох... - дар речи даже не собирался возвращаться к Анне Витальевне и старуха лишь беспомощно запорхала вокруг кровати. Теряя самообладание она приобняла девушку за шею, но старузу тут же уверенно оттащили руки доктора.

— Неудачно в пейнтбол поиграла, — Аврора истерично усмехнулась и сделала резкий вдох, тут же задохнувшись от острой боли, а на глазах заблестели слезы.

— А чего же тебя к нам привезли? Аль у вас там больнички хуже?

— Слышала в России лучшая медицина в мире, — иронично хмыкнула Аврора, с тяжелым вздохом отворачиваясь, чтобы спрятать слезы.

Тут Вася ощутил желание протереть глаза. Он мог поклясться, что скорее сам разрыдается как школьница, но только не Аврора. За долгие годы знакомства он только и ждал, что эта девчонка вот-вот выгорит. Ее ремесло ломало людей, меняло и вытравливало все человеческое.

Винсент упоминал, что у нее перед самыми выносливыми людьми есть преимущество, какая-то аномалия развития нервной системы и как следствие иное восприятие физической боли. Пусть так, но всегда остаются аспекты психологического характера.

И тут — на тебе! Женщина, без малейших угрызений совести подвязалась на грязную, опасную работу, и руки в крови у нее не по локоть, а по самые уши.

Неужели настал час расплаты?

— Она поступила к нам два дня назад. Раны ни чем не отличаются от тех, что мне встречались уже много раз. Три глубоких пореза, состояние приближенное к искусственной коме, почти нулевая метаболическая активность. Справа трещина на четвертом ребре, на пятом — перелом. Но это тоже поправимо. Из Новосибирска уже едет пластический хирург.

— Пластический? — удивленно переспросил Вася. Он до сих пор не мог взять в толк, каким образом Аврора очутилась в их захолустной больнице и что с ней стряслось.

Одно было ясно — с анонимностью покончено и все семейство Анна Витальевны под угрозой.

— В окно полетит ваш хирург, если переступит порог палаты, — огрызнулась Аврора.

— Как ты понимаешь, это не ее блажь. Скорую помощь вызвали к гаражному кооперативу на Волгоградской два дня назад. Девушка была без сознания, лежала за остановочным комплексом. Известно только, что это был мужчина. В тот же день ко мне наведалься курьер и передал пакет. Там были деньги и короткая записка, чтобы шрамов на груди не осталось, а еще кормить ее пирожными.

Послышался еще один нервный смешок в исполнении Авроры, но весь градус напряжения брала на себя баба Аня, которая проигнорировав слова доктора, умудрилась уложить голову девушки к себе на грудь все время поглаживая всклокоченные золотистые волосы.

— Вот держи.

Перекаатов протянул клочок бумаги Василию, подошел к процедурному столу, выбрал пузырек и распечатав шприц, отобрал лекарство.

— Она много крови потеряла?

— Нет, ты же знаешь, с такой раной все быстро затягивается. В общем, я провел обследование, анализы, рентген, сейчас подумываю вызвать психиатра. Я с риском для жизни добираюсь до ее капельницы последние сутки. Поэтому решил вас вызвать. Аврора всячески препятствует своему лечению. Даже обезболивающее отказывается принимать, чудом удается менять пакеты с физраствором и глюкозой, — опасливо покосившись на хмурую пациентку, Максим Валентинович короткими шажками приблизился к штативу, обрадовавшись, что баба Аня перекрывает собой Авроре возможность броситься на него, как это было уже пару раз, и выдавил содержимое шприца в пластиковый пакет с физраствором.

Персонал грозил подать коллективную жалобу на буйную пациентку из двенадцатой палаты и только худая, как щепка, Леночка бесстрашно заходила в эту клетку со зверем, словно сама себе пытаясь что-то доказать.

— Психиатр полетит вслед за пластическим хирургом, — мрачно встала Аврора, покорно принимая лобызания бабы Нюры.

— Доктор, ранение полностью индентично?

— Да! — Перекаатов сразу понял о чем идет речь и резко перебил Вассилия, подтвердив самые страшные опасения.

— Вы, не оставите нас?

— Конечно, — Максим Валентинович с тревогой глянул на свою пациентку, без лишних слов поняв, что не хочет слышать о чем пойдет беседа. Он знал, что Аврора Франклин американка со странностями, а еще — в Пылюкановке творятся странные дела на одном подворье. — Анна Витальевна, извините, что приходится вас просить, но Аврора больше никому не вползволит ухаживать за собой. Вы сможете навещать ее почаще?

— Какой вопрос, Максимка? Я поселюсь здесь, вон и стульчик мягонький есть.

Сейчас бы взорваться от возмущения, но девушка, казалось, истратила свои силы на препирательства, уставившись отрешенным взглядом в пол.

Аврора слишком хорошо платила доктору за работу и молчание, так что желание совать нос в грязные делишки не возникло ни разу.

В палате повисла гнятущая тишина. Василий перебирал в памяти все сценарии, которые могли возникнуть и их кодовые названия. Вторым, в списке предвестников апокалипсиса, был...

— Келвин Кляйн? — имя модного дизайнера звучало в исполнении Василия нелепо до смеха, он и сам это осознал, когда произнес вслух.

— Это тот, кто напал на тебя? — встрепенулась баба Нюра, зачем-то хватаясь за свой радикаль.

— Нет, — Аврора ответила сразу обоим. — Дарт Вейдер.

Вася изменился в лице и почувствовал желание опереться о стенку, чтобы устоять на ногах.

Этот персонаж обозначал полное разоблачение и тотальную угрозу, которая может нагрянуть с любой стороны.

— Ну, не повезло этому сукиному сыну! Сейчас я в милицию позвоню, напишем заявление, ах Ирод! — баба Нюра уже схватилась за телефон. Ее решительный настрой и

боевой дух, заставил Аврору слабо улыбнуться.

— Не надо, баб Ань, оставь. Побереги сердце, не вынесу я если с тобой что случится.

— Ой, да цела я буду, деточка. Родная моя, голубушка. Вот увидишь, поправишься, все утрясется, я тебя откормлю, травками поить буду. Знаешь какого чабреца я засушила... Закачаешься!

Вместе со старческими слезами, Анна Витальевна подкладывала под язык круглые таблетки валидола, которые выудила вместе с телефоном, а Вася все так и стоял огорошенный.

— Но почему именно так? Именно сюда? — Вася на мгновение потерял самообладание и повысил голос.

— Чтобы я осознала степень информированности.

— О всех знают?

— Это и предстоит мне выяснить.

— Звонить?

Аврора снова позволила уложить свою голову на полную горьких вздохов грудь бабы Нюры и коротко кивнула.

— Звони.

— Кому это? — старуха немного успокоилась, прислушиваясь к странному разговору. — Бызылгаю?

Вася нервно усмехнулся, наивности пожилой женщины, которая вспомнила местного авторитета, который давным давно действительно держал округу в страхе. Но как ни странно у этого типа была слабость к простым людям. Помогал Бызылгай щедро, любил чтобы ему заэто чуть ли не в ноги кланялись, а народ был не гордый в конце восьмидесятых.

— Я извиняюсь, — белый халат Перекатова снова мелькнул по палате. Доктор вихрем пронесся, неся в руках пластиковый пакет. — Совсем забыл. Это личные вещи. Пришлось хранить у себя в кабинете, сами знаете, у нас народ всякий попадается.

И учитывая, что Аврора не проявила никакого интереса к сказанному, пакет молча перешел Васе в руки, после чего доктор снова ретировался.

— Тебя в этом привезли? — изумленно спросил Василий, доставая изуродованное красное платье, почти полностью измазанное засохшей кровью.

— Вась! — Аврора выпучила на него глаза, когда баба Нюра в очередной раз схватилась за сердце, от чего платье снова сгнуло в недрах замусоленного пакета.

— Извини. Так, ни документов, ни денег, подожди... Еще телефон!

Аврора нахмурилась, нехотя вспоминая детали плана Сомерсбри, от которого ей тошнило.

— Дай мне его.

Вася протянул увесистый сотовый, который так хорошо был знаком Авроре. Ее глаза забегали, мышцы напряглись, а челюсть так знакомо выпятилась вперед.

«Думает!» — догадался Вася.

«Второй пункт плана», — догадалась Аврора, вертя в руках личный телефон Габриэля.

И хотелось бы забыть все, что было прописано на том ноутбуке, но фотографическая памяти хранила самые незначительные подробности.

По наметкам Сомерсбри, его окружение готовило ни больше, ни меньше — переворот, а потому пришлось готовиться, к тому, что в один прекрасный день будет организовано либо покушение, либо похищение.

Габриэль склонялся ко второму варианту, и как ни странно ничего не имел против. Единственное хорошо охраняемое место, куда его потом могли отвезти располагалось в непроходимых лесах Амазонки. Именно там находились основные лаборатории и координировалась транспортировка кокаина.

У Сомерсбри была одна лазейка и по его собственным словам, очутиться в Колумбии было в его интересах, пусть даже статус его пребывания будет лишен прежних привилегий хозяина. Что именно ему там нужно было, Аврора так и не узнала, но именно ей нужно было добраться туда — координаты в помощь, и привезти именно этот чертов телефон.

В чем была связь — тут уже оставалось только гадать, однако нетрудно было догадаться, что этот сотовый хотели бы заполучить многие.

Первым пунктом плана значилось — стопроцентное прикрытие.

Вот только Аврора, не думала, что для этого ей придется буквально прогуляться под ручку со смертью. Сомерсбри не терял зря времени и умудрился воспроизвести пули с особым стеклянным наконечником, который выполнял роль ампулы.

Здесь, ему нужно выразить признательность. Не выстрели он тогда, Аврора бы сошла с ума от горя, а тут такой подарок! По идее, все кто видел Аврору должны были убедиться, что она мертва и больше не представляет угрозы.

Вторым пунктом плана значилось передислокация к месту где, находился транспорт, на котором Аврора должна будет добраться до Колумбии. Это место было указано в приложении-органайзере, которое было установлено на злополучном телефоне.

Вот только, как его открыть?

Нажав кнопку, Аврора увидела на дисплее окошко, к которому нужно было приложить палец.

«Считывает отпечатки! Надо было этому напыщенному индюку палец отрезать?» — промелькнула мысль.

Не долго думая, двушка приложил большой палец на авось и к ее удивлению, на мониторе появилась зеленая галочка и следующая надпись: ГОЛОСОВАЯ АКТИВАЦИЯ. НЕ УБИРАЙТЕ ПАЛЕЦ ОТ ЭКРАНА.

— Аврора, — коротко произнесла девушка, почувствовав, как тревожно забилося сердце.

Снова зеленая галочка.

Василий нахмутив брови, следил за манипуляциями, как вдруг, Аврора подскочила с кровати с воплем:

— Что?!

Да так, что штатив с капельницей скрипя колесиками ринулся за ней.

— Какая нахрен миссис Сомерсбри????!! — разнесся по больнице нечеловеческий рев.

— Кто это? — Вася оттеснил Анну Витальевну подальше от Авроры, чтобы та с горяча не задела старушку.

Девушка тяжело оперлась руками о подоконник и тяжело опустила голову.

Зачем он это сделал?

Это не прихоть и не шутка.

Мозг разрывало на миллион кусочков от сотни мыслей, предположений, тут же попутно мелькали бездыханные тела Добы и Кассандры, которые смертельной раной впились в память и страх за жизнь Сью. Ужас и чувство вины не отпускали Аврору ни на секунду, пришлось призвать всю силу воли, чтобы понять, что происходит.

— Ты слышишь? Аврора, ты как? Позвать врача? — осторожно спросил Василий, всматриваясь в бледное лицо девушки.

Впервые приходилось видеть ее такой растерянной, испуганной и опасной.

— Я...

— Что? В смысле?

— Миссис Сомерсбри, это я.

— Замуж успела выскочить? — хмыкнул Вася, боковым зрением заметив, что баба Нюра стала креститься, забившись в угол.

Его слова произвели эффект разорвавшейся бомбы.

Аврора очутилась около Кипотченко его за долю секунды, от чего злополучный штатив в грохотом рухнул на пол, вырвав иглу капельницы из вены с пластырем. Обхватив шею Василия кровотокающей рукой, Аврора страшно выпучила глаза и буквально задыхаясь от ярости, прошипела в лицо:

— Все не так весело, друг мой. И мы повязаны одной веревкой, пока я не выясню, чем это грозит..., - она осеклась вовремя прикусив язык и Вася догадался, что речь о бабе Нюре и ее родне. Даром, что Аврора перешла на английский язык, чтобы старуха не получила удар в этой палате.

Лицо девушки стало багровым, но сбросить крепкую хватку Вася не решился, только коротко кивнул, дал понять, что признает, что сглупил.

Со стороны эта сцена выглядела дико и Аврора поняла, что для Анны Витальевны, это абсолютный шок. Баба Нюра смотрела на происходящее и с каждой минутой белела все больше и больше, ее губы безмолвно двигались, словно она молилась, а в глазах застыл ужас. Это охладило пыл.

— Извини, — только и смогла выдавить из себя Аврора, отступив на шаг, она тупо уставилась на пол, всматриваясь в кровавые отпечатки своих босых ног.

«По горло в крови...»

Люди так и сходят с ума.

Нужно было брать себя в руки, отец сотню раз предупреждал, что рано или поздно нечто подобное может случиться. Он только по этой причине всю жизнь скитался одиночкой, и даже родную дочь к себе не подпускал. Лишь редкие открытки пару раз в год, как было условлено, и ни одного теплого слова.

Раньше подобное поведение воспринималось как ханжество и эгоизм, но спустя годы, отец нехотя открывался с другой стороны. Его одержимость привить дочери выдержку и терпение всеми видами пыток были продиктованы желанием обезопасить ее от потенциальной жестокости, в том случае, если девочка провали очередное задание и попадет в руки спецслужб или недовольных заказчиков.

— Надо тут прибраться, а то Леночка меня ночью подушкой задушит, — тихо сказала Аврора, закрыв прокол от капельницы пальцем, чтобы остановить кровотечение. Глаза лихорадочно горели, губы бесшумно двигались что-то проговаривая, растерянно-виноватое выражение лица не вязалось с агрессивностью.

— Сейчас, — Василий шмыгнул в коридор и вскоре вернулся с ведром и шваброй. — Присядьте пока.

— Давай, Васятка, я сама, не мужицкое это занятие, — неожиданно ровным голос заявила Анна Витальевна и ловко вывернула швабру, не смотря на протесты.

Наложив тугую повязку на руку Авроры, Кипотченко присел на краешек кровати,

вперевшись вопросительным взглядом.

— Его будут искать, — Авроры улеглась на койку и закрыла глаза. — Сомерсбри.

Она снова перешла на английский. Вася уселся на единственный стул, чтобы не мешать Анне Витальевне наводить порядок.

— Винсент что-то упоминал про него. Торговля наркотиками, верно?

Девушка кивнула. Ее лоб покрылся бисеренками пота.

— Но как он на тебя вышел? Стоит подумать о родне, перевезти всех в безопасное место.

— Уже подумала, — вымученно прозвучал голос, а Вася отвернулся в сторону. Его дело было маленьким и уж точно редко кто интересовался мнением простого мужика с запойным прошлым, если речь заходила о планировании операции. Одна задача — выполнять поручения. Непросто было подобрать слова, чтобы Аврора хоть немного оживилась. Ей пришлось не сладко и явно кто-то серьезно пострадал, а скорее всего умер. Кто-то близкий.

— Он случайно раскрыл меня. Если бы я не отвезла последнего клиента в Индию, все осталось бы по прежнему. Меня бы никто не раскрыл. Помнишь я тебе рассказывала про своего знакомого — Керо Лоудверча?

— Да, он каким-то боком с ООН был связан.

— Так вот он и есть Сомерсбри. Там с дюжину имен у него, как и принято в лучших домах Лондона. Аристократ хренов! Ну, я его спасу. Привезу телефончик.

Аврора даже не улыбнулась, ее распухшие губы, которые она искусала в кровь, уродливо изогнулись в угрожающий усмешке, а голова мелко затряслась. Но спустя секунду, девушка сделала глубокий вдох, демоснтрируя потрясающую метаформозу.

В палате повисла тишина.

Анна Витальевна, игнорируя свой возраст и ревматизм, по-молодецки расправилась с кровью на полу, и кажется, успела сформировать собственное видение ситуации. Старуха понимала, что ее пригласили исключительно в качестве сдерживающего фактора, чтобы Аврора дров не наломала.

— Полиция первым делом обратится к ближайшим родственникам. Так мое имя и всплывет. Авроры Франклин не существует только для кучки идиотов из окружения Сомерсбри. Он нарисовал на моей голове мишень на случай, если я решу нарушить договор, а значит, придется скрываться. Хитрый ублюдок!

Все сказанное вслух казалось сущим бредом.

— И тут ты абсолютно права!

Знакомый хрипловатый голос прозвучал словно выстрел. Винсент Кросс был похож на призрака, которого долго и упорно вызывали на спиритическом сеансе. Усталый вид, темные круги под глазами и всклокоченная борода вынырнули из тени коридора.

— Василий, — Винсент сухо пожал руку Кипотченко. — Витальевна!

Старушке досталось теплое объятие, а потом баба Нюра потрепала по голове великовозрастного мужика, словно дворогого мальчугана, которому бы еще не плохо «дать на орехи».

— Ой, Ваня! Думала, уже не увижу тебя. Смотри-ка, седой весь, и бороду отрастил. Ну прям, муж почтенный. Все, вдвоем точно справитесь с этой бестией. Аврорушка, я поеду домой. Вам поговорить надо, а я пока лапшички сварю и с горяченькой приеду. Вася, метнись за мной часика через полтора, я вас сменю с побуду с девочкой, чтобы она доктору шею не свернула. Так, надо полотенечко привезти чистое, кружку, тарелочку, щетку куплю

новую зубья чистить, пасту и где-то рубашка совсем новая синтцевая завалилась..., - завелась баба Нюра пряча свой страх.

Она прекрасно понимала, что стряслась большая беда. Ее слова Аврора пропустила мимо ушей, но хорошо, что самообладание вернулось к девушке. Привычный спокойный взгляд, родное дыхание, намертво сцепленные челюсти, даже дрожь в руках прошла.

— Здравствуй! — произнесла Аврора ровным голосом, впившись взглядом в отца.

— Вась, езжай к Фисану. Пусть ликвидирует свой цех, чтобы все следы замести. Не обсуждается. И Витальевну домой подкинь.

Шелестящий, негромкий голос пронесся в воздухе, и Аврора хребтом почувствовала, что ее ожидает взбучка. Папуля как раз избавляется от свидетелей.

Вася, с сочувствием глянул на Аврору, но ни слова не сказав, подхватил под руку бабу Нюру и пулей вылетел из палаты.

Отец смотрел в упор, его взгляд ни на секунду не смягчился, радости встречи тоже не наблюдалось. Не знай его Аврора, то по внешнему виду приняла бы за собутыльника-рыбачка Васи, коих десятками водилось на местной речушке.

Мятая сизая футболка, джинсы выдавшие лучшие времена, пыльные кроссовки и рюкзак за плечом, сеточка морщин на хмуром лице, тонкая линия губ, которые были недовольно поджаты.

— Ну, что, взяла себя в руки?

— Да.

— Хорошо.

— Ты проводил Сьюзан?

— Да. Она в безопасности. За ней присмотрят.

Присутствие отца оказывало на Аврору, как лошадиная доза успокоительного. Хоть он не высказал вслух фраз, которые начинаются на сакраментальные «а я же говорил...», «сто раз тебя предупреждал...» и прочее, обличительные речи, которые и без того звучали в голове Авроры непрерывно, добавляясь в мешанину спутанных мыслей, сожаления, боли и вины. За кулисами сознания даже еще трепыхались забитые камнями чувства к Керо. Психологическое четвертование шло вовсю.

— Что собираешься делать?

— Пластику. Ты разве с Перекатовым не разговаривал? — Аврора ерничала, уходя от ответа.

— Мало, что понял. Давно в русском практики не было.

Винсент подошел к дочери, бесцеремонно отодвинул край повязки на груди и наклонился так близко, что кончик его носа едва не коснулся плеча дочери.

— И как по ощущениям?

— Тебе действительно интересно? — с легкой насмешкой спросила Аврора.

— Нет, конечно. Перейдем к делу. Сомерсбри испарился.

— Да, это входило в его планы.

— Не хочешь мне все рассказать?

— Только не здесь. Стоит подумать, куда отвезти бабу Аню и ее семью.

— Никуда они не поедут.

— Она приманкой не будет. Хватит, я уже потеряла...

— Кого? — угрожающе повысил голос Кросс. — Родню?

Аврора позавидовала тому равнодушию, с которым отец разговаривал с ней. Вот чему

следовало поучиться.

— Шрамы будут приметные. Операция назначена на завтра. Никаких возражений. Пару дней и тебя выпишут. Я побуду с Аней, разузнаю у местных, может кого подозрительного видели. Набирайся сил.

На прикроватную тумбочку с шелестом опустился пластиковый пакет, который Винсент выудил из рюкзака.

— Яблоки мытые, — только и сказал он напоследок, прежде чем ушел негромко хлопнув дверью.

Потрескавшиеся крашеные стены, запах хлора от вымытых полов, звук вечно струящейся вода в стояке туалета и щебет птиц за окном были слишком сильным контрастом, после разрозненных речей и вопросов. Аврора закрыла глаза, чтобы привести чувства в порядок. Присутствие отца подействовало, как десяток крепких пощечин. Но не тех обидных, а тех которые раздают, чтобы успокоить истерику.

Первый вопрос, над которым стоило поразмыслить, это что делать дальше. В смысле, следовать ли плану Сомерсбри или послать его на все четыре стороны. И тут, как ни странно, Аврора стояла на перепутье. Второй вариант был очевиден и источал сладкий аромат свободы.

Отец не спроста сказал, что Габриэль исчез. Может быть это хитроумная уловка, а может быть до него действительно добрались жадные прихлебатели. Подавив знакомое чувство приятного нетерпения, которое часто толкало девушку на рискованные действия, Аврора на секунду скатилась до черной тоски, которую вызвали вспыхнувшие в мозгу трупы Добы и Кассандры.

Глубокий резкий вдох, и медленный выдох, еще раз... Снова резкая боль со стороны сломанных ребер.

Дыхательная гимнастика не шла, от слова совсем.

Девушка поднялась с койки, машинально запустив руку в пакет и выудив мелкое неказистое яблочко. Смачный хруст на долю секунды смутил пациентку, но желудок давно сводили нешуточные спазмы голода.

«Вернуться к вопросу!»

Приоткрыв створку окна, Аврора с облегчением вдохнула свежий воздух, в котором чувствовался летний зной. Он отдавал пылью, скошенной утром травой, и чем-то неподдельным, знакомым и успокаивающим.

Сомебсри не мог не догадаться, что Аврора попросту обманет его, чтобы улизнуть. В чем же подвох?

Габриэль, он же Керо помимо гнева и ядовитого чувства мести, вздымал внутри тела Авроры рой воспоминаний о тех днях, которые они провели вместе. Трудно было вспомнить, когда мужчина заставлял выть от наслаждения на разные голоса.

Просто выть это пожалуйста, вспомнить того же Рэгги...

«Ой, нет! Только его тут не хватало!» — простонало сознание.

На душе было и без того паршиво. Глубокий вздох снова оборвался на самой середине, когда сломанные ребра встретились с расширенными легкими, от чего Аврора нервно хохотнула, на что тут же тупым спазмом отозвались порезы от чудо-пуль на груди.

Пожимать плечами не было никакого смысла, Аврора обвела палату взглядом и вернулась на кровать. Какая разница где коротать время?

Здесь ей, в конце концов, был гарантирован покой.

Огрызок отправился в мусорное ведро.

Приоритетной задачей на данный момент будет безопасность фермы в Пылюкановке. Под гнетом эмоций ничего хорошего ни разу с Авророй не происходило.

Сформулированная мысль успокоила девушку.

Она улеглась на кровать, взяв в руки злополучный телефон. Его стоило изучить получше, чтобы понять в чем ценность этого куска пластика.

Начав с меню контактов, Аврора нахмурилась, увидев, что вместо имен и фамилий, там значатся названия стран или городов.

«Албания, Австрия, Алжир, Аргентина, Багамские острова, Боливия, Болгария, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Греция, Германия, Египет, Индонезия, Испания, Италия, Каймановы острова, Куба, Колумбия, Латвия, Марокко, Мексика, Нидерланды, Пакистан, Польша, Португалия, Россия, Сенегал, Словения, США, Турция, Франция, Хорватия, Швеция, Эстония, Япония.

Брови сошлись на переносице, а лоб прочертила глубокая складка. Все же, это было очень странно. К каждому контакту, был привязан телефонный номер, имя и фамилия мужское или женское.

Аврора вышла из меню контактов и зашла в органайзер, в надежде, что там будут ценные записи, но и тут ее ждал сюрприз — только две заметки. Первая — «в случае возникновения проблем просто набери номер той страны, в которой находишься».

Вторая — 35 46 02, 5 47 49

«Координаты!»

Габриэль знал, что его телефон прошерстят едва ли не на рентгене и оставил короткую инструкцию к пользованию.

Не смотря на то, что в больнице в помине не было такого чуда как вайфай, телефон был подключен к интернету. Открыв браузер, Аврора безуспешно пыталась вызвать на экране клавиатуру. Около строки поисковика располагался значок микрофона. Значит, возможен только голосовой поиск. Все было странным. Само программное обеспечение телефона производило впечатление уникального. Ни одного известного приложения, литой черный корпус с одним лишь гнездом для зарядного устройства. Вот будет потеха, если батарея разрядится! Хотя, по подсчетам Аврора была в России уже чуть больше трех суток, однако индикатор заряда упорно показывал сто процентов.

Девушка продиктовала координаты, нахмутив брови наблюдая за тем, как устройство снова просканировало ее голос. Значит, тот кто захочет использовать сервис должен на каждом шагу подвергаться проверке биометрических данных. Результат мгновенно отразился на экране — Тажер.

Портовый город расположенный на Гибралтаре был прямой отсылкой к тому куда следовало двигаться, чтобы воплотить план Сомерсбри.

Какая-то ахинея. Это простой телефон, который можно отследить и взломать! Может прямо сейчас сюда мчится отряд головорезов, которые устроят настоящую мясорубку прямо в больнице.

Стоило позвонить Боддлу — талантливому хакеру, с которым Аврора не прерывала сотрудничества.

Но сперва нужно отсюда свалить!

Не долго думая, девушка пролистала контакты до России и нажала кнопку вызова. Ей должен был ответить некий Сергей Валентинович Юрский. Всего после двух гудков, в

трубке послышался тихий, настороженный голос.

— Сергей Юрский! Что вам угодно?

Вот тут Аврора собственно задумалась, а чего ей действительно угодно, от чего повисла неловкая пауза.

— Требуется выписать..., - девушка обернулась, чтобы глянуть на прикрепленный над кроватью планшет с ее «новым» русским именем, с которым ее госпитализировал Перекатов. — До конца дня выписать некую Анастасию Евгеньевну Ровенец из Районной больницы Чебоксар номер четыре.

— Ровенец в Чебоксарах, — задумчиво протянул голос Сергея Валентиновича, который явно делал пометки. — Что-нибудь еще?

— Да, нужна неприметная, машина с хорошей проходимостью, документы на указанное имя, набор женской одежды и нижнего белья сорок восьмого размера фирмы Пларимус для походов в экстремальных условиях, соответствующего текущему температурному режиму, спортивная обувь тридцать девятого размера, и Какой сейчас курс доллара в России?

— Шестьдесят три рубля, восемьдесят шесть копеек, — с небольшой заминкой последовал ответ.

— Так... Еще потребуется двести тысяч рублями и пятьдесят тысяч в долларах.

«На непредвиденные расходы», — подумала Аврора.

Перекатов был умным мужиком и догадался, что дело пахнет керосином, а потому не стал регистрировать Аврору под ее настоящим именем, хотя ее бизнес в России был более чем легальным. Нужно будет узнать с какого потолка он снял Нястю Ровенец.

— Что-нибудь еще?

— Это все.

— Если что-нибудь поднадобится, я к вашим услугам.

Короткие гудки оборвали разговор, и Аврора с двояким чувством откинулась на подушку, не забыв засечь время. В случае успеха, она будет хлебать свежий куриный суп уже в Пылюкановке.

Вот и аппетит прорезался. Аврора даже смогла ощутить знакомое нетерпение которое ходило по закостеневшим мышцам. Энергия живительно прошла по телу текучей, шипящей волной, будто напоминая, к чему на самом деле оно привыкло, подсовывая в голову слова о предназначении и неизбежности жертв.

Трудно самой себе постоянно напоминать, что ты сильная. Со временем терпение превращается в кредо. Ох, какое затасканное, потрепанное слово, отдающее пустотой для непосвященных!

Сильная точно не поддастся своим низменным желаниям и не побежит на всех парах лелеять страстное желание вести прежний образ жизни, какой вела Аврора. Габриэль Сомерсбри просчитался! Может быть, впервые в жизни. Если настало время Авроре расплачиваться за свои ошибки, то такая же участь уготована и этому самонадеянному маньяку? Пусть утешается своими великим идеями и засунет подкрепленную аргументами мотивацию куда подальше, это его точно утешит!

Как только появится уверенность, что телефон невозможно отследить и никакой ценной информации эта железяка не несет, от него нужно будет избавиться, потом подстраховать бабу Нюру с горе-бизнесом, а потом затеряться где-нибудь в глуши, в лесах Балтики, и с горем пополам привыкнуть к простой жизни.

Что еще?

Аврора неторопливо семенила по палате, держась одной рукой за штатив капельницы, используя его, чтобы опереться — гадостливая слабость изнуряла куда больше, чем сырые рубцы, на груди, края которых под повязкой адски чесались. Из пакета было выужено еще одно яблоко.

Челюсти работали, зубы врезались в твердую фруктовую плоть, а каждое глотательное движение придавливало чувство вины в какие-то дальние метафизические дали, которые располагались под желудком.

Будто на пороге фундаментального вывода, Аврора никак не могла ухватить за хвост мысль, которая могла претендовать на истину — ценная падлюка, нельзя упускать!

Выбор!

Слово пришло на ум так же внезапно, как и все гениальные мысли, которые только спустя время можно было аргументировать.

Почему выбор?

Верно! Ей предоставили самый настоящий выбор.

Доводы в пользу защиты этого утверждения:

сохранили жизнь,

Габриэль не выдал своим поделщикам ни слова о Финис, ни одного постороннего субъекта, кто мог бы представлять собой угрозу, в течении трех суток,

телефон.

Если все так, как сообщил в своем коротком послании Сомерсбри, то это действительно уникальный актив, в возмолжности которого пока не верится. Нужно подтверждение!

«Сомерсбри допускает возможность, что я не помогу ему», — догадалась Аврора и тут же замерла, даже челюсти остановились, в неумолимом процессе пережевывания яблока.

«С чего вдруг тогда ему все это затевать? Хорошо, допустим, наша встреча была случайностью. Парень немного увлекся. За четыре года это зашло дальше чем предполагалось и возникли чувства. Нет, нет, нет... Речь идет о Сомерсбри! Он травит людей без разбора, сколько загубленных жизней на его совести, и сколько крови на его руках! Какие чувства? В крайнем случае любопытство и попытка избавиться от скуки. Таких кадров уже ничем не удивить, вот и лезут во все тяжкие».

Однако против фактов не пойдешь.

Если Авроре была предоставлена свобода, значит, и с фермой, и с бабой Нюрой и ее семьей все будет в порядке. В противном случае участь Добы и Касси была бы на лицо к этому времени. Девушка снова нажала на кнопку голосового поиска в браузере.

— Юрский Сергей Валентинович.

Появилось колесико загрузки данных, которое крутилось несколько секунд, после чего телефон выдал карту, масштаб которой увеличивался с пугающей скоростью, начиная с северо-запада России, а если точнее, с Москвы.

Без труда Аврора узнала мегаполис, и вот, на экране уже маячило здание правительства, на котором в крохотной рамке повисло имя злополучного Сергея Валентиновича. Картинка была размытой, колесико еще раз моргнуло, сверху вниз сползла белая тонкая линия, после чего изображение приняло hd качество и подробное досье на крупного чиновника из министерства финансов.

Догадка пронзила голову мгновенно, и Аврору прошиб холодный пот.

— Новый поиск, — в одинокой палате прозвучал глухой голос, в котором слышалась дрожь и на экране телефона с готовностью отразилась пустая поисковая строка. — Громушкина Анна Витальевна.

И снова карта России, но теперь намного восточнее Москвы. Увеличение и Аврора увидела знакомые очертания усадебного участка фермы бабы Нюры. Более того, сейчас это было видеоизображение в реальном времени. Можно было рассмотреть, как белое лохматое пятно гоняет светлые, торопливые точки — Марсик, опять давал жару соседским гусям, которые набрались наглости и щипали траву неподалеку от его владений. Вот и Нива припаркованная., к воротам бежит человек. Он зашел в дом, пара минут, и снова вышел во двор, присел на крыльцо. Заросли винограда немного перекрывали обзор, но Аврора без труда узнала Васю.

Аврора отключила телефон и аккуратно положила его на кровать, после чего спустила босые ноги на пол, обхватила голову руками и стала раскачиваться вперед-назад, делая дыхательные упражнения, чтобы осознать, какие возможности открываются для любого человека, который завладеет подобной техникой. Мгновенный поиск, на который, похоже работает не один спутник. Не в тех руках, это может превратиться в орудие тотального контроля или слежки.

Так, стоп, а руки Сомерсбри, значит, были «те» до недавнего времени? Бред какой-то!

За потоком рассуждений, Аврора не заметила, как быстро прошло время. Солнце перевалило с зенита. Вдалеке послышался приближающийся вертолетный рокот.

В коридоре поднялась суета. Топот ног проносился мимо двери с пугающей частотой, двери хлопали, а нервный мужской голос вопрошал где Коля.

В палату влетел Перекатов. В одной руке он держал лист бумаги, а в другой битком набитый пластиковый пакет.

— Вот выписка. Звонили с проходной. Тебя, кажется, машина ждет. Спорить бесполезно, так что, вот, держи. А это доставили спецавиацией.

Доктор достал из кармана замечатанный конверт.

Пакет с вещами самым вольным образом рухнул в руки девушки, после чего доктор отсоединил капельницу, отмотал бинт и туго перетянул место прокола на руке по всем правилам, давящей повязкой.

— Там твои вещи, курс антибиотика, шприцы и физраствор. Я купил лучшие пробиотики, которые смог найти в нашей аптеке и добавил еще кардиопротектор. Это капли. Попей хотя бы неделю, я там написал на флаконе. Меня сейчас ждет взбучка от главврача. Николай Семеновичу пришлось прервать селекторное совещание, чтобы подписать твою выписку. Что бледная такая? Радоваться должна. Еще никто так легко у нас не выписывался, — криво усмехнулся Перекатов, неодобрительно качая головой.

Аврора всегда любила умных людей, которым не нужно было много слов и тем более угроз, чтобы понять, как себя вести в экстремальных ситуациях. Перекатов был третьим калачом, судя по всему. В его голосе чувствовалось раздражение и искреннее желание помочь.

— Проводите меня до машины, доктор, если не сложно, как ни как, думаю, это наша последняя встреча.

— Как говорят у нас не говори «гоп» пока не перепрыгнешь...

— А я говорю, что песню надо слушать до припева, а потом говорить, что она дерьмовая.

— Ну, ты меня поняла. Идем!

Очувтившись на больничном дворе, который был закатан потрескавшимся асфальтом, Аврора с упоением вдохнула, наслаждаясь свежим воздухом, и тут же поморщилась, когда рана на груди напомнила о себе.

— Может, все так подождешь хирурга? Пластика не помешает. Я знаю. Такие рубцы останутся на всю жизнь.

— Это меньшая из моих проблем, доктор.

На скромном пропускном пункте, пожилой охранник в форме с любопытством уставился на врача и девушку, которая шла в рваной больничной рубашке. Они задумчиво проплыли мимо и подошли к припаркованной машине. Девушка выглядела худой и не вписывалась в рамки здорового человека всем своим видом, однако дверцу громадного нового «уазика» открыла с завидной легкостью.

— Опять подсунули местный автопром...., - послышалось недовольное бурчание, когда светловолосая придирчиво оглядела автомобиль, после чего нырнула внутрь и подозвала к себе поближе доктора.

— Это вам за труды и хирургу передайте все, что полагается, чтобы не скулил.

Перекатову в карман халата перекечевала тугая пачка зеленых банкнот, от чего повисла многозначительная пауза.

— Напоследок не скажите кто такая Настя Ровенец?

— Моя пациентка, которая отправилась на тот свет, — Перекатов печально улыбнулся. — Первое дежурство в больнице. Я, молодой мальчишка, только что получил должность травматолога, а ее привозят ночью всю в крови с внутренним кровотечением. Муж по пьянке забил, да так, что печенка не то, что разорвалась... Внутри был фарш. Что я мог сделать? Только на стол положили, она и скончалась, бедолага. Уж потом мне рассказали, что она часто вот так с побоями приезжала. Как все русские бабы терпела, дети были, двое девок. В общем, это продолжалось бы и дальше, но... Отмучалась! Ты мне ее напоминаешь, такая же светловолосая, коренастая, молчаливая, и кажется, тоже скоро отмучаешься, дай Бог, чтобы в живых осталась.

Перекатов замолчал, глядя в зеленоватые глаза Авроры и под этим взглядом становилось совсем тяжко.

— Спасибо, доктор за все!

Аврора сухо обняла мужчину и торопливо села за руль, прямо в рубашке.

— Ты сейчас в Пылюкановку?

— Чуть позже. Надо уладить кое-какие дела.

Мотор громко загремел, а из выхлопной трубы повалил черный дым.

«Дизельный!» — с одобрением подумала Аврора и вырулила на дорогу, которая сплошь была испещрена рытвинами.

Юрский не подвел. Машина хоть и не производила впечатления, но с проходимостью было все в порядке. Добравшись до ближайшей лесополосы, Аврора припарковалась на полевой дороге. Кондиционером ее внедорожник не был оснащен и вскоре, от жары больничная рубашка пропиталась потом. Нужно было переодеться.

Тот кто собирал сумку, уложил одежду крайне аккуратно, словно для себя. Деньги, на первый взгляд, тоже были в размере запрошенной суммы. С каким же облегчением Аврора сбросила застиранную, потерявшую вид длинную робу, которая не скрывала интимных подробностей ее носителя, будучи оснащенной дырами разной площади.

Огромное поле поспевшего ячменя радовало глаз охровым оттенком, а запах горячей пыли быстро забил нос, но именно сейчас Аврора почувствовала себя прежней.

Ну, как же иначе?

Грязь, одиночество и чувство бегства.

«Твоя стихия, детка!»

В три часа по полудни солнце уже устало поглядывало в сторону горизонта, и будто, устав от самого себя палило словно перед грандиозным самоуничтожением.

Абсолютно голая девушка, прыгала на одной ноге, которая запуталась в застиранном тряпье. Нетерпеливо вытряхнув на заднее сиденье аккуратно сложенные вещи, она натянула нижнее белье, после чего черед дошел до брюк и футболки.

Дорогая ткань, ласково прикоснулась к коже, ноги с блаженством погрузились в эргономичную подошву удобных сандалий. Покончив с гардеробом, Аврора на мгновение зажмурилась. Самочувствие оставляло желать лучшего. Голова закружилась, а пыльно-велюровая поверхность дороги намеревалась поближе встретиться с лицом чужачки.

Во рту пересохло и губы потрескались.

Спешка никогда не была хорошим подспорьем.

Пришлось улечься на заднее сиденье и дожидаться, пока закончатся «вертолеты».

Чтобы не терять зря времени, Аврора вспомнила, что хотела позвонить Дону Боддлу. Острая память без труда воскресила в памяти нужные цифры. Гудки тянулись будто вечность, но вот, тихий голос ответил:

— Кто это?

— Дон, привет. Не клади трубку, это Аврора.

— Аврора? Что с голосом?

— Чепуха! У меня мало времени, так что ближе к делу...

— Что за номер, с которого ты звонишь? Это проверка какая-то? Мы же договаривались!

— Знаю, в этом все и дело. У меня кое-какие трудности и нужно, чтобы ты отследил сигнал телефона, с которого я звоню. Приступай, ты на громкой связи.

— Ты прикалываешься? Чего полегче не придумала? Ладно. Постоянные клиенты имеют право на капризы.

Бурчание Боддла оборвалось на полуслове, и Аврора, услышала, громкий рассыпающийся стук пальцев по клавишам.

Учитывая какой техникой оснащена берлога хакера, задачка действительно была левой.

Прошла минута, потом еще одна. Время, как назло тянулось очень медленно, а стук клавиш не смолкал.

Девушка подавила, поднимающуюся волну раздражения, но торопить Боддла не стала. Она закрыла глаза.

Желудок продолжал исполнять лучшие песни китов.

— Что за..., - послышалось крепкое ругательство и пальцы еще быстрее защипали клавишами.

— Проблема?

— Впервые такое вижу. Считаю, что это комплимент, милочка. Сигнал с телефона идет одновременно из восемнадцати точек, разбросанных по всей планете. Начиная с Мексики и заканчивая Соломоновыми островами.

— Другими словами, отследить этот номер невозможно?

— Да. Явно сделано на заказ, и при чем в единственном экземпляре. Я такого раньше не видел. Черт, я тоже хочу себе такой! Скажешь где...

Слушать дальше Аврора не стала и резко оборвала разговор.

Едва поднявшись с сиденья, девушка решила пересесть за руль, но вдруг замерла. Снова накатили воспоминания.

Тяжело оперлась спиной о железный кузов машины и резко стукнула его головой, раз, еще раз. Намертво сцепленные зубы, не смогли сдержать крик полный боли. Сдерживаться придется еще очень долго. Аврора с силой зажмурилась, но слезы, успели вырваться за границу ресниц и по полю пронесся жуткий крик. Продлившись несколько мгновений, это принесло небольшое облегчение.

Никого уже не вернуть. Не было пристанища, не было любимых. Семей теперь была только Сьюзан.

Отец технически относился к родне. За долгие годы психологического выгорания, Винсент не просто не хотел проявить заботы или сострадания, он просто не мог.

А потому Авроре непременно хотелось отдать последнюю дань Добе и Касе, и хотя-бы похоронить их по-человечески.

Уазик сорвался с места, вздымая колесами клубы пыли.

Внимательно читая указатели, через двадцать минут машина повернула в сторону небольшого поселка Абашево, чтобы затариться провизией и водой.

Перед скромной трапезой, девушка проглотила лекарства, прописанные Перекатовым, и открыла в телефоне приложение с картами Гугл, чтобы проложить маршрут до ближайшего аэропорта.

Несколько часов спустя, рейсовый авиалайнер принял на борт пассажирку, внешний вид которой вызвал неодобрение у бортпроводников. За билет до Сплита в один конец, с пересадкой в Загребе пришлось выложить чуть меньше ста тысяч рублей.

Юрский оказался прозорливым мужиком и помимо российского паспорта, сразу подогнал Авроре весь набор документов, включая водительские права, медицинский полис и загранпаспорт. Прямо в аэропорту, пришлось быстро оформить банковскую карту, с большой суммой наличности могут возникнуть проблемы.

Мелькание лиц чужих людей, суматоха и спешка, размеренный гул двигателей, окунали в полудрему, но Аврора понуждала себя бодрствовать принципиально, испытывая угрызения совести от того, что чувство вины притупляется, под гнетом новых проблем. Вторым пунктом ее путешествия была намечена Андорра, именно туда отец должен был отвезти Сью, которая еще ничего не знала, о Добе и Кассандре.

Босые ноги млели от того, каким прохладным был досчатый паркет. Как обычно, Петер Вдропис поднялся среди ночи, ни с того ни с сего. Особенности своего организма мужчина выучил наизусть и знал, что быстро уснуть снова не получится. Он тихонько поднялся с постели, чтобы не разбудить жену, в которой души не чаял и медленно поплелся на кухню.

Из хрустального кувшина в стакан полилась чистая вода, но она была теплой и чтобы скрасить эту крохотную неприятность, Петер нырнул в морозильную камеру за кубиком льда.

Когда дверца обратно захлопнулась боковое зрение тут же уловило присутствие

постороннего и от неожиданности лед выпал из рук, а горло выдало сдавленный крик, но ни звука не пронеслось по просторной, современной кухне.

Рот Петера был крепко зажат сильной рукой, а лед покоился на ладони непрошенного гостя.

— Здравствуй, Петер! — жутким шепотом прозвучало приветствие и мужчина узнал голос Авроры Франклин.

Почему-то первой мыслью было, что его посетил призрак, но Вдрогис до последнего не верил, что его самый дорогой во всех смыслах клиент отправился на тот свет, вслед за стариками Булич. Значит, жива! Облегчение вызвало радость настолько внезапную, что в глазах заблестели слезы.

Выгнув брови, Петер расслабился и тут же почувствовал, как крепкая хватка ослабла.

— Как я рад тебя видеть! Ох, извини, не время для радостей, такое горе. Прими мои соболезнования. Все улажено. Я подал в суд о выплате страховки за сгоревший дом. В мэрии твой остров давно лакомым куском считают, начали мне намекать на то, что тебя со временем тоже придется признать погибшей, если не объявишься. Хотят прибрать к рукам собственность. Ох, и Сузанну тоже раньше срока похоронили. Ничего святого! Она же в порядке? Все слишком быстро происходит. Правда, я мог упустить кое-какие детали. Связи не было, в морге торопили. Полиция выдала заключение, о том, что уголовное дело возбуждать никто не собирается, а я и не знаю, нужно тебе это или нет. Там же деятельность разная предпринимательская и не очень... у тебя. Хоть разорвись. Меня на одних только допросах трое суток продержали. Ах, да еще Паво погиб. Свернутая шея, но и это объявили несчастным случаем. Я сразу понял, что дело не чистое и не стал лезть на рожон, все документы сжег, уж прости. Деньги перевел на Багамы, пришлось заплатить шестнадцать процентов за срочность.

Петер по привычке тараторил с дотошностью торговца на Фестиваль-базаре в Анталии.

Вдрогис смолк, наблюдая с каким спокойствием Аврора следит за тем, как кусочек льда медленно тает на ее ладони. От его внимания не скрылось, как плохо выглядит девушка, здоровье и энергия которой его всегда поражали.

Зачастую Петеру и вопросов задавать нужды не было. Он выкладывал все подробности, описывал поэтапно совершенные действия и мог, буквально из воздуха материализовать увесистый финансовый отчет. Он был слишком умен, чтобы обманывать таких людей, как Аврора Франклин.

Не смотря на то, что Франклин никогда не прибегала ни к угрозам, ни к запугиванию, Вдрогис по крупицам собирал слухи и факты о ней. В городе ходили разные пересуды, но большинство людей сходилось в том, что американка была насколько щедрым человеком, настолько и опасным.

Периодически находились люди, которые выражали свое недовольство от того, что в руки приезжей девчонки попали пусть и банкроты, но все же крупные фермерские предприятия. Тот факт, что Аврора возродила, будущие в упадке компании, тем самым создав сотни рабочих мест, служил слабым утешением для завистников.

Никаких доказательств не было, но все кто ставил препоны Авророй рано или поздно попадали мягко говоря в неприятности: то с работы уволят, то под пьяный глаз внезапно теряли равновесие и при падении ломали себе конечности; бывало и автомобили сами собой укатывались с пирса в море.

Но сейчас не нужно было обладать выдающимися умственными способностями, чтобы

понять, что Франклин влипла и по-крупному. Пусть Петер и вбивал в головы полисменов, страховщиков и простых обывателей, что на острове случился несчастный случай, но сам в это ни секунды не верил.

Его взгляд то и дело невольно замирал на груди девушки. Из-под тонкой ткани футболки выпирали края медицинской повязки.

— Бери фонарик. Пойдем на кладбище, — безапелляционно прозвучал ломкий голос.

Вдрогис ни чуть не удивился. Крутанулся вокруг себя в поинских шлепанцев и на секунду исчез в кладовке. Он вернулся с мощным фонариком, после чего торопливо и смешно просеменил к холодильнику, вытащил готовые сэндвичи с рыбой, упакованные в пленку, а еще крохотную бутылочку сока. Протянув еду гостье, Вдрогис без лишних вопросов направился к выходу, не заметив кривой благодарной улыбки.

Оба вышли в полном молчании из дома.

Петер, даже не подумал переодеться, как был в широкий легких шортах и майке-алкоголичке сел за руль.

— А семья Паво?

— Получили более чем щедрую компенсацию и пожизненную пенсию в размере тысячи евро, для каждого родителя. Что и говорить, старики убиты горем. Чуть позже я отправлю их в Карловы Вары. Кстати, собак я при всем желании не мог оставить у себя. Аллергия. Отдал на передержку всех троих.

— Троих?

— Да, знаю. Весь осторов облазил. Четвертого блохастика не нашел.

Аврора промолчала. Держа на коленях тарелку с едой, хлюпнула носом, схватила сэндвич и спешно сунула его в рот, отвернувшись к окну.

Еще через минуту, Петер услышал еще один мокрый всхлип.

Городское кладбище Трогира не могло никого напугать ночью. Широкие дорожки были посыпаны мелким белым камнем, который отражал лунный свет ясными ночами, разнося его среди аккуратных склепов и могил.

Вдрогис держался тихо и не посмел произнести ни слова, пока Аврора склонившись над двумя горами пышных букетов цветов в корзинах стояла около мраморного склепа, богато украшенного искусственной резьбой.

Мужчина почтительно отошел чуть подальше, чтобы не смущать мисс Франклин и не давать подода заподозрить, что он подслушивал, потому что обрывки тихих слов скупно оседали в ночном безмолвии обители покойников.

Горько было наблюдать за тем, как беззаботная на первый взгляд, сытая жизнь привела к трагедии. Аврора явно чувствовала за собой страшную вину, превратив невинных стариков в мишень.

Стенания смолкли.

Девушка, как обычно, бесшумно подошла к Петеру.

— Спасибо, Петер! Боюсь на этом нам придется расстаться. Утряси формальности с правом собственности на остров.

— То есть?

— Пусть меня признают без вести пропавшей, когда сроки выйдут. Ты останешься распорядителем собственности. Остров выстави на торги. Могилу мамы перенеси сюда, на это кладбище. Вырученные деньги перечисли на счет приюта, в котором работала Кассандра. Чуть позже я свяжусь с тобой, продиктуешь мне номера счетов на Багамах.

Петер коротко кивнул в знак согласия.

Аврора развернулась и зашагала по широкой аллее прочь. Она свернула за угол и скрылась из вида.

Путь до пирса был не близким и снужно было успеть до рассвета, чтобы никто из рыбаков не увидел ее на острове. Разумеется, о том, чтобы втягивать в это Урбина не могло быть и речи. Значит, придется угнать собственный катер.

Так же как прижигают кровоточащие раны, Аврора знала, что ей нужно увидеть собственными глазами обугленные остатки особняка. И как только знакомый скалистый силуэт навис своей громадой над колыхающимся на волнах суденышком, девушка сжала челюсти до такой степени, что зубы заскрипели, грозя лопнуть. Воспоминания накрыли волной схожей по силе с цунами.

Каждый камень, дерево, звук, все вопило об утраченном и помимо матери, Добы и Кассандры, в мыслях то и дело мелькал образ Габриэля. Секундная слабость тут же сменилась раскаленной до бела злостью, которая разом перечеркнула переживания. И кажется, в этом было спасение.

Луна то и дело выглядывала из медленно ползущих по темному небу облаков. Привязав швартовочным канатом катер, Аврора замерла на пирсе, разглядывая ужасную картину.

Дом был сложен на славу. Каменные стены по большей части уцелели, но светлый песчаник почернел от копоти, а массивные балки, которые поддерживали кровлю обрушились, повредив кладку в нескольких местах. Не дожидаясь, когда сожаления снова начнут свой ядовитый хоровод, Аврора заставила себя развернуться и безошибочно нашла тропинку, которая вела на холм. Она шла медленно без опаски быть обнаруженной, точно зная, что была здесь одна, ведь за многие годы каждый шорох и всплеск, были подсказкой или предупреждением. Правда, пару раз Аврора резко останавливалась, когда слуха коснулось нечто напоминающее мокрое сопение, где-то за спиной.

— Окуш! — призывно громко и резко разнесся голос.

Снова пришлось прислушаться и вот уже прозвучало нечто знакомое ворчливое, что оборвалось на жалкий скулеж.

Белобокая, короткошестная фурия, вышла из кустов. Окуш заметно схуднула, будучи лишенной щедрой кормежки. Опустившись на колени Аврора протянула руки и лобастая голова покорно уткнулась в ладони в поисках утешения. Морда собаки была перепачкана засохшей кровью и мелкими перьями.

— Все ясно! Чайки попали под раздачу, — догадалась Аврора. — Значит, ты осталась стеречь свои владения? Умница!

Выпученные влажные глазки буравили немигающим взором. Не изменяя своим привычкам Окуш водрузила свой зад в руки Авроры, вместе со своей преданностью. Так обе и просидели на холме у одинокой могилы, до того момента пока рассвет не стал заливать горизонт голубоватым холодным светом. Нехотя поднявшись на ноги, Аврора бросила печальный взгляд на могилу матери торопливо спустилась к пирсу, прижимая к груди притихшую собачонку.

— Что ж... Отвезу тебя в новый дом.

Крохотная деревушка Ансалонга, затерянная в горах Андорры, насчитывала в себе всего пятьдесят девять жителей. Это ничуть не умаляло ее очарования, и приезжим туристам

открывались виды, захватывающие дух.

Добротные деревянные дома живописно лепились к реке и лишь серые стены церкви Сен-Микель громоздились чуть поотдаль на возвышенности, покрытой яркой зеленой травой. Размеренный ход жизни деревушки редко что нарушало.

Сегодня, большинство жителей неспешно покидали воскресную службу под звон одинокого колокола.

Многие задерживались на пяточке перед церковью, который за глаза называли городской площадью.

Первое, что бросалось в глаза, так это отсутствие детей. А потому, единственный мальчик среди публики невольно привлекал к себе внимание. На вид ему было чуть больше десяти, он весело подпрыгивал, разминая затекшие ноги, после продолжительного сидения на службе. Чуть позади шли его родители — красивая темноволосая женщина невысокого роста, с тугими бедрами и красивой тонкой талией. Ее холеная рука была продета в согнутую в локте руку высокого плечистого мужчины, немного неуклюжего, судя по тому, как приходилось сдерживать размашистые шаги.

Но это было мелочью и придирами дотошного зеваки, потому что зависть могла толкнуть и не на такое. А эта паскуда росла буквально из ничего, при виде подобного беззаботного счастья. Откровенного, безусловного, настоящего.

Семейство направилось к дальнему концу деревни, где за гостиничным комплексом раскинулась сосновая рощица, а прямо за деревьями пристроился уютный одноэтажный дом. Женщина вдруг замерла, ее муж насторожился и проследил за взглядом супруги.

Последовало секундное замешательство и здоровяк сорвался с места, подбежал к крыльцу, взлетел по ступеням и схватил в охапку девушку, которая даже не стала сопротивляться столь бурному приветствию.

Ни слова не прозвучало, их трудно было подобрать, а потому на лицо гости посыпались поцелуи. Короткая передышка, глаза мужчины повлажнели, расцвела ослепительная улыбка, еще одно крепкое объятие и снова щеки девушки запылали от губ.

— И я рада видеть, тебя, Рэгги, — наконец-то сдавшись сказала Аврора, робко обнимая здоровяка за крепкую шею, и пряча лицо в длинных волосах Алекса Фаррота.

20

— 20-

Сапожник без сапог.

— Ума не приложу, как тебе удалось обвести всех вокруг пальца, — Алекс сидел напротив меня, облокотившись своими мощными руками на поверхность обеденного стола, пока Лиссандра суетилась на кухне.

Благо, что Филипп сгреб в охапку Окуш и удобно устроившись с собакой на диване, смотрел телевизор.

Такие знакомые хищные глаза мужчины, в которых еще недавно плескалась только черная боль, пристально изучали мое лицо. Ничего кроме благодарности и отчаянной радости я в них не читала.

— Я погуглил местные новости в Швангау. Там упоминалось что-то про пожар и единственную жертву — реставратор. Не трудно догадаться, что речь шла обо мне. Где труп взяла?

Лисса незаметно дернула мужа за длинный локон, от чего тот закусил губу, нахмурился и опасно покосился на сына в гостиную.

Вот и я так же, то и дело косилась на маленькую женщину, которая была для меня немым укором, помятуя об одной далекой ночи в Нойншванштайне. Алекс будто и не замечал, что я чувствовала себя неловко в присутствии его половины и благодарностью тут не отмыться. Женщины облажают врожденной способностью подозревать неладное, самые умные это скрывают и улыбаются, даже если нарыли доказательства. Не удивлюсь, что Алекс все рассказал Лиссандре, под горячую руку чудесного спасения, это наверняка воспринималось без затяжных соплей и обид.

Предположения во внутреннем монологе, окончательно меня раздерегали, заставив окончательно сникнуть.

— У моего напарника, всегда припасен свежий труп, к началу активной фазы каждой операции.

— И как вы его в замок протащили? Камеры же были напичканы на каждом углу.

— Накануне ночью мне его замороженного с партией дров привезли, и почти до утра, я заманивалась передислокацией тела на третий этаж. Засунула под одну из широких скамей, завалила всяким хламом и рулонами с гобеленом, а когда после выстрела ты потерял сознание, поменяла вас местами. Тебя пришлось волоком тащить этажом ниже. Слепые зоны видеокамер я выучила наизусть за долгие часы чаепитий в будке с Курцвиллем. В общем, к тому времени, как труп разгорелся как следует, я уже спокойно спустилась вниз, а ты отдыхал в мешке для строительного мусора.

В кухне стало невероятно тихо. Когда я смолкла, Лисса вздрогнула и отвернулась, но я заметила, как побледнела женщина.

— Ты сама все это придумываешь?

— Не всегда. Напарник, периодически вносит коррективы.

— Я уверен, это кто-то из местных. Посторонний человек привлек бы слишком много внимания, — Алекс радостно стукнул кулаком по столу, тем самым разбивая угрюмую обстановку. От неожиданности Лисса подпрыгнула на месте.

Упрекать мужа она не стала, а лишь ласково шлепнула его по плечу, призывая сдерживать свой не в меру буйный нрав.

В доме нашлось еще одно недовольное шумом создание — из гостиной послышался настороженный и требовательный лай Окуш, которая вдруг вспомнила, что ни одно происшествие не должно остаться без ее внимания.

— Разумеется, кто был твоим напарником мы не узнаем.

Молчание было лучшим ответом, и я судорожно скрестила руки на груди.

— Но как же вскрытие? Установление личности?

— Конечно, если по внешним признакам человека не удастся опознать, то в дело идет тест ДНК. Данные были подменены еще когда начались первые слушания по делу Оттернея. Образцы были взяты свежими из тела неопознанного бродяги, которых пачками привозят в городские морги. Остается только, сохранить труп, чтобы в нужный момент использовать. В твоём случае, пришлось его подпалить, чтобы дело осталось только за генетическим анализом. В морге все прошло гладко, судмедэксперт даже не собирался искать подвоха, но Оттерней настоял на том, чтобы я привезла твою голову. Пришлось ночью пилить и везти обугленную часть тела на другой конец света спецавиарейсом. У Виго были свои образцы, с которыми он проводил сравнение, но опять же поддельные, которые я ему подсунула.

— То есть ты взломала базу ФБР?

— Нет, как раз к ней у меня вполне законный доступ. Четырнадцать раз зашифрованный, но все же...

— То есть?

— Я не одиночка-энтузиаст, Алекс. Финис и есть инициатива ФБР, свехзасекреченная часть программы защиты свидетелей, для тех случаев, когда нет надежды на благополучный исход.

— Неужели такое возможно? — Александр даже не пытался скрыть изумления со свойственной ему непосредственностью. — Ну, хорошо, даже если так, то откуда такие деньги? Финансирование тоже идет от ФБР?

Мужчина обвел рукой внутреннее убранство дома, которое за малым отставало от классического интерьера швейцарских шале. Никакого антиквариата и позолоты, но достаток и уют были видны невооруженным глазом.

— Банкет оплачивает сам заказчик. По факту я киллер, я приличными гонорарами. Разумеется, оставляю себе небольшой процент на текущие расходы, а все остальное идет на устройство жизни пострадавшей стороны, в данном случае тебя и твоей семьи. От бюро не поступает ни пенни. Финансовые потоки могут отследить и программе конец. Помощь сосредотачивается на трупах, документах, оружии, заметании следов в расследованиях, в которых не стоит копаться. Как говорят в одной стране, пистолет мы тебе дали, дальше вертись сама. Вкусы у меня не притязательные, сам видишь, за несколько лет удалось кое-что отложить, вложить, приумножить.

— И сколько таких как я?

Неловкое молчание снова облетело кухню.

Лисса, чтобы сгладить момент поставила передо мной кружку с горячим шоколадом. Ее плавные жесты были пропитаны заботой и желанием отплатить добром.

Угрызения совести продолжали маскироваться под легкий дискомфорт. Мораль, в моем понимании, всегда была легковесным товаром.

Я не ждала дефирамбов, связи с более чем двумя десятками людей, которых удалось вывернуть из лап смерти, подобно Алексу, не подрезывала, как и отец.

— Это лишняя информация и не стоит забывать, что конспирация и скрытность сейчас, для тебя залог выживания. Я сделала все возможное, чтобы убедить заинтересованных людей, что Алекса Фаррота нет в живых. На данный момент тебя отыскать невозможно.

Сказав это, я почувствовала, какой тяжестью в кармане покоится злополучный телефон Сомерсбри. Чтобы скрыть предательский страх, пришлось вздернуть подбородок и растянуть самую дебильную резиновую улыбку на лице.

— Надеюсь, выбор места жительства не создал вам особых проблем? Тут вроде многие знают испанский.

— Это нас и спасает, но Филипп сейчас активно изучает каталонский, — тихо сказала Лиссандра, продолжая порхать над плитой.

— Лисса рассказала мне в подробностях о том, как вы сняли видео...

Я поежилась, нехотя вспоминая, каким достоверным вышла инсценировка взрыва, в котором якобы погибли жена и ребенок Алекса.

— Да, — пришлось кашлянуть, чтобы прочистить горло. — Ты за малым руки на себя не наложил от подобной натуральности. Моя уверенность в том, что надо было поступать на режиссерский только укрепилась.

Разрозненный, неуместный смех не мог скрыть воспоминаний о тех днях, которые превратили жизнерадостного мужчину в подобие живого человека. Казалось, Алекс сейчас испытывал схожие с моими ощущения.

Разговор не вязался.

— Ну, что ж... Алекс, будь добр ответи меня к Сью. Не хотелось бы терять времени.

— Может, останешься хотя-бы сегодня переночевать? Сью будет счастлива.

— Конечно, Аврора, это меньшее, что мы может для тебя сделать, — закивала Лисса, и глаза женщины заполонила мольба.

— Не могут отказаться. Но только на одну ночь, — соврала я не моргнув глазом.

— Вот и отлично! Идем отведу тебя к Сьюзан.

Оставшись наедине с Алексом, я окончательно сникла. Как странно, что жгучее желание быть как можно ближе к этому мужчине переросло в сожаление. Разумеется, тому виной был Габриэль Сомерсбри, который при всем моем желании не шел из головы.

Мы брели и брели, петляя по одинокой широкой улице, явно прокручивая в голове то, что происходило в Швангау, то что касалось только Рэгги Полссона и Лоры Диони.

Нельзя было выбрать лучшего момента, чтобы навсегда условно похоронить эту парочку.

— Остаться не получится, Алекс, — скрипя сердцем я нарушила молчание.

— Да, понял я уже это. Все написано у тебя на лице. Аврора, я только хотел попросить у тебя прощения.

Так вот, что его терзало!

Резко остановившись, я вздернула лицо и тут же зажмурилась от ярких солнечных лучей. Алекс пришел на выручку, заслонив собой палящее светило.

— Мы квиты, Алекс. Квиты. Учítывая, через что тебе пришлось пройти с моей подачи... Я прекрасно тебя понимаю.

— Ты ведь могла меня остановить тогда. Сил у тебя хватит, чтобы с легкостью со мной справиться, не так ли? Теперь не удивительно, почему играючись ты мне выбила зуб.

— Да, Штирлиц еще никогда не был так близко к провалу, — я пыталась неуклюжено отшутиться, но поняла что не получится.

Алекс терпеливо ждал, когда я соберусь с мыслями.

— Пусть я и свыклась с одиночеством, но порой бывают такие моменты, когда это чувство гнетет, так что на стенку хочется лезть.

— Знакомо.

Лица мужчины я не видела, но вот огромная рука медленно поднялась вверх, отгибая край ворота моей футболки. Вольное прикосновение не вызвало никаких ощущений, но и отпрянуть не хотелось.

— И это знакомо. У меня два месяца грудь болела. Вот тут кость..., - Алекс показал на себе пострадавшее место.

Я отстраненно пожала плечами, глядя себе под ноги.

— Тебе нужна помощь, — из низкого голоса испарилась миглом вся легкость и усмешка.

— Справлюсь, — я небрежным движением ловко отбросила руку Алекса. — Всегда справлялась. Мне только нужно, чтобы ты позаботился о Сьюзан. Кстати, что ты почувствовал тогда в Нойншванштайне, когда я три пули тебе в грудь положила?

Алекс хмыкнул и философски выгнул густые брови, но сразу сформулировать мысли не смог, не пряча детской растерянности.

— Я почти не чувствовал физической боли. Понял, что падаю на пол и мир проваливается в темноту. Кажется, это было высшее проявление милосердия, потому что делать вид дальше, что я держусь, было просто невыносимо. А в тот момент, когда понял, что ты и есть Финис, рассудок красной пеленой заволокло безумие. Тут же проснулось нечеловеческое желание свернуть тебе шею. Осознание того факта, что происходящее вокруг только очень дорогая ширма, пришло на ферме, в Пыльчуновке.

— Пылюкановке, — с усмешкой поправила я.

— Точно!

— Аня каждый раз крестилась когда видела меня, а после того, как Базили показал мне видео, которое Лисса и Филипп записали для меня, я осознал, что они живы и действительно чуть не свихнулся.

Как только не коверкали имя бабы Нюры ее неожиданные клиенты, своим поведением утверждая старуху, что ее фазенда, является реабилитационным центром для наркоманов, но вот еще никто не умудрялся поиздеваться над именем Василия. Я не сразу поняла, кто такой Базили, а оказывается Алекс произнес имя Кипотченко на итальянский манер. Но куда важнее были слова о милосердии.

Удивительная штука — случай. Один мой знакомый упорно бы вставил бы слово — судьба, именно этот знакомый доказал мне, что эта падлюка существует.

Сейчас я проходила путь, который проделал Алекс, вот только в конце его меня никто не ждал. Нет, технически и по легенде, Габриэль меня ждал, если его версия развития событий не очередная липа.

Куда быстрее я поверила бы, что лихой фортель с миссис Сомерсбри это очередная западня, которую венчает кровожадная расправа, злая шутка с издевательским подтекстом.

Забавно, но устроив жизни десятков человек, я окончательно развалила свою собственную.

— А кто позаботится о тебе? Напарник? Это из-за него ты так постройнела?

— Нет, с ним у нас исключительно деловые отношения.

— Значит, ты одна?

— Это всегда было лучшим подспорьем к моей профессии.

— Было?

— Увы, лавочку придется прикрыть. Программу «Финис» закрыли. Единственный живой человек в бюро, которому были известны все подробности был вынужден подать в отставку. Смена руководства. Новый директор доверия не вызывает, поэтому...

— Забавно, ты работаешь на ФБР, но они об этом не догадываются?

— Да. Прикрытие идеальное.

— Теперь ты остаешься неudel.

Алекс произнес вслух те слова, которые висели надо мной дамокловым мечом.

— По-другому быть не могло. К тому же, всех не спасешь.

— Чем займешься?

— Подамся в билетёрки, при каком-нибудь кинотеатре, — если бы в этот момент я прикусила бы себе язык, то тут же отравилась, столько яда плескалось в моих словах. — А если честно, то это вызывает во мне настоящую панику.

— Билетёрки непростой народ, но обыденность, она не для всех. Уж лучше уйти на хлеба охотников за головами, это тебе больше подойдет. Ты ведь ни разу ни злодей во всей этой истории? Никого не убивала, а наоборот.

— Как тебе сказать... Хороших не убивала. Так что не говори, со мной так будто я святая. Положа руку на сердце, могу точно сказать, что с трудом представляю себя загнанной в рабочие рамки трудового дня. Да какой там, меня хватило ровно на неделю, когда я вернулась домой. И ведь все есть, живи не хочу. С дуру купила макларен, а он простоял в гараже, так ни разу толком в город не выехала. Обрато тянет, к опасности, лжи, ночным вылазкам, перелетам, погоням. Нормальные люди меня пугают больше, чем самые прожженные головорезы.

— Так это твой аппарат?! Сюю на нем сюда заявила, благо что среди ночи и местные не видели машину. Теперь, в моем гараже пылится.

Полный иронии взгляд Алекса вернул меня из омута самоуничужения и жалости.

— А с чего ты думал, меня так тянуло к тебе?

Слова вылетели так неожиданно, что я смутилась, да так, что от досады сильно прикусила губу.

— Но ведь уже не тянет. Верно? — пронизательно заметил Фаррот, с теплой печалью беззасченчиво рассматривая мои пунцовые щеки.

— Ты совершенно невероятный дядька, Алекс и я завидую твоему счастью. Гадость-то какая! Зря я это сказала.

— Думаю, ты разберешься, что дальше делать. Советы только помешают принять правильное решение. Голова у тебя хоть и забита всяким хламом и несколькими иностранными языками, на которые ты изредка переходишь, когда задумываешься... Да-да, это только полный идиот не заметит, но полагайся на собственные желания. Если от меня что-то потребуется, я всегда помогу. О Сююзан с радостью позабочусь и Лисса, разве что не тараторит без умолку как я, но она гоняет нас в церковь почти каждый день, заставляет молиться. Я не особо во все это верю, и как посмотрю, мои молитвы не на высоком счету, взять хотя-бы твой внешний вид. Я и сам долго притворялся, что могу выглядеть нормальным человеком.

— Рэгги Полссон спас мне жизнь. Буквально! Помнишь?

— А ты спасла мою.

Знакомый смешок, теплой пушинкой осел у меня в душе.

— Я и говорю, мы квиты, а потому не стоит извиняться.

Стоять рядом с Алексом было отдельным удовольствием. От его могучего тела волнами исходило нечто живительное, исцеляющее. Эта невидимая субстанция моментально впитывалась через кожу, заставляя выпрямлять спину, мрачные мысли таяли, уступая место слабой надежде. Батарейка в человеческий рост.

Он уложил свою лапищу мне на плечо и прижал к себе, а я в свою очередь, обняла друга за талию. Не обращая на любопытные взгляды, редких прохожих, которые попадались на пути, мы неспешно подошли к богато украшенному живой геранью двухэтажному дому.

— Нам сюда, — котротко пояснил Алекс и загадочно улыбнулся.

В вестибюле, за высокой конторкой сидела приятная женщина размытого возраста за сорок, при виде нас она радушно улыбнулась и вопросительно вскинула брови.

— Фрау Альсао у себя? — порзвучал вопрос на испанском и женщина кивнула.

Мы повернули в разветвлении холла налево и Фаррот постучал в первую дверь, на которой мерцала серебристая табличка с именем — доктор Мадлен Д. Альсао.

Сююзан я узнала сразу, хотя девушка сидела спиной к двери.

Алекс с порога негромно поздоровался и что удивительно, помимо голоса седовласой

женщины в белом халате, я услышала немного исковерканное «привет, Алекс», которое точно приизнесла Сью. Я увидела, как девушка вытащила из уха проводной наушник, который был подключен к крохотному плееру.

Как она могла знать, что это Алекс?

Полные восторга и счастья карие глаза уставились на меня, когда Сью повернулась. Через мгновение она повисла у меня на шее.

— Кажется, на сегодня процедуры закончены, — снисходительно заметила доктор. — Вы, наверное, сестра Сьюзан? Не так ли?

— Да, — я растерянно пожалу протянутую руку, испытывая страх что факты упорно указывают на очевидное — Сьюзан теперь слышит.

— Что ж могу с уверенностью сказать, что через несколько месяцев слух будет восстановлен почти на восемьдесят процентов. Увы, это максимум, но уверяю, что и подобный результат можно назвать настоящим чудом. Надеюсь нам удастся чуть позже переговорить, мне не терпится узнать, где вы смогли добиться столь впечатляющего результата. Сьюзан упорно хранит это в секрете.

— Это правда? — я все ждала, что кто-нибудь меня встряхнет и реальность развеется, как сон.

— Правда, — запнувшись на букве «р», ответила Сьюзан. — Боже, ты приехала, я и подумать боялась...

Слова я едва могла разбирать, а Сью уже сорвалась на слезы, размазывая их по лицу.

— Идем. Не будем смущать доктора. Спасибо вам, я обязательно вернусь и отвечу на все вопросы, мадам Альсао. Извините!

Нужно было уходить, а ноги стали ватными, никогда в жизни я не чувствовала себя подобным образом. Одновременно подмывало в голос закричать от радости и тут же разъедали сомнения, что где-то притаился подвох.

Ну, не привыкла, я ходить в счастливых.

Боковым зрением я заметила движение в углу кабинета. Там стояло кресло, и только сейчас я увидела того, кто там сидел, до сих пор не обращая внимания.

— Привет, Андридже!

— Здравствуйте, Аврора, — голос парня прозвучал ровно и с долей уважения.

Разумеется я позаботилась о плане Б в отношении Сью, когда мы порешили съездить на консультацию в Лондон. Чутье подсказывало, что не может все быть настолько ровно. С Андридже я заключила частный договор на оказание услуг телохранителя, не забыв упомянуть, что объектом возможно будет выступать Сьюзан. Наплела ему об угрозах со стороны партнеров по бизнесу и отправила куковать в Андорру, уверенная, что парень полгода будет жить в глуши без дела.

К несчастью, чутье не подвело.

Отец отвез Сьюзан и передал на попечение Алексу, у которого и поселился Андридже. Все голубки под одной крышей.

Под присмотром, под охраной.

Используя по привычке язык жестов, Сьюзан то и дело старательно и очень громко выговаривала слова. Ее глаза при этом замирали. Девушка жадно прислушивалась к звукам собственного голоса.

В полузабытьи наша компания медленно выдвинулась обратно в сторону дома. Я хватала воздух ртом, ощущая как кружится голова.

Мысли путались, кровь отлила от лица, а сердце тревожно заходилось в ускоренном беге. Значит, Сомерсбри не обманул! Тогда к чему это его: «Чудес не бывает!»?

Ложная скромность, желание поиграть на нервах или опять холодный расчет? Кажется, все сразу! Если меня не загубит желание увидеть его, чтобы прибить, то начнет мучить совесть, ведь оставив его план без реализации, рано или поздно Габриэля пришьют, а я останусь жить с этой мыслью.

Еле дотянув до одной из уличных лавочек, я тяжело опустилась, закрыв рот рукой. Выработанная привычка прорабатывать новые факты и условия, испортили момент нечаянной радости. Будь счастье человеком, он сейчас психанул бы и слинял в неизвестном направлении с личной обидой на перевес.

Хотя и без этого в публике недостатка не было. Сю присела рядом на колени и обхватила мое лицо руками, с тревогой вглядываясь. Моя голова кружилась, а в глазах расплывались радужные точки. Попытки рассуждать здраво натыкались на неудержимое ликование и отвратительного сомнения, что Сюзан, та самая кроха, которую мама давным-давно привезла в наш дом, вовлечена в жестокую игру. Уж слишком невероятным было ее исцеление.

— Слышишь, — эхом произнесла я, или скорее, выдохнула.

— Сюзан, давай отведем ее домой. Там поговорите, — Алекс понял, что наша компания привлекает слишком много внимания.

Ничего не соображая, я только почувствовала, как меня подхватили сильные руки, в глаза снова ударили яркие солнечные лучи. Почему-то вспомнилось о том, что в горах разряженный воздух и я пропустила прием лекарств, прописанных Перекатовым, в животе, чуть ниже груди зарождался болезненный голодный спазм. Внезапно, вокруг завертелись хороводом кружки с горячим шоколадом. Колыхающаяся черная жижа поглотила меня целиком.

Я очнулась ближе к вечеру, судя по тому, что за окном уже сгущались сумерки. Небольшую уютную спальню заливал теплый, желтоватый свет.

— Аврора, тебе плохо, — услышала я коверканые слова Сю. — Нужно отдыхать. Лисса принесет ужин, не вставай.

Как же непривычно было слышать ее голос.

Я резко села на кровати, только сейчас поняв, что одета в чужие вещи. Широкая футболка, едва прикрывала голый зад, благо, что наброшенная сверху простыня скрывала сей факт. На кровати помимо меня и Сю, мирно дремала Окуш. Собачонке не понравилось, как я всколыхнула упругий матрас, отчего по комнате разлетелось вялое рычание.

На прикроватной тумбочке, лежал музыкальный плеер с наушниками, как я догадалась, новый повседненный аксессуар Сю, и сложенные стопки книг по молекулярной химии, чуть дальше стояла вторая кровать, безупречно застеленная. На спинке у изножья висели потертые мужские джинсы.

Нетрудно было догадаться, что это была постель Андридже.

Возмущение всколыхнулось во мне с такой силой, что пришлось сжать кулаки. Он живет со Стюзан в одной комнате! Не очень умно со стороны Алекса, который клялся, что присмотрит за девочкой.

— Не было ни одной попытки, — немного смешливо протянула Сю, прекрасно понимая о чем я думаю.

— Я так предсказуема?

— Ты открытая, недописанная книга, Ав.

— Ав? Значит, так ты меня всегда называла?

— Да. Ты, порой, ни чем не отладалась...

— Отличалась, — я подсказала, как правильно произнести слово, вытягивая зруки нараспев.

— Отличалась от Окуш, которая сначала нападает, а потом разбирается что к чему.

Я хмыкнула.

— Хороший он.

— Ну, да. Других на этой планете и не водится, — я выпятила челюсть, давясь горьким сарказмом и рассеянно пробежавшись взглядом по комнате, вернулась к плееру. — Дай угадаю, наверное, с ним на пару музыку слушаете каждый вечер?

Темные глаза Сью так знакомо засияли, преобразив лицо с красивого, до ослепительного. Девушка кивнула.

— А Кася? Доба? Где они?

Годы тренировок на поприще обмана не выдали ни одной лишней эмоции на моем лице. Этот вопрос витал в воздухе, но я твердо решила, что не буду выкладывать страшную правду. За сильный стрессом дурная слава и внезапное счастье Сьюзан может оборваться от малейшего опрометчивого слова или поступка.

— Они в другом месте. Не переживай. Собственно, я должна вернуться...

— К ним?

К горлу подкатил комок.

— Да.

— Алекс тоже так сказал. Лисса растроилась. Печальная сейчас ходит.

Я горько улыбнулась, нехотя понимая, какие чувства испытывает невероятная жена Алекса. По сравнению с ней я была избалованна, несдержанная, эгоистична и испорчена. Мне бы стало стыдно, но эта опция не оспользовалась слишком долго.

— Ты ничего мне не расскажешь? Так?

Карие глаза мельком проšliсь по моей груди, там где красовалась повязка.

— Ты ведь не только им помощь?

— Помогла, — снова пришлось поправить Сью.

Время в этой комнате, будто остановилось, мое молчание концентрировало, сгущало воздух, выпаривая из него неуловимую легкость.

Я поднялась с постели, завернувшись в простыню словно в кокон. На стуле лежала моя одежда, выстиранная и отутюженная. Тело ответило протестом, отозвавшись тупой болью и хрустом в костях. Тишина начинала звенеть и если бы не слабый рокот горной речушки за окном, я подумала бы, что тоже потеряла слух.

Поднимать руки, чтобы натянуть футболку было еще тем удовольствием, но вот, я выпрямила спину, полностью готовая к тому, что умела лучше всего — к бегству. Как вдруг, две теплые ладони улеглись мне на спину.

— Дай твой голос послушать. Я запомню, а потом уйдешь.

Сколько времени мы проводили на берегу нашего острова, таким образом. Сью прикладывала ладони к моей спине, а я пела. В легких дрожью перекачивался воздух, он вибрировал, создавая невидимые узоры, которые впитывались в пальцы глухой девочки, даря слабое представление о музыке.

— В крошечной тишине робеют всплески, и отражаются в воде глубины душ. Здесь

повод нужен крайне веский, чтобы звуку пробежать без всяких нужд. Его окликнет вечность: «Стой, мальчишка!», и он замрет, смеясь сквозь свет. Стихает всякое, что будет здесь излишним, что уж не помнет сколько ему лет...

Сперва Алекс подумал, что Сью снова включила звук телевизора на полную мощность, но потом понял, что не слышит ничего кроме голоса, который начинал звучать несмело и ломко, но с каждым словом его сила росла, раскрывая невероятную красоту.

Аврора пела.

Да, так, что Филипп оторвался от приставки, снял наушники и поднялся с ковра, на котором часто проводил вечерние часы, играя на приставке. Лисса с застывшим взглядом, выпрямила спину, сидя в кресле и жадно слушала слова. Ее лицо исказила тоска, а глаза заблестели.

Аврора уехала через час, после того, как в абсолютном молчании отужинала, сдержанно поблагодарив Лиссу за гостеприимство. Андридже все ждал, когда его единственный опекун Сьюзан вызовет его на серьезный разговор, даст указания, на худой конец прибегнет к угрозам, но Аврора будто не замечала его вовсе.

Объятия напоследок удостоились лишь Сьюзан и Алекс.

Резкий звук застегиваемой молнии на олимпийке прозвучал уже в дверях и Аврора нырнула в темный проем, закинув на плечо легкий рюкзак, в котором уносила прочь чувство обреченности.

21

Лошадиное, ленивое фырчание было словно первой партией, звучащей в тонкой природной симфонии звуков. Жилия полностью оправдывала свою кличку. Кобыла не отличалась упитанностью, ростом и красотой. Почти двадцать лет Жилька тянула жилы в Пылюкановке и неизменную телегу, которая была сверстницей четверной работяги.

Кобыла была вроде переходящего знамени в селе, и сдавалась своим хозяином в краткосрочную аренду, если кому нужно было съездить накосить травы около прилеска или привезти дров. Периодически Жилька вытягивала из Пылюкановки деревянные гробы, по традиции оббитые красной дешевой тканью и во главе шествия ковыляла на местное кладбище.

Последние два дня арендатором была Анна Витальевна, а нелегкий труд косаря взяла на себя Аврора. Девушка испытывала угрызения совести по отношению к собственному телу, которое за полтора месяца праздной сельской жизни вернуло все утраченные килограммы. Боль утраты притуплялась, злость и ненависть затирались и заливались фисановским самогоном. Правило трех стопок кануло в лету.

На подворье бабы Нюры царил идеальный порядок и чистота. День за днем выгребая навоз, слежавшийся с гнилым сеном, девушка, чувствовала, что и сама перерождается. Разнообразное зверье терлось о ноги, куры носились пернатыми шаровыми молниями, сбивая с ног, когда новая порция зерна засыпалась в кормушки или щедрая рука вываливала вываренные фрукты с компота. В общем, процесс шел, раны на сердце затягивались, но очень медленно.

Да и отец старался каждый день выправить неверное решение своего упрямого чада, которое было нехитро сформулировано в фразе: «Я за ним не поеду!»

«За ним» был Габриэль Сомерсбри.

«Не поеду» было емким обозначением отношения к этому человеку, которое Аврора приняла за единственно верное. Хотя, Винсент при каждом удобном случае упорно

напонимал, сколь серьезно оставлять на авось в живых человека, который может загубить с таким трудом спасенных людей.

— Мы не знаем, насколько Сомерсбри информирован. Аврора, разве ты не поняла до сих пор, что этот человек может манипулировать самыми ничтожными свежениями!?

— Вот и займись этим сам, папа. Мы сколько здесь? Почти два месяца и почему-то до сих пор живы.

— Его забрали! — только и успел выпалить Винсент, чувствуя как внутри разгорается ярость от упрямства дочери.

— Уже? Ну, и отлично! Справедливость восторжествовала! Так что, не смей мне тыкать этим. Кроме того, я считаю, что это скорее всего очередной фарс, чтобы скучно не было. Не удивлюсь если он со своими поделщиками ставки на меня сделал.

— Значит ты видела запись?

Аврора запнулась, испытывая огромное желание снова навестить Фисана и залить память алкоголем. Под тяжелое разрушительное колесо пагубного пристрастия за одно попадут, сожаления, сияющие глаза Сьюзан, которую Габриэлю удалось исцелить, и немое сожаление, которое исходило от Керо Лоудверча тем утром в Лондоне, когда парень с мольбой в голосе просил Аврору не вылезать из постели.

Запись по просьбе отца откопал в архивах ФБР Дон Боддл. На ней был заснят человек с окровавленным лицом, привязанный к стулу, в окружении мужчин. Его голова обессиленно свешивалась на грудь, правая нога выпрямлена и перебинтована чуть выше колена. Один из головорезов объявил, что некий Габриэль Сомерсбри является их заложником. В этот момент он схватил бедолагу за светлые волосы, пропитанные потом и резко потянул назад, чтобы камера крупным планом засняла лицо.

Полузакрытые глаза, разбитая бровь, распухшие от побоев скулы и частое тяжелое дыхание указывали на то, что этого человека пытали. Аврора заставила себя с хладнокровием смотреть на лицо, которое до недавнего времени вызывало в ней только сладкую истому. Сомнений не было, что перед ней именно Габриэль., а происходящее, если и фикция, то крайне правдоподобная.

— Двадцать миллионов евро и цифровое устройство, которое биометрически запрограммирован работать только с данными мистера Сомерсбри — его личный телефон. Это требование для освобождения.

У Авроры сложилось впечатление, что деньги были затребованы для отвода глаз. Ничтожная сумма по сравнению с ежедневной вырочкой от торговли наркотиками.

Богатый опыт во всевозможных попытках, заставили Аврору затаить дыхание. Да, человек на видео очень похож на Габриэля, но она отказывалась верить, что он добровольно отправился в колумбийский казимат. Этому мужчине хватило бы средств, чтобы навсегда исчезнуть и беззаботно жить до конца своих дней.

«Это не он!»

Вынеся категоричный вердикт, Аврора продолжала ежедневно выслушивать гневную речь отца, который наоборот был уверен, что видео не постановочное.

К тому же, в прессе царил абсолютная тишина, ни одного упоминания о похищении.

— Ты без проблем отыщешь его на Амазонке.

— О, ты у нас даже знаешь, где спектакль будет проходить, — Аврора кривлялась во всю.

— У тех парней на видео тату набита — безголовая змея, завязанная в узел с номером.

Они называют себя...

— Семсабека, я знаю.

— Дело пары недель, даже не придется близко подходить к базе, а потом один меткий выстрел и вопрос закрыт. Снайперские навыки у тебя лучше моих, папа. Не взывай в моему чувству долга больше. Боюсь, что предвзятость заставит меня промахнуться в последний момент. Ты ведь это хочешь услышать. Не так ли? Что я до сих пор сохну по Габриэлю. На этих чувствах решил сыграть?

Каждый раз разговор на болезненную тему заканчивался бурной ссорой. Заслышав громкие крики в доме, баба Ньюра уже не пыталась усмирить спорщиков, а просто шла в гости к соседке.

Каждая новая неделя, ложилась очередным тяжелым камнет в сердце Авроры. Время изменило себе, перестав хвастаться своей знаменитой терапией. Благо, что козы гадили как никогда, не оставляя девушку без работы.

Слова, угрозы и сомнения, в итоге сплетались клубком змей и по ночам набрасывались, укоряя и отравляя ехидным шипением. В этом жутком звуке явно слышалось одобрение тупого бездействия, в которое девушка погрузилась с головой.

И так изо дня в день. Только одно и спасало — возможность выжать из тела все силы изнуряющей работой, без перерывов на перекур и обед, заползти поздней ночью в дом, съесть обильный ужин, и ненавидя саму себя, приложиться к бутылке.

Злополучный телефон покоился под половицей около окна. Аврора не выдала отцу главной изюминки гаджета относительно мгновенного поиска любого человека на земле.

— Если ты не возьмешь ситуацию под контроль, мне придется вмешаться! — однажды пригрозил Винсент.

— Да, пожалуйста! — легко отмахнулась Аврора, иронично скривившись. Эти уловочки она знала наизусть. Шла простая проверка психологической зависимости от Сомерсбри, учитывая их любовную связь.

И вот как гром среди ясного неба, вчера отец быстро собрал вещи и уехал. Вернулся он в Германию, или по зову долга понесся в Бразилию, Аврору мало волновало. Куда хуже было то, что наконец-то ее оставили наедине с собой.

Споры прекратились, но место отца в голове занял внутренний голос.

Тоже, ни дать не взять — надоедливая паскуда.

Жиля тихо заржала, напоминая, что телега имеет свой весовой предел и пора бы уже вернуться в хлев к поилке со свежей водой и кормушке до краев засыпанной овсом.

Острая коса уместилась на девичьем плече, сбросив рукав тонкой ситцевой рубашки расцветки «прощай молодость». Жара спадала, ветер попрахладнел.

Аврора подошла к кобыле и ласково прошлась ладонью по широкой морде, сверху вниз. Черные умные глаза без укора впитывали бледную синеву предзакатного неба и не излучали ничего кроме животного доверия.

Девушка с минуту любовалась кобылкой, с нежностью разглаживая поредевшую гриву.

— Да, не поеду я за ним, — виновато и с придыхом сказала Аврора, будто кобыла ее весь день уговаривала об обратном.

Жилька нетерпеливо мотнула головой и фыркнула, утыкаясь мягкими губами в руку девушки. Яблоко выпрашивала.

Эту скотинку баловать хотелось без всякого напоминания. И Аврора каждый день закидывала в телегу с десятков краснобокой мельбы, которой был обсажен периметр огорода

бабы Нюры. А еще мелкий пластиковый таз и пятилитровую баклажку с водой, чтобы поить животину.

Поправив на голове помятую соломенную шляпу с фривольным тканевым цветком, который выцвел пару миллионов лет назад, Аврора пару раз цокнула языком и потянула свободной рукой потертые поводья, чтобы сдвинуть Жильку с места.

Колеса завали старым железом, проселочная дорога медленно поползла под ногами. Как же хорошо было никуда не спешить. Вдалеке разносилось протяжное мычание коров, которые требовали, чтобы их хозяева забрали их с пастбища. Отъезные бока тяжело переваливались, а хвосты неусыпным маятником отгоняли мух.

Сверчки выводили свои тихие трели в траве, горьковатый аромат которой действовал лучше любого успокоительного.

Аврора вдруг резко вздернула голову, не поняв что ее насторожило, и тут же увидела как впереди по обочине медленно передвигая ноги плетется старик.

Кривая походка и перекошенная сколиозом спина выдавала одного из старожил Пылюкановки. Дедушка Пырын, а официально Перинов Илья Савельевич. Новых знакомств в селе Аврора не заводила, но заочно знала почти всех жителей по именам или прозвищам.

В свои семьдесят девять Пырын отличался особой подвижностью, учитывая, что у старика жутко болели колени и даже летом в самую духоту, он носил прямо поверх серых хлопковых штанов вязанные наколенники. Все врачи разводили руками, будучи не в силах остановить артрит, и Пырын давно послал их куда подальше.

После того как бабе Нюре провели интернет, местные повадились ходить на «консультации», которые заключались в чтении статей и отзывов на средства народной медицины. Так дед Пырын узнал о диковинном дереве маклюре. Или в простонародье адамовом яблоке. Якобы настойка с плодов помогала при болях в суставах.

Сложно руки тут мало кто любил сидеть. Поспрашивали в городе, и близлежащих селах сарафанным радио, выяснили, что у кого-то росла такая диковина. И кажется, сегодня Пырын возвращаясь домой с уловом. В сетчатой сумке старик нес с десятков некрасивых, пупырчатых, зеленоватых плодов.

— Здравствуйте, Пырын! Давайте подвезу! — громко гаркнула Аврора, зная, что у старика проблемы со слухом.

Раззинув почти беззубый рот, Пырыт повернулся и как-будто задумался. Глаза на его морщинистом, широком лице давно затерялись под нависшими складками кожи, но при виде любого человека этот экземпляр принимал самый счастливый вид, будто ангела увидел.

— Иди, дите! Жильку беречь надо.

— Тогда пойдем вместе, — девушка поежилась от того смирения и самопожертвования, которые переполняли Пырына.

— Пойдем.

Сумка с маклюрой перекочевала в телегу, от чего спина старика немного распрямилась, отдышка в скором времени сошла на нет, а шаг ускорился.

— Спасибо, дите. Вот надо тебе со стариками возжаться! Какая красота пропадает в Пылюкановке.

Пырын шел немного впереди, словно показывал путь, который был выучен наизусть. Аврора печально улыбнулась сама себе, но голос старика удивительным образом проникал в самую глубину сердца и рылся там без зазрения совести, орудуя настоящей заботой.

— Нравится мне у вас. Тихо.

— Ась? — закричал, что есть мочи Пырын. — Тихо? Когда молодые тишины искать начинают?

— Не знаю. А когда? — девушка добавила беззаботности в голос, с любопытством ожидая вердикта старика.

— Когда не справляются с тем, что взвалили на себя.

Ни разу Пырын не глянул в сторону своей попугчицы, а та и замерла посреди дороги как громом пораженная. С какой же легкостью здешние люди могли обрисовать то, что не хотело обретать форму мысли.

Дед Пырын остановился перевести дух, хотя на самом деле ждал, когда стихшие колеса снова завоюют на разные голоса.

— Ничего мудреного нет, дите. Простота лучше глазных капель помогает видеть что людей запутало и гложет. Тут в соседнем селе батюшка есть, он часто повторяет, что нечистая препятствует нам делать возможное, а к невозможному принуждает. Вот мы и маемся... О как! Мудрость-то! А нам бы все непосильное на себя взвалить. Идем, дите, идем.

От слов дедушки Пырына стало легко на душе, правда чувство это не обещало быть долгосрочным, но до Пылюкановки Авроре его хватило. Дом старика был на отшибе и он свернул намного раньше нас.

Девушка со вкусом шла по широкой улице деревни, которая проходила через «площадь» с домом культуры и главного центра развлечений — универсамом. Это раритетное словечно, она подхватила из запаса бабы Нюры. За время пребывания в пригороде Чебоксар, удалось подтянуть пробелы в русском и даже перейти на изучение сленга, который нельзя было зазубрить, по учебнику. Слова, порой, использовались на интуитивном уровне, в совершенно противоречивых случаях. Только матом баба Нюра строго на строго запретила ругаться в доме, уплоть до того, что я пару раз, Аврора легонько получила по губам.

Телегу Жилька дотащила довольно прытко. Скорость у кобылы увеличилась заметно, когда яркая парочка пересекла границу села. Чуюла скотинка, что дело пахнет ужином. Как и полагалось, Аврора быстро разгрузила острыми вилами вялую траву, равномерно раскидав на поляне перед домом, чтобы та подсушилась, после чего четвероногая работяга вернулась к хозяину, тихо подфыркивая и игриво мотая головой.

Мужик забрал уздцы и любовно поглаживая бока кобылы, одарил чумазую девицу самым недружелюбным взглядом.

— Грузишь Жильку, — грозно выдал мужик, которого звали по фамилии — Казанец. — Смотри у меня.

Досчатая редкая калитка захлопнулась и разговор на этом был исчерпан.

Спорить не хотелось. Слова Пырына про невозможное отдавали тем же немым укором. Аврора усмехнулась сама себе, и как ни странно, не почувствовала негодования от того, что каждый ее поучает.

Умитворение протиснулось в ворота подворья бабы Нюры раньше ее зашоренной благодетельницы. Странная картина неминуемо отдалила поход в огородный душ и заслуженный ужин.

Анна Витальевна неловко вертелась вокруг Василия, который верхом сидел на Марсике. Оба пытались засунуться собаке в пасть какую-то таблетку.

— Помогай, мать. Чего застыла? — прозвучал запыханный голос Василия.

— Чего делаем?

Намертво сжав мощные челюсти, Марс просто лежал на земле, а за него захлебываясь

лаял Рекс, как обычно посаженный на цепь.

Огромная псина, казалось, не предпринимает никаких попыток цапнуть кормящие руки или даже зарычать. Он просто меховой лужей растекся по теплomu, выщербленному бетону, намертво сцепив челюсти.

— Глистов гоняем! — с расстроенным видом ответила баба Нюра. — Светлана звонила. Игорек жалуется, что попа чешется. Вот он! Главный паразит! Ух, я тебя!

Старуха в отчаянии замахнулась на пса, на что тот прижал уши и зажмурился.

— Внучек с ним разве что с одной миски не ест. Хотя, что там... Застала на месте преступления пару раз. А на этого полпалки колбасы извела, все повыплеывал, скотина!

Странно, но мытарства Марсика вызвали в Авроре еще одну волну умиления. Девушка присела на корточки около собаки, ощущая, как из-за ворота рубашки пахнуло сладковато-удушливым запахом пота. Потрепав животину по голове, девушка спросила:

— Вы котлеты уже пожарили? Запах сюжа доходит.

— Еще я его котлетами кормить буду. Колбасы обожрался!

— Несите, несите... Я свою долю отдам.

— Золотко, та мне ж тебе ничего не жалко, — всплеснула руками Анна Витальевна, чуть не слезами на глазах и по-молодецки юркнула в дом.

— Ну, что котлетку хочешь? Ты мой хороший. Кто тут, хороший? Марсюня, — Аврора и сама не заметила, что стала сюсюкать и шепелявить, за чем с огромным интересом наблюдал Вася.

— Молчи! — прозвучало жестко в адрес мужика.

— Да, ради Бога! Но баба Нюра права, только котлету переведешь.

Ароматный колобок жареного рубленного мяса материализовался перед самым носом и девушка почувствовала, как рот наполняется слюной. Пес оживился и поднял морду, облизнув нос огромным языком.

Таблетку поместили в самый центр, да так чтобы Марсик не видел, но едва лакомство предложили псу, он принялся и презрительно фыркнул.

— Ага.

Аврора демонстративно вытаскала из котлеты лекарство и протянула обратно собаке угощение. Хитрый питомец только открыл пасть, чтобы слизать котлету с ладони, как та резким движением, сунула ему ладонь в пасть, на что мощные челюсти сжались в смертельной хватке.

— Ты что творишь, Ирод? Фу, плюнь! Вася, неси дрын! Надо ему зубы разжать.

Собака зарычала, но скорее от страха и бешено замотала головой. Не теряя времени, Аврора согнала Василия, игнорируя жгучую боль от протыкающих кожу зубов и села сверху на спину пса, перевалилась на спину, увлекая за собой мощное тело, которое удалось обхватить ногами и почти обездвижить.

Вася вовремя спохватился и пропихнул таблетку в пасть собаки, чтобы та не смогла ее выплюнуть, и Аврора тут же ослабила хватку.

Баба Нюра, молча обернулась с чистым полотенцем и водой, чтобы промыть рану. Она уже не сползала бледной по ступенькам в таких ситуациях, как и не спешила освобождать меня от тяжелой работы по хозяйству, которую по своей воли на себя взвалила Аврора. Нет, старуха опешила от того, с каким хладнокровием и спокойствием та стояла и рассматривала прокусанную руку. Хоть бы поморщилась!

— В больницу поедем? — флегматично спросил Вася. — Баб Нюр, вы как?

— Нет, спиртом залить и пойдет. Собака домашняя, не бешеная. Перекатов не переживет еще одного моего визита.

Боль чувствовалась и еще какая, так легко было поддаться ее разрушающей силе, которая подступала к горлу, требуя хотя-бы легкого вскрика. Но по привычке, Аврора, словно наблюдала за собой со стороны, в головое отключалась всякая паника, а пульсирующие сигналы, проносящиеся по нервным окончаниям, с каждой секундой затихали. С физической болью так всегда и было.

Почему же так нельзя отмахнуться от того, что творится на душе?

Спустя пару часов, Аврора, лежала на мягкой перине, обводя взглядом узорчатый орнамент тени, прилипшей к стене напротив. Свет одинокого фонаря, который был установлен ближе к дороге, проникал в окно, натываясь на хлипкую преграду тонкой занавески. Перебинтованная ладонь ныла, в унисон досадливым ворчаниям Марсика, который по обыкновению, в теплую погоду спал на ступеньках.

За долгие годы тренировок, кости уплотнились, сухожилия приобрели пластичность, каркас мышц был укреплен столь изощренными упражнениями, что если напрячь ладонь, то серьезного урона не принесет даже удар молотком.

Взгляд девушки изредка подрагивал, то и дело нарываясь сползти чуть ниже окна на злополучные половицы. Сомнения росли с каждым днем и той бравады, которая была полтора месяца назад Аврора, к сожалению, не ощущала.

Как-будто эвакуация Сомерсбри была предательством для самой себя.

— Не поеду! — слова призраком облетели комнату, и тишина через пару мгновений обернулась новым вопросом в голове:

— «В самом деле?»

Понимание того, что Габриэль Сомерсбри, чисто технически, является законным супругом, тоже давно осталось за бортом крейсера праведного гнева. Не было до подлинно известно пребывает он сейчас в горе или радости, но если легенда с похищением не выдумка, то навряд ли этот тип сейчас может похвастаться своим здоровьем. Злоумышленникам нужен был телефон, и чтобы узнать где он, наверняка, будет применен широкий арсенал всевозможных пыток. Порог боли Сомерсбри был скрытой до сих пор информацией. И получается пребывание в Пылюкановке не самая лучшая идея.

В любом случае, рано или поздно, придется подыскивать себе местечко, в котором можно будет попытаться пустить корни.

Снова...

А еще Аврора прекрасно понимала, что в половине тех случаев, когда ее мысли возвращаются к Сомерсбри, он был не Габриэлем, а таким понятным и чарующим Керо

Этой ночью бессонница мучала всех обитателей скромного домишки. Анна Витальевна с тревогой перебирала события минувшего месяца и была рада, что Ваня, он же Винсент, уехал восвояси. Этот мужик разрушающе влиял на Аврору, в его присутствии девочка за малым не превращалась в солдата. Появлялась не свойственная женщинам жесткость, решительность и готовность по первому приказу отдать жизнь не понятно за что.

Сегодня вечером, Аврора впервые за многие недели не залезала в шкафчик, где стояла початая бутылка водки. И может быть поэтому из ее комнаты то и дело доносились тяжелые вздохи.

Но вот, как-будто, скрипнула кровать и осторожная поступь босых ног. Это дите слишком много держало в секрете. Какой груз несла Аврора в своем сердце можно было

только догадываться, но после больницы, затравленный взгляд стал обычным делом. Глаза с лихвой выдавали горе, которое ломает человека, как пересушенный стебель рогоза.

Баба Нюра тяжело приподнялась на локтях, чтобы лучше рассмотреть, чем занимается Аврора и заметила, что в комнате, будто слабая лампочка зажглась, а потому последовал шепот:

— Габриэль Сомерсбри. Тьфу, ты, провались все оно пропадом! Габриэль Кераан Мэлвин Агвидус Сомерсбри-Лоудверч. Гребанный ребус, а не человек! Ищи уже давай!

Потом снова тишина и лишь слабый голубоватый свет, отражающийся на потолке.

— Твою, ж мать!

И снова тишина. Марсик успел остервенело постучать лапой по деревянному настилу крыльца, пока вычесывал какое-то мелкое пакустное насекомое, которое его укусило. Голубоватое свечение исчезло.

Баба Нюра улеглась, скрипнув старыми пружинами матраса, приняв английскую речь за зловещее заклинание. Старуха перекрестилась. Снова воцарилась тишина.

Такого безмолвия в городе не было, будто уши воском залило.

Так прошло, с четверть часа. Сон незаметно подкрался к Анне Витальевне, смеживая веки.

— Все равно, не поеду..., - донеслось из соседней комнаты.

Тревожно.

Именно этим словом мог описать свое состояние Сергей Валентинович Юрский. Напротив него сидел самый занятный персонаж, которого ему приходилось видеть за последние четыре года, а именно столько лет он занимал свой новый пост в министерстве финансов Российской Федерации.

Светловолосая симпатичная девушка, одетая едва ли не по-военному, с подозрением следила за каждым его движением, и кажется, не совсем понимала зачем она вообще заявила в Москву на аудиенцию.

— Мариночка, принесите кофе, — нужно было как-то разрядить обстановку и Юрский не придумал ничего лучше.

— Я ничего не хочу.

— Тогда может быть ознакомитесь с отчетом? Я предоставляю его мистеру Сомерсбри при каждой встрече.

— Отчет? — бровь девушки удивленно выгнулась.

— Да.

— Обрисуйте в нескольких словах.

— Разумеется, финансовый, — Юрский немного растерянно развел руками, потому что нескольких слов не хватит, чтобы описать всю подковерную деятельность, которую ему приходится вести, что ввернуть предоставленные Габриэлем Сомерсбри денежные средства в федеральные программы дотаций и субсидий.

— Ну, еще бы, — ухмыльнулась гостя, но тут же стерла в лица улыбку, когда в кабинет вошла секретарь.

Черные лаковые туфли, и то, с каким мастерством красивая, ухоженная женщина в темно-синем облегающем платье, шествовала на них, были достойны особого внимания. Грациозно и профессионально, маленький поднос приземлился на журнальный столик.

— Сливки? Сахар? — трепетный, полный внимания голос, никак не вязался с плохо скрываемым изумлением, в плохом смысле этого слова.

Было доподлинно известно, что Сергей Валентинович сегодня ночь не спал, проведя сутки в кабинете за подготовкой к внезапной комиссии. Как раз этим стихийным бедствием здесь трудно было кого удивить и давалось немного больше времени на подготовку, но вот чтобы комиссия была в лице помятой, болезненного вида девице, которую будто подобрали неподалеку от Новоарбатского моста.

Пристальный изучающий взгляд секретарши был перехвачен и за секунду осуждение сменилось ощущением опасности. Мариночка никогда не позволяла себе хамств или наглости, но всегда выходила победительницей, если дело касалось «кто кого переглядит», а потому не опустила глаз, о чем сильно пожалела.

Эта молодая женщина не хотела унижить или поставить на место, но сколько же тяжести и черноты выдавали бездонные карие зрачки, в которых, казалось, хранились пароли от чистилища. Так, что покидая кабинет Сергея Валентиновича, каблуки впервые в жизни подвели Марину, она спотыкнулась буквально на ровном месте и чудом не упала.

— То есть он не наваривается, а наоборот, вкладывает средства?

— Инвестирует, да.

Юрский немного замешкался, но окончательно убедился, что сидящая перед ним барышня не знает о деятельности Сомерсбри, ровным счетом, ничего. Девушка говорила по-русски с акцентом, но весьма свободно, а значит точно понимала все нюансы речи. Редко кто из американцев использует в разговоре слово «наваривается».

— Но какая здесь выгода? Он должен получать прибыль.

— Наверяд ли средних размеров предприятие на грани банкротства, которое выпускает спецтехнику для людей с ограниченными возможностями, можно назвать прибыльным. Или разорившийся пищекомбинат, где-нибудь в Ставропольском крае. Но мистер Сомерсбри крайне точно подходит к выбору объектов инвестирования. За несколько лет субсидирования, модернизации производства и оптимизации распределения продукции, подобные предприятия выходят на весьма приличные показатели. Но нужно учитывать, что никакая прибыльность и эффективность в России не могут быть аргументами, если речь заходит о госзакупках. А итоговый финансовый интерес мистера Сомерсбри всегда так или иначе сводится к данному сегменту планирования федерального бюджета. Другими словами, он поднимает из руин ту или иную компанию, которая напрямую или косвенно относится к социальной сфере, из своего кармана оплачивает все расходы, а государство обязуется по реальной стоимости закупать продукцию, обеспечивая оборот.

— Это вполне логично, учитывая, что тендеры, обычно, выигрывают наиболее оптимальные варианты в соотношении цены и качества.

Но тут Юрский едва успел подавить горькую усмешку и снисходительно покачал головой.

— Цена и качество в России в госзаказах поражены опухолью откатов. Вы знакомы с этим термином?

— Взятка.

— Именно так.

— Хорошо. Сомерсбри исключил накручивание цены, создает новые рабочие места и способствует экономическому росту, но при этом получает прибыль. Он не может не иметь доли на правах иностранного инвестора, пусть даже если она будет минимальной.

— Вы правы, вот только вся выручка идет уходит на благотворительность.

— Официально?

— Да.

— Этого не может быть.

Мужчина немного растерянно развел руками, потом оглянулся на полки, уставленные папками, поднялся с кресла, на ходу вытащил очки из нагрудного кармана пиджака и пробежав пальцем по корешкам с ярлыками, выудил толстый скоросшиватель.

— Это за последние полтора года.

Папка переключалась в руки Авроры. Трудно было подделать подобный объем данных, что еще больше вводило в ступор. Быстро перелистывая страницы, она то и дело, останавливалась, чтобы прочитать диагноз и запрашиваемую на лечение сумму. Онкология, протезирование, реабилитация, редкие медицинские препараты. По самым смелым прикидкам, речь шла о нескольких десятках миллионов долларов ежегодно.

Так, вот что Габриэль понимал под словом «перераспределение».

Вполне логично, что наработав баснословный капитал, Сомерсбри пытался отмыть его, и на данный момент нелюбимая инфраструктура наркобизнеса изжила свою необходимость.

— Хорошо, тогда тогда позвольте спросить.

Юрский снова удобно устроился в кресле. Аврора внимательно посмотрела на него. Средних лет, непримечательной внешности мужчина, крупный, полноватый, с густыми темными волосами, которые не собирались сдавать позиции, учитывая нервную работу, он без сомнения обладал решительным характером, отличался скромностью, что в свою очередь, наводило на вывод, что этот человек обладает незаурядными умственными способностями. Умение дипломатично управляться с нестандартными условиями деятельности Сомерсбри, выдавала управленческий талант.

— С какой стати вы так спокойно обо всем мне рассказываете? Сомневаюсь, что эта информация широко доступна. Может, я силой завладела телефоном?

— Вам виднее, — с легкой улыбкой ответил Юрский, — но я выполняю непосредственное распоряжение мистера Сомерсбри. Чуть больше полутора месяцев назад он позвонил и предупредил, что на некоторое время отойдет от дел по личным причинам. Прислал ваше фото и сказал, что доступ в его телефону будет только у вас, и соответственно, любая ваша просьба должна быть выполнена.

Наблюдая за тем, как в задумчивости девушка слегка выпятила нижнюю челюсть и с застывшим взглядом просидела так несколько минут, Юрский поежился.

— А вы? — спросила Аврора.

— Простите?

— Последний честный русский чиновник? Ни шага без взяток, и вдруг, возникает оазис принципиальности.

— С волками жить по-волчьи выть. Слышали это выражение?

— Конечно. Сама в этом хоре выступаю.

Сергей Валентинович почувствовал легкую симпатию к мнительной девушке.

— В основном приходится давать взятки, а вот брать или вымогать — нет.

— И последний вопрос. Долго у вас получится идти против системы? Вы очевидно жертвуете собой ради чего-то временного.

— Скажите это десяткам тысяч человек, которым помог мистер Сомерсбри, начиная от

безработных и заканчивая инвалидами. Я всего лишь посредник и еще ни разу об этом не пожалел. Уверен, не пожалею и в будущем.

К выходу Аврору, проводил охранник, учтиво открывая перед девушкой двери. Скромный «уазик» на служебной парковке резал глаза, среди черных тонированных иномарок. Чутье подсказывало, что люди подобные Юрскому завербованы Сомерсбри в каждой стране, название которой числится в списке контактов.

Габриэль нарочно не стал рассказывать о своих добродетелях и щедрости, в виду предвзятости, которая пропитала Аврору, после всеобщего разоблачения. Она сама должна была убедиться и сделать выводы. И вот теперь, все карты раскрыты!

Не хотелось признавать, но следовал вывод, что весь план Сомерсбри не был пустышкой. За человека, всегда говорят его поступки, которые теперь сложно было отрицать.

Дверца «уазика» была закрыта с такой силой, что охранник на КПП вытянулся в лице, приоткрыв рот.

— Все равно не поеду! — вырвалось негромко окончательное решение.

22

— "Шестьдесят три, шестьдесят четыре..., - тишина и безумный стрекот джунглей, медленный глубокий вдох и снова, — один, два, три...»

Отполированные косточки асаи, которых с каждым днем становилось на одну больше, были едва ли не единственным звеном, связывающим Габриэля Сомерсбри с рассудком.

Шестьдесят четыре дня, он провел в полутьме, которую дважды в день прорезал луч света в крохотном окошке двери. Деревянная створка открывалась, чья-то рука протискивала пластиковую миску с лепешкой из маниоки, вымоченной в кокосовом молоке и одинокой ягодой асаи. Еда была настолько безвкусной, что ягода, казалась деликатесом.

До двери приходилось добираться ползком. Склизкий от влаги земляной пол за два месяца был исчерчен широкой, утопленной на несколько сантиметров бороздой. Габриэль пытался пару раз подняться на ноги, но бедренная кость на правой была сломана.

Забавно, но те, кто до недавнего времени, трепетали перед Англичанином, соревновались кто с наибольшей фантазией унижит бывшего босса.

Первые две недели ребята увлеклись. Габриэлю сутками не давали еды, воды или возможности поспать. Попытки привели к потере сознания и состоянию близкой к коме, за что Гилео Ратуан «публично» казнил шестерых, самых рьяных надсмотрщиков. Этот человек был закреплен начальником лагеря с того момента, как Англичанин развернул масштабную стройку, посреди джунглей восемь лет лет назад.

Лаборатории, склады, оружейные, столовая, медицинский пункт, мастерские, деревянные хижины, которые напоминали казармы — длинные и однообразные, был даже свой бар. Но сколько народа полегло, прежде чем наладили производство кокаина. Малярия косила наемников пачками. Но как ни странно, чаще всего «менялись» технические специалисты, на совести которых были системы отведения воды и закладка фундамента построек. На это никто не обращал внимания.

Англичанин платил щедро и в любое время дешевую рабочую силу было легко найти на Амазонке.

Камера, где держали Габриэля была расположена неподалеку от проводольственного склада, где помимо прочего хранили балоны с бытовым газом, и кажется, последние дни шла

утечка, судя по запаху. Он стелился по земле и проникал в низко расположенное окошко темницы.

Несколько раз Габриэль обращал внимание охраны, чтобы те проверили целостность баллонов, но в ответ на него только кричали и говорили заткнуться. Правда, весь следующий день не пахло дымом от сигарет, который не оставлял пленника ни днем, ни ночью. Будто мало было зловонного ведра, которое служило туалетом в землянке.

Жалости к бывшему боссу Ратуан испытывал не больше, чем к тем бедолагам, которых местный повар порубил на куски и скормил крокодилам на своей испровизированной ферме. В огороженном стальными прутьями загоне, копошилось в смеси ила и воды с десяток рептилий.

Сомерсбри нужен был живым, с целым лицом и пальцами. По крайней мере, именно на это сделали акцент новые владельцы наркоимперии. Зачем им понадобился телефон, оставалось только гадать. Гилео лишь знал, что захотев подставить Англичанина, новые боссы нарисовали мишень на своих головах. Переданные данные в ФБР, как ни странно привели расследование ни к Габриэлю Сомерсбри, который во всех базах значился не как живой человек, но как товарный знак, а именно к Вольфу Аундеру и еще шести главарям конгломерата. Именно они были единственными выгодополучателями, что подтверждала сложная схема подставных фирм, через которые отмывались деньги.

Габриэль не горел возмездием, как ни крути, а только он был первопричиной того, что приходится гнить в вонючей яме среди джунглей.

Нескончаемые укусы moskitov и мух пури-пури, грозили слиться в одно пятно сочащейся кровью плоти, если бы местный доктор не выпытал в свое время рецепт репеллента у индейцев из племени матсес. Вытопленный крокодиловый жир, смешанный с порошком их лианы кэтс-кло и кумарином.

Жалко было расходовать ценный продукт на пленника, но спустя две недели у несчастного едва не начался гнойный абсцесс. Скучное питание, перелом, которым никто не занимался, пытки.

В итоге, чувство сомнительного превосходства, привело к огромным убыткам.

Приходилось тратиться на баснословно дорогие медикаменты, доставка которых вертолетом из Сан-Пауло обходилась в целое состояние. И с каждым днем у Гилео таяла надежда на то, что удастся заполучить злополучный телефон.

Пленнику становилось хуже и охранники все чаще отлынивали от поста около двери импровизированной камеры, ссылаясь на то, что этого доходягу вполне сдержит обыкновенный амбарный замок. К тому же, со сломанной ногой он далеко не уползет.

К слову сказать, Габриэль правдоподобно симулировал измождение, но кость, действительно срослась не ровно. В перерывах между кормежками и проверками, когда окошко оставалось закрытым, он поднимался с пола, аккуратно сложив отполированные косточки асаи в сторону и разминался, ощущая, как дрожат от нагрузки окоченевшие от укусов и слабости мышцы.

Репеллента едва хватало на пару часов.

Приходилось концентрироваться на собственном дыхании и обмазываться землей, чтобы облегчить муки. Когда зуд немного стихал, Габриэль повторял нехитрую последовательность упражнений, и приемов дыхательной гимнастики. Разумеется внимательный человек заметил бы отпечатки ног на земляном полу камеры, но их легко можно было затереть руками, и снова вернуться на грязную соломенную подстилку.

Стоило только прилечь и по телу начинали ползать насекомые. Сколько раз вымученный сон прерывало острое покалывание лап сколопендр. Кажется, неподалеку было их гнездо. На Амазонке эти омерзительные твари достигали гигантских размеров, размером со ступню рослого мужчины.

Спросонья, да еще и в темноте, редко кто может одним ударом прибить это существо, тело которого плотное, будто залитое лаком оставляло на коже болезненные ожоги, а если промазать, сколопедра тут же впивалась зубами в плоть.

Каждый час, каждое мгновение тело готово было сорваться на судороги от зуда, принося нестерпимые мучения и сегодняшний день не принес облегчения.

Точно по расписанию окошко внизу двери залилось желтоватый светом закатного солнца. Один из охранников, противно засмеялся и Габриэль услышал уже привычный льющющийся звук.

Кому-то и Гилео был не указ. Нет, мочились не в тарелку, а на землю рядом с тем местом куда тарелку поставили, так чтобы попадали брызги. Но брезгливость в этих местах была губительной, к тому же, все сроки вышли и со дня на день отпадет необходимость охранять старую бетонную землянку.

Чтобы не выдать своего истинного состояния, Габриэль оперся на руки и привычными загребающими движениями пополз к тарелке, чувствуя на себе пристальный взгляд охранника.

— *Jantar está servido senior* (кушать подано, сеньор), — прозвучал голос, сочащийся издевкой.

Окошко не закрылось вплоть до того момента, как Габриэль не отполз в дальний угол, где проводил почти все время. Его не съедал страх, не трясло от отчаяния, будто все шло своим чередом. Подобная невозмутимость приводила охранников в ярость.

Лишь одно сожаление оставалось у Габриэля и лежало на сердце тяжелым камнем. «Она» не приедет! Не будет возможности еще раз взглянуть в вечно настороженные глаза Авроры. Мысли о девушке были единственной радостью, как последний глоток воздуха для утопающего.

Не сегодня-завтра Гилео выведет своего пленника из заточения, на самом видном месте в лагере заставит опуститься на колени и полосонет мачете по шее. Это считалось позорной смертью, когда человека прирезали, как свинью.

Живо представляя себе эту картину, Габриэль спокойно жевал маниоку, которую сегодня просто залили водой. И снова никаких сожалений, а вместо совести в голове звучал реквием, плохие и ужасные поступки монотонным диафильмом проплывали в памяти. Никаких оправданий! Закономерный итог... Самые большие требования Габриэль всегда выставлял только себе.

Справедливость к другому и не могла привести, но пришла не с пустыми руками. Аврора была прекрасным прощальным подарком.

Габриэль с трудом доел прокисшую маниоку. Он устало повернул шею несколько раз, чтобы размять позвонки. Голова болела нестерпимо. Запах газа продолжал висеть в воздухе, сводя с ума.

Еще один день, гул мух, дикая влажность, которая заставляла кожу гнить от долгого соприкосновения с обувью или одеждой. Поставив пусту тарелку, Габриэль снова нащупал горсть косточек и принялся их медленно перебирать.

Этот процесс немного успокаивал, напоминая медитацию, как вдруг, привычные звуки

разорвал чудовищный грохот. Стены землянки тряхнуло и со стороны двери пролегла огромная трещина. В лагере поднялась суматоха, раздавались крики, кто-то вопил, словно ему на живую вспороли живот.

Дверь распахнулась, и в темноту шагнул молодой парень, в жилете, надетом на почти голое тело. На его груди перекрещивались ленты с магазинами для оружия. Лихо присев, около пленника, он низко нагнулся.

— *Salve, insanis* (Привет, сумасшедший)!

Услышав знакомый голос, Габриэль резко дернулся и сжался, как пружина, хотя в ушах звенело от взрыва.

— У нас двадцать секунд, чтобы слинять отсюда, — прошипела Аврора, оценивая сможет ли Габриэль быстро двигаться.

Удивительно, но после этих слов он вскочил на ноги, хотя, на верный взгляд был словно при смерти.

Окинув взглядом Аврору с ног до головы, Габриэль поразился тому, насколько удачной была маскировка. Даже сейчас, когда он наерняка знал, что перед ним девушка, глаза удивленно смотрели на парня: ссутуленная спина и толстый бронежилет, широкие военные брюки, зауженные к низу, замусоленная кепка, перекатывающиеся, напряженные мышцы на руках, загорелая кожа, немного грязи и да... Аврора коротко остригла волосы.

Девушка молча протянула телефон и заряженный кольт с глушителем.

— Умеешь пользоваться?

— M1911? 12 миллиметров? — одной рукой, Габриэль быстро разблокировал свой телефон, а другой, умело снял пистолет с предохранителя.

— Идем! — тихо сказала Аврора, почувствовав облегчение от того, что в команде добавился стрелок, она выглянула в дверь, и в этот момент услышала, как Габриэль диктует какой-то пароль, после чего на телефоне включился таймер обратного отсчета.

— У нас минута, бежим!

С поразительной для умирающего прытью Сомерсбри выскочил в дверь, заметно прихрамывая на правую ногу.

Как и планировалось, большинство людей в лагере, были заняты тушением склада, где взорвались баллоны с газом. Нужно было пройти мимо длинного барака и скрыться в джунглях. Короткими перебежками, Аврора двигалась практически бесшумно держа наготове заточенный нож. Она замерла за ржавой бочкой, около туалета, от которого шла удушающая вонь, показав рукой Габриэлю, чтобы тот пригнулся, когда им навстречу выбежали шесть мужчин с автоматами в руках.

Кто-то закричал, что пленник сбежал. Головорезы, выхватили оружие, спрятанное за поясом и как по команде бросились в рассыпную. Двое пошли в направлении Авроры и Габриэля.

Не дожидаясь того, что их увидят, она сделала резкий выпад, с силой вонзила нож в шею одному из бандитов. Фонтан красных брызг вылетел из искривившегося в ужасе рта, разукрасив лицо девушки, но та, без остановки, в отработанном движении, немного присев, вывела красивую дугу, вонзив окровавленное лезвие прямо в сердце второму противнику. На все ушло несколько секунд. Не теряя ни секунды, Габриэль подхватил труп и оттащил его в сторону, Аврора убрала второй.

Оглядевшись по сторонам, девушка, увидела, как к ним приближается вооруженная группа, которая явно по приказу методично прочесывала периметр.

— Стоять! — прозвучала команда и тут же рассыпью прогремела пулеметная очередь.

До джунглей оставалось не больше пятидесяти метров. Габриэль на секунду выглянул из-за стены барака и точный выстрелом уложил одного из нападавших.

Телефон завибрировал, время вышло и в этот момент прогремел мощный взрыв. На воздух взлетела лаборатория, потом огненным пузырем накрыло административный корпус и столовую. Постройки взрывались одна за другой.

Аврора уже чувствовала жар от пламени, нужно было уносить ноги, через пару секунд взорвется их укрытие.

— Я прикрою! Попытайся добраться до тех деревьев, займи позицию и открывай огонь, чтобы прикрыть меня, — закричала она Габриэлю, отворачивая кепку козырьком назад, после чего улеглась на землю на живот и достав из-за спины короткоствольный АК, заставила броситься врассыпную прицельными выстрелами. До взрыва укрытия оставалось не больше десяти секунд. Громкие хлопки рвали барабанные перепонки, следующий взрыв прозвучал так близко, что на Аврору посыпалась земля и обломки кровли. Она чудом услышала, как Габриэль начал отстреливаться, поднялась и петляя зигзагом, добежала до деревьев.

За спиной поднялся столб огня, отбросив взрывной волной девушку дальше точки, где занял позицию Габриэль. Он с ужасом смотрел, в какой неестественной позе упала Аврора и понял, что ее кантузило. Она не потеряла сознание, но не могла встать и только безумно вращала глазами, оглядываясь по сторонам.

Из лагеря доносились крики. Габриэль слышал голос Гилео, который перекрикивал рев огня. С десятков людей явно уцелело.

— Схватить их! — послышался приказ.

Авроре удалось подняться на четвереньки, и она тут же почувствовала во рту соленый вкус крови. Ее обхватили одной рукой, помогая подняться, но в ушах звенело и все остальные звуки скрылись за противным звоном. Габриэль принял на себя большую часть веса девушки, которая бесшумно шевелила губами, не понимая что ее не слышно.

— Ррр...к, — булькающий звук тихо клокотал в ее горле.

Он мотнул головой, не понимая, что ему говорят.

— Рр. рка.

Река!

Бежать не было никакой возможности. Густая растительность и скользкие корни, спутывали ноги, почти каждая ветка, рвала одежду острыми шипами. Габриэль прекрасно ориентировался в этих местах и знал, что нужно хорошенько поработать мачете, чтобы добраться до притока, расположенного чуть больше чем в трехста метрах от границы лагеря.

Из-за внезапной сильной нагрузки мышцы сводило спазмом, а легкие горели. Нужно будет сделать небольшой крюк, чтобы не напороться на патрульные группы, которые стянут все силы меньше чем за двадцать минут.

Добравшись до широкого раскидистого ствола бразильского ореха, Сомерсбри затаился там, взвалив себе на руки Аврору и прислушался. Голоса глухо разносились где-то позади. Девушка тяжело дышала, поэтому пришлось освободить ее от громоздкого жилета.

Обшарив его, Габриэль вытащил пояс с метательными ножами и надел на себя, еще он нашел спички в непромокаемом пакете, карту и несколько широких, кровоостанавливающих пластырей. Он упорно отгонял мысли о том, что девушка сильно пострадала, учитывая нечленораздельное бормотание и полуобморочное состояние. Поразительно, что она,

вообще не потеряла сознание, а пыталась передвигаться на своих двоих.

Автомат, пришлось оставить, как и большую часть боеприпасов. Осмотрев тело Авроры, Габриэль поморщился, когда увидел, что из ушей у нее идет кровь и пулей задело правое плечо. Он перевалил девушку на бок и проверил пальцем рот — язык не был прокушен, сгустков крови со слюной не вышло. Ее начал бить мокрый кашель, после чего с шумом вырвало.

— Аврора, девочка, приходи в себя. Ты меня слышишь? — голос Габриэля тревожный, с заботой зазвучал, как-будто он говорил из комнаты с толстыми стенами. — Вот так. Нужно идти. Готова?

Рану на руке удалось закрыть пластырем, чтобы остановить кровь. Звери в амазонских джунглях буквально сходили с ума, учуяв ее запах, не говоря уже о насекомых. Пришлось несколько раз сгребать густой слой мокрецов, которые лепились к ране, добавляя новых укусов. Габриэль поднес небольшую флягу с водой к губам и Аврора сделала несколько глотков, оставшейся водой он обмыл ее окровавленное лицо, после чего девушка закрыла глаза и глубоко вздохнула несколько раз.

Они сидели в неглубокой луже, образовавшейся после тропического ливня укрытые корнями высокого дерева. Габриэль вдруг провел рукой по шероховатой светло-серой коре, до самого сочленения пластовидных выступов, там где корни сливались со стволом, и медленно повел пальцами вниз, уткнувшись в раскисшую землю, погрузил руку в грязь на глубину ладони, что-то нащупывая. Через мгновение Аврора услышала шелест пластика.

Габриэль достал небольшой пакет, торопливо сгреб с него ошметки грязи и листьев, после чего открыл. Там лежали несколько лекарственных туб с темным порошком.

— Такими аптечками я снабдил территорию вокруг лагеря почти на два километра по периметру. Секрет выносливости людей из племени гуажажара. Они продали его мне еще до того, как приняли решение вернуться к изолированному образу жизни. Цивилизованность не пришлась им по вкусу. Это порошок из коры айауаска, святой травы и пилокарпуса. Природный антибиотик плюч невероятный тонизирующий эффект. Правда через несколько часов начнется небольшая тахикардия, понадобятся бета-блокаторы.

Голос Габриэля звучал тихо, успокаивающе, как-будто не было погони и взрывов. Его самообладанием вызывало зависть. Даже с учетом того, что Аврору серьезно кантузило, ее физическое состояние было в разы лучше.

Но от измученного мужского тела волнами исходила удивительная сила, которая неприятно уязвило желание Авроры чувствовать к нему только холодную неприязнь. С какой уверенностью держался Сомербсри, ни разу не поморщился от боли, хотя только состояние ноги в месте перелома приводило в ужас.

Грубые, воспаленные швы на бедре указывали на то, что перелом дал сильную гематому и пришлось ставить дренаж, чтобы снять давления на крупные артерии. Пожелтевшие синяки и старые кровоподтеки, которые мелькали под изорванной футболкой и характерные клиновидные следы от пыток острыми кусачками, когда человеку разрезают кожу острым инструментом: не достаточно глубоко, чтобы не допустить сильного кровотечения, но часто, причиняя нестерпимую боль. Аврора прекрасно знала, через что прошел этот человек, читая немые свидетельства перенесенных издевательств. И факт остается фактом, он не выдал у кого находится злополучный телефон.

Габриэль сорвал лист с ближайшего куста и насыпал на него немного порошка, после чего поднес к губам Авроры.

— Это надо съесть.

Послушно проглотив снадобье, девушка закрыла глаза, прислушиваясь к звукам леса. Погоня приближалась.

— Я сейчас! — прошептал Габриэль выглядывая за край широкого корня.

Он вытянул из пояса два ножа и достал из импровизированной аптечки еще одну тубу, после чего принялся готовить смесь из порошка и дождевой воды, которую подчерпнул прямо из лужи. Сомерсбри отработанным движением аккуратно обмакнул лезвие ножей и движением руки дал понять, что Авроре нужно прислонить к дереву, чтобы ее не заметили.

Габриэль подошел к самому краю, присел на корточки, сделал глубокий вдох и сделал резкий выпад вперед, одновременно метнув нож. Один и тут же второй.

Звон в ушах начал медленно стихать и Аврора, уловила звук падения тела. Потом невнятная возня и через мгновенье, Габриэль вернулся неся в руках винтовку и флягу с водой.

— Кураре? — послышался сухой, сдавленный голос девушки.

— Да.

Аврора поняла, что Сомерсбри не имел привычки празднично проводить время на Амазонке и хорошо изучил способы, которые помогут не только спасти жизнь, но и отнять.

— Мы выиграли минут десять не больше. Через пару часов стемнеет и нам лучше добраться до реки. Тебе лучше?

— Порядок! — наконец сказала она довольно ровным голосом. — Я спрятала мешок и каное. В пяти километрах вниз по реке точка эвакуации.

— Ты добиралась вверх по течению? Но реку патрулируют круглосуточно, начиная с северной границы Табатинги!

— Да, пришлось десантироваться вместе с лодкой. Ночью. А потом тянуть посудину до реки.

— Ночью плыть по реке не лучшая идея. Здесь целый лабиринт из притоков, не говоря уже о зарослях, со спутанными корнями, которые так любят кайманы. Один неверный поворот и мы заблудимся.

— Есть приборы ночного видения.

Аврора чувствовала, как в крови забурлил адреналин, выбросу которого явно способствовало чудесное средство, которое явно стоило любых денег, выплаченных индейцам. Ее глаза шарили по сплошной зеленой стене джунглей, где угодно, лишь бы не смотреть на Габриэля, который смотрел на девушку так пристально, как умел только он.

Предательский треск, подсказал, что противник совсем рядом, а Сомерсбри не шевелился. Аврора выругалась сквозь зубы, настороженно и ловко меняя позу с неуклюжей, на удобную и настороженную, с которой можно быстро подняться на ноги. Ее зрачки предельно расширились, обоняние обострилось.

Девушка качнулась от избытка энергии, которой наполнилось тело и прикусила губу, чтобы подавить острое желание, которое явно шло бонусом к панацее Сомерсбри. Ничего себе тоник.

К чему было лукавить?

Словно дикий зверь, опасно и настороженно, Аврора подалась вперед, замерла на секунду и с усталой прильнула щекой к груди Габриэля, от чего тот замер, боясь пошевелиться. Это продлилось всего секунду, но стоило долгих часов признаний.

— Нам нужно многое обсудить, — Габриэль тяжело вздохнул.

— Например?

Аврора почувствовала, как ее мягко отстраняют, после чего шероховатая рука, осторожным движением улеглась прямо поверх розоватых шрамов, виднеющихся в вырезе футболки.

— Например, об этом.

— Идем! — Аврора резко поднялась, отвернулась и шмыгнула носом.

«Неужели он догадался?»

Слова отца о том, что таких свидетелей, как Сомерсбри оставлять в живых было безрассудно, звучали в голове постоянно.

Любопытство взяло верх и она выглянула из-за дерева, чтобы посмотреть на тех, с кем так быстро разделался Габриэль. Учитывая его состояние, работа была проделана профессионально и хладнокровно. Одному нож попал точно в сердце, другому чуть ниже шеи.

Насекомые тучей вились в воздухе, словно вынуждая пришельцев покинуть джунгли и напоминая, кто тут хозяин. Габриэль тем временем, сорвал рубашку, превратившуюся в лохмотья и присыпал порошком, который дал Авроре свои разодранные ступни. Не трудно было представить, какую боль он испытывал, когда бежал из лагеря босиком. Не раздумывая ни секунды, Аврора подошла к телу одного из мужчин, расшнуровала добротные ботинки, и ножом срезала полосками футболку с трупа.

— Держи, оберни ноги тканью и обувайся. Иначе, далеко ты не уйдешь.

— Спасибо, дорогая! — в голосе Габриэля звучала легкая издевка. Он явно решил напомнить о статусе их отношений.

— Ну, уж нет! Меня твой дворецкий едва не добил этим своим «миссис Сомерсбри»!

— Всего-то небольшая формальность, — Габриэль тем временем достал мачете, резко замахнулся и точным, сильным ударом отсек руку погибшему головорезу. После чего подобрал окровавленную конечность и обвязал ремнем, снятым с мертвого тела.

— Что ты творишь? очередной ритуал гуажажара?

— Небольшая хитрость, на случай если повстречаем ягуара или кайманов. К тому же, если закинуть это за спину, большинство насекомых переметнется на свежую кровь. Ну, знаешь как на липкую ленту — мухоловку.

Сомерсбри говорил с серьезным видом, но в глазах плясали искорки.

— Ага, — об этом Аврора не подумала и тоже решила обзавестись «полезным» аксессуаром.

— Так тебе понравился свадебный подарок?

— Вычурно, кричаще, и сразу видно, что ты последний кусок хлеба доедаешь. Но вертолетная площадка нам пригодилась. Как бы то ни было, я добралась до Бразилии самолетом. На Кабо-Верде пришлось с собаками искать чартер до Бразилии, иначе бы я сейчас до сих пор болталась в Атлантике.

Аврора еще не отошла, от того, как увидела в марине Танжера пришвартованную яхту. Ту самую, которая казалась роскошным миражом в ночи, заходя в бухту Люка-Дубрава.

На отполированном боку судна красовалась надпись «Аврора». Вся команда, во главе с Реймерсом Пеллином томилась в порту в ожидании, когда появится новая хозяйка.

Габриэль всем своим видом не показывал, что изнутри его сжирает чувство вины из-за смерти Добы и Кассандры. Но слова застредали в горле комом. Очевидно, что Аврору малс волновали подарки, за ее уверенностью скрывалась пустота и неизвестность.

— Кстати, зачем ты это сделал? К чему пустой балаган с браком?

— План Б.

— И в чем он состоял?

— План Б предусматривал твоё нежелание следовать плану А. В случае моей смерти, все досталось бы тебе. А мне трудно представить человека, которому хватило ума распорядиться столь обширными ресурсами и возможностями.

— С чего ты это взял? Или это профессиональная этика? Убийца доверяет убийце?

— Убийца среди нас только один. Сначала я думал, что у тебя какой-то комплекс жертвы, нежелание менять свою жизнь в лучшую сторону, но все стало на свои места, когда увидел те странные пули с транквилизатором. Пришлось поломать голову. Уникальная разработка! И для чего? Точечного использования, в то время как тебе нужна самая тривиальная быстрая смерть? Ты ведь хорошо изучила мой телефон и его возможности?

— Да, кажется я одна лоханулась со своим «маклареном». Телефон классный! — Аврора ощутила мандраж. Опять жизнь ставит ее перед трудным выбором. Отшутиться не получится. — Он и послужил детонатором. Это какой-то особенный сигнал?

— Да, передается только на коротких волнах.

— И твои партнеры по бизнесу знали, какой сюрприз ты им готовишь? Хотя я более чем уверена, что по всему миру у тебя не одна такая база.

— В том и идея. Запустив сигнал здесь, где есть узел спутниковой связи, пошла цепная реакция. Взрывы прогремели не только на Амазонке.

— Признаюсь способ весьма оригинальный — строить базу на пороховой бочке. И разве никто не знал?

— В джунглях продолжительность жизни не высокая. Любопытные пропадают первыми.

— Скажем, я тоже только из любопытства сюда заявила, но получается, что ты едва не поплатился жизнью.

— План А не предусматривал, дополнительный месяц на раздумия, — мягко улыбнулся Габриэль, закинув на спину винтовку, он рассовал тубы с порошком по карманам бронежилета, и протянул его Авроре.

Бесстрастный голос Габриэля, вызывал чувство близкое к ужасу.

— Ну, уж нет я и так двое суток в нем по джунглям ползала, и учитывая, сколько на тебе свежих порезов, лучше тебе его примерить. Ты для мошкеры сейчас просто шведский стол. Значит, разом погибли несколько сотен человек?

Аврора посмотрела на него пристально, пытаясь отыскать остатки человечности.

— Трудно назвать их людьми. Те у кого оставался хотя бы намек на совесть здесь не задерживались. Жалость к ним не уместна и пожалуйста, не уводи разговор в сторону.

Габриэль шагнул к Авроре, перекрывая ей путь своим телом, он не сводил гипнотизирующего взгляда и следил за эмоциями, которые девушка так умело скрывала.

— Прости меня! Я жестоко заблуждался на твой счет, — в голосе Габриэля внезапно зазвучало столько раскаяния.

— Не понимаю о чем ты говоришь, — Аврора выпятила челюсть вперед, упорно рассматривая землю под ногами.

— Хорошо, пусть сохранится статус кво. Я пытаюсь подойти к вопросу, который не дает мне покоя.

— Скромность шла Керо, но никак ни тебе. Говори, как есть! — нервно усмехнулась

Аврора и на мгновение пересеклась взглядом с Габриэлем.

Его глаза горели остервенелым нетерпением, с опаской и сомнением, он стоял слишком близко, чтобы она не почувствовала как его бьет дрожь нетерпения.

— Останься со мной. Меня мало что страшит, кроме как перспектива никогда больше тебя не увидеть. Я готов ждать сколько угодно и готов принять даже ненависть, лишь бы это не было безразличие.

— Ты хотя бы можешь что-то исправить. Для меня последней отдушиной являются результаты многолетней работы. Весьма скорбный вывод, но ничего не поделать. Сделки с совестью это уже часть профессии, как и принцип не оставлять в живых свидетелей.

Очевидно, что Габриэля невозможно было задеть подобными угрозами. Он только коротко кивнул и уверенно зашагал по скользкой земле, прокладывая путь сквозь густые зеленые дебри. Аврора опасливо пробежала глазами по джунглям. Трудно было понять истинные намерения Габриэля Сомерсбри. Впереди была неизвестность, относительно дальнейших его планов. Но одно было известно наверняка — он был серьезным противником, не уступал в меткости и силе, Авроре, и за два месяца каким-то чудом не превратился в живой труп.

Едва солнце коснулось горизонта, густые кроны деревьев лишили нижние уровни рассеянного света. Темнело на глазах. Быстро двигаться не было никакой возможности. Часто приходилось останавливаться, если рядом раздавался подозрительный треск. Река была уже совсем близко, слышался плеск воды.

Каное стояло, прислоненное к дереву, и практически сливалось с ним. В крошечной темноте послышался тихий ход моторной лодки. Мощный луч прожектора шарил по берегу и растительности. Пришлось затаиться и потерять еще четверть часа. Аврора тем временем отыскала свой рюкзак и надела прибор ночного видения. Перед глазами замелькали насекомые, которые с завораживающим безумием носились в воздухе.

Лодка с вооруженными до зубов наемниками проплывала мучительно медленно. Обстановку усложняли пара полутораметровых кайманов, которые замерли на берегу. Животные были взбудоражены. Они почуяли запах крови, которой была пропитана одежда непрошенных гостей, с отрубленных конечностей. Аврора поднялась чуть выше на дерево и повесила связку с жуткой приманкой, чтобы рептилии не обезумели окончательно.

Высовываться из укрытия было опасно даже в темноте, потому что на лодке один человек так же был оснащен прибором ночного видения.

— У нас будет окно двадцати минут, прежде чем они проплывут вниз по течению и вернуться назад, — шепнул Габриэль.

— Потом опять придется выбираться на берег, чтобы нас не засекали?

— По-другому никак. Посмотри назад.

Аврора оглянулась. За деревьями, метрах в шестидесяти от них рассредоточенный отряд методично и бесшумно прочесывал территорию.

— Надо вспугнуть крокодилов.

— Я этим займусь. Дай мне руку, — Габриэль пригнулся к земле так низко, как мог и тут же почувствовал, как Аврора присела рядом и прикоснулась пальцами к его ладони.

Он повернулся, стараясь не улыбаться.

— Что?!

— Нет, ту что на дереве висит, — смех был неуместен, но Габриэль уже улыбался по всю, за что получил небольшой пинок.

— Очень смешно. Юморист, хренов!

Отрубленные конечности упали в воду и не теряя времени, Аврора уложила каное на днище, подтащила к берегу, запрыгнула в него и подождала Габриэля. Он с силой оттолкнулся от берега, внимательно всматриваясь в бурлящую воду, в которой пировали кайманы.

Грести приходилось веслами и держаться близ берега. Как и предупреждал Габриэль моторная лодка вернулась, прочесывая лес с другого края реки. Бесшумно причалив, Аврора показала рукой на густые заросли. Кустарник с пышной кроной метра на два от берега свешивался в воду. Лодку удалось завести в укрытие не без усилий.

Колючие ветки царапали лицо и руки, нужно было избегать треска. Когда луч прожектора вспышкой ворвался в приборы ночного видения, Аврора и Габриэль уже ничком лежали на дне лодки, которая была сделана традиционным способом — выдолблена из ствола дерева, и легко могла сойти за корягу.

Чтобы посудину не трясло, и по воде не расходились предательские круги, Габриэль воткнул короткое весло в вязкий прибрежный ил и крепко держался за него.

Луч света удалился. Из дебрей быстро выбраться не получилось, но теперь можно было оторваться от погони. В зеленоватом свете прибора, Аврора видела, как тяжело и часто дышит Габриэль. Высокая влажность выматывала здорового человека, а у него вид оставлял желать лучшего. Даже адреналин не помогал.

Не долго думая, девушка, ловко перебралась поближе, прикоснулась к покрытому поту лбу. Начиналась лихорадка. Порошки тут не помогут.

Порывшись в рюкзаке, она достала две ампулы и шприц, смешала препараты и без промедления всадила иглу в бедро Габриэля.

— Это антибиотик. Тебе становится хуже. Слишком большая нагрузка, в твоём состоянии.

— Продержусь, — хриплый, болезненный голос, звучал намного лучше, чем выглядел Сомерсбри.

— Мы выходим из графика! — бесстрастный голос Винсента Кросса, выдал его нетерпение.

Вася спокойно сидел за штурвалом вертолета, который расположился на небольшой поляне, образовавшейся в ходе стихийной вырубке в джунглях. До реки было рукой подать и периодически Кросс просматривал периметр в бинокль с функцией работы в абсолютной темноте.

Мужчина вздрогнул, когда высокая трава шевельнулась, и в ту же минуту на берегу показался нос деревянного каное.

— Готовность три минуты! Я их вижу. Пусть подойдут ближе, тогда заводи двигатель.

— Принято!

— Твою ж...

Винсент выругался и резко спрыгнул с вертолета, включил ручной фонарик и бросился к реке. Он увидел, как Аврора сошла на берег, после Сомерсбри, рядом брызгами вскипела вода и из нее тут же появилась раззинутая пасть крокодила. Рептилия вцепилась в ногу девушки, повалив на землю, и стремительно увлекая в воду.

Аврора резко выхватила из ботинка нож, но с головы слетел прибор ночного видения и она не могла хоошенько прицелиться, чтобы попасть зверю в глаз. Габриэль снял со спины автомат, выпустил короткую пулеметную очередь, целясь в толстый хвост. Тут подоспел Винсент.

Он сразу ринулся в воду и попытался схватить Аврору, которая вертелась на рептилии волчком. Это было главное правило в схватке с крокодилами — обхватить животное руками и ногами и крутиться в воде вместе с ним. Эти чудовища не откусывают конечности, а выворачивают их вместе с суставами, вращая тело.

Люди проигрывали зверю. Аврора несколько раз скрывалась под водой, которая продолжала бурлить, указывая на то, что схватка продолжалась.

Но вот, все резко стихло и над водой показался светло-желтый живот. Ближе к шее, торчала рукоятка ножа. Авроре удалось проткнуть менее толстую шкуру, под шеей рептилии, там где располагалось горло. Нужно было выбираться, как можно быстрее, потому что шум привлек остальных сородичей, а на кровь в любой момент подоспеют пираньи. Зловещие огоньки глаз то и дело мерцали в воде. Труп каймана судорожно задергался, когда его начали раздирать на куски.

Луч от фонарика, пробежался по девушке и в темноте предстала ужасная картина. На левой ноге расплзались красные пятна. Из воды на берег стали вылезать новые твари.

— Уводите ее быстрее! — скомандовал Габриэль.

Василий услышал выстрелы. Включил освещение на вертолете и завел мотор. Лопасты пришли в движение, они медленно крутились, с каждой секундой ускоряя ход. Из темноты вышли двое. Вася едва узнал Аврору, которую подхватив по руку, вел Винсент. Она не могла наступать на ногу. Тяга под лопостями выросла и машина уже оторвалась от земли на полметра.

— Ждем Габриэля! — Аврора закричала изо всех сил, когда отец буквально втолкнул ее в вертолет.

— Что?

— Габриэль! — повторила девушка.

Она не заметила то, как пристально посмотрел на нее отец. Кровотечение на ноге усиливалось. Наверняка пострадала крупная артерия. Надежно пристегнув дочь ремнями безопасности, Винсент обернулся и увидел, Сомерсбри в нескольких метрах от вертолета, но забраться ему было невозможно. Машина зависла в пяти метрах от земли.

Веревочная лестница волчком пронеслась в воздухе, который с силой расходился от лопастей, лишая последних сил.

Габриэль ловко просунул руку, чтобы не упасть и стал медленно карабкаться на верх. Вот его пальцы обхватили последнюю шаткую ступеньку, и силы словно покинули тело разом. Все произошло слишком быстро.

Кросс хладнокровно достал пистолет и направил его в голову мужчины, застывшего на краю. На раздумья времени не оставалось. Аврора беспомощно дернулась, привязанная ремнями и безумно закричала. Габриэль разжал пальцы и полетел вниз, в этот момент раздался выстрел, за ним второй.

Крик девушки не смолкал, она не могла поверить в случившееся.

Так вот, почему отец настаивал на том, чтобы отыскать Сомерсбри! Он хотел собственноручно покончить с ним, убрать единственного человека, который знал тайну Финис, и мог разоблачить всех свидетелей.

Ремни удалось отстегнуть, трясущимися руками и Аврора, позабыв за ногу, бросилась на отца, который легко смог увернуться. Кросс обхватил руки дочери, ловко вывернулся и оказался у нее за спиной. Небольшая подножка и оба повалились на пол, от чего вертолет качнуло. Последнее, что почувствовала Аврора — легкий укол в шею и вязкая темнота поглотила мир через мгновение.

23

«Срок эксплуатации закончен, вы можете избавиться от товара, более не пригодного к использованию...»

За спиной возвышалось здание больницы Джексон Мемориал, а в голове роился пустой шум, который был единственным напоминанием о том, что нужно продолжать дышать и периодически отходить в сторону, чтобы не мешать вечно спешащей толпе.

Отец...

Точнее, человек по имени Винсент, отвез Аврору в Майами.

Кривая усмешка вполне вероятно заиграла на губах девушки, она не была до конца уверена. Все вокруг воспринималось словно со стороны. Она со стороны смотрела на сбитое с толка существо. Если стукнуть его, то звук будет пустым, пресным и тот, кто стучал быстро пожалеет, что вообще заинтересовался таким никчемным предметом.

Предмет! Какое точное попадание с определением. Не девушка, не Аврора, не человек. Предмет, который много лет назад взяли, доработали, использовали и вернули на место.

Майами не изменился. Фешенебельный муравейник, в котором нужно постоянно двигаться, а лучше бежать.

В руках что-то зашелестело.

Аврора опустила глаза, тупо рассматривая пластиковый пакет с логотипом больницы. Внутри был паспорт, телефон, смена одежды и бутылка воды. Ах, да! Про одежду что-то говорил человек в синем халате, со стетоскопом на шее. У него был уставший вид, темные круги под глазами и раздраженный голос. Он сказал, что нужно уходить.

Смешной! Ведь можно просто сесть на пол и прижаться к стене спиной.

О, как-бы это было славно! А еще закрыть глаза, тогда и думать не придется.

Аврора не обиделась на грубого доктора. У него работа такая, а она просто мешает полезным для общества людям делать свою работу.

Как говорит Уилли Бэнк в фильме «Тринадцать друзей Оушена»: «Пора откатиться в сторону и сдохнуть!»

На улице было жарко. Широкая, не по размеру футболка, спортивные штаны, разорванные по шву ближе к лодыжке и сланцы висели на Авроре мешком. Девушка не обратила внимания на свой внешний вид и люди вокруг смотрели будто сквозь нее, чудом не сбивая с ног.

«Мешаю!» — догадалась она и сделала шаг в сторону.

Кто-то подставил подножку, Аврора потеряла равновесие и упала на гранитные ступеньки, успев выставить руку, чтобы не разбить лицо. Странно, правая рука была занята. Какая-то дрянь! Зачем ее выдали напоследок?

Аврора смотрела на костыль в полном недоумении.

Сил подняться не было, да и нога противно заныла, тем более ее что-то стягивало, давящее, плотное, а еще сильно чесалась кожа. И плевать!

Хоть полежать можно. Голова опустилась на холодный гранит, но тут же тело начали

тормошить. Посыпались вопросы.

«Нет, не помогайте мне!»

«Мне было хорошо, пока вы не заговорили».

«Вы сгинете вместе с остальным миром. Мир это предатель с миллиардами последователей!»

«Не понимаете меня? И хорошо, мало кто из американцев говорит на венгерском! Ха!»

А руки тянут вверх, вот усадили зачем-то.

«Какие мы искренние и глазки такие жалостливые. Иди, глупая! Торопись по своим делам. Я уже со своими расправилась. Меня освободили, столкнули с обрыва, в приступе великодушия, подумав, что смогу выпорхнуть, как птичка, которой развязали наконец-то крылья. Вы забыли, благодетели! Я птичка-инвалид, но спасибо что столкнули, а то так и мучалась, путалась бы у вас под ногами».

«Не затыкаются! Нужны контр-меры. Смотрите, смотрите, что я делаю! Оп, и закрыла глаза! Болтайте теперь, а мне окончательно стало хорошо. Убавьте только звук, хватит, пустое эхо оглушает...»

«Раньше это называлось жизнь. Потом все покрылось трещинами, раскрошилось на части и кусок за куском растворилось в прошлом все, что я любила. Гордись собой, Аврора! Главное, что скучно не было!»

Не было обиды на мистера Кросса, только полная ясность, что он чисто технически является отцом Авроры Франклин. А кто это? Кто-то из местных?

— Лора, Лора! Вы меня слышите? Можете подняться? Вам плохо?

Лора...

Знакомое имя. В голове сразу все белеет и становится холодно. Высокий, косматый человек широко улыбается, его усы и борода шевелятся. Аврора помнит его хорошо, на сердце сразу теплеет. Имя у него не настоящее, связано с музыкой и беззаботностью. Рэгги!

Очередная ложь! Значит, и Лора ему под стать.

Становится больно, щипет нос и чешутся глаза. Но соленая вода остается внутри, впитывая в себя черноту, глубоко внутри эта жидкость застывает, мгновенно превращаясь в камень. Рэгги, Кимберли, Доба, Кассандра, Сьюзан... Габриэль!

Имена посыпались огненными осколками. Даже легкие судорожно сжались, под гнетом вспыхнувших событий, которые, в итоге, выплюнули Аврору в родной Майами.

«На что я могла рассчитывать? Нормальная, размеренная жизнь в Габриэлем? С какой стати?»

«Мы даже не любили друг друга, просто понимали, что жить порознь не сможем. Последняя попытка ухватить за хвост желание жить.»

Толпа вокруг расступилась, когда стало ясно, что девушке уже лучше. Покачиваясь, словно пьяная, она побрела к дороге, нашла остановочный комплекс и уселась. В смерть Габриэля поверить Аврора не могла и не хотела. Пусть Кросс был отменным стрелком, пусть Сомерсбри упал с высоты пятнадцати метров, можно вернуться на Амазонку и начать поиски. Пусть даже это будет тело...

Хотя, может быть его уже нашли. Пеллин!

Этот странный, щуплый мужичок, на первый взгляд скромный, аккуратный и педантичный, был хитрой, умной бестией, готовой продать душу за хозяина.

Пакет зашуршал, Аврора стала шарить в поисках телефона. Убогая раскладушка, была девственна, явно только что из магазина подержанных товаров. Ни настроек, ни контактов,

благо, что сим-карта вставлена. Кросс попытался обрезать любые попытки связаться с кем бы то ни было. Он не догадывался, что его дочь могла перевернуть мир вверх дном, при помощи всего двух телефонных номеров.

Пальцы набирали цифры быстрее, чем разум подсказывал их. Послышались несколько протяжных гудков.

— Дон! — пришлось откашляться, чтобы прочистить горло. — Это Аврора!

— Привет! Опять работаешь?

— Да. Нужно, чтобы ты вышел на радиочастоту одной яхты.

— Знаешь ее номер? Или хозяина?

— Она записана на меня. Номер не знаю.

— Ясно, — в трубке послышался смешок. — На какое из имен искать?

— Аврора Сомерсбри.

— Забурлила личная жизнь, да?!

— Как найдешь, выйди на связь с Реймерсом Пеллином, продиктуй ему номер телефона с которого я звоню.

— Окей!

Аврора сбросила звонок, чтобы набрать второй номер. Со лба упала крупная капля пота, ужасно хотелось пить. Жара на улице приближалась к сорока градусам. Вытерев лицо краем футболки, девушка шмыгнула носом и прижала телефон к уху, механически наблюдая за проплывающими по дороге автомобилями.

— Да, слушаю!

— Привет, Петер.

— Аврора?! Как я рад тебя слышать? Все в порядке?

— Да, лучше не бывает, — Аврора подняла ногу, которая нестерпимо зачесалась и только сейчас заметила, что на коже живого места не было от укусов насекомых. Классический орнамент на память от Амазонии. — Открой счет на предъявителя в Апполо-Банк Майами. Еще нужна кредитка на Лору Диони.

— С паролем?

— Да. Чтобы никаких документов.

— На какую сумму сделать перевод?

— Десять тысяч?

— Не маловато для Майами?

Аврора задумалась на мгновение исловно в подтверждение слов моего бессменного бухгалтера мимо вальяжно прополз хромированный ролс-ройс, цвета индиго.

— Хорошо, давай тридцать.

— Сделаю!

Телефон щелкнул. Оглянувшись по сторонам, девушка воскресила в памяти карту города. До банка было рукой подать, по местным меркам. Но денег не было даже на проезд. Придется идти пешком.

Рука обхватила костыль и неизвестно откуда появившиеся силы, понесли тело по залитым беспощадным солнцем тротуарам. В ушах продолжало звенеть, и это состояние усугублялось, когда по дорогам проносились дорогие машины с включенными на полную катушку стерео-системами. Типичная картина беззаботности, кутежа, в которой утопал курорт.

Трехэтажное стильное здание, отделанное клинкер-панелями, встретило Аврору

нахмуренной охраной, которая голодными акулами двинулась в ее направлении, едва замусоленной посетительнице удалось выскочить из крутящейся двери. Тело окутало прохладным воздухом и от облегчения, девушка едва не выронила свой бомжацкий пакет с вещами.

— Мисс, извините, мы вынуждены попросить вас покинуть здание.

— Я клиент банка. Мне назначена встреча, позовите управляющего.

Аврору деликатно, но крепко ухватили за руку, и держали до тех пор, пока в сверкающем мраморном холле не появился молодой парень в шикарном костюме от Бриони. Как забавно было наблюдать за его напомаженной, слащавой физиономией, которая то и дело грозила схлопнуться в гримасу отвращения.

— Я могу вам помочь?

— Да. Мне нужно получить кредитную карту и снять часть денег со счета.

Молодчик заинтересовано выгнул бровь и едва заметно кивнул, чтобы клиенту отпустили.

— Прошу за мной.

Наша компания привлекла внимание остальных посетителей банка и чтобы не травмировать их психику, Аврору быстро изолировали в кабинете Юджина. Именно так звали помощника управляющего.

Меньше, чем через десять минут мисс Франклин покинула банк, вооруженная наличностью и пластиковой картой. К слову сказать, Юджин проводил ее до дверей и самым искренним тоном интересовался не нужно ли заказать машину. Но девушка его не слышала, потому что заиграла примитивная мелодия на телефоне, и она замерла, глядя на неизвестный номер, который высветился на экране.

— Реймерс?

— Да, миссис Сомерсбри.

Хорошо, что в банке не услышали, прозвучавших ругательств. Спорить с Пеллином не было сил, как впрочем и задавать вопросы, а потому Аврора просто впала в ступор и молчала.

— Скажите, где вы? Вся команда «Авроры» в порту Макапа. Вы не вышли на связь, мистер Сомерсбри тоже. Наспех собрав людей, я отправился на поиски вверх по течению, там откуда был зарегистрирован последний сигнал.

— Сигнал? Вы следили за нами? — Аврора почувствовала, как подгибаются ноги и села прямо на тротуар. Костыль примостился рядом, вместе с бесплотной, еле живой надеждой.

Охрана в здании дернулась как от удара, но никто не посмел спорить с испозантной банка.

— Один маячок я прикрепил к вертолету, а второй подбросил вам в рюкзак. Ничего личного, это была подстраховка.

— И я вас понимаю! Кое-что пошло не по плану. Габриэль остался в джунглях, ему не удалось забраться в вертолет и ...

— Не нужно ничего объяснять. Я уже догадался, что стряслась беда, миссис Сомерсбри. Мне удалось найти место высадки. Это небольшая поляна, образовавшаяся после стихийной вырубki.

— Да, да! Все верно! Вы нашли его?

— Там уже ничего нет. Начался сезон дождей. Река разлилась, затопив берег на несколько десятков метров. Но мистер Сомерсбри мог уйти вниз по реке. Разве нет?

Молчание Авроры было слишком красноречивым. Голос Реймерса едва слышно дрожал. Кажется, он тоже гнал от себя мысль о смерти хозяина, которому был так предан.

— Как мне вас найти, миссис Сомерсбри? Вы в порядке?

Вопросы посыпались, но Аврора их не слышала, в голове зазвучала бессмысленная мешанина звуков, как было около больницы.

Юджин увидел, как девушка, словно пьяная поднялась с тротуара, оглянулась, и на миг он увидел ее пустой, полный боли взгляд. Помощник управляющего уже приготовился позвать охранника, чтобы тот вызвал людей из полиции, чтобы помочь клиентке. Создавалось впечатление, что она одна из тех представителей золотой молодежи, которые серьезно подсаживались на наркотики. Таких родственников выталкивают на улицу, при этом, не забывая пополнять счет в банке.

Девушка, тяжело переставляя ноги поплелась по улице, не обращая внимания, что она задевает проходящих мимо людей.

Ночь опускалась летом на центр Майами не раньше десяти часов вечера. Трудно было распознать, когда это случалось точно, потому что сумерки смешивались с яркими уличными огнями, которые отвлекали взгляд своим мельтешением, но этот момент точно можно было подловить, находясь в районе порта на Север Криз Бульваре.

Чуть восточнее располагался круизный порт, в который тяжело вносили свои роскошные многопалубные тела фешенебельные лайнеры, напичканные богатыми туристами.

Около грузового терминала «В» распахнулась дверь и на улицу высыпали работяги. Кто-то устало молчал и торопливо растворялся на многоуровневой парковке, расположенной на противоположной стороне улицы; кто-то натужно смеялся, чтобы поддержать в дружеской компании призрачную атмосферу беззаботности. Сейчас можно с чистой совестью забежать по дороге домой в бар и немного расслабиться за кружкой холодного дешевого пива.

Замыкали процессию местные маргиналы, к которым причисляли разнорабочих, занятых на уборке территории. Среди нескольких мужчин молча плелась девушка. Ее растрепанный, вид совершенно не вязался с уверенным, наглым взглядом.

Она вздернула голову и с вызывающим видом закурила прямо около знака с перечеркнутой сигаретой.

Охрана давно перестала собачиться с непокорной работницей и Мелс Бравели знала, что переломила их. Мелкая победа будоражила гордость, а большего, чтобы чувствовать себя человеком этой девице и не требовалось.

Внезапно ее внимание привлекла шатающаяся фигура, которая медленно шагала вдоль тротуара. Это была девушка. То ли обдолбанная, то ли пьяная, она натыкалась то на фонарные столбы, то на парковочные автоматы. Один раз даже упала, и очевидно сильно ударилась ребрами, но встала, как ни в чем ни бывало и поплелась дальше.

Мелс загушила сигарету, почуяв наживу. Гнушаться мелкой кражей было глупо. Богачей по улицам не сыскать, а те кто выживают под открытым небом слишком умны, чтобы выставлять свои кровные, и для пущей надежности, тут же спускали деньги на еду и выпивку.

С первого взгляда, было понятно, что это жалкое явление здесь впервые. Можно сказать, сработало чутье, и Мелс с тревогой глянула, как из черноты тихой стоянки

отделилась еще одна фигура, которая приближалась к жертве медленно и хищно.

Конкурент!

— Лекси! Привет, подруга! — Мелс закричала нарочито громко и подбежала к девушке, что сбило с толку противника. Конкурент замялся, прячась в тени и оценивая шансы, но в итоге решил, что игра не стоит свеч.

Аврора почувствовала, как на ее плечо легла чужая рука. Потом последовал рывок, веса пластикового пакета больше не ощущалось, легкий толчок и спина впечаталась в твердую бетонную стену, по которой она и сползла.

Полное безразличие к ограблению со стороны жертвы, поубавило пыл Бравели, но она продолжала судорожно шарить в вещах, делая вид, что помогает собрать выпавшее добро своей знакомой.

Бинго! Две сотни баксов!

Деньги тут же перекечевали в карман. Еще старенький телефон. Это барахло и даром не нужно! А вот, к паспорту Мелс присмотрелась.

Лора Диони! Итальянка что ли?

Изучающий взгляд с прищуром прошелся по телу, которое бесформенной кучей украшало тротуар. Более тупого и безжизненного взгляда еще не приходилось наблюдать.

— Эй, красотка! Тебе плохо?

Аврора поморщилась, будто ее кольнуло, но сил поднять руки и закрыть уши не было. Человеческая речь раздражала и приносила нестерпимые мучения. Эти звуки напоминали, что люди все еще никуда не делись, а как без них было хорошо целый день.

К вечеру пришла уверенность, что можно будет свести свою жизнь к животному существованию. Девушка не ощущала в себе ненависти к Кроссу, хотя промелькнула мысль убить его, вроде как отомстить... Но оправдания для этого поступка Аврора не нашла. Удобоваримая формулировка была прикрытием к нежеланию свести количество горелодственников до одного человека.

Мелс бросила мешок рядом с девушкой и зашагала прочь. Внутри разгоралась злость на эту несчастную. Она точно не наркоманка. Слишком хорошая физическая форма, несмотря на то, что все тело было в ссадинах и каких-то шрамах. И вот, она сидит на улице, такая спокойная, без пяти минут улыбаться начнет и ей плевать, что через пару часов ее уволочут местные бомжи в подвал парковки и попользуются хорошенько, прежде чем прирезать.

Нет, мир не оставит в покое!

Аврора снова оказался на ногах, ее подгоняли и, кажется, ругались.

— Бездомная, да?

Ругань...

— Ты чего дуру включила? Что это? Пакет просто подобрала или правда в больничке была?

Снова ругань.

— Шибанутая! Бабки еще есть? Ну, деньги!?! Кивнула что ли? О! Зашибись! Смотри если обвела меня, сама тебя отведу в подвал к бомжам. Двигай давай!

В крохотной квартире было грязно, душно и шумно. Постоянно приходили и уходили люди, чаще всего недовольные. Слово «деньги» звучало через раз. И дверь!

Эта паскуда, казалось, технически не была приспособлена закрываться тихо.

Но однажды прозвучала цифра — сто пятьдесят.

После нее крики стихли, вместе с теклятой дверью.

Аврора чувствовала, как ее тело колышется, словно на волнах. Она не догадывалась, что благодетельница уложила ее на водяной матрас в углу гостиной, прямо около выхода на крошечный балкон. Только благодаря этому, можно было еще делать вдохи. Воздух внизу не был таким горячим и постоянно циркулировал, а на потолке крутился вертилятор-люстра.

Это приспособление производило успокаивающий эффект. Вдоволь насмотревшись на лопасти, Аврора закрывала глаза и засыпала. В такие мгновения ее снова тормозили руки, но девушка знала, если открыть рот и послушно проглотить то, что дают, от нее отстанут.

В какой вселенной давали чипсы вместе с молоком?

Странное сочетание едва ли не возмутило Аврору, но перспектива исторгать из себя звуки или слова, была смерти подобна. Еда тяжело оседала в желудке. Сколько дней это тянулось трудно было сказать. Перед глазами мелькали солнечные блики, которые через некоторое время сменялись на свет лампочки.

Воздух никогда не был свежим. Сигаретный дым, сопровождался запахами рвоты, а порой, когда квартиру заполняли дикие стоны и грохот, в нос лез аромат мускуса и пота.

Да, трахались здесь долго и со вкусом.

Мускус выветривался, а вонь от немытого тела усиливалась.

В один из дней, уже знакомый женский голос вернулся с чужим, мужским.

— Макс, глянь на нее!

— Я не врач, а медбрат, лучше отвези ее в социальную службу, там точно помогут.

— Не получится... Эта крошка мое спасение. На нее зарегистрирована кредитка, которая отделяет меня от пинка под зад от Зеда. Мне не нужны проблемы с полицией, а так вроде я помогаю этой ущербной, вот кормлю ее, с улицы, считай, вытащила.

— Ну, ну! У нее есть кредитка? И что будет, когда ее заблокирует банк? Выкинешь девчонку на улицу?

Судя по красноречивому молчанию, мужчина попал сразу во все цели. Зашуршала упаковка.

— И эту дрянь ты называешь едой?

— Ты будешь помогать или вопросы задавать? И вообще, я много не трачу, не идиотка!

Горячие сильные пальцы впились в запястье Авроры. Потом принялись раздирать веки и в голове взорвался ослепительный свет.

— О! Зашевелилась! Порой думаю, что она уже кони двинула.

— Не удивительно с такой вонью! Хоть бы искупала ее.

— Ага, сейчас! Она хоть и не жрет толком, но на вес чисто камень. Подсоби мне вечером.

— Полтинник!

— Оборзел?!

— Двадцатка и сделаешь мне свой фирменный массаж.

Была взята минута на раздумия, и воспользовавшись передышкой, Аврора перевернулась на другой бок.

— Руки уже болят от ваших массажей. Ладно! Договорились. Посмотри ее. Не думаю что это наркота, уже бы ломка началась.

— Верно. Ох, етить твою! Это что такое?

— Клеймо, думаю.

— Думать, это не твое, Мелс! Тут кожу сдирали.

— Это рисунок, как можно так красиво содрать кожу? Она мазохистка что ль?

— Если спокойно переносит пребывание в твоём свинарнике, то наверняка! Смотри, а тут похоже был огнестрел.

— Жесть!

Настырные пальцы обшарили все тело, даже промежность.

— Она здорова, если не считать этих укусов на ноге.

— Бездомных часто собаки кусают.

— Нет, тут на аллигатора похоже.

— Пфф. Эти гады у нас встречаются не реже! Ну, что скажешь? Она шизанутая?

— Нет. В противном случае, уже прибила бы тебя.

Послышалась возня и сальный смех. Но кто-то точно кого-то молотил кулаками.

— Угомонись, Мелс! Я приду вечером и помогу ее перетащить в душ. Ничего, оклемается. Это последствия сильного шока. Оставь в покое девчонку. В любом случае ты сама сказала, что она оплачивает твои счета, что суетиться? Соседка у тебя явно спокойная.

В этот момент пальцы прошли по коротким волосам Авроры. Это можно было принять за ласку и какое-то отеческое сопереживание.

— В как ее зовут?

— Лора. Я нашла в вещах ее паспорт. Шмотки лежали в пакете с логотипом больницы Джексон Мемориал.

Мужчина присвистнул.

— Не хило так... Она точно не из простых смертных. Заведение не из дешевых. А в этом случае должны были сделать запрос в полицию, чтобы отыскать родню. Так, что выдыхай, Мелс! И уже нашли бы. Эта крошка сто процентов одиночка.

В повисшем молчании чувствовалось облегчение.

— Спасибо, Макс.

— Купи ей хотя бы сока. Или лучше детского питания, ну знаешь такие фруктовые пюре есть. Чтобы она не подавилась.

— А за одно и подгузников?

— Ну, судя по всему с туалетом она справляется.

— Да, я ее уже приучила самостоятельно добираться до унитаза. Всего пара оплеух понадобилась. Завтра уже две недели, как она у меня тут прохлаждается.

— Значит, скоро оклимается. Смотри, не ошалеешь от легких денег, Мелс. Мы не знаем, кто она, можно так попасть...

— Пусть пользуется, — голос Авроры прозвучал не громче шелеста, но Мелс и Макс отпрыгнули в сторону, так он их напугал.

— Мне это послышалось? — спросил мужчина.

— Ха! Видишь?! Девка-то мировая оказалась! Ничего Лора, вечером тебя выкупаем и устроим вечеринку, по поводу твоего воскрешения!

Макс покачал головой, поражаясь бесшабашности своей соседки. Его удивила полная неподвижность лежащей на матрасе девушки. Ее бледное лицо, было на удивление спокойным, а глаза настолько неподвижными, что даже рефлексy не были над ними властны. Лора ни разу не моргнула.

Однако, с чисто мужской точки зрения, Макс отметил, что девушка хоть и не из красоток, но на нее хотелось смотреть. Будто весь облик был хрупкой скорлупой, за которой

вихрем кружила внутренняя сила.

Ее здорово помотала жизнь, но сильных от слабых отличает реакция на потрясения, впрочем, как и масштаб проблем. Но первый критерий был самым точным. Люди вроде Мелс, попав в передраги сдувались и быстро шли на дно. Разными путями, но довольно скоро оказывались в могиле.

Лора явно была полной противоположностью легкой на характер Мелс.

Дверь захлопнулась с привычным грохотом. На прощание женский голос дико завопил: «Опаздываю!»

Вентилятор под потолком продолжал перебирать лопостями. Без пяти минут вертолет-инвалид. Эта мысль вернула Аврору в реальность.

Девушка обвела обстановку в комнате взглядом и задержалась на бутылке молока, которая стояла на расстоянии вытянутой руки. Путем нехитрых вычислений поняла, что его срок годности вышел.

Непривычно было самой двигаться, но стоило только напрячь заостеневшие мышцы, и тело пронзило болью, которая теперь точно не утихнет, если улечься обратно.

Пути назад не было, во всех смыслах.

Начиналась нормальная жизнь.

Ноги не слушались, а голова возмущалась из-за вертикального положения, не особо печалась о гордости, Аврора на четвереньках поползла в ванную.

— Аудитория у ваших ног. Наслаждайтесь! — послышался ломкий голос, в котором звучала жуткая усмешка. Цитата из фильма «Ищите женщину» всплыла в памяти сама собой, но в этом чувствовалось высшее провидение. Была ли эта черта, которую так любили подводить люди Аврора не знала, но через секунду эти слова были смыты потоками воды, обрушившимися на голову.

Грязная одежда подала мокрой массой на дно ванны. Сколько времени Аврора простояла после того, как искупалась, трудно было сказать, но в комнату она вернулась совершенно голая и сухая. Одежду удалось выстирать, но процесс шел невероятно медленно.

Краем сознания девушка понимала, что придется выходить из этого подобия комы и если честно более подходящего места трудно было представить. Обитель легкомыслия, свободы и спасительной жадности в лице некой Мелс, действовали лучше звонких пощечин.

Скомканная, неубранная постель, пустые бутылки из-под пива и дешевого виски, на полу, желтой краской выкрашенные полки на заброшенной кухне, пустой холодильник и гора пустых коробок от пиццы, никак не вязались с идеальным, по-инстаграммовски красивым балконом, с крошечным столиком, мягким стулом и высоким раскидистым растением в горшке.

Район Север-Майами нельзя было назвать самым уютным. Линию горизонта рвали причудливыми полосами новые небокребы. Слева располагался гольф-клуб, огороженный некрасивым железным забором, около дома Мелс, если опустить глаза вниз, серой лепешкой громоздились склады. За ним, примостилась спортивная площадка, где ржавели уличные тренажеры. Нелепо, не чисто, одинокие пальмы не добавляли уюта пыльным улицам, но до порта было рукой подать, всего пара остановок на автобусе.

Тело с непривычки колело в разных местах, но больше всех жару давала прокушенная кайманом нога. Конечность немного опухла, и появилась легкая хромота, которая не вызывала, однако, особой досады.

Аврора даже не пыталась прикрыть наготу, и в чем мать удобно устроилась на мягком

стуле. Отсюда ее могли разглядеть, разве что в бинокль. Солнце давно вышло из зенита и щедро дарило тепло, которое не обжигало, как в полдень.

Девушка просидела так до вечера. За стеной соседи врубили музыку, как по команде вспыхнули уличные фонари. Одежда высохла и вернулась на тело. Чтобы не смущать Мелс, резкими переменами, Аврора загла в комнату и улеглась на матрас.

Зря переживала!

В следующие два дня хозяйка квартиры не появлялась.

«Уикэнд!» — промелькнула догадка.

Чипсы исчезли. Воду пришлось пить прямо из крана. Голод и одиночество залепили прорехи в потребностях как физических, так и психологических.

Наконец в двери два раза повернулся ключ.

— Удачно я погуляла! — послышался довольный голос Мелс. Ее лицо сияло подстать квартире, в которой был наведен идеальный порядок. — Терапия пошла тебе на пользу! Вот и умничка! Выкупалась сама? О, порядон, какой!

Мелс поежилась от пристального взгляда Лоры и тут вспомнила, что совсем забыла про еду. Она состроила самую правдоподобную гримасу ужаса, и замявшись на секунду, виновато выложила на стол кредитку.

— Ну, прости! Если хочешь, я сгоняю в супермаркет.

— Хочу, — спокойный голос Авроры, испугал еще больше. Редко когда Мелс удавалось слышать столь уверенные и сильные интонации, а еще там звучала неприкрытая угроза и как ни странно благодарность.

— Больше ничего не скажешь?

— Сделаешь мне дубликат ключей. Я буду платить тебе пять сотен в неделю, продукты за мной.

— Что-то мало верится, — хмыкнула Мелс и подбоченилась. Ее ярко-накрашенные губы, изогнулись в самой ироничной улыбке, но алчный блеск в глазах усилился.

— Деньги в почтовом ящике. Курьер отдал бы мне его лично, но дверь была заперта.

— Черт подери, там же вытянут за две секунды! Ну, ты дура, догадалась спрятать бабки! — девушка округлила глаза, зашипела и бросилась вниз по лестнице, чтобы проверить цел ли конверт.

Она вернулась запыхавшаяся, но довольная.

— Ух, детка! Ты прям Санта.

Хитрый оценивающий взгляд пробежал по фигуре Авроры. Дверь в коем-то веке мягко захлопнулась и медленной, плавной походкой Бравели приблизилась к своей новоиспеченной квартирантке, с довольным видом обмахиваясь конвертом.

— А ты интересная, загадочная... Я не буду задавать вопросов. Если не хочешь спать на полу, моя кровать легко вместит двоих.

Кончик носа Мелс, замер в миллиметре от лица Авроры. Полные губы, медленно приблизились, одарив легким поцелуем и резким ароматом перегара.

Аврора не отпрянула, но и не ответила.

— Не интересуется?

— Нет, — последовал решительный ответ.

— Бойфренд есть?

— Муж.

— Аааа, — пронеслось задумчивое. — Габриэль. Ты часто во сне это имя произносила.

И где он?

— Умер.

— Вот гадство.

— Это из-за него ты сбрендила?

— Причин хватает.

— Так сильно любила?

— Как раз наоборот.

— Брак по расчету?

— Лучше и не скажешь.

— Тогда о чем горевать? Наследства не оставил?

Глаза Авроры заволокло.

— Аааа, — белые, ровные зубы Бравели мелькнули молнией. Девушка устало потянулась и шутливо погрозила пальцем. — Врешь ты все. За нелюбимыми так не убиваются. И бабки у тебя есть...

Рухнув на кровать прямо в одежде, Мелс с упоением обняла подушку и закрыла глаза.

— Лора, сгоняй за жрачкой сама. По-братски! Что-то я...

Слова стали неразборчивы и через пару минут по квартире разносилось ровное сопение крепко спящего человека.

Аврора продолжала смотреть на девушку, ощущая внутри абсолютную апатию и в голове крутилась лишь одна мысль, что это самое подходящее место начало для «нормальной жизни». В более комфортных условиях, навряд ли был бы столь сильный терапевтический эффект.

24

В огромном крытом ангаре витал сладковатый приятный аромат, который разбавляли нотки гниения. Длинными рядами высились пластмассовые ящики с разнообразными фруктами. Удивительно, как ловко орудовали погрузчики, выгружая очередную партию, из железного прямоугольника контейнера, огромные рты которых стояли раззинутыми перед широкой дверью терминала "D".

Именно здесь нашла себе работу Аврора. По сомнительной протекции Мелс, ее приняли на испытательный срок. Когда минуло три месяца, начальник терминала намекнул, что неплохо бы сходить в подсобку и обсудить перевод на постоянное место. Его звали Брэдли Вайзан. Он не отличался высокомерием или жестокостью, но подобные номера прокатывали нередко, и поддавшись порыву Брэдли никогда не забывал щедрых на передок работников, которых в терминале можно было по пальцам пересчитать: выдавал премии и закрывал глаза на то, что фрукты понемного подворовывали.

Нельзя было сказать, что Вайзан особо рассчитывал на внимание новенькой. Уж слишком ладно шла у нее работа. Девчонка никогда не жаловалась, не заигрывала с грузчиками, не ходила на перекуры. Что и говорить, порой, создавалось впечатление, что на базе орудует прототип новейшего японского робота.

Разумеется Брэдли получил тихий, но решительный отказ. Отказываться от хорошего работника было глупо. Диони могла в одиночку рассортировать партию манго, за сутки. Да, да! Она еще и на работе задерживалась.

Чтобы показать кто тут босс Вайзан, оставил Лору на испытательном сроке.

И сегодня ему исполнялось ровно полтора года.

Отшумели новогодние праздники. Жизнь нехотя подчинилась установленному порядку, и Аврора перестала вздрагивать от стука в дверь и телефонных звонков. Два раза в год ее навещал Реймерс, чтобы утрясти формальности с бумагами. Как ни как, а империя Габриэля, теперь перешла по наследству Авроре.

Пеллин продолжал управлять финансами Сомерсбри, на правах доверенного лица, и кажется, тоже смирился с положением дел. Все должным образом и весьма достойно выполняли свою работу. Вот только Аврора, нашла себе занятие не требующее особого общения с людьми, с минимальной ответственностью, монотонное и успокаивающее.

Какая разница что перебирать? Четки или папайю?

Молчаливый пример своей соседки переняла и Мелс. Женщины не особо сдружились, но нужда отступила, а потому Авроре не так часто приходилось просиживать на балконе, когда ее подруга вопила что есть мочи, под очередным «знакомым».

Балконы на этаже разделялись небольшими перегородками и нередко из-за соседней раздавался смешливый голос Макса.

— Что сидишь?

— Сижу, — со вздохом отвечала Аврора.

— Не надоело? Давно бы переехала.

— А что изменится? Тишины станет больше? Это того не стоит.

Обычно разговор долго не длился, Макс умолкал первым. Он знал, что Лора несколько раз покупала в квартиру телевизор, но техника чудесным образом испарялась. Так парень догадался, что девушка любит кино и часто приглашал девушку прогуляться с ним на очередную премьеру. Парень спокойно принимал отказ, дожидаясь своего звездного часа.

Все началось с того, что из-за перегородки высунулась рука с зажатым в пальцах диском DVD.

— Макс Пейн? — голос Авроры предательски дрогнул.

— Не любишь Уолберга?

— Кто ж его не любит? Еще козыри будут?

— Кинг Сайз ведро куриных ножек из КФС. Я так понимаю можно идти двери открывать?

— Иди, иди.

Мелс уже кричала в голос и увидеть два вспотевших, скачущих тела, даже мельком, перспектива была не заманчивая.

— Лететь не далеко, давай, детка, раньше это было легко.

Древний страх высоты, преследовал Аврору с детства, но она легко перекинула ногу через перила, крепко вцепилась пальцами за декоративную стальную решетку, под потолком, после чего легко прыгнула на пол.

Макс стоял у распахнутой двери, с озадаченным видом, ожидая, когда же появится Лора. Кажется, она опять передумала. Но вот, включился телек и он обернулся.

Лора, как обычно, одетая в шорты и футболку, сидела на диване, повязав на шею салфетку, она вдруг подмигнула и без тени улыбки сказала:

— Уолберг подставил себя этой ролью. Интуиция штука тонкая и промах дает редко. Он ведь толком в компьютерные игры никогда не играл. Послал всех и на роль чуть не взяли Клайва Оуэна...

Макс уселся рядом, но не слишком близко. Он уже понял, что Лора комфортнее чувствует себя, если держать с ней дистанцию. Девушка неспеша и откровенно

рассматривала квартиру.

Что и говорить, по сравнению с притоном Мелс это был отель «ДюГар». Аврора привыкла к жизни в номерах дешевых или роскошных. Быстрота их смены удовлетворяли подсознательному стремлению к смене обстановки.

— А что же твоя интуиция? — мужчина схватил куриную ножку, и послышался аппетитный хруст поджаренной корочки. Его взгляд прошелся по вытянутым ногам девушки, изуродованным шрамами.

Никаких подробностей о своей жизни Лора до сих пор не поведала. Но все жильцы дома знали, что к ней приезжает мужик на дорогой тачке в шикарном костюме. Если Мелс была дома, то ее не просили прогуляться. Лора шла со своим «другом» на балкон, наличие только одного стула не оставляло особого выбора и мужчина стоял на вытяжку битый час, выкладывая на стол какие-то документы. Обычно, девушка подписывала их молча изредка задерживаясь на отдельных страницах. Вопросов она, практически, не задавала.

Суммируя факты и собственные выводы, Мелс решила, что это адвокат. В эту версию укладывалось и почивший муж Лоры, и наследство, и бабки, которые у девчонки явно водились.

Немногословная, тихая и немного угрюмая Диони, прекрасно вписалась в неблагополучную жизнь многоквартирного дома для социально не благополучных граждан.

Стена, на которой висел телевизор у Макса, затряслась от удара, тут же прозвучал полный экстаза вопль Мелс.

— Я вот, подумываю съехать отсюда, — признался неожиданно Макс. Он давно жалел, что поддался жадности и сэкономил на съемной квартире, перебравшись на север Майами. — На работе дали повышение. Так что...

— Поздравляю! — голос Авроры звучал искренне.

— Я все хотел спросить, почему ты живешь с Мелс? Она будто камень. Идет на дно и тянет за собой всех, кто рядом.

— Ты имеешь в виду меня?

— Да! Понятно, что запросы у тебя не высокие и в прошлом у тебя что-то случилось, но весьма вероятно, что Мелс однажды просто не вернется из очередного загула, или ее придушит новый дружок. И твои деньги ее не спасают! Ты видела ее зрачки? Постоянно расширены. Она через день под кайфом.

— Вижу. Но если честно мне плевать. Это ее жизнь.

Аврора кривила душой, ведь только ей было известно сколько раз приходилось спускаться с лестницы посетителей Мелс. Девчонка частенько была без сознания, в наркотическом угаре, но это не останавливало любвиобильных дружков, а наоборот. Полуживое тело, заводило некоторых еще больше. О присутствии Авроры на балконе многие и не догадывались, а она видела, с каким остервенением бьются толстые, обрюзгшие задницы у раскинутых ног. Мелс поворачивали и пользовали буквально все отверстия в теле.

Однажды, терпение Авроры лопнуло. Тот мужик и сам ничего не понял, только почувствовал, как на спину пришелся чудовищный удар, прозвучал неприятный хруст, когда вылетел позвонок и шею что-то сдавило.

Аврора знала, что влажное толстое полотенце не оставит следов на коже, как знала и то, сколько секунд удерживать в удушающем захвате, чтобы жертва потеряла сознание.

Самое трудное было вытянуть омерзительную тушу из квартиры и запихнуть в лифт. Чтобы не напороться на посторонних, Аврора выжидала почти до самого утра. Она успела

надеть обратно вещи на клиента и выволокла тело в подъезд.

Разумеется подобные усилия были пустой мерой. Мелс обмывала окровавленную промежность и задний проход, заливала перекисью и в раскорячку шла на работу, полностью уверенная, что очередной знакомый оказался довольно честным парнем, хоть и излишне резвым в постеле. Несколько сотенных купюр, оставленных на кровати, только подтверждали этот факт.

— Почему ты всегда такая спокойная? — спросил Макс, полностью утратив интерес к фильму. — Словно поняла что-то не доступное, нам.

— Кому это нам?

— Простым людям, ну, или заурядным, если хочешь.

— В том и беда, дорогой Макс. Секрет успеха в, практически, полном отсутствии желаний.

— Но это невозможно!

— Людям свойственно возносить в степень невозможного несущественные по сути, материальные вещи. И никто не понимает, что истина в простоте.

— По-моему ты пугаешь простоту и самоотречение, — Макс покачал головой, он подхватил еще одну куриную ножку, понимая, что аппетита больше нет. Однако все равно откусил. Его раздосадованный вид заставил Аврору замереть.

Впервые за долгое время, ей сопереживал самый обыкновенный человек, психически здоровый, чужой и достаточно умный.

— Если нет разницы с кем жить, поехали со мной. Я ни на что не намекаю. Не буду скрывать, Мелс уже всем растрепала про твоего мужа. В деньгах я не нуждаюсь. Просто хочу видеть тебя в пригодном для жизни месте, в нормальных условиях. А там будет видно.

И снова пресловутое «нормально» прозвучало. Авроре трудно давалось различать границы дозволенного, особенного после того, как ее сознание срослось с вседозволенностью Финис.

— Когда переезжаешь?

— В середине января.

— Значит, еще есть время подумать.

— Конечно.

Рождество и празднование Нового года пролетели как назло быстро. Мелс окончательно слетела с катушек и в крохотной квартирке круглосуточно гремели тусовки.

Аврора понимала, что нельзя Максиму отплатить холодным пренебрежением и теща его самолюбие прожила у него больше двух недель. Мелс этого даже не заметила.

Позволив привычке руководить своей жизнью, Аврора снова оказалась лицом к лицу с грядущими переменами.

«Это нормально, — по круговой звучало в голове. — У всех так...»

Макс терпеливо ждал решения, и не теряя времени, посвятил Аврору в свою жизнь без прикрас. Он был младшим ребенком в семье. Родители всю жизнь прожили в Висконсине, вырастив и воспитав двух дочерей и четырех сыновей. Четвертого июля, каждый год семейство воссоединялось и создавало столько шума и суматохи, что в ушах звенело до следующего года. Постепенно добавлялись внуки, собаки, случались разводы, измены, воссоединения, болезни. Семейная жизнь потому не особо прельщала Макса и он был счастлив уехать в Майами, где получил работу по специальности. Молодого человека одолевали амбиции и до сих пор он весьма успешно делал карьеру, став старшим медбратом

в хирургическом отделении одной частной клиники.

Макс обожал Битлз и кантри. Имя Рэнди Трэвиса произносилось полупрошепотом, с придыханием, а спокойные ритмичные звуки его песен смолкали только ночью.

В попытке сделать шаг в светлое будущее Аврора ни словом не обмолвилась, что послезавтра у нее день рождения, но все же решила предложить Максиму сходить на концерт Робби Уильямса. Фанаткой знаменитого британца она не была, но всегда с внутренним трепетом относилась к тому, как он исполнял отдельные композиции и раскованно, искренне вел себя с публикой.

— Робби Уильямс? — так получилось, что Макс прокричал вопрос и едва успел скрыть свое разочарование.

На этаже шел ремонт и они стояли с Авророй в коридоре. Как-то само собой Макс теперь стал заезжать за Авророй на работу и подвозил ее домой.

И вопрос, и обстановка озадачили парня, от чего он растерянно смотрел, как мимо снуют рабочие в заляпанных когда-то белых комбинезонах. В паре метров от них, поджарый малый беззаботно разводил цементную смесь в пластмассовом ведре.

Но Аврора не проявляла никакого интереса ни к ремонту, ни к полуголым мужикам.

— Извини, Лора, я уже почти опаздываю на смену. Предложение отличное, я узнаю, как работаю послезавтра, и скажу точно. Договорились? Отдыхай! Я купил пиццу и там на диване тебе небольшой подарок.

— Макс, ну зачем? — Аврора всплеснула руками и в этом жесте было столько привычного, беззаботного и знакомого, что она сама себя не узнала.

— Все! Я убежал!

Перед глазами вдруг пронеслась отчетливая картинка, где вместо Макса был Габриэль. Вот только Аврора дико сомневалась, что он лез бы из кожи вон, чтобы сделать каждый момент чуть ли не идеальным.

Это и было идеальным в самом Габриэле. Он оставлял право на ошибку, как себе так и другим, и не допускал, что люди могут наступить себе на горло и прожить в таком положении до смерти.

Девушка подошла к дивану. На спинке лежало аккуратно расправленное платье. Новое, судя по этикетке. Очаровательная рацветка в мелкий цветочек, легкая дешевая ткань. От таких вещей ломались местные центры распродаж. Похожую вещь недавно купила себе Мелс.

Стена с телевизором снова стала ритмично подрагивать, вот только вопли и стоны в последнее время заметно поутихли. Аврора насторожилась подумав, что Жирный опять вернулся или кто-то с похожими пристрастиями в сексе. В коридоре взорвался хохот ремонтной бригады. Кажется, ребята устроили перекур.

Аврора передернула плечами, от одной только мысли примерить платье. Полтора года назад, она неспроста решила остаться жить в свинарнике. Это была своеобразная привика от снобизма и нежелания принимать рутину.

Опыт показал, что привыкнуть можно к чему угодно, даже к унижениям и полуживотному образу жизни. Аврора прекрасно понимала, что хотя и опустилась на самое дно, но это особо не помогло.

Приняв душ, она натянула привычные шорты с футболкой и устроилась перед телевизором. Через полчаса она мирно спала, не обращая внимания ни на шум дрели, ни на подрагивающий на стене телек.

— Мелс, открывай! Я не потерплю больше никаких отмазок и вышвырну твою худую задницу на улицу.

Громогласный крик Зеда перебудил полдома. Аврора потянулась за часами. Увы, но будильник должен был прозвенеть через жалкие жесять минут.

— С днем Рождения, — нараспев сказала Аврора и прислушалась.

Судя по всему Макс уже умчался на работу. Стоило скосить глаза и можно было заметить, что на столе стоит тарелка с тостом, который был намазан маслом, а сверху громоздился толстый ломоть сыра.

Мелочь, а приятно. Одно только жаль — кажется, Макс увернулся от похода на Робби Уильямса. В дверь постучали.

Наверняка, Зед. Он редко беспокоил Аврору и всегда разговаривал с ней спокойно, зная, что именно она оплачивала за Мелс счета. Но, как ни странно, девушка увидела на пороге улыбчивого подростка, в зеленой кепке и майке с логотипом.

— Мисс Лора Диони?

— Да, это я.

— Вам доставка, распишитесь!

Черкнув закорючку, Аврора приняла тонкий конверт. Она не стала рыться в догадках и нетерпеливо его разорвала.

Вот и первые плоды терпения.

Внутри лежал красивый, гляцевый билет, свеженький и чуть ли не хрустящий, подстать лощеной физиономии Робби Уильямса, отпечатанного на нем. К билету прилагалась короткая записка:

«Встретимся в девять вечера у входа на стадион».

Значит, Макс умел устраивать сюрпризы. Аврора почувствовала укол совести. Доставка курьером, уже не считая стоимости билета наверняка влетела в копеечку. Противный звон будильника вырвал девушку из приятных мыслей, она поморщилась и наклонила голову.

В преддверии грядущих перемен стоило всерьез задуматься о смене места работы. Конечно это было не обязательным. За полтора года жизни с Мелс, едва удалось потратить те тридцать тысяч, которые Аврора попросила перевести Петера Вдрогиса. Верный бухгалтер искренне недоумевал, почему распоражений о новых перечислениях так и не поступило, и только высылал письменные отчеты. Из них следовало, что ее состояние заметно приумножилось, благодаря разумным инвестициям и дальновидности Петера.

Кое-что перечислялось на счет Сьюзан. Они с Андридже перебрались в Севилью. Голос Сью и речь выправились, она не успевала рассказать обо всем в коротких телефонных разговорах, которые всегда прерывались по инициативе Авроры.

Из коридора снова послышались крики Зеда. Он колотил дверь, грозясь ее выломать. Нехорошее предчувствие пронеслось холодком по спине. Мелс уже два дня не показывалась на работе. Вполне могло стать что ее нет дома и Аврора решила проверить.

Привычным и ловким движением, девушка перемахнула через балкон и поморщилась, когда с маху наступила ногой на истользованный презерватив. Замусоленные занавески вяло колыхал слабый ветер и можно было уловить тихий шум от вращающихся лопастей вентилятора на потолке.

Аврора бесшумно зашла в комнату и поморщилась от тошнотворной вони. Мелс спала

на кровати с каким-то бугаем. Ее откинутая голова никак не вязалась с неудобством позы, в которой застыла девушка. Не заметив пустую бутылку, Аврора спотыкнулась, завалив остальные бутылки, которые штабелем стояли вдоль кровати.

Мужчина недовольно закричал и приоткрыл глаза.

— Эй, ты что тут делаешь? — с завидной прытью он вскочил на ноги, потом присмотрелся и выдал сальную улыбочку. — Подружка Мелс? Ну, присоединяйся, а то эта, кажется закончилась.

Бугай с гордостью выставил напоказ свой огромный член и небрежно пихнул кровать ногой. Мелс не шевелилась и присмотревшись хорошенько, Аврора поняла, что та не дышит.

— Она мертва, — сцепив зубы сказала Аврора, сжимая кулаки.

— Особой разницы нет. Не воняет и ладно! — сделав шаг к двери, бугай перекрыл выход.

Через пару минут с балкона на девятом этаже выпал мужчина. При ударе о землю содержимое его черепа вылетело неравномерными кусками, и когда зеваки снова подняли голову, чтобы посмотреть откуда он вылетел, Аврора уже наблюдала за этой картиной с балкона Макса.

Вид мертвого тела не усмирил бурю, которая поднялась у нее в груди. Эта тварь, это подобие человека насильовало мертвое тело Мелс. Только от одной мысль к горлу подкатывала тошнота.

Смерть преследовала Аврору, словно напоминая о себе, о том, как она ее раньше боялась, сколько предосторожностей и ухищрений было брошено против костлявой. Отмеряя очередной этап жизни, будто тактовой чертой, и вычерчивая страшную закономерность.

К кому-то смерть приходит, как добрый друг, избавляя от жалкого существования и новых страданий. Как, случилось с Мелс...

Вой сирен предварил приезд скорой помощи и полиции, коронеры сошкребли труп с тротуара и уже через полчаса обнаружили тело Бравели. Разыграть перед полицейскими шок было проще простого. Опрос соседей затянулся до вечера, оборвав шум стихийного ремонта.

Дверь квартиры Мелс опутала полицейская лента, на дом опустилась тишина. Полицейские уши, с довольным видом. Составы преступления не нашли. В наркоманских притонах, подобные случаи не редкость.

Аврора же с застывшим лицом сидела на диване, пытаясь отыскать в себе крохи сожаления. Поражала жестокость человека, который буквально растерзал Мелс, и ее безразличие к собственной судьбе, словно кривое зеркало, которое отражала возможное будущее самой Авроры.

Она почувствовала, что задыхается здесь. Плотный воздух не остывал даже ночью. Девушка схватила телефон и сунула в карман проездной билет на автобус. Веселиться не получится, но сожаления не вокресят Мелс, а хорошая мина вполне способна спасти день рождения. Даже такой паршивый, как этот.

Толпа спокойно стекалась к турникетам Майами Оранж Боул. Радостные лица, полные восторга глаза и приятная взбудораженность, никак не хотели передаваться. Губы пересохли, но Аврора продолжала шерстить реку человеческих тел, в попытке отыскать Макса. Она совсем потеряла надежду, когда увидела, что на часах время перевалило за четверть десятого.

Значит, Макс просто хотел ее порадовать, а сам идти не собирался. Контролер оторвал край билета и Аврора прошла в широкий полукруглый коридор, который расходился в две

стороны и вел к лифтам.

Девушка вышла к нужной секции трибун и нашла свое место. Публика периодически начинала вопить, волнами растекались аплодисменты. На душе было пусто, никакого радостного предвкушения. Хотя бы легонькую дрожь ощутить... Оглядываясь по сторонам, Аврора жадно впитывала их эмоции в попытке испытать нечто подобное.

Мало кто сидел на своих местах. Нетерпение отрывало пятую точку и концентрировалось в ногах. Вспыхнули огни на сцене, вышли музыканты, на секунду погас свет, чтобы снова ослепить зрителей. Замерев в легкой растерянности, Аврора попыталась отогнать от себя отчаяние, которое охватило ее на мгновение и тряхнула головой. Людям свойственно кидаться в чувствах из крайности в крайность.

Уши заложило от восторженного рева стадиона. Если закрыть глаза, то можно было уловить покалывание во всем теле, пронизывающие децибеллы вполне могли сойти за энергию.

Сквозь закрытые веки мелькали размытые пятна света, сделав глубокий вдох, девушка откинула мрачные мысли и выдавила слабую улыбку, чтобы взбодриться.

В эту секунду Аврора уловила движение рядом с собой. Она повернула голову и оцепенела, боясь пошевелиться, потому что смотрела в лицо призрака. Все тело будто током пронзило.

Габриэль!

Грянула оглушающая музыка, но девушка, не чувствовала собственного тела. Будто во сне, она подняла руку. Медленно-медленно, приблизила ее и прикоснулась пальцами к щеке стоящего рядом. Как всегда идеально выбрито, серо-голубые глаза неподвижны и странно блестят. Губы плотно сжаты, лицо бледное, идеальное, словно у мраморной статуи.

Аврора вздоргнула и сжалась вся, не в силах пошевелиться. Сейчас видение исчезнет. Призрак подался вперед и его лицо исказила судорога боли. Мимолетная, которая исчезла с очередной вспышкой стробоскопа, долетевшей со сцены.

Габриэль приблизился на шаг, и тут же теряя выдержку прижал к себе Аврору, так что у обоих перехватило дыхание.

Шум вокруг оглушал. Толпа бесновалась, не замечая, сколько боли изливается из переплетенных в объятии двух тел. Достигнув предела, эта боль сжимается в яркую белую точку и взрывает сверхновой, которая растекается живительной энергией, едва их губы встретились. Они лишь на секунду отрывались друг на друга, чтобы перевести дыхание и вновь слиться, ощущая, как подымается остервенение и никакие ласки не утолят, не сгладят накопившегося отчаяния, масштаб которого сейчас был чудовищным.

Аврора не могла поверить, что способна на такие эмоции — полная зависимость от одного человека, потребность ощущать его рядом. Просто знать, что он жив, уже вызвало бурю эмоций.

Почувствовав, как замерла девушка, Габриэль, придержал ее за плечи и уже было хотел что-то сказать, но не стоило разбрасываться словами посреди такого шума. Молча протянув руку, он предлагал следовать за ним. В этом просто жесте повторялся вопрос заданный Габриэлем полтора года назад в джунглях — «ты останешься со мной».

Тут Аврора заметила, что он заметно хромает на правую ногу. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что эти полтора года он провел явно не в санатории. Черты лица заострились, в глазах плохо скрывалась горечь, которая появляется только после жестоких испытаний. И хотя он по прежнему улыбался только глазами, Габриэль не мог

скрыть, того, что для него значила сегодняшняя встреча.

Началась следующая композиция, но кажется, Робби Уильмсу было совершенно наплевать, какая буря страстей кипела на местах С7112 и С7113. Об этой буре не догадывался и Макс, вернувшись поздно ночью со смены.

С трудом соображая, Аврора продолжала с жадностью всматриваться в лицо Габриэля. Вполне могло статься, что начались галлюцинации и окончательно поехала крыша, а значит лучшего момента для принятия судьбоносных решений и представить было сложно. Ее пальцы, медленно и ласкающе, прошли по мужской ладони.

Безумие, альтернатива куда лучше заурядной жизни с Максом, каким был хорошим тот не был. На глазах исполнялась голубая бабская мечта о том, что больше не придется ни о чем переживать: ни забот, ни проблем, ни тяжелых вздохов по ночам, ни сожалений. Они протиснулись сквозь прыгающих и орущих зрителей. Едва очутившись в широком коридоре, ведущим к лифтам, Габриэль резко обернулся, когда почувствовал, как Аврора потянула его за руку, призывая остановиться.

— Габриэль...

— Что?

— Ничего не хочешь объяснить?

— Здесь?

— Нет, через неделю во вторник в 10.30. Приходи в Кросс-крик рядом с Глэйдвью. Я отпрошусь с работы и мы поболтаем.

Такая знакомая обезоруживающая улыбка, вспыхнула на бледном красивом лице, что Аврора чертыхнулась про себя, но извиняться не стала.

— Даже не представляю, что может выбить тебя из колеи, — восхищенно сказал он не скрывая сарказма.

— Рекорд пока тебе принадлежит в этих вышибалах...

Едва договорив, Аврора была прижата спиной к бетонной стене, теряя сознание от наслаждения от того с какой страстью Габриэль впивался в ее губы.

Где-то позади кашлянули. Нехотя оторвавшись друг от друга, Аврора и Габриэль увидели охранника, который цинично вздернув брови помотал головой и указал на выход. Дважды просить не пришлось.

— Мне Реймерс подсказал где тебя искать, — смешливый, хриплый голос Габриэля, прозвучал песней, в лифте.

Аврора стояла уткнувшись носом в его грудь, не в силах произнести ни слова. Стало невыносимо страшно. Вполне вероятно, что это невероятно реалистичный сон, потому что в последнее время вся жизнь подчинялась инерции, рассудок претерпел гигантскую метаморфозу и трудно было отличить события прошлого и реальность, которые переплетались в голове самым странным образом. Одновременно хотелось плакать и смеяться. Она понимала, что вполне может спятить, но ужас в том и крылся — от нее мало что зависело. Стой да наблюдай!

— Куда мы идем?

— Конкретно сейчас на автостопку, а потом в аэропорт.

— Ты не хочешь спросить, нужно ли мне вещи собрать?

— А в этом кошмаре у тебя остались вещи? — в голосе Габриэля зазвучали стальные нотки, а губы сжались в жесткую линию.

Реймерс в красках поведал в каком состоянии увидел Аврору после долгого отсутствия.

Про грязный мастрас на полу, соседку Мелс, подсевшую на «мет» и ее разномастных клиентов, нищету, вонь, грязь и то впечатление, которое производила теперь Аврора — будто она сломалась.

— Я не знала как мне дальше жить...

Его руки еще крепче прижали Аврору.

— Готов принять это за признание.

— Полтора года...! — проглатывая слезы выдавила девушка, не в силах проглотить ком в горле и чувствуя, что если Габриэль еще сильнее сожмет объятия, ее ребра затрещат. Волна настоящего сумасшествия была на подходе, вполне понятно было почему люди сходят с ума от радости.

— И ты уже собралась съезжаться с третьесортным медбратом.

Аврора опешила — столько ярости и откровенной ревности прозвучало в этих словах. Не поверив ушам, она заглянула в глаза своего прекрасного призрака. Мыслительному процессу это не особо помогло. Воля терялась на раз.

— Я прибью тебя, если ты продолжишь в том же духе, сукин сын! Ты ревнуешь! Так заявился бы раньше! Где тебя носило? Атлантику на надувной лодке можно было пересечь, гребя двумя ложками. С твоим телефоном и не такое возможно.

— Телефона больше нет, — Габриэль старался придать своему голосу уверенности, но сердце сжималось от боли, глядя на Аврору. Из нее будто испарилась некая детская легкость, которая всегда так завораживала.

Но больше всего в ней нравилось, то с какой скоростью и гармонией эта женщина превращалась в смертоносное существо, спокойно принимая любую боль. Кто бы мог подумать, что до ручки ее доведут именно душевные страдания. Тут ни какая подготовка не поможет.

Аврора Франклин, была готова даже к падению метеорита на Землю, но только не к любовной капитуляции.

— Какая утрата, — без тени сожаления сказала девушка, сжимая губы, чтобы спрятать улыбку.

— Мне уже делают второй. И да, я ревную...! — легкий щелчок по носу подвел черту под приоритетами Сомерсбри.

— И когда ты успел узнать за Макса?

Желваки на скулах Габриэля дернулись с каким-то невероятным остервенением.

— Увидеть тебя с другим, то еще удовольствие. Хватило пары дней, чтобы проникнуться потенциалом той дыры, в которую ты забилась. Что же ты с собой сделала? Я было уже подумал, что моя Аврора превратилась в нечто прирученное, послушное, подвластное контролю. Мое мнение изменилось, когда я увидел сегодня труп на тротуаре. Оставалось только разобраться с твоим Максом.

— Ты собирался убить его?

— О, это слишком просто.

— Но он хороший человек.

— И это не причина дарить ему себя...

— Дарить уже нечего. Ты все забрал с собой, — Аврора, чувствовала, как под ее ладонью с бешено бьется сердце Габриэля. Никогда прежде этот человек не позволял себе настолько откровенно говорить о своих чувствах.

— Значит, ты следил за мной?

— Завтра ремонтная бригада не досчитается одного из рабочих.

— На одного жильца в доме тоже станет меньше..., - Аврора наконец отпрянула и сделала глубокий вдох, чтобы в голове прояснилось.

Габриэль никогда не был поклонником условностей и традиций, а потому даже во время поцелуя редко закрывал глаза, будто боялся, потерять из вида Аврору. Она с упоением, и дрожью прикоснулась к его губам, чтобы тут же прервать ласку. В светлых, льдистых глазах, заметалось пламя. Лифт давно опустился на этаж подземной парковки, успев открыть и закрыть двери, пока очередная порция запоздавших зрителей не нажала кнопку вызова, таким образом подгоняя странную парочку прервать романтические порывы. С тихим стоном Габриэль нетерпеливо схватил Аврору за руку и повел к машине.

Между ними повисло молчание. Но Сомерсбри явно раздирали вопросы. В том же состоянии пребывала и Аврора.

— На что же ты себя обрекла в том убогом месте?

— На нормальную жизнь.

— Более жестокой вещи ты и придумать не могла. Но могу пообещать, что нам не светит ничего нормального, так что выкинь это слово из головы навсегда.

— Каждый по-своему сходит с ума.

— Что ж, у нас редкая возможность объединить усилия на этом нелегком поприще.

Габриэль пристально следил за дорогой, в то время как Аврора боялась оторвать от него взгляд.

— Что с тобой? — спросил он.

— Скажи еще раз — ты мне не мерещишься?

— Нет, конечно, — он устало улыбнулся, продолжая смотреть вперед.

— Тогда, позволь спросить, — снова пауза. — Где ты был?! Или ты каждый день монетку подкидывал сообщать о своем спасении мне или нет, учитывая поведение моего...

Аврора осеклась едва не выдав, что Габриэля пытался убить ее родной отец.

— ...напарника.

Вместо вполне логичного взрыва гнева, Сомерсбри всего лишь вскинул брови в легком удивлении.

— Не думал, что ты подвержена истерике.

— Ей подвержены абсолютно все, кроме людей, закопанных на глубине двух метров под землей, — Аврора насупилась, сцепила руки на груди и уставилась к окну.

— Начнем с того, что Реймерс подменил боевые патроны на холостые в пистолете твоего...напарника, посчитав, что ты и без того прекрасно вооружена для проведения операции. Падение с вертолета было бы для меня смертельным, если бы не раскисшая после дождей почва и густая трава. Самым трудным было не двигаться и подыгрывать Кроссу, в том, что я мертв. Его мотивация была для меня не ясна до конца. С какой стати ему избавляться от очередного клиента? Думаю именно в таком статусе ты меня обрисовала. Если бы не твоя странная реакция на мои слова, когда я заявил, что у тебя слишком много гонора для убийцы. Но не будет рыхлить догадки. Кое-что можно и в недомолвках оставить, я прав? Вернемся к объяснениям. После падения, к плохо сросшейся бедренной кости добавились переломы ребер, вывихнутая лодыжка и плечо, к тому же я сильно ударился затылком... С огромным трудом удалось добраться до реки и там я уже понял, что вот-вот отключусь, так что кайманам перепала бы лишняя порция мяса на ужин. Пришлось карабкаться на возвышенность и там уже спокойно отключаться. Залез на дерево, как смог,

допил остатки воды и очнулся через несколько недель в каком-то племени. Разумеется, местными языками я не владею, но по жестам понял, что внимание охотников привлек звук вертолета и они, на расстоянии, следили за происходящим. Тем временем мое состояние ухудшалось. Я понял, что получил серьезную черепно-мозговую травму. Сутками была лихорадка, местный шаман держал меня под каким-то местным наркотиком.

На этом месте Габриэль тяжело вздохнул, так будто рассказывал, что с ним семилетние дети играли в больничку.

— На счастье, это племя не было изолированным и раз в пару месяцев к ним наведывались торгаши из Фоте Боа. Кажется, я просто надоел индейцам и меня передали в более компетентные руки. В Фонте Боа я попал в местную больницу, где кроме спирта ничего толком не было. Там уже меня переправили в Манаус. К этому времени, я впал в кому. Начался отек мозговых тканей. Разумеется, Реймерс меня искал и регулярно объезжал все больницы и полицейские участки. И спустя четыре месяца, я наконец-то получил надлежащую медицинскую помощь. И да... возможность подбрасывать монетки вернулась ко мне совсем недавно. Пришлось с физиотерапевтами восстанавливать все двигательные функции и навыки.

Страшные подробности Габриэль выдавал столь спокойно и расслабленно, будто рассказывал анекдот, в то время как Аврора почернела от ужаса и сжала кулаки с такой силой, что ногти до крови впились в кожу.

Она не решалась поднять глаз, проклиная себя за сказанные слова, пока наконец не прохрипела едва слышное «прости».

Город погрузился в жаркую неоновую ночь. Никаких сожалений по поводу своего внезапного бегства Аврора не испытывала, все же понимая, что ей оставалось совсем немного чтобы переступить черту и стать такой, какой была Мелс.

Нечто схожее испытывал Габриэль. Ему крепко досталось, но все случившееся он воспринимал, как некое возмездие.

Машина неслась по хай-вей, словно за ней гнались. Словно Макс, Зедд, Брэдли и Мелс могли еще вмешаться и отобрать Аврору.

Но Зедд, только чертыхался и сыпал проклятиями. Ему было жалко. Что квартира будет простаивать до конца полицейского расследования.

Когда Макс вернулся со смены, Лоры не было. Это насторожило парня, учитывая тот факт, что сегодня выходной. Он заглянул в спальню. Постель была не разобрана. Девушка будто испарилась, о ее существовании напоминало лишь висевшее на диване платье, с которого она не потрудилась даже оторвать ярлык. Макс набрал ее номер, но железным тоном в трубке звучало, что абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети. И никогда прежде, эта противная дамочка не была так права.

Он не знал, что поздно ночью, из аэропорта Майами вылетел частный самолет Гольфстрим супер-джет рейсом до Глазго.

Миловидная, тоненькая стюардесса мягко напомнила, что нельзя отстегивать ремни, пока не погаснет злополучное табло, но двое единственных пассажиров, были слишком заняты друг другом.

В конце концов, владелец самолета, кажется, проигнорировал даже если у самолета воспламенились оба двигателя. Не было ничего неприличного. Но мистер Сомерсбри ни на секунду не выпустил руки своей попутчицы.

Ее вид до глубины души поразил экипаж самолета, но вида никто не подал. Хозяин хоть

и выглядел болезненно, когда вернулся, после продолжительного отсутствия исхудавшим, но одет был в безупречный костюм от Десмонд Меррион.

Аврора заметила, как стюардесса то и дело скользит взглядом по ее фигуре. Да, было за что устыдиться! Подранные джинсовые шорты и выцветшую футболку еще можно было переварить, но резиновые сланцы!

Неудивительно, что мистер Сомерсбри распорядился приобрести минимальный женский гардероб, начиная с нижнего белья и заканчивая роскошной курткой из дубленой кожи, подбитой мехом, по цене автомобиля среднего класса. В Майами зимы не было, а в Европе бушевал циклон. Старый свет заваливало снегом.

Словно в пику женских мыслей, Габриэль развернулся на длинном сиденье, которое напоминало диван, где они сидели с Авророй, вытянул ноги, а голову уложил на ноги девушки.

— Вивьен, пожалуйста, не беспокойте нас до конца полета.

Произнеся это, он закрыл глаза, от удовольствия, когда Аврора машинально запустила пальцы в его волосы.

— Да, сэр.

Стюардесса скрылась за тяжелой занавеской, отделявшей секции самолета. Девушке было известно, что мистер Сомерсбри выставил самолет на продажу и, скорее всего, он пользуется им в последний раз.

Гул турбин заполнил пространство, переплетаясь с молчанием. Аврора не смогла отказать себе и с упоением рассматривала столь знакомые черты лица Габриэля. Да, он был одним из тех, кто не любил особо изливать душу и оставалось только гадать о чем он умолчал. Многие выдавали глаза, и то, как Габриэль застывал на полуслове, быстро меняя тему разговора. В таких случаях он отворачивался, пряча раздражение и всегда подносил к губам, сжатую в кулак. Движение было неосознанным. Аврора успела выверить эти тонкости поведения, когда Габриэль был еще Керо.

Девушка неожиданно хмыкнула и Габриэль, не открывая глаз спросил:

— Что?

— Да так, глупости...

— Теперь еще интереснее!

— Просто то, с каким упорством ты находишь меня напомнило одержимость белки орехом из мультика «Ледниковый период».

Габриэль изменился в лице и тяжело вздохнул.

— Порой я даже рад, что не понимаю тебя в некоторых вещах.

Он по-прежнему лежал неподвижно, но мог поклясться, что Аврора беззаботно улыбается. Чувство покоя наполнило тело, в первые за долгое время избавляя от тревог.

Вивьен глянула разок в щель между занавесками, не сумев удержаться любопытства. Представшая картина, заставила ее нежно улыбнуться.

Пассажиры безмятежно спали.

Городишко Керкуолл едва мог похвастаться населением в семь тысяч человек. Он располагался на северном побережье Шотландии, на Оркнейских островах. Но несмотря на скромные размеры и определенную отдаленность от шумных Глазго и Эдинбурга, гордо носил звание крупнейшего круизного порта Великобритании.

Разбавленный летом зелеными заплатками полей, только в центре Керкуолл был застроен густо и казался размыто-серым.

Дома классической двухэтажной постройки, будто склонялись перед величием собора Святого Марка, шпиль главной башни которого было видно из любой точки города. Исключением еще были постройки, обрамляющие марину самого порта. В плохую погоду, когда опускался холодный, густой туман дома можно было принять за невысокие скалы. Издавна их отделявали серо-коричневым камнем. Этот цвет будто служил подсказкой, о суровом характере местных жителей. Так любили рассуждать многочисленные туристы, помня рассказы о горцах, викингах и прочих героях легенд и сказаний.

Зимой же город, окутывало настоящее снежное волшебство, которое приковывало к себе взгляд.

Меньше чем в двух километрах располагался одноименный городу аэропорт.

Аврора с интересом рассматривала живописные просторы, которые так напоминали степи, обрамляющие Пылюкановку, с той только разницей, что моря в русском селе поблизости не наблюдалось.

— Значит, ты не шутил. Когда говорил, что увезешь меня на север...,- подвела она итог.

Габриэль сидел за рулем и почувствовал, как его посетило неприятное разрозненное чувство, похожее на сомнение. Захотелось переспросить, что Аврора имела против, но лицо девушки ни на секунду не покидала легкая полуулыбка. Значит, можно было расслабиться.

— Я купил небольшой домик на Томс-стрит. Это, почти, в самом центре..., - в голосе Габриэля едва проскальзывало сомнение.

— Мне нравится. Красивые места! А главное тихо.

— И есть потенциал.

— Это какой же?

— В городе катастрофа с продовольственным обеспечением. Продукты доставляются с континента, только грузовыми судами. Из-за погодных условий поставки сокращаются и цены взлетают в два-три раза.

— Чувствую тут пахнет грандиозным планом спасения, — Аврора не скрывая восхищенного взгляда бесстыдно рассматривала профиль сидящего рядом мужчины, ощущая, как ее размывает от щекочущего, сладкого чувства.

— Мне продолжать? — Габриэль саркастично вскинул брови, не отрывая взгляда от дороги.

— Конечно. Извини.

— Я продал некоторые активы и вложил средства в небольшую флотилию. Прикупил пару-тройку кораблей. Они небольшие, но быстроходные и оборот будет, что надо. Уже заключено несколько договоров на поставки. И для себя я нашел просто работу мечты!

— Не терпится услышать, — Аврора не могла скрыть, что ее восхищает ребяческий энтузиазм Габриэля, от того и разыгралось любопытство, чем этот третий калач мог так воодушевиться.

— Я буду водить грузовик.

Повисла пауза и когда Габриэль наконец кинул взгляд на Аврору, машина все же вильнула на дороге.

— Что?! Обожаю водить и так редко удается делать это по работе. И поди сядь за руль, когда Реймерс рядом со своей безопасностью.

— Ну, хорошо! Что тогда мне уготовано?

— Это сюрприз! Сначала дом посмотришь. Там, правда, еще идет ремонт, я настоял только чтобы к нашему приезду подготовили спальню и кухню.

— Одобряю и чувствую, что ремонт на этом будет закончен.

— Как пожелаешь. Я в этом плане не привередливый человек.

— По твоей лондонской квартире, я это уже поняла.

— Вот и прекрасно! Можем себя поздравить, что первая попытка поссориться не удалась. Выдыхай!

Аврора внезапно осеклась, когда осознала, что Габриэль прекрасно помнит о ее смешных страхах, высказанных когда-то давно на пляже в Люка-Дубрава.

— Снег пошел, — в мужском голосе эхом зазвучал детский восторг и Аврора подняла глаза.

Воздух вокруг побелел от крупных хлопьев, медленно падавших с серого зимнего неба. Девушка поежилась, настолько сильно накатило чувство умиротворения. Габриэль был прав. Только среди холода можно прислушаться к себе, чтобы ощутить насколько упоительно и ценно тепло во всех своих проявлениях.

Специально покружив по Керкуоллу, Габриэль вырулил к порту, и самым длинным маршрутом отправился к Томс-стрит. Он знал, что цепкая память Авроры помимо воли фиксирует каждый поворот. В ее голове формировалась карта местности и первое впечатление от города.

Скромный двухэтажный домишко, такой же как три десятка рядом стоящих жилых побратимов, располагался ближе к середине улицы. От дороги его отгораживал неширокий тротуар и живая изгородь на совесть постриженного кустарника.

— Это здесь? — спросила Аврора, понимая, что любое место показалось бы ей прекрасным сейчас.

— Да, но боюсь, что дороги скоро заметет и поэтому, давай расквитаемся с твоим сюрпризом.

Машина медленно проплыла мимо дома. Дорога уводила ближе к окраине, пока не вышла на широкий перекресток-кольцо. Вокруг не было ни души.

Габриэль остановился на просторной парковке, вышел из машины и поманил за собой. Ноги немного затекли и Аврора поморщилась от неприятного покалывания в икрах. Она выбралась на свежий воздух и только сейчас поняла насколько на улице холодно. Градусов десять мороза. Не меньше! Легкий ветер мотал крупные белые хлопья снега, которые залепляли глаза и лицо, а Габриэль, тем временем, победно раскинул руки, и сияя словно лампочка на новогодней елке спросил:

— Нравится?

Аврора на всякий случай оглянулась назад, будто там стояла целая пояснительная бригада, потом вскинула голову и скептически осмотрела высокое полуразрушенное здание. Это не была старинная постройка. Просто высокая, в три этажа, кирпичная коробка, масштабы которой трудно было оценить в такой буран.

— Ты имеешь в виду это здание?

— Ладно, идем внутрь. Там точно все сразу поймешь! — улыбка мигом исчезла с лица Габриэля и он даже не попытался скрыть досады. Он отпер массивную железную дверь и исчез в темноте, чтобы включить свет. Аврора опасливо пошла следом и оказалась в небольшом, но широком фойе.

— Идем, идем! — прозвучал голос из двери напротив входа.

Внутри пахло пылью и гниением дерева. Преодолев небольшую полосу препятствий, Аврора, умудрилась врезаться в роскошную гирлянду из паутины и в таком виде протиснулась в проем, откуда доносился голос Габриэля.

— Местные за пятнадцать лет так и не решились сделать здесь театр. Но думаю, этому городу нужно нечто иное.

Это был просторный зал с семиметровыми потолками. Не трудно было представить, что это место идеально подходит для кинотеатра скромных размеров.

— К тому же дополнительные рабочие места местным не помешают. Штат в двадцать пять человек будет оптимальным, ну, а дальше решай сама. Я отряжу тебе в подмогу шофера и грузовик. Здание оформят в собственность в ближайшее время. За бумажную волокиту не переживай. Я нашел в городе толковых людей, они займутся бумажками и прочим... Аврора!

Габриэль немного увлекся и только сейчас заметил, как девушка тяжело сползла по стенке и немигая смотрела куда-то вдаль.

— Тебе плохо?

Она покачала головой, не в силах ее опустить вниз, потому что в этом случае трудно будет удерживать слезы в глазах.

Пустой зал облетел всхлип.

— А я ведь мечтала работать билетеркой.

Не сразу вникнув в суть сказанного, Габриэль с нежностью посмотрел на свою пассию и принялся аккуратно смахивать пыльную паутину с ее шапки.

— Ну, пусть будет двадцать четыре человека в штате. Думаю, это не беда...

От взгляда полного обожания и благодарности, Габриэль опешил, но понял, что с подарком угадал.

— Поедем домой. Еще успеешь тут насидеться!

Минувшие полтора года за секунду превратились в обыкновенный ночной кошмар, от которого можно было легко отмахнуться.

Теплый небольшой дом, который ждал хозяев, чтобы спасти их от зимней стужи, радовал отполированным досчатым полом, по которому можно было смело ходить босиком. Полупустые комнаты ждали, когда их заполнят мебелью и вещами, которые создадут еще больше уюта, в камине мягко затрещали сухие поленья, охваченные огнем.

Все было настоящим, ко всему хотелось прикоснуться, ощущая трепет и покой одновременно.

Стемнело рано и ночной мрак разгоняли желтоватым светом уличные фонари. Сквозь большие витражные окна можно было наблюдать за танцем пурги и слышать как где-то неподалеку приехали соседи и паркут машину, торопятся достать свои покупки и побыстрее юркнуть в свой дом. С ними еще только предстоит познакомиться и возможно узнать, что они нелюдимые или чересчур общительные...

А утром придется взяться за лопату и расчистить проход в высоких сугробах. Потом постоять, оперевшись о черенок лопаты, с упоением рассматривая толстые белые снежные шапки на темных крышах и спешить к завтраку. За чашкой кофе, грядущий день обретет форму, расписание, обрастет делами, появится исцеляющая занятость. И все ради того, чтобы к концу дня хорошенько устать и вернуться сюда... Домой.

— Окно в твоём полном распоряжении даже завтра. Макароны с сыром остывают, — смешливый голос Габриэля прервал размышления Авроры.

Когда она повернулась, он понял, что поступил правильно и все сомнения окончательно

развеялись.

— Все же надо признать, что принудительно сделать тебя миссис Сомерсбри было удачной идеей!

Аврора не стала спорить и подхватила крохотный радиоприемник, который стоял на подоконнике. Послышались корявые, шуршащие звуки, и через мгновение девушка нашла песню, которая была к месту.

Макароны, исчезали с тарелок под звук дивного голоса Рене Флеминг.

— Надо будет телевизор первым делом купить, — с набитым ртом задумчиво выдала Аврора, ловя на себе пристальный, полный тлеющего огня взгляд Габриэля.

— Для меня это будет серьезный конкурент, полагаю..., - прозвучало то ли в шутку, то ли всерьез.

Они сидели за круглым небольшим столом, который располагался около углового окна в пол, наслаждаясь прикосновением босых ног к теплому дереву. Габриэль почувствовал осторожное прикосновение— кончики пальцев ноги Авроры улеглись сверху его ступни. Она все никак не могла поверить, что Габриэль ей не мерещится, а потому требовалось постоянное физическое подтверждение зыбкой реальности.

«В условиях такой обыденности можно было скоротать не одну жизнь».

Мысль пролилась бальзамом на душу и Аврора упустила для себя тот факт, что когда она рассматривала пейзаж за окном, вместе с новыми соседями, ее ни разу не посетила мысль о том, каким способом можно будут их нейтрализовать...

Конец

Больше книг на сайте — Knigoed.net